

МДХС

Павле Ивич

СЕРБСКИЙ НАРОД И ЕГО ЯЗЫК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
СЕРБСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Традиционная Духовная Культура Славян

Перевод книги поддержан
Министерством культуры и информации
Республики Сербия

Република Србија
Министарство културе и информисања

ТДК

Зарубежная славистика

ПАВЛЕ ИВИЧ

СЕРБСКИЙ НАРОД
И ЕГО ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
МОСКВА 2017

Публикуется
с любезного разрешения А. Ивича, сына П. Ивича

Перевод с сербскохорватского

Редколлегия:

Е.И. Якушкина (ответственный редактор),
Г.П. Пилипенко, А.А. Плотникова,
М.Н. Толстая

Ивич П.

Сербский народ и его язык. — М.: «Индрик», 2017. — 384 с.
(Зарубежная славистика.)

ISBN 978-5-91674-482-8

Книга выдающегося сербского лингвиста, академика Павла Ивича (1924–1999), впервые опубликованная в Сербии в 1971 г., посвящена истории сербского (сербскохорватского) языка с древнейших времен до конца XX в. В книге рассматриваются проблемы формирования и развития сербскохорватского диалектного континуума со времени переселения славян на Балканский полуостров до наших дней в связи с этнической историей сербов и хорватов, функционирование диалектного языка в конце XX в., история литературного языка у сербов и хорватов. Отдельная глава посвящена истории создания и особенностям содержания словаря Вука Караджича, с издания которого началась кодификация современного сербского литературного языка.

Книга предназначена как для специалистов — филологов, историков, культурологов, в том числе студентов и аспирантов-славистов, так и для широкого читателя, интересующегося сербским языком и культурой славян.

© Текст, Павле Ивич, 2017

© Оформление,

Издательство «Индрик», 2017

ISBN 978-5-91674-482-8

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
О книге «Сербский народ и его язык» и ее авторе	13
О теме настоящей книги (предисловие автора)	23
Наша этническая история и наш язык	25
Основная литература	98
Наши диалекты и современность	105
Судьба нашего языка как орудия культуры	121
I. От истоков до Вука Караджича	121
II. От Вука Караджича до наших дней	186
III. Настоящий момент	234
Основная литература	242
О «Сербском словаре» Вука Караджича 1818 г.	251
I. Место книги в истории	251
II. История книги	265
III. Предисловие к Словарю	279
IV. «Сербская грамматика»	283
V. Алфавит и орфография	287
VI. Ударения	291
VII. Словарь как произведение лексикографии	294
1. Состав словника и происхождение лексем ..	294
2. Значения лексем	302
VIII. О языке Словаря	306
Особенности словника	307
Церковнославянские элементы	330
IX. Язык цитируемых народных песен	332
X. Выводы	343
1. Место вуковского говора среди сербских диалектов	343
2. Вуковский язык в перспективе развития нашего литературного языка	348
Основная литература	354

Приложение	356
Дополнения к библиографии	356
Карты 1–4	358
Указатели	365
Именной указатель	365
Предметный указатель	368
Указатель географических названий	378

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание — первая в России обобщающая публикация, посвященная сербскому языку в исторической и диалектной целостности. Из сербской лингвистической литературы в СССР была издана только книга Р. Бошковица «Основы сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1984). Но зарождалась современная сербская лингвистика именно в России: ее основатель, Александр Белич, ученик Фортунатова и учитель Павла Ивича, свои первые работы по сербской диалектологии издал на русском языке¹. Сам Павле Ивич, неоднократно приезжавший в Россию и читавший здесь лекции, опубликовал в российских изданиях несколько статей².

Книга «Сербский народ и его язык» — наверное, лучшая книга о сербском языке, но и не только о языке: это одновременно и книга о судьбах сербского народа. У нее есть два достоинства, которые определяют ее аудиторию. Во-первых, она строго научная, поскольку основана на фактах, и поэтому она чрезвычайно полезна всем специалистам: славистам (историкам и языковедам) и лингвистам широкого профиля. Во-вторых, она научно-популярная, так как написана очень доступным языком. Таков был замысел автора: он хотел, чтобы она была понятна и интересна простому человеку. Поэтому эта книга даст возможность широкому читателю познакомиться с тем, что такое история языка и как она отражает

¹ См.: Белич А.И. Диалектологическая карта сербского языка. С.-Петербург, 1906; Белич А. И. Заметки по чакавским говорам. С.-Петербург, 1910. Много лет спустя в приложении к сербскохорватско-русскому словарю по-русски была опубликована его грамматика сербскохорватского языка (Григорьева Р.И. Краткий сербскохорватско-русский словарь. С прилож. Кратких сведений по грамматике сербскохорватского языка, составленных акад. А. Беличем. М., 1960).

² Ивич П. Основные пути развития сербского вокализма // Вопросы языкознания. 1958. № 1; Ивич П. Расширение инвентаря фонем и число дистинктивных возможностей // Вопросы языкознания. 1970. № 3; Ивич П. Один неисследованный штокавский говор с двояким рефлексом *ě* // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия проф. С.Б. Бернштейна. М., 1971; Ивич П. Система падежных окончаний существительных в сербскохорватском литературном языке // Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р.И. Аванесова. М., 1972.

историю народа, как язык живет и почему он меняется. И, конечно, книга расскажет, как сформировались сербский и хорватский этносы и каковы особенности их культуры. Особенно увлекательным рассказ делает то, что книга написана с огромной любовью к своему народу и, по сути, является заветом-завещанием лингвиста своим соотечественникам.

Книга состоит из четырех глав: «Наша этническая история»; «Наши диалекты и современность»; «Судьба нашего языка как орудия культуры»; «О Словаре Вука Караджича 1818 г.».

В *первой* главе повествуется о том, как сформировался сербский и хорватский этнос и что мы об этом можем узнать из языковых данных: как предки сербов и хорватов выделились из массы других славянских племен, как происходило заселение Балканского полуострова, как развивались взаимоотношения сербов с другими балканскими народами, как повлияло на языковую историю завоевание Балкан турками. Во *второй*, самой короткой главе автор рассказывает о том, что такое диалекты, как и зачем они появляются и как живут. В *третьей*, самой обширной главе на примере сербского языка показано, как складывается язык как орудие культуры, то есть как возникает литературный язык. Что на это влияет: география, религия, исторические события? Как и почему сходились и расходились литературные языки сербов и хорватов, как возник общий сербскохорватский язык и почему он перестал существовать?

Один эпизод в истории литературного языка здесь опущен, и ему как центральному в истории сербской культуры автор посвящает отдельную, *четвертую* главу. Это история написания первого сербского словаря знаменитым сербским крестьянином Вуком Караджичем, создателем современного сербского литературного языка.

Впервые книга «Сербский народ и его язык» была опубликована в 1971 г., когда еще существовало, но уже начало распадаться сербскохорватское единство, сторонником которого был автор. Позиция П. Ивича по вопросу единства на момент издания книги видна из следующих слов: «После выхода одного из партнеров из языкового содружества название “сербохорватский” в некоторой степени стало менее пригодным, но научная обоснованность такого названия этим не была нарушена, поскольку фундаментальная тождественность сербского и хорватского языков является объективной

данностью, а не субъективной опцией» (с. 241 настоящего издания). Воспринимая содержание книги, читатель должен учитывать немалую временную дистанцию, отделяющую нас от того времени: с тех пор многое изменилось в этнической и языковой ситуации в странах бывшей Югославии и какие-то факты утратили свою актуальность. Концепцию языкового единства сербов и хорватов в наши дни бывает просто трудно выразить лексически: так, при переводе неизменно возникали трудности с передачей любимого Ивичем лингвонима «наш язык». Хотя в российской научной традиции до сих пор принято считать совокупность сербских и хорватских народных говоров историческим и диалектным единством и применительно к нему использовать лингвоним «сербскохорватский», переводчики избегали вводить его в текст для обозначения «нашего» языка и решали эту проблему каждый раз по-разному. В библиографических сведениях о настоящей книге значится, что перевод выполнен с «сербскохорватского» языка, так как первое издание книги состоялось в то время, когда официальным языком Югославии был сербскохорватский.

Книга «Сербский народ и его язык» выходила в Сербии в трех изданиях. Третье издание вышло после смерти автора, в 2001 г., существенно переработанным: из него была исключена глава о словаре Вука Караджича и заменена двумя новыми текстами, которые, по словам составителя, представляли собой краткое изложение содержания книги. Поскольку без раздела о Вуке Караджиче — ключевой фигуре в истории сербского языка нового времени — книга о сербском языке представлялась неполной, для русского перевода было выбрано первое издание 1971 г.

В настоящем издании текст книги предваряет предисловие «О книге “Сербский народ и его язык” и ее авторе», написанное Ясминой Гркович-Мейджор, ученицей Павла Ивича, академиком Сербской академии наук и профессором философского факультета университета г. Нови-Сад. По сравнению с изданием 1971 г. при переводе были добавлены некоторые примечания, касающиеся сербских реалий, неизвестных широкому российскому читателю, — в сносках или в квадратных скобках в тексте. Даны русские эквиваленты для слов из словаря Вука Караджича. Составлен именной и предметный указатели (на основе указателей к изданию 2001 г.) и дана карта, которая должна облегчить восприятие первого раздела книги, включающего много малоизвестных географических

названий. Библиография к каждому разделу воспроизведена в том виде, в каком она представлена в оригинале. Сведения о более новой важнейшей литературе по истории сербского языка читатель может почерпнуть из библиографии, составленной Я. Гркович-Мейджор и помещенной в приложении.

Публикация русского перевода книги приурочена к нескольким знаменательным событиям: 70-летию Института славяноведения РАН и Института сербского языка САНУ, отмечавшемуся в 2017 г., 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечаемому в 2018 г., XVI Международному съезду славистов в Белграде и, конечно, 200-летию издания словаря Вука Караджича, ставшего началом кодификации современного сербского литературного языка.

Инициатор издания трудов академика Ивича на русском языке — Владимир Павлович Гудков, в течение многих лет преподававший сербокroatистику в Московском университете.

Перевод и редакция книги выполнены силами студентов и выпускников кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета под руководством Е.И. Якушкиной. На первоначальном этапе на уроках сербского языка в качестве альтернативы «домашнему чтению» фрагменты книги письменно переводили студенты славянского отделения, для которых предмет «сербский язык» был вторым (не профилирующим) славянским языком (Е. Заплетина, А. Квятковская, Н. Кикило, Е. Милютина, А. Моругина, Т. Омельченко, Д. Панкова, Ю. Семячкина, А. Скабеева, А. Чиварзина, А. Чумакова, Д. Шафрина). Студенты-сербисты (М. Василькина, А. Евгеньева, Е. Куренкова, С. Сафаргалиева) занимались переводом в качестве летней практики. Впоследствии к этому прибавились профессиональные переводы. Были люди, которые просто бескорыстно брались помочь. Фрагменты текста перевели выпускницы сербской и словацкой групп Т. Белогольская и М. Калмыкова. Выпускники кафедры (А. Блинова, М. Василькина, Е. Куренкова) и студенты славянского и русского отделения филологического факультета оказали помощь и в редакции книги, в частности в подборе многочисленных эквивалентов для слов из словаря Вука Караджича и в составлении указателей. От имени издателей редактор глубоко благодарит всех переводчиков и помогавших в редакции книги.

Коллективным был труд не только по переводу и редакции книги, но и по ее изданию. Хочется выразить глубокую благодарность администрации Института славяноведения РАН и Института сербского языка САНУ во главе с К.В. Никифоровым и Я. Влаич-Попович, поддержке которых книга обязана своим появлением в России; С.М. Толстой и С. Танасичу, с самого начала работы над переводом всемерно помогавшим делу издания книги; П. Пиперу, взявшему на себя труд по решению ряда вопросов, связанных с изданием книги на русском языке; Я. Гркович-Мейджор, автору предисловия к настоящему изданию; В.П. Гудкову, А.А. Плотниковой и Г.П. Пилипенко, которые ознакомились с текстом перевода и внесли свои замечания, а также издательству «Индрик», осуществившему издание книги.

Перевод подготовлен к изданию М.Н. Толстой, которая провела огромную работу по усовершенствованию текста перевода, редакции и составлению указателей. Только благодаря ее труду этот перевод смог увидеть свет.

Особую благодарность за сотрудничество издатели приносят сыну Павла Ивича, академику Александру Ивичу.

Е.И. Якушкина

О КНИГЕ «СЕРБСКИЙ НАРОД И ЕГО ЯЗЫК» И ЕЕ АВТОРЕ

Павле Ивич (1924–1999) — один из ведущих сербских лингвистов двадцатого века. Он был профессором Философского факультета Новисадского университета, потом — Белградского. Действительный член Сербской академии наук и искусств, он занимал в академии целый ряд ответственных должностей: был главным редактором продолжающегося издания *Српски дијалектолошки зборник*, журнала *Ономастолошки йрилози*, председателем Фонда научных исследований академии, комиссии по изучению Косова и Метохии, комиссии по ономастике, комиссии по созданию этимологического словаря, членом Хиландарской комиссии, комиссии по делам фонда Белича, комиссии по истории сербов в Хорватии, комиссии по старославянскому языку. Он сотрудничал и в межакадемической комиссии по лексикографии и лексикологии, по ономастике, в комиссии по изучению славянских языков и по изучению вопросов орфографии и орфоэпии. Он был и членом Матицы сербской, в которой в течение многих десятилетий занимал должность главного редактора журнала *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, а также членом фонда *Вукова задужбина*, общества *Српска књижевна задруга* и Союза писателей Сербии.

О его международном авторитете свидетельствует то, что он был избран иностранным членом Российской, Американской, Македонской, Словенской, Норвежской и Австрийской академий наук, а также почетным членом Американского лингвистического общества и почетным доктором Университета штата Огайо (Колумбус). В качестве приглашенного профессора он читал лекции по всему миру: в Амстердаме, Вене, Блумингтоне, Будапеште, Граце, Колумбусе, Лейдене, Лос-Анджелесе, Марбурге, Мюнхене, Москве, Санта-Барбаре, Сиэтле, Токио, Уппсале, Цюрихе и т. д. Он был заместителем председателя и председателем Европейского лингвистического общества, заместителем председателя Европейской ассоциации диалектологов, Общества Лингвистического атласа Европы, членом международных редколлегий Общеславянского лингвистического атласа, членом Постоянного международного комитета лингвистов, Парижского лингвистического общества и Европейского общества культуры.

Богатая библиография Павла Ивича насчитывает более шестисот единиц, в том числе монографии, фундаментальные исследования, статьи, доклады на научных конференциях, рецензии, дискуссии в печати, публицистику, полемики и интервью. Плодотворная научная работа этого корифея сербской лингвистики была посвящена нескольким направлениям филологии и лингвистики, прежде всего истории языка, диалектологии, ономастике и акцентологии, но иногда она проходила и в других областях науки о языке. Он хорошо видел цели, к которым нужно идти, даже когда объекты исследований выходили за рамки его основных научных интересов. Так, не будучи этимологом по своему основному роду занятий, он основал проект «Этимологического словаря сербского языка». Оставаясь верным фундаментальным принципам филологии, он ввел структуральный метод в сербистику и даже в целом в славистику, проложив тем самым дорогу новым поколениям филологов и лингвистов различной специализации.

Одна из самых известных и, без сомнения, самая популярная книга Павла Ивича — «Сербский народ и его язык». Она была опубликована в 1971 г. (*Српска књижевна задруга*, Белград), второе, стереотипное издание вышло в 1986 г. в том же издательстве, а третье, дополненное двумя текстами и частично измененное (по желанию Павла Ивича был опущен раздел о «Сербском словаре»), увидело свет уже после смерти автора, в 2001 г., в качестве пятого тома «Полного собрания сочинений» Павла Ивича (издательство *Издавачка књижарница Зорана Симојановића*, Сремски-Карловци — Нови-Сад). Предназначенная для широкого круга читателей, не только филологов и лингвистов, она написана легко, без привычного научного аппарата, который бы без необходимости утяжелил текст, но с приложением избранной библиографии в конце каждой главы. В послесловии к третьему изданию Милорад Радованович справедливо написал: «Это одновременно научное рассмотрение предмета, его глубокое толкование, тонкий анализ и занимательное повествование».

«Сербский народ и его язык» — это двойной рассказ об истории языка. С одной стороны, в книге описывается внешняя история языка как фундаментального орудия культуры, и тем самым, как подчеркивает автор в вступительном разделе (*Предисловије*), она оказывается связанной с этнической, политической,

социальной и культурной историей сербского народа. С другой стороны, книга сообщает читателю также и факты из области внутренней истории языка.

Начиная повествование с древней истории южных славян, с момента их распространения на Балканы в VI-VII вв. в ходе Великого переселения народов, Павле Ивич знакомит читателя с южнославянскими праславянскими диалектизмами, изоглоссами, связывающими славянский юг с чешско-словацкой и восточнославянской ветвями славянской языковой семьи, особенно с говорами Полесья, а также описывает пучки изоглосс на славянском юге, останавливаясь и на истории языков, соседствующих с сербским, — румынского и албанского. Выдающийся диалектолог, автор постоянно подчеркивает существование диалектных континуумов, диалектную переходность, которой лишь впоследствии в лингвистике стали уделять необходимое внимание. Существование подобной языковой непрерывности автор иллюстрировал, помимо прочего, примером переходных чакавско-штокавских говоров, диалектами в средневековой Боснии и соотношением словенской и хорватской кайкавщины. Такие его высказывания, как «различие между понятием диалекта одного языка и понятием близкородственных языков трудноуловимо», ставят под вопрос некоторые до сих пор аксиоматически формулируемые лингвистические тезисы. В таких случаях, пишет он, отсутствуют точные лингвистические критерии для оценки принадлежности диалекта к тому или иному языку, и в развитых обществах таким критерием становится «национальное самоопределение и использование различных литературных языков», которые, кстати, действуют как интегрирующий национальный фактор. Оставаясь верным научному подходу к теме, Павле Ивич ясно показывает, что представление о едином и строго очерченном пространстве одного языка иногда складывается под влиянием неязыковых факторов. Естественные языковые континуумы с переходными говорами на Балканах, к сожалению, исчезли вследствие массовых экономических и политических переселений в период турецкого завоевания в XIV–XV вв. А после миграций, значительно расширивших территорию штокавщины за счет хорватской чакавщины и кайкавщины, между диалектами, вторично вступившими в непосредственный контакт, сформировались пучки изоглосс. С турецкими завоеваниями совпадает еще

один важный процесс в энической и языковой истории сербов: ассимиляция романского населения, о которой свидетельствует исчезновение влахов из горных районов Сербии и ассимиляция городского романского населения в Приморье. Из слов автора, что «этническая ассимиляция всегда... является мощным каналом языкового влияния», видно, что в его понимании историю языка формируют не только внутриязыковые тенденции и процессы, а в большей или меньшей степени и языковые контакты. О важности такого рода процессов свидетельствует факт, выяснившийся в ходе позднейших исследований истории синтаксиса сербского языка: процесс формирования сербского сложноподчиненного предложения, демонстрирующий именно романское влияние, совпадает с периодом ассимиляции носителей романских диалектов на Балканах.

Наряду с историей и современным состоянием диалектов, Павле Ивич знакомит читателя и с историей письменности у сербов с древнейших времен, рассматривая также и основные направления в истории хорватской письменности: принятие старославянского языка, формирование редакций старославянского языка, сербской и хорватской, древнейшие памятники, развитие правописания, появление печатной книги, а также употребление кириллицы, глаголицы и латиницы, которая распространяется в эпоху ренессансной литературы. Политические и культурные факторы, направлявшие и определявшие историю литературного языка, ярко раскрываются в рассказе Ивича об отходе от сербской редакции церковнославянского языка и принятии в церковном употреблении русской редакции, а в светской литературе — русского литературного языка высокого стиля у православных сербов в Венгрии XVIII в. Страшась унии, сербы обращаются к России, из которой получают книги и учителей. Впоследствии это привело к постепенному созданию смешанного языкового типа — славяносербского, в котором, в зависимости от индивидуального стиля писателя, смешивались элементы русской редакции церковнославянского языка, а также сербского и русского языков. Языковая ситуация в начале следующего века стала плодородной почвой для предстоящей языковой реформы: среди православных господствовала диглоссия народного и ненормированного славяносербского, а среди католиков существовала «региональная раздробленность литературного языка» (в литературе использовалось

целых восемь диалектов, помимо нескольких менее существенных литературно-языковых явлений). В этом разделе на примере католиков-штокавцев Павле Ивич раскрывает хорошо известный в лингвистике факт: языковая принадлежность автоматически не определяет этническое сознание. Хотя до начала XVIII в. жители Дубровника свой язык называют сербским (*lingua serviana*), «очевидно, что дубровчане периода Республики не ощущали себя ни сербами, ни хорватами», но, гордясь своим прошлым и своей культурой, чувствовали себя прежде всего дубровчанами, более же широкое самоопределение у них было «иллирийским» или «словинским». Этническое самосознание католиков-штокавцев в Славонии, в районе Бока-Которска, Далмации и Боснии было в то время также регионально ограниченным, «словинским» или «иллирийским» (последнее наименование австрийские власти запретили в 1843 г.). Это население Ивич последовательно, и не только в данной книге, называет «католиками — носителями сербскохорватского языка», не определяя их по национальности ни как хорватов, ни как сербов. Однако именно этот момент вызвал научные споры и ненаучные, политически мотивированные отклики и дискуссии. О характере критики, возможно, лучше всего говорит тот факт, что политики того времени считали себя вправе комментировать и критиковать лингвистический труд. Павле Ивич неумоимо отвечал и в научных журналах, и в ежедневных газетах и аргументированно обосновывал свою точку зрения, базирующуюся исключительно на фактах, неизменно придерживаясь позиции, которую он, отвечая одному из тогдашних политических вождей, сформулировал следующим образом: «Мы, люди науки, считаем, что оценки стоят столько же, сколько и аргументы, на которых они основываются». Он считал, что обязанность исследователя — быть научно, а не политически корректным. Павле Ивич писал о прошлом на основании того, как само прошлое говорило о себе, придерживаясь научного принципа, что современные деления и классификации любого рода, в языке и вне него, нельзя переносить в прошлое. В уже упоминавшемся ответе он подчеркнул: «Нельзя далекому прошлому навязывать современные классификации. В те времена деление было иным». Но и этнические различия, существовавшие в предыдущие эпохи, он никогда не переносил на позднейшие национальные образования, что отчетливо видно не только из книги, о которой идет речь, но и из его многочисленных более поздних работ.

Книга «Сербский народ и его язык» содержит и описание (в исторической последовательности) периода романтизма в начале XIX века, ознаменованного, с одной стороны, «атакой на диглоссию», то есть на расслоение языка по вертикали в среде православных сербов, а с другой — «наступлением на раздробленность», то есть на горизонтальное, географическое разделение литературного языка католического населения. Хотя предпринималось много попыток решить эти проблемы, решение стало возможным только после реформы Вука Караджича, в результате которой основой литературного языка стал восточногерцеговинский диалект (позднее П. Ивич назвал его герцеговинско-краинским). «Сербскому словарю» Вука Караджича 1818 г., в котором «сформулирована его языковая и орфографическая революция», Ивич посвящает последнюю объемную главу своей книги, останавливаясь на месте Словаря в истории, на истории его создания, на Предисловии Вука к Словарю, «Сербской грамматике», приложенной к Словарю, алфавите и орфографии, системе ударений и на Словаре как лексикографическом труде (составе словника, его происхождении и особенностях, значении слов, языке цитируемых стихов, особенностях говора Вука). Прекрасно сознавая, что исторические обстоятельства определяют или, по крайней мере, направляют внешнюю историю языка, Павле Ивич, повествуя о революционном предприятии Вука, к которому он испытывал глубокое уважение, описывает и широкий исторический и политический контекст, в котором это предприятие развивалось. Словенец Ерней Копитар, австрийский цензор славянских книг, учитель и ближайший сотрудник Вука, считал, что отход от славяносербского языка, подразумевавший удаление от русского, способствовал бы тому, что православные сербы в культурном и политическом отношении отделились бы от России, влияние которой на сербов препятствовало усилению австрийского влияния на славянский юг. В процессе взаимодействия вуковского и иллирийского (загребского) движения, сформировавшегося примерно двадцатью годами позже вступления Вука на филологическое поприще, постепенно в результате орфографического и языкового сближения сложился общий литературный язык сербов и хорватов, сербско-хорватский — хорватский или сербский (название, которое Якоб Гримм употреблял еще в 1824 г., Ерней Копитар — в 1836, а хорватский парламент утвердил в 1867). Далее Павле Ивич описывает

судьбу литературного языка в период после Второй мировой войны. Он начинает с попытки сближения сербского и хорватского вариантов в Новисадском договоре 1954 г., декларировавшем равноправие двух алфавитов, кириллицы и латиницы, и двух произносительных норм, экавской и иекавской. Далее переходит к созданию общего орфографического справочника 1960 г., изданного латиницей и кириллицей, и к началу работы над совместным словарем. И заканчивает описанием процесса расхождения вариантов, отказом хорватской стороны от Договора и совместного словаря и принятием Декларации о названии и положении хорватского литературного языка в 1967 г., описывая ситуацию вплоть до момента написания книги. Таким образом, книга является своеобразной хроникой эпохи, которая была преддверием последующего возникновения многих литературных языков на основе некогда единого сербскохорватского языка. Хроникой, которая напоминает нам о том, насколько важно знание о прошлом для понимания настоящего момента. Павле Ивич говорил, что «прошлое живет в настоящем своими последствиями».

Когда речь заходила о названии языка, Павле Ивич последовательно выступал за лингвоним, который считал научно обоснованным, — за «сербскохорватский язык». Он всегда был и сторонником языкового единства, полагая, что сербскохорватский — это один язык с региональными особенностями, то есть с вариантами, подобно английскому в Англии, Ирландии, Австралии или в другом месте. Однако в конце раздела книги, в котором говорится о «настоящем моменте», он пророчески замечает: «если бы оказа8лось, что языковая общность не может сохраниться, нам бы не осталось ничего другого, как только вернуться к названию “сербский язык”». Со временем так и случилось, а с распадом некогда общего языка сербский литературный язык вновь стал называться тем именем, с которого и началась реформа Вука Караджича (и «так сербский (о) стал(ся) сербским»). Это одновременно подняло и много вопросов, которые не задавались в период языковой общности, и поставило перед сербскими лингвистами и филологами задачу определения корпуса как современного языка, литературного и диалектного, так и корпуса исторического.

С момента своего выхода в свет, почти полвека назад, и до сих пор книга «Сербский народ и его язык», бесспорно, остается самым полным описанием внешней истории сербского языка и

литературных идиомов у сербов с эпохи первых памятников письменности до второй половины XX века. Для читателя, который недостаточно знаком с представленной в ней тематикой, доступный способ изложения откроет судьбу сербского языка на протяжении веков, а через нее — культурную и политическую историю сербского народа. По-прежнему актуальная, она пленяет не только своим исключительно богатым содержанием, тонкими замечаниями, проницательными комментариями, но и тем, как она написана — основательно, аргументированно, уравновешенно и трезво.

академик Ясмина Гркович-Мейджор (Нови Сад)

429

СРПСКА КЊИЖЕВНА ЗАДРУГА

429

ПАВЛЕ ИВИЋ

**СРПСКИ НАРОД
И ЊЕГОВ ЈЕЗИК**

О ТЕМЕ НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ

История языка имеет два измерения. Во-первых, она составляет часть истории народа. Это внешняя история языка, состоящая из того, что происходит *с языком*, тогда как то, что происходит *в языке*, очевидно, принадлежит его внутренней истории. К внешней языковой истории относится разделение языка на диалекты, расхождения и сближения между ними. В этих процессах особенно ярко отражается судьба народа как этноса. Внешнюю историю составляет и история языка как фундаментального орудия культуры, развитие которой, как и развитие языка, фиксируется в письменных текстах, дошедших до нас из древности.

Цель этой книги — нарисовать читателю картину внешней истории сербского языка. Из двух наиболее обширных ее разделов один посвящен истории этноса, а другой — истории культуры. Кроме того, в книгу вошел раздел о настоящем и будущем наших диалектов, сокровищнице нашей этнической истории, и статья о произведении, ставшем рубежом в истории нашего языка как инструмента культуры, — словаре Вука Караджича 1818 г. Во всех разделах языковые факты излагаются на фоне истории народа — этнической, политической, культурной, социальной, — на которой основана история языка. В отдельных случаях, ради иллюстрации или пояснения, сообщаются сведения из внутренней языковой истории, главным образом истории звуков или форм. Внутренние изменения элементов, составляющих язык, эту огромную и сложную систему знаков, имеют свои собственные закономерности. Они обусловлены жизнью этой системы, а не жизнью общества, которое ею пользуется, поэтому такого рода изменения остаются за пределами этой книги.

Язык, на котором говорят сербы, занимает большую территорию, чем сербский народ. С тех пор, как существует этот язык, на нем говорят также люди, которые не являются сербами. Конечно, границы не всегда проходили так, как сейчас: и этнические, и культурные общности с течением времени возникали, изменялись и распадались. Единственной константой в этом процессе было существование, с одной стороны, сербского, а с другой — хорватского национального ядра на территории распространения общего

языка. Историю этого языка невозможно разорвать в соответствии с современным национальным делением, не только потому, что это все-таки один язык, но и потому, что в прошлом деление было иным. Поэтому на страницах этой книги, несмотря на то, что в центре ее внимания находится сербский народ, читатель встретит и немало сведений об исторической судьбе других этнических образований, пользующихся этим языком.

Книга адресована широкому читателю, поэтому автор считал своим долгом, чтобы язык книги и способ подачи материала были доступными неспециалисту, но не в ущерб научной серьезности изложения. Ради простоты восприятия сведен к минимуму научный аппарат. Однако для читателей, желающих подробнее познакомиться с предметом, в конце каждого раздела приводится список важнейшей литературы по данному вопросу. Поскольку настоящая книга — первый опыт и в жанровом, и в тематическом отношении, очевидно, что в списке литературы отсутствуют работы, которые бы содержательно совпадали с ней. Хотелось бы также обратить внимание, что автор разделяет не все точки зрения, изложенные в цитируемых публикациях.

НАША ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И НАШ ЯЗЫК

1

Письменные исторические источники извещают нас только о самых существенных обстоятельствах, при которых наши предки переселились в земли, в которых сейчас живут южные славяне. Известно, когда произошло заселение: в VI и VII веках — преимущественно во второй половине VI и первой половине VII века. Известно также, что славяне пришли на Балканы «из-за Карпат», из нынешней Польши и Украины, а по пути задержались в нынешней Венгрии, Румынии и восточных областях Австрии. Причины славянского продвижения на юг в целом понятны. Эта миграция была частью огромного комплекса этнических передвижений, которые на закате Античности потрясли Европу и в истории носят название Великого переселения народов. Можно проследить причинные связи в цепи этих событий, даже в том случае, если прямые исторические свидетельства отсутствуют. Все началось с того, что варвары на европейских границах Римской империи почувствовали, что перед ними ослабленный противник, бессильный воспрепятствовать захвату богатств, собранных в землях Империи, и переселению варваров в более теплый средиземноморский климат. Наряду с этими побуждениями, толчком для дальнейших передвижений служили уже состоявшиеся переселения. Так, натиск одной этнической массы вызывал переселение другой, а освобождение территории создавало условия для проникновения туда соседей; завоеватели уводили с собой завоеванных, чтобы они служили им на новых землях, а чей-то успешный поход и богатая добыча подталкивали и другого пойти по тому же пути. В этот водоворот оказались втянуты и славяне, хотя гораздо позднее, чем их германские соседи. Старые поселения славян находились далеко от границ Империи, и их общественная организация, образ жизни и сложившийся менталитет не способствовали большим военным предприятиям.

Нетрудно понять, что давало славянам преимущество над лучше оснащенными и лучше обученными византийскими пограничными подразделениями, которые продолжали традиции римских легионеров. Главные силы византийских войск были в

те десятилетия сосредоточены на востоке, где было необходимо спасти империю от натиска могущественных персидских царей. Граница же, проходившая на севере Балкан, была протяженной, а защитники — малочисленными, что предрасполагало к внезапным налетам крупными группами, без труда разбивавшими пограничные кордоны. Стоило только напавшим пробраться вглубь территории, как они начинали грабить и рушить, хитро маневрируя и избегая прямых столкновений с посланными на их поимку отрядами. Опустошение тыла изолировало пограничные крепости, удаляло их от источников снабжения и возможной подмоги и подвергало опасности осады, выстоять которую не удалось не только ни одной приграничной, но и ни одной крепости в центре Балканского полуострова. Больше было некому предотвращать убийства, изгнание местного населения и расселение пришельцев. А в конечном итоге этими пришельцами оказались исключительно славяне: малочисленные авары, потрепанные в множестве битв, канули в лету. Так произошли крупнейшие изменения в языковой карте Европы, вызванные Великим переселением народов (германские завоевания в Испании, Италии и Франции не сдвинули существенно романо-германскую языковую границу; только в Британии атака германцев привела к значительному расширению германского ареала за счет кельтских языков).

Известно также, что на юго-востоке Европы после быстрого славянского прилива наступил и намного более медленный отлив. Поселившись однажды на бывшей византийской земле и пустив на ней корни, славяне (если они не были покорены булгарами, родственниками аваров, переселившимися [на Балканы] в VII веке) стали относительно легкой добычей для экспедиций византийских воевод, постепенно вернувших многие из потерянных балканских областей, особенно южных. Так переселившиеся славяне в большинстве своем оказались византийскими подданными. В Греции в течение нескольких веков они постепенно ассимилировались под давлением более могущественной цивилизации, процветавшей в прибрежных греческих городах. Следы прежнего захвата территории славянами сохранились в многочисленных греческих топонимах. Даже на Пелопоннесе существуют селения под названиями *Bisoka* (Висока), *Golemi* (Големи¹), *Kamenitsa* (Каменица) и т. д.

¹ Серб. *голем* 'большой'. — Ред.

Правда, не случайно, что подобные названия всегда носят маленькие городки: крупные города никогда не переставали быть грекоязычными. В некоторых районах Албании славяне ассимилировались в албанцев. И там среди топонимов остались такие, как *Мокра*, *Водица* или *Лепеница*. Названия городов *Корча* и *Берат* происходят от *Горицы* и *Белграда* (вернее, название *Берат* имеет то же происхождение, что и *Белград*, и *Биоград-на-Мору*, и русский *Белгород* близ Харькова, и *Бялогард* на польском побережье Балтийского моря). Без сомнения, самое крупное отступление славян произошло там, где южнославянская ветвь граничит с севернославянской (т. е. с западными и восточными славянами). В IX веке, после франкских завоеваний, началась колонизация германцами восточной половины нынешней Австрии. В конце того же века в Паннонии воцарились венгры, воинственный угро-финский народ, начинавший в духе аваров или гуннов, чьи прежние центры он занял, но в условиях развитого Средневековья избравший совсем другой путь. Венгры приняли крещение и основали мощное феодальное государство, в центральной части которого покоренные славяне в последующие столетия перешли на венгерский язык. В соседней Дакии, нынешней Румынии, незаметно образовался романский этнический центр в Карпатах, где хроники упоминают «валахов» еще в X веке, но где процесс романизации славянского населения продолжался еще долго. В совокупности эти три этнических процесса привели к разрыву связей между южными и северными славянами, которые существовали до IX века по линии от австрийского Линца до молдавской равнины на востоке Румынии. Конечно, и тут, на некогда славянской территории, осталось много славянских географических названий. В Австрии мы можем найти такие названия, как *Feistritz* (Бистрица), *Rudeneck* (Рудник), *Leibnitz* (Липница). Город *Грац* также носит славянское имя, тождественное нашему *Градац*. Топонимия Румынии изобилует такими названиями, как *Bistrița* (Бистрица), *Crasna* (Красна), Добра, Липова или Лозна. В Венгрии и Буда, и Пешт, и Печ, Надьканижа, Эстергом, Домбовар, Сольнок, Веспрем, Чонград и многие другие города носят имена славянского происхождения (хотя чаще всего только лингвисты могут объяснить подобные имена; например, непосвященный не догадается провести параллель между Дебреценом (венг. *Debrecen*) и селом Дебрц под Обреновцем, македонским Дебром и герцеговинским Дабром или же разглядеть в Чонграде Черный

город, аналог Белого города Белграда). После этого нас не должно удивлять и то, что албанский, венгерский и румынский языки полны слов, заимствованных у славян. Особенно много таких выражений в сфере сельского хозяйства: венгерское *borozda*, равно как и румынское *brazdă* и албанское *brazhdë* ведут свое происхождение от славянского *бразда*, венг. *lapát*, рум. *lopată*, алб. *lopatë* происходят от славянского *лопата*, а венг. *répa*, алб. *rrep* и рум. *rapiță* — от славянского *репа*, *репица*. Ясно, что на момент первых контактов с носителями этих трех языков славяне были искусными земледельцами, владевшими терминологией, незнакомой их соседям, более привычным к военному делу и скотоводству. Примечательно, что речь идет о лексике, общей для разных ветвей славянства, то есть о такой, какая употреблялась еще на славянской прародине. Это опять-таки свидетельствует об относительной развитости земледелия у славян еще в ту эпоху, а также о непрерывной традиции земледельческих занятий в период переселений, начиная с распада праславянской общности и заканчивая обоснованием на нынешней южнославянской территории. Разумеется, это не означает, что если бы мы взяли для анализа другой пласт лексики, то получили бы аналогичную картину. В феодальной терминологии положение дел совсем иное. Все три главных славянских обозначения для правителя имеют неславянскую этимологию: *царь* и *король* образованы от имен исторических личностей *Caesar* и *Karl*, а *князь* — от древнегерманского слова, которое лежит в основе немецкого *König* и английского *king*. Несложно прийти к выводу, что по сравнению с западными соседями феодальная монархия у славян отставала в развитии.

Наш рассказ об исторических событиях перешел от фактов, о которых мы знаем только по письменным источникам, к фактам, о которых свидетельствует и язык. Оказывается, языковые явления часто представляют собой памятники истории народа, касается ли дело бывших мест проживания народа, или контактов с другими народами, или образа жизни, хозяйства и общественных отношений. Из этого неизбежно следует вопрос: могут ли быть полезны языковые данные, когда речь идет о других, пока еще не затронутых нами проблемах истории южных славян? Являлись ли южные славяне особой группой, четко отделенной от западных и восточных славян еще до распада праславянской общности, или они отделились только вследствие переселения? Относились ли славяне из

пограничной зоны, то есть из современных Австрии, Венгрии и Румынии, к южной, западной или восточной ветви или же представляли собой переходную группу? Существовали ли специфические связи между северными славянами и отдельными частями южных славян? Какими путями славяне попали на юг и как они передвигались по новой территории своего обитания? Составляли ли они единый этнос или уже тогда между ними существовала этническая дифференциация? Сколько было тогда этносов и совпадали ли они с нынешними? Это вопросы, в ответ на которые исторические источники молчат или в лучшем случае предлагают сомнительные и скудные данные, недостаточные для сколько бы то ни было надежных выводов. К счастью, отражение истории этноса в языке помогает пролить свет хотя бы на отдельные элементы этой смутной картины.

С лингвистической точки зрения проблема своеобразия южных славян сводится к вопросу: существуют ли языковые особенности, которые были бы общеевропейскими, при этом исключительно южнославянскими и в то же время достаточно древними, чтобы их можно было отнести к праславянским диалектизмам? Ответ на этот сложный вопрос и сам будет сложен. Прежде всего, существуют многочисленные особенности, общие почти для всех южнославянских говоров и отделяющие их от всех или большинства северославянских. Мы перечислим здесь, не вдаваясь в слишком глубокие подробности, несколько самых важных из них:

— у южных славян мы находим в начале слов «ра» и «ла», а не «ро», «ло». Ср. серб. *раван*, *лакайи*, мак. *рамен*, *лакот*, болг. *равен*, *лакът*, словен. *ravən*², *lakat*, но чеш. *rovný*, *loket*, пол. *rowni*, *lokiet*, рус. *ровный*, *локоть*;

— древний носовой гласный *ę* (назальный *e*, по своей природе похожий на французский *e* в слове *bien*) развился в большинстве южнославянских диалектов в *e* (*месо*, *meso* в сербскохорватском, македонском, болгарском, словенском литературных языках, но *мясо* в русском, *maso* в чешском, *mäso* в словацком, *mięso* в польском и т. д.);

— на юге в таких словах, как серб. и мак. *магла*, болг. *мъгла*, словен. *megla*, оказался гласный, препятствующий образованию

² Буква *ə* в словенских примерах означает нейтральный гласный, сходный с французским *e* в артикле мужского рода *le*; гласный *ъ* в болгарском — несколько более закрытый.

в начале слова группы согласных, в то время как на севере подобная группа образовывалась: рус., укр. *мгла*, пол. *mgła*, чеш. *mhla*, словац. *hmla*;

— на юге в некоторые группы согласных в конце слова добавляется гласный (серб. *ѣресао*, по происхождению из *ѣресал*, мак. *тресол*, болг. *тресъл*, словен. *tresal*), в то время как на севере подобные группы упрощаются, путем отпадения последнего согласного, или сохраняются в прежнем виде (пол. *trzqsl*, чеш. *trášl*, рус. *тряс*, но словац. *triasol*);

— на юге в словообразовании существительных употребляется суффикс с согласным *ц*, а на севере — с *к* (серб. *Градац*, болг. и мак. *градец*, словен. *gradec* — чеш. *hradec* и *hradek*, словац. *hrádok*, др.-пол. *gródek*, рус. *городок*; серб. и мак. *рибица*, словен. *ribica*, болг. *рибица* и *рибка* — рус. *рыбица* и *рыбка*, пол., чеш. и словац. *rybka*);

— окончания некоторых падежных форм на юге отличались от соответствующих окончаний на севере³;

— союз *да* употребляется в придаточных предложениях только на юге;

— существует внушительный список слов, которые используются только на юге (сюда наряду со многими другими словами относятся *газийи* ‘топтать’, *кућа* ‘дом’, *оѣанак* ‘опанок (вид крестьянской обуви)’ — мы приводим эти слова лишь в их сербскохорватской форме, но напоминаем, что соответствующие им формы есть в словенском, македонском, болгарском языках).

Другой вопрос — существовали ли эти различия уже тогда, когда праславянский язык распадался на диалекты, до начала Великого переселения, на своей родине к северу от Карпат. Попытка выяснить этот вопрос сталкивает науку с трудностями, которые нельзя недооценивать. Причина этого проста: за тот период, пока древние славяне жили вместе, на их языке не было записано ни единого слова. Все сведения об этом языке получены косвенным

³ Речь идет о творительном падеже единственного числа большинства существительных мужского и среднего рода, родительном падеже единственного числа, именительном и винительном падежах множественного числа существительных типа *душа* или *змея* и именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода причастий настоящего времени. Мы не будем приводить здесь примеры, поскольку явления, отчетливо проявлявшиеся в языке средневековых текстов, были затемнены позднейшим развитием.

путем, а потому ненадежны. В нашем случае мы должны опереться на данные из старейших письменных источников — переводов Кирилла и Мефодия, выполненных в IX веке и сохранившихся в списках около 1000-го года, — и на чисто лингвистические аргументы, связанные с явлениями, о которых идет речь. Самые надежные доказательства в этой области идут от противного, т. е. основаны на отсутствии того или иного явления в старейших текстах или на уверенности в более позднем его происхождении, которому должен был предшествовать ряд определенных изменений в языке, о которых мы точно знаем, что они моложе. Под давлением вышеизложенных аргументов из вышеприведенного списка исключается судьба носового гласного *ę* и развитие гласного в группе согласных в начале и на конце слова: старославянские тексты свидетельствуют, что замена носовых другими гласными произошла намного позже переселения⁴, а развитие гласных в группах согласных началось только с падением редуцированных, о котором опять-таки известно, что оно не старше X века. С меньшей степенью уверенности мы можем предположить, что по крайней мере одно из трех несовпадающих падежных окончаний появилось лишь после переселения, а что касается соотношения *ra – ro* и *la – lo* в начале слов, то фонетические процессы, приведшие к таким результатам, были актуальны и после переселения южных славян. С другой стороны, известно, что различия в путях развития этих форм возникли намного раньше. Относительно других явлений из нашего списка у нас нет серьезных оснований полагать, что они возникли уже после миграции на юг. Из этого следует, что южные славяне непосредственно перед переселением на юг составляли группу с определенным, хотя и небольшим, кругом общих особенностей. Впрочем, это не единственное деление, которое наука может установить в праславянских диалектах. Различия представляли собой запутанный клубок. Кроме того, существовало значительное число особенностей, связывавших южных славян с восточными и противопоставлявших их тем и другим западным. С другой стороны, славянский юг был связан с чешско-словацкой группой (об особых отношениях со среднесловацкими диалектами еще будет сказано ниже). Следовательно, если мы попробуем представить

⁴ Впрочем, трансформация назального *ę* в *e* в южнославянских диалектах представлена далеко не так последовательно, как в литературных языках.

наших предков еще не покинувшими прародину, то мы найдем их в составе южнославянской группы, уже потихоньку отдаляющейся от остальных и отмеченной некоторыми специфическими чертами, но вместе с тем и вовлеченной в игру разнообразных отношений с другими праславянскими диалектами. Лишь позднейшее развитие вместе с географической изоляцией усилят непохожесть славянского юга на славянский север и углубят дифференциацию между самими южнославянскими диалектами.

В ответе на вопрос о языковых особенностях исчезнувших ветвей славянства, в древности занимавших пространства Румынии, Венгрии и восточной Австрии, наука опирается на свидетельства, сохранившиеся в местных названиях в румынском и венгерском языках и в австрийских диалектах немецкого языка. Этот материал как источник сведений по нашему вопросу имеет много недостатков. Славянские слова в нем преломляются сквозь неславянские произношение и грамматическую структуру и тем самым неизбежно модифицируются, безвозвратно утрачивая многие нюансы в фонетике и в форме. Тем не менее можно без преувеличения утверждать, что сохранившиеся свидетельства единогласно указывают на южнославянский характер большей части исчезнувших [на этой территории] говоров. Этот результат совпадает с тем, что нам априори подсказывала логика: славянское население, оставшееся в регионах, через которые южные славяне держали путь на юг, и само должно было бы принадлежать к южнославянской ветви. Единственное исключение — северо-восточная часть Румынии, тесно связанная с украинским языковым ареалом. Кроме того, в северных районах Венгрии и Австрии (а также в большей или меньшей степени в других австрийских областях) мы находим элементы, переходные к словацкому и чешскому языковому типу. Анализ находящихся в нашем распоряжении данных, часто неоднозначных и спорных, приводит нас к заключению, что в этих землях (кроме Румынии) границы [между славянскими диалектами] были не резкими, а существовал плавный переход от северославянского языкового ареала к южнославянскому и наоборот. Такие переходы часто встречаются в лингвистической географии, тогда как современные резкие отличия славянских языков друг от друга — как раз следствие уничтожения славянских диалектов переходного пояса и обусловленной этим многовековой географической изоляции.

Впрочем, переходность характеризовала не только исчезнувшие диалекты пограничной зоны. Некоторые особенности северных и западных словенских диалектов и даже чакавских говоров Истрии и соседних с ней областей свидетельствуют о древних связях с западными славянами. Изоглоссы некоторых других явлений протянулись как по всей словенской территории, так и по кайкавским и чакавским землям. Этот факт мы можем объяснить лишь тем, что переходная зона в древности тянулась от чешских земель через современную Австрию вплоть до территории современной Словении и Хорватии, но события позднейшего времени нарушили ее целостность. Поэтому говоры, оставшиеся в составе славянского юга, продолжили развитие исключительно в южнославянском направлении.

Нечто похожее произошло и со среднесловацкими диалектами, в которых проявляются важные особенности, обычно называемые югославизмами и отсутствующие у северных славян. Эти диалекты некогда представляли собой клин, вбитый в переходную зону и огибающий территорию современной Венгрии. Венгры, нарушившие географическое единство славян, определили дальнейший путь развития этих диалектов. Последующие десять веков изолированной эволюции стали причиной того, что изначально переходные говоры Словении и Хорватии полностью вошли в состав южнославянских диалектов, а говоры в Словакии — в состав западнославянских. Сегодня ни те, ни другие больше не являются чисто переходными диалектами, а лишь носят следы былой переходности.

Совсем недавно исследования в карпатской зоне украиноязычной территории показали, что и по сей день там существуют многочисленные слова, считающиеся южнославянскими. Среди таких слов, например, *бумбар* ['шмель'], *достѣа* ['достаточно'], *загрѣйѣи* ['заворачивать'], *играйѣи* (в значении 'танцевать'), *куѣа* ['дом'], *навильѣак* ['навильник'], *нашѣе срѣе* ['натошак'], *ѣолазник* ['первый гость на Рождество'], *слейѣи миш* ['летучая мышь'], *слейо око* ['висок'], *смерѣа* ['сосна'], *сѣѣаја* ['хлев'], *ѣѣуча* ['град'], *ушѣийѣак* ['пончик'], *чеѣдо* ['чадо'], *чиѣѣѣав* ['весь, целый'] — разумеется, в огласовке местных украинских диалектов. Понятно, что должно было произойти: во времена, когда предки южных славян уходили из этих краев, эти слова уже существовали в качестве праславянских диалектизмов и сохранились в областях, жители которых мигрировали

на Балканы. Другие южнославянские особенности тогда еще не оформились, поэтому они на данной территории не наблюдаются. Еще интереснее то, что в отдаленном и архаичном Полесье, простирающемся несколько севернее, вдоль реки Припять, также сохраняются многие из упомянутых слов. Последние работы советских лингвистов неожиданно открыли для нас непредвиденные следы наших предков; дальнейшие исследования необходимы для их правильной интерпретации и возможных выводов.

Если уж речь идет о связи славянского юга с украинскими областями, то вспомним и то, что между болгарским (и македонским) языком, с одной стороны, и украинским (русским и белорусским), с другой, существуют большие сходства, особенно в смягчении согласных и развитии гласных. Но считается, что речь идет о явлениях, которые развились в течение нескольких веков после миграции независимо друг от друга.

Добавим также, что два наиболее значительных славянских имени южнославянских народов, *сербы* и *хорваты*⁵, свидетельствуют о некоторых связях со славянами на севере. Имя сербов сохраняется до сегодняшнего дня у лужицких сербов на территории восточной Германии, недалеко от чешской и польской границ. Однако оба языка лужицких сербов — верхнелужицкий и нижнелужицкий — не демонстрируют никаких специфических языковых сходств с сербскохорватским (или его сербскими диалектами). Это значит, что во времена, когда сербы в широком смысле этого слова были вместе, еще не произошла дифференциация диалектов праславянского языка. Следы названия сербов есть в топонимике и исторических источниках и других территорий, где славяне живут или жили некогда. Свидетельства древнего присутствия сербов мы находим в некоторых областях Польши; среди вымерших славян на территории нынешней Германии; в Греции и Эгейской Македонии, а также в названии города Срб в Лике, которое древнее, чем заселение сербов, сейчас обитающих в той области. Так же дело обстоит и с названием хорватов, которое встречаем в Польше

⁵ Название *болгары* принесли с собой завоеватели тюркского происхождения, которые в VII веке покорили славян на востоке Балкан, а затем переняли славянский язык. Название *словенцы* — это просто модификация унаследованного общего имени *славяне*, а *Македония* представляет собой античное название соответствующей области.

и Германии, Чехословакии и Греции. Между тем ни в одной из этих стран не сохранилось имя хорватов как живой этноним, который был бы подобен названию лужицких сербов.

В сочинении «*De administrando imperio*» («Об управлении империей») византийского императора X века Константина Багрянородного изложено предание, что сербы и хорваты пришли из Закарпатья после 626 года и поселились среди других славян, уже проживавших на Балканах. Языковые факты этого не подтверждают, по крайней мере как обстоятельство этнического и исторического значения. В языке сербов и хорватов нет севернославянских особенностей, которыми они бы выделялись среди своих южнославянских соседей. Конечно, есть достаточно общих сербскохорватских черт, но доказать, что эти отличия пришли с севера, нельзя: в основном речь идет об очевидных инновациях позднейших эпох. Что касается направления южнославянского движения на юг, мы располагаем сведениями из письменных византийских источников, которые ясно говорят, что славяне двигались через Паннонию и Дакию, то есть пришли на Балканы через Дунай и с запада, и с востока от Джердапа. Отсутствуют, однако, прямые указания на пути, которыми славяне попали в паннонскую и дакскую равнины и затем продвигались по этим областям; также остается неясным и направление их движения по балканской территории. По этому вопросу мы снова располагаем лишь лингвистическими данными, отраженными в географических границах отдельных языковых явлений (такие границы в диалектологии называются изоглоссами). Но этот материал может быть использован только в том случае, если можно продемонстрировать с большой долей вероятности, что речь идет о языковых особенностях более древних, чем миграция. Для установления хронологии можно воспользоваться упоминавшимся выше критерием наличия и природы того или иного явления в старославянских текстах. Также можно прибегнуть к следующим критериям: соответствуют ли изоглоссы возможному направлению миграционных потоков, находят ли они продолжение в следах славянского языкового присутствия на территории Австрии, Венгрии или Румынии, а возможно и самих севернославянских языков.

Внимание исследователей особенно привлекает одна большая группа древних изоглосс, которые проходят в основном пучком от устья Тимока через восточные подножья гор вдоль

сербско-болгарской границы до Осогова, а затем дугообразно через северо-восточную Македонию до Овче-Поля и Скопье, и далее на юг от Тетово к этнической албанской границе около Шар-Планины. Без детального перечисления этих явлений назовем несколько самых важных из них, обозначая каждое только парой примеров, взятых из болгарского и сербскохорватского литературных языков. Сербскохорватский язык иллюстрирует (в общих чертах) ситуацию к западу от указанной линии, а болгарский — состояние к востоку от нее: с.-х. *дан* ['день'] с гласным полного образования [на месте сверхкраткого], как и в *сан* ['сон'], — болг. *ден*, но *сън* с гласным иного рода; серб. *рука* — болг. *ръка*; с.-х. *земља* ['земля'] — болг. *земя*; с.-х. *ноћ* ['ночь'] — болг. *нощ* (= *ношт*); с.-х. *међа* ['межа'] — болг. *межда*; с.-х. *њега* ['его'] — болг. *него*; с.-х. *ћресемо* ['трясем'] — болг. *тресем*; с.-х. *ћресу* ['трясут'] — болг. *тресът* (с *-т* на конце). Общеизвестно, что все эти различия, по которым южнославянские говоры делятся сегодня на западную и восточную ветви, берут начало в глубокой древности, во всяком случае не менее чем 1000 лет назад. Но все-таки для каждой из них недостает надежных доказательств, которые бы подтвердили, что они древнее переселений. Важным доказательством служит присутствие большинства перечисленных фонетических явлений, пусть и в рудиментарной форме, в следах исчезнувших славянских говоров в Румынии, а именно в древних славянских заимствованиях в румынском языке и, что особенно важно, в румынской топонимике. Они показывают, что изменения в большей части Румынии прошли на восточно-южнославянский лад, а в самых западных областях страны — на западно-южнославянский. Взгляд на географическую карту внушает впечатление, что языковые дивергенции существовали еще во времена, когда славяне параллельными потоками спускались к югу, одни — через Паннонию, другие — через Дакию (при этом захватив часть Карпат, сегодняшнюю Трансильванию), и затем вышли на византийскую границу, одни — к западу от Джердапа, а другие — к востоку от него; и по большей части независимо друг от друга, так как их разъединили горы к северу от Джердапа. Со своими равнинными и земледельческими навыками и умениями славяне имели все основания избегать восхождения в горы. Переходя через Дунай отдельными группами, западная и восточная ветви южных славян продолжили двигаться к югу через территорию Сербии, Болгарии

и Македонии, а сегодняшний пучок изоглосс свидетельствует о бывшей границе двух миграционных потоков.

Такая реконструкция событий привлекает своей простой, прозрачной логикой. И все-таки ее убедительность на первый взгляд гораздо больше, чем при подробном анализе, хотя было бы преувеличением сказать, что анализ исключает вероятность того, что все происходило именно так. При более близком рассмотрении событий мы найдем несколько загвоздок, которые наша гипотеза не разрешает однозначно. Прежде всего, ни одна из перечисленных изоглосс не продолжается на севернославянской территории. Если бы это было так, если бы ситуация на территории Румынии и современной южнославянской территории была простой проекцией дифференциации, присутствующей и среди северных славян, наша гипотеза была бы с очевидностью доказана. Но дело обстоит не так. Остается возможность, что различия, отраженные в изоглоссах, пересекающих Румынию, возникли во времена раздельного наступления двух ветвей южных славян к югу. Также возможно, что славяне в современных Румынии и Болгарии развили несколько общих явлений позже, в первые века после освоения этой земли. (Правда, это подразумевает, что изменения уже были обусловлены и подготовлены некоторыми особенностями исходной языковой ситуации. Из этого следует, что не вполне отчетливо наблюдаемые особенности на самом деле являются общим наследием восточной ветви южных славян по контрасту с западной ветвью, которая из прародины принесла иные явления.) Немало трудностей представляют и славянские элементы в венгерском языке: в древнейшем и важнейшем слое его славянских заимствований преобладают элементы восточно-южнославянского типа, также они находят отражение и в венгерской топонимике (само название города *Pest* (произносится *пешт*) соответствует болгарской форме *пейц* (произносится *пешт*), а не сербскохорватской *йећ* или словенской *peč* [произносится как *печь*. — *Ред.*]). Это вносит путаницу в реконструируемую карту миграционных волн. По правде говоря, есть основания для предположения, что первые значимые контакты венгров со славянами произошли еще на румынской земле и именно там они переняли славянские слова в восточно-южнославянской огласовке, а затем дали такие названия географическим объектам на новой родине. Конечно, все это не точно, но исключать этого нельзя. Также нельзя исключить и возможности того, что отдельные

племена восточной части южных славян позже спустились с трансильванских высот на равнину центральной Венгрии.

Само географическое положение нашего пучка изоглосс вызывает некоторые недоумения. Изоглоссы не соответствуют направлению, которое бы под прямым углом пересекало Дунай на Джердапе. Такая геометрически правильная линия проходила бы через горы Хомольского массива к западу от Тимокской долины, а затем — по направлению к Скопье или Тетово по долине Южной Моравы или даже к западу от нее. Другими словами, существующий пучок изоглосс находится значительно восточнее ожидаемой линии и отличается сильным искривлением, направленным на юго-восток. Однако все эти обстоятельства можно как-то соотнести с нашей гипотезой. Если допустить, что представители западной ветви южных славян проходили через долину Великой Моравы, то логично, что они продолжили движение по долинам Южной Моравы и Нишавы, постепенно заполняя весь моравский бассейн. Так, кажется вполне естественным, что они в основном раньше представителей восточной группы заняли горные цепи на водоразделах, и даже то, что оттуда они затем спустились в долины у восточных подножий [этих гор] (в том числе в Тимокскую и Пчиньскую долины). В этом случае нужно было бы ожидать массового присутствия представителей западной ветви в долине Вардара и южнее, на территории Греции. Если западные южные славяне заняли всю северную окраину Македонии, включая подходы со стороны южноморавской долины и Косова, было бы логично, что они продвинулись и дальше к югу, так как в вардарскую долину легче пройти оттуда, чем с востока, через Осогово или массив около бассейна истоков Брегалницы. Но нельзя исключать возможность, что представители восточной ветви, пройдя долиной Струмы к эгейским равнинам в окрестностях Солуни, направились вверх по течению на северо-запад по долинам Вардара и Струмицы навстречу западному потоку, который шел от моравских и косовских границ. Так в нашем анализе аргументы и контраргументы взаимно соотносятся и дополняют друг друга.

Картина становится еще сложнее, если иметь в виду, что к уже перечисленным изоглоссам можно добавить и другие, чей возраст также значителен, но о которых положительно известно, что они не могли образоваться раньше заселения Балкан славянами. Так, к западу от нашей линии говорят (с.-х. литер.) *унук*, а к

востоку (болг. литер.) — *внук*; зап. *црвен*, вост. *червен* [‘красный’]; зап. *град*, *нож*, вост. *граѣ*, *нош* (в произношении, в болгарской же орфографии — *град*, *нож*); зап. *све*, вост. *все*; зап. *жене* (мн. ч. от *жена*), вост. *жени*; зап. *млади*, *младе*, *млада* (отдельные формы для каждого рода прилагательного во мн. ч.), вост. *млади* для всех родов; зап. *йоказасѣ* (2-е лицо мн. ч. аориста), вост. *йоказахѣ*; зап. *йоказаше* (3-е лицо мн. ч. аориста), вост. *йоказаха*. Эти изоглоссы достаточно точно соотносятся между собой и с изоглоссами из первого списка, кроме находящихся на македонской территории, где наш пучок сильно разветвляется, в основном за счет смещения отдельных изоглосс к юго-востоку. Конечно, присутствие этих явлений только подтверждает глубину давней этнической трещины между двумя ветвями южных славян. Но в то же время выясняется, что предположения о дивергентном развитии до заселения не хватает для объяснения фактов. Очевидно, и после заселения был период дивергентного развития, а это подразумевает, что явления из первого списка могли тогда и возникнуть (конечно, нельзя забывать, что те изоглоссы, которые проходят через Румынию, все-таки являются следами старых различий).

Но, с другой стороны, не стоит недооценивать значение однажды образовавшейся диалектной трещины как фактора, который определил дальнейшие события. Некоторые гораздо более новые инновационные волны на нашей территории, например, утрата согласного *x* в большей части сербских земель в XVII и XVIII веках, остановились на уже существующей границе. Это естественно: различные обстоятельства в уже сформировавшихся языковых системах определяют дивергентные пути дальнейшей эволюции. Немалую роль играет и народное представление о диалектных различиях, создающих психологический барьер по отношению к инновациям, исходящим из областей по ту сторону границы.

На южнославянской территории больше нигде не встречается настолько густой пучок таких старых и важных изоглосс, как тот, о котором мы говорим. Более того, нет настолько глубокой трещины и в севернославянском мире (ср. линию, разделяющую западных и восточных славян, точнее, поляков и словаков от белорусов и украинцев). Откуда такие различия, как они образовались? Этот вопрос по-новому звучит сейчас, когда мы знаем, что гипотезы о параллельном движении на юг двух отдельных групп славян недостаточно. Необходимо уточнить, что могло вызвать более чем

вековое прекращение контактов после расселения на новом месте, причем именно вдоль указанной линии. Конечно, проще всего было бы сказать, что виноват рельеф местности, но это было бы и наименее реалистично. В любой части Балкан достаточно холмов и гор, гораздо более высоких и непроходимых, чем те, по склонам которых проходит наша линия, во многих местах, впрочем, пересекающая долины. Не помогут также политические границы в прошлом, среди которых и границы между Сербией и Болгарией. Эти границы в Средние века слишком часто менялись, чтобы способствовать установлению языковой границы в некотором конкретном месте, и кроме того, они всегда находились значительно западнее северной половины нашей линии. Даже величайшая экспансия государства Неманичей⁶ или Деспотовины⁷ не захватила бассейн Тимока и верхнее Понишавье. Но как тогда объяснить удивительную концентрацию изоглосс в весьма неожиданном месте?

Начнем с того, что имеет свои подтверждения: после заселения Балкан обеими ветвями южных славян между ними долгое время не было близкого контакта. Из этого следовало бы, что представители одной и другой ветви, перейдя через Дунай западнее и восточнее Джердапа, сначала заняли в основном речные долины и равнины, оставляя горные пространства для позднейшей экспансии, которая, вероятно, последовала тогда, когда славяне настолько расселились по долинам, что появился популяционный излишек, и когда переселенцы уже достаточно адаптировались к климату и балканскому варианту животноводства. Можем ли мы из этого заключить, что горная местность между двумя ветвями южных славян оставалась незаселенной на протяжении нескольких веков? Конечно, нет. Славяне не застали Балканский полуостров ненаселенным и не могли истребить коренное население без остатка. Опыт не только тех, древних, времен, но и новейших подтверждает, что в случаях большой коллективной опасности люди скрываются в убежищах: или за крепостными стенами, или в непроходимых лесах и ущельях. Здесь нужно искать следы существования наших дославянских предков, чья доля в нашем гено tipe весьма значительна, возможно даже больше славянской.

⁶ Сербская средневековая династия (1170–1371 гг.). — *Ред.*

⁷ Сербское государство в 1402–1459 гг. — *Ред.*

Достоверные исторические источники доказывают, что сегоднешняя территория распространения сербскохорватского языка в позднюю античную эпоху входила в состав зоны латинского языка, которая занимала половину Римской империи. Граница между областями латинского и греческого языка тянулась от побережья Адриатического моря в Албании, южнее Скопье и через окрестности Кюстендила и Софии к горе Балкан и далее к черноморскому побережью. Конечно, латынь в наших землях — относительно недавний гость, но и за несколько столетий римского господства до прихода славян она успела перекрыть старый языковой слой — фракийский в восточной Сербии и иллирийский западнее. Нет доказательств, что фракийское или иллирийское население вступало в непосредственный контакт со славянами; то есть нет ни фракийских, ни иллирийских слов, о которых можно было бы сказать, что они пришли в сербскохорватский прямо из одного из этих языков (при этом нужно сделать оговорку в связи с албанцами и их языком, о чем речь пойдет дальше). Быстрая романизация исконного населения показывает огромный престиж римской цивилизации среди варваров в покоренных провинциях. Поразительна глубина оказанного влияния, бесконечно превосходящего все, что отмечено позже, во времена турецкого или австрийского господства. Несомненно, нельзя недооценивать роль колонистов, приехавших сюда из разных концов огромной империи, особенно легионеров, расположившихся на дунайском лимесе, в укрепленной и хорошо населенной пограничной зоне.

Когда вторжение славян стало представлять настоящую угрозу, часть местного населения укрылась в укрепленных приморских городах, остальные ушли в леса. Скучные исторические источники не рассказывают подробно о трагедии, ставшей результатом такого изменения образа жизни. Нетрудно себе представить, что значило покинуть обустроенные города и деревни, разрушить тот уклад жизни, в котором присутствовали письменность, театр, водопровод и бани, и попробовать перейти на кочевое овцеводство в труднопроходимых горах — вернуться к примитивному образу жизни и полной безграмотности. Однако, несмотря ни на что, потомки этих беженцев, нашедших свое убежище в лесах, выжили. Очевидно, что в этой среде сформировался румынский народ, тогда как в крепостях вдоль побережья Адриатического моря сформировался другой этнос, являвшийся носителем далматинского языка (к которому мы еще вернемся).

На самом деле вопрос прародины румынского народа относится к числу спорных в истории и лингвистике. Известно, что румыны — потомки романизированного населения, пережившего нашествие славян и проживавшего на небольшой территории (диалекты румынского языка, если их сравнивать с другими романскими языками, отличаются ярко выраженным единством языковых особенностей, которое могло возникнуть лишь при условии тесного контакта). Вместе с тем не совсем ясно, какая именно область была родиной румынского народа. На первый взгляд, совершенно логично, что это была сама Румыния. Это мнение присутствует и в науке, особенно среди румынских исследователей. Однако этой версии противоречит тот факт, что римское правление в Дакии продолжалось относительно недолго, около 165 лет (106–271 гг.), в то время как нынешние Сербия и Болгария находились под римской властью более пяти веков, что давало гораздо большую возможность полной романизации. После падения Дакии население, говорящее на латыни, должно было проживать в пограничной области вдоль Дуная очень компактно. Многие свидетельства подтверждают, что в этой области, от нынешнего Белграда до Добруджи, существовало множество римских городов и крепостей. С другой стороны, не доказано, что Дакия была сильно романизирована и что латиноязычное население осталось там после отступления римских легионов на южный берег Дуная в 271 г. Вследствие этого большинство нерумынских исследователей склонно видеть родину румын в римской провинции Мезии, охватывавшей и современную восточную Сербию, и северную Болгарию. Тот факт, что румыны в действительности живут в Дакии, а не в Мезии, не рассматривается как контраргумент. Все факты подтверждают, что изначально румыны были исключительно пастухами-кочевниками, чрезвычайно мобильными и готовыми к миграциям в дальние края. Уже в X веке исторические источники упоминают большую группу влахов в современной Фессалии в Греции. Средневековые грамоты из Рашки⁸ изобилуют упоминаниями о влашских скотоводах. В XVI веке вlahи переселяются на Крк и в Истрию, а в Карпатах они дошли до северной Словакии, южной Польши и северной Моравии. Поэтому логично предположить, что после славянского вторжения на южном берегу Дуная часть проживавших там римлян могла перебраться

⁸ *Рашка* — историческая область на юго-западе Сербии. — *Ред.*

на северный берег реки. Другими словами, произошла рокировка между захватчиками, наступающими на юг, и побежденными, у которых один из путей спасения вел на территорию, с которой только что ушел завоеватель.

Еще в 20-е годы нынешнего столетия голландский славист Ван-Вейк выступил с теорией, что в раннем Средневековье сербов от болгар отделяла территория, где проживали румыны. Позже, когда часть румын переселилась в другие области, а часть ассимилировалась, стал возможен непосредственный контакт западной и восточной ветвей южных славян. Эта точка зрения полностью согласуется с данными лингвистической географии, которая, как мы видели, подтверждала (много после Ван-Вейка) наличие пучка изоглосс вдоль границы между двумя большими южнославянскими регионами. Языковые различия между ними так велики потому, что обе ветви южных славян формировались отдельно друг от друга и лишь позже, уже в состоянии значительной дифференциации, начали контактировать.

При всей убедительности этой гипотезы принять ее можно только с некоторыми дополнениями и оговорками. Во-первых, не исключена возможность, что в иноплеменном пространстве, разделившем славян на две группы, проживали не только румыны, но и албанцы. Вопрос о прародине албанцев также стал проблемным в этнической истории Балкан (правда, лишь в последние десятилетия, в то время как споры о прародине румын ведутся уже целый век). Албанский язык ни в коем случае не происходит из древнего иллирийского языка, на котором говорило население современной Албании (а также большей части Югославии) до римского завоевания. Особенности албанского языка в корне отличаются от того, что известно о древнем иллирийском. В то же время выяснилось, что в албанском языке вся лексика, связанная с морем и мореплаванием, заимствована из других языков. Даже слово, обозначающее рыбу, заимствовано из латинского языка, а название весла происходит от праславянского *лопата*. Это было бы невозможно, если бы прародиной албанцев было морское побережье. В этом случае в их языке изначально были бы слова для обозначения понятий, связанных с жизнью возле моря. Другие факты также свидетельствуют о том, что албанцы в раннем Средневековье были пастухами. Они вели тот же образ жизни, что и румыны, при схожих общественно-экономических условиях. А это значит,

что они, как и румыны, были типичными жителями континента. Ученых поразила факт, что в албанском языке нет следов прямого заимствования античной топонимики, без славянского посредства, хотя в то же время существуют указания на то, что названия *Ниш*, *Штин*, *Шар* и *Охрид* заимствованы славянами у албанцев. Примечательно, что романские элементы, присутствующие в албанском языке, демонстрируют специфическую связь с румынским языком. Кроме того, в обоих языках представлена пастушеская терминология, которая, по всей вероятности, появилась из некоего древнего, существовавшего до римского завоевания, балканского языка (у нас есть все основания полагать, что до прихода римлян в горах Балканского полуострова преобладал тот вид овцеводства, который был распространен и в Средние века, а где-то известен и до сих пор). Скорее всего, язык, в котором сформировалась эта лексика, был предком албанского языка, из которого румыны заимствовали выражения, связанные с балканским типом овцеводства (или, что еще вероятнее, предки румын, принимая латинский язык, сохранили наиболее характерные для своей жизни выражения, употреблявшиеся в их родном языке и не имевшие эквивалента в латыни). Осталось понять, что это был за язык. Сегодня в науке преобладает мнение, что речь идет о фракийском языке. Доказано определенное сходство албанского языка с фракийским, реконструированным по довольно скудным данным античных надписей. Более того, обнаружены и конкретные совпадения. Конечно, этого недостаточно для надежных выводов, однако на данный момент нет лучших претендентов, чем фракийский язык. Если учесть, что этот язык, помимо современной Болгарии (а также Румынии), был распространен и в восточной Сербии, то можно предположить, что прародина албанцев находилась, скорее всего, именно в восточной Сербии, то есть на территории, которая в раннем Средневековье могла разделять две ветви южных славян.

Если наши гипотезы верны, то дальнейшее развитие должно было совмещать два-три процесса: постепенный отток румынского и албанского населения с этого места, внедрение славян (их западной ветви) и ассимиляцию оставшегося населения, за исключением румын в северо-восточной Сербии и части албанцев в области Метохии. Нам неизвестны исторические причины, обусловившие то, что представители именно западной, а не восточной ветви заняли это пространство. Вряд ли это связано с расширением

государства Неманичей к юго-востоку. Здесь дело в пастушеских передвижениях в более древний период, кроме того, мы выяснили, что на территории от Дуная до областей к юго-западу от Софии наши изоглоссы проходят гораздо восточнее границ средневековой Сербии в период ее наиболее сильной экспансии. Конечно, это не исключает возможности того, что в областях, прилегающих к северной Македонии, определенную роль могло играть сербское влияние в XIII веке. и сербское правление в XIV веке. Вместе с тем это не означает, что там не было и других жителей. Название одной деревни к югу от Пирота (Любераджа) и некоторые топонимы во враньской и призренской областях свидетельствуют о следах проживания там юго-восточных славян, и, судя по архаичной формации этих топонимов, следах весьма древних. Говор этих мест сегодня не отличается от окрестных диалектов: очевидно, что западно-южнославянский языковой тип при дальнейшем развитии языка полностью возобладал. В названиях некоторых поселений (Драгобужде и Тибужде около Враня, Побужье в районе Скопье) прослеживается необычная комбинация языковых особенностей обеих южнославянских ветвей: развитие гласного у в данном случае произошло по западно-южнославянскому типу, а группа *жд* (или согласный *ж*) свидетельствует о восточно-южнославянском типе. Диалектов с такой комбинацией в настоящее время нет ни в этой области, ни на других территориях.

Убедительность теории о долгом существовании неславянской пограничной территории между двумя группами южных славян зависит в основном от того, сколько имеется действительных следов албанского и румынского этносов в этой области. В этом вопросе наиболее важны три вида доказательств: прямое упоминание влахов или албанцев в средневековых текстах, следы их языков в топонимике и в современных диалектах. В первом случае мы располагаем частичными сведениями: многие древнесербские грамоты упоминают о влахах и албанцах как о горных скотоводах, с особым социальным статусом. Однако эти упоминания распространяются не на всю территорию, о которой идет речь, а в основном на западную часть этой области. Иного и нельзя ожидать: мы просто не располагаем грамотами, в которых бы упоминались другие участки этой территории. С другой стороны, вlahи и албанцы упоминаются в средневековых текстах в землях к западу от зоны, о которой идет речь. На данный момент не хватает исследований, в которых

бы на основе имеющегося материала более точно был рассмотрен вопрос распространения этих народов в Средние века (касательно албанцев ясно лишь то, что область их расселения в XIV–XV веках была меньше, чем сейчас). Много сведений предоставляют данные топонимики восточной Сербии. Названия Бербатово, Букуровац, Бучум, Валуниш, Корбевац, Маржини, Марджелат, Сврлиг, Сурдулица, Тумба, Джепа и многие другие — румынского происхождения. Но и здесь подробный материал до сих пор не собран и не проанализирован до конца: очевидно, что это будет важным объектом исследований в будущем. Впрочем, и с болгарской стороны границы, например в районе Софии, также значительная часть топонимов имеет румынское происхождение: Банаиз, Банишора, Бов, Вакарел, Гавнос, Пасарел, Урсул. Однако во многих наших краях, особенно в горных районах, некоторые топонимы содержат следы румынского языка, но не в такой мере, как в восточной Сербии (здесь, естественно, речь идет не о ее северо-восточной части, где и сейчас частично говорят по-влашки, а о долине Южной Моравы и областях к востоку от нее). Что касается албанских элементов в топонимике, то их, разумеется, много в косовско-метохийском регионе и прилегающих районах. Относительно же областей, расположенных к востоку и северо-востоку, нет надежных данных (если исключить вышеупомянутое объяснение современного звучания древних названий *Ниш* и *Штин*). В диалектах число румынских и албанских лексических элементов невелико — во всяком случае если судить по доступным данным (подробно этот вопрос еще не исследовался). Однако можно говорить о большом количестве так называемых балканизмов — структурных особенностей, в принципе не свойственных литературному сербскохорватскому языку, но характерных для албанского, румынского, новогреческого, болгарского и македонского языков. Сюда относится резкое сокращение числа падежей, отсутствие инфинитива, использование удвоенных форм личных местоимений (*мене ме види* ['видит меня']), сравнительная степень типа *йомлад* ['моложе'] и сокращение долгих ударных гласных.

Еще в начале XX века Александр Белич, установивший чисто сербскую основу диалектов на этой территории и назвавший их призренско-тимокскими, объяснял балканизмы следами румынского субстрата. Это объяснение до сих пор кажется правдоподобным, с той оговоркой, что соседство болгарских и

македонских говоров также могло привести к этому результату. Новые сведения относительно этого вопроса дали недавние исследования сербских говоров в Банате на территории Румынии и вдоль ее границы. Выяснилось, что там под непосредственным влиянием румынского языка балканизмы появляются прямо на глазах, что увеличивает вероятность его влияния и в районе призренско-тимокских говоров в более ранний период.

В заключение рассмотрения гипотез о некогда существовавшем неславянском поясе между двумя группами южных славян можно сделать вывод, что такой пояс действительно существовал и был причиной их взаимной изоляции. Впрочем, можно пойти дальше и сделать другие выводы. На вопрос о языковой индивидуальности южных славян в славянском континууме и их однородности можно ответить следующим образом. Еще до переселения славянских племен [на Балканы] южная группа выделялась некоторым количеством особенностей, но, вероятно, уже тогда внутри нее существовали в зародышевом состоянии значительные различия. Эти различия стали более заметны уже после начала продвижения славян к Балканскому полуострову и существенно увеличились в первые века после их расселения на новой территории. Из всех трех групп славянских языков южнославянская характеризуется наибольшей внутренней дифференциацией. Затем следуют западнославянские языки (чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий, польский и кашубский и мертвый полабский) и только потом восточнославянская группа (русский, белорусский, украинский) — явно более однородная, чем две другие.

Стоит задать вопрос, есть ли еще изоглоссы, помимо тех, что проходят по линии Тимок — Осогово — Шара, которые отражали бы древнее деление южных славян, возможно, имеющее свои истоки еще в праславянском языке. Доподлинно известно, что на территории восточной ветви южных славян таких изоглосс нет (во всяком случае на уровне фонетики и грамматики, поскольку данные лексики учитывать невозможно из-за их объемности, которая может вызвать неоднозначные толкования). На западной южнославянской территории, напротив, есть несколько изоглосс такого рода. Мы уже говорили о связи некоторых словенских и хорватских говоров с чешским языком. Речь идет о четырех явлениях. В северных диалектах словенского языка сохраняется сочетание *dl* в словах типа *modlit[i]* (ср. чеш. *modliti*, в отличие от

типичного южнославянского *moliti*). Во всей западной части словенскоязычной области, а также в чакавских говорах Истрии, окрестностях Риеки и на части Кварнерского архипелага согласный *z* является фрикативным, а не взрывным, что представляет собой переходную стадию развития [фрикативного] чешского *h* на месте *z*. В некоторых северных и западных периферийных словенских говорах, а также кое-где в чакавской Истрии распространен префикс *vi-* вместо *iz-* (*vibrat[i]*, ср. чеш. *vybrati*, рус. *выбрать* в отличие от южнославянского *из[a]брати*). Наконец, формы творительного падежа единственного числа в литературном словенском языке (*roko* ['рукой']), кайкавских говорах (*rukum*), северночакавских говорах (*rukun*) схожи по происхождению с соответствующими формами в чешском и польском языках и отличаются от южночакавских и штокавских (*руком*). Кроме этих фактов, подтверждающих очевидную связь с севернославянскими языками (во всех четырех примерах это совпадение не может быть вторичным и случайным), можно назвать еще некоторые изоглоссы, судя по всему, древнего происхождения, направление которых может быть проекцией движения миграционных потоков. Здесь на первый план выходят изоглоссы словенско-кайкавских особенностей, которые их отличают от штокавских и чакавских говоров: *orjeto* 'пашем' (шток.-чак. *оремо*), *mišliš* 'думаешь' с долгим нисходящим (вместо *мишљиш* с кратким), *dobri* 'хороший' с долгим восходящим (вместо *добрй* с кратким). (В качестве иллюстрации каждой особенности мы приводим только по одному примеру, не вдаваясь в научные дефиниции данного явления, поскольку они не нужны специалистам, а неспециалистов бы только запутали.) Известно, однако, что все эти явления могли сформироваться не раньше чем через два-три века после расселения южных славян, а это значит, что расхождения, если они и были в момент расселения, ограничивались теми обстоятельствами, которые впоследствии обусловили разное развитие языков. Однако существует ряд более поздних кайкавско-словенских особенностей, говорящих о единстве развития этих говоров и много позже после расселения славян, что позволяет отнести к этой группе и перечисленные явления.

Для истории нашего языка очень важны и изоглоссы звуковых оппозиций, представленных в примерах типа *gušher* : *гушћер* 'ящерица' и *meja* : *међа* 'межа'. К западному ареалу в обоих случаях относится словенский язык и чакавские говоры, а также западные

кайкавские области. Кроме того, тип *meja* захватывает и некоторые автохтонные штокавские говоры в Боснии и Далмации, а тип *gušter* — восточнокайкавские, большую часть славонских штокавских и некоторые другие штокавские говоры. Было бы слишком смело видеть в этом разделении отражение особенностей, сформировавшихся еще до перехода славян через Драву, так как соответствующие доказательства отсутствуют. Известно, однако, что здесь идет речь о следах очень раннего развития. Позволим себе, впрочем, один общий вывод: в X–XI веках западно-южнославянская группа была уже отчетливо разделена. Здесь, с одной стороны, существовал по сути монолитный комплекс восточно- и центральноштокавских говоров, а с другой стороны — сильно дифференцированная западная область, включающая западноштокавские говоры (также неоднородные), южно- и севернокайкавские, восточно- и западнокайкавские и разные типы словенских диалектов, которые в самом северо-западном углу словенской территории в наибольшей степени отличаются от штокавского состояния. Это соответствует принципу лингвистической географии, согласно которому в нормальных условиях языковые различия пропорциональны географическим расстояниям, так как дистанция — это фактор, мешающий коммуникации между людьми, а диалектные различия увеличиваются с ослаблением коммуникации.

2

У коренение южнославянских народов на Балканском полуострове и в соседних частях центральной Европы сформировало условия для языковой дифференциации. Языковые границы, возникающие в условиях миграции, — это следствие различного происхождения населения, отражение более ранних различий, сложившихся в областях, где население проживало до миграции. В период же стабильного заселения диалекты расходятся по той простой причине, что язык постоянно меняется, и он слишком сложен и богат деталями, чтобы мог спонтанно меняться где угодно одинаковым образом. Конечно, взаимный контакт групп населения стремится сгладить возникающие различия, но достигает этого лишь отчасти. С течением времени возникают новые изоглоссы, особенно по линиям

слабого контакта, то есть там, где ставят препятствия география или история. Лингвогеографы привыкли к появлению густых пучков изоглосс вдоль непроходимых горных цепей или вдоль многовековых политических или религиозных границ. С другой стороны, существует множество примеров образования относительно однородных диалектных областей благодаря влиянию сильного политического, экономического и культурного центра на тяготеющие к нему районы.

На языковой дифференциации южных славян в первые два-три века после переселения мы не будем специально останавливаться. Не только потому, что нам очень мало известно об истории наших бесписьменных предков в ту темную эпоху, в том числе о языковой. Как мы видели, на практике очень тяжело отделить инновации этого периода от особенностей, принесенных при переселении. Поэтому в последующем изложении мы возьмем за отправную точку X век — разумеется, как приблизительный ориентир, так как и здесь нам не хватает твердой опоры, которую бы мог предоставить только большой корпус сохранившихся на нашем языке текстов из разных областей. Некоторые общие представления о языковой истории и других обстоятельствах X века, во-первых, можно составить по записям, хотя и весьма скудным, наших имен в греческих и латинских источниках. Во-вторых, на основании старославянской письменности мы знаем достаточно о тогдашней языковой ситуации в соседних болгарских и македонских областях, а на основании Фрейзингенских отрывков и кое-что о словенской языковой ситуации. В целом в X веке уже существовало политическое разделение южнославянского мира, которое с известными модификациями и преходящими волнами византийского господства продлилось до турецкого вторжения.

Еще с конца VIII века франкское завоевание отделило большую часть нынешних словенских земель от основной части южнославянского этнического мира. Политическая граница, установившаяся между Словенией и Хорватией, до сегодняшнего дня остается почти на том же месте с единственными значительными изменениями, которые произошли в XII веке, когда территория Словении была расширена за счет присоединения Белой Краины, пояса между рекой Кркой и Жумберацкими горами, а также области от Птуя до Лютомера. Это наиболее стабильная из всех исторических границ на южнославянской территории, поэтому

совершенно естественно, что данный барьер сопровождается значительным пучком изоглосс. К северу от Купы, с хорватской стороны границы, расположены кайкавские говоры, родственные по происхождению словенским, но сейчас, однако, существенно от них отличающиеся. Все указывает на то, что исходное родство хорватских кайкавских говоров со словенскими должно быть старше, чем создание политических барьеров. Это говорит о том, что предки кайкавцев и словенцев еще в эпоху расселения составляли одну языковую группу. Условия, сложившиеся после расселения, особенно в результате государственно-правовой изоляции, не могли способствовать интенсивным связям кайкавской территории со словенской и в то же время сильной дифференциации по отношению к штокавским и чакавским соседям, несмотря на тесные политические связи с ними. В районе Купы, в области Горски Котар и Истрии непосредственными соседями словенских говоров являются чакавские говоры. В самой Истрии яркий словенский облик имеют говоры Коперской зоны, но преимущественно словенскую основу имеют и говоры около Бузета, а также говоры, находившиеся в областях вдоль верхнего течения реки Мирны.

Хорватские кайкавские говоры развились на территории средневековой Славонии (так называемой Паннонской Хорватии, народное название — *Словиње*). Это политическое образование было присоединено к Хорватии в X веке и после подчинения Хорватии венграм в начале XII века получило особый статус, подразумевавший более тесную связь с Венгрией, чем у Хорватии в узком смысле слова (так называемая Далматинская Хорватия, или *Хрвайши*, по тогдашнему народному названию). Территориально средневековая Славония отличалась от современной. Она занимала территорию от словенской границы до линии, проходящей через нынешнюю Славонию и соединяющей Саву и Драву (более восточные жупании относились непосредственно к землям венгерской короны). В Славонию, впрочем, входили и области к югу от Савы, и даже к югу от Купы, вплоть до хорватской границы на Гвозде. Говоры, развившиеся на этой территории, обладали значительным фондом общих особенностей, прежде всего в плане акцентуации и в судьбе гласных. Однако были и пограничные типы говоров, переходные к штокавским на востоке и чакавским на юге.

К северу от территории Славонии, в венгерских землях, сохранились прекурские говоры, которые, находясь вдали от очагов

кайкавских инноваций, остались не затронутыми их влиянием, и в то же время во многом остались и вне словенской сферы развития. Несколько больше общего с основной частью словенских диалектов имеют говоры, распространенные в зоне к востоку от Птуя, присоединенной позднее.

Изложенная картина ставит перед нами вопрос, по каким причинам словенский язык сейчас считается отдельным языком, отличным от сербскохорватского, а также почему хорватские кайкавские говоры включают в сербскохорватские. Чтобы ответить, мы должны исходить из основного факта, что разницу между диалектами одного языка и близкородственными языками настолько трудно определить, что во многих конкретных случаях ученые расходятся в оценках. Когда речь идет о ситуации в недостаточно развитых социальных средах, четкие критерии для оценки отсутствуют. Обманчиво популярное представление о том, что носители диалектов одного языка могут друг друга понимать, а носители разных языков не могут. Понимание — вещь относительная, оно может быть большим или меньшим, это не некая абсолютная категория, которая или есть, или нет. На практике понимание зависит и от случайных факторов, таких как темп речи, тема разговора, культурный уровень и даже внимание слушающего в момент разговора. Кроме того, известно, что носители разных диалектов некоторых языков с трудом понимают друг друга (итальянцы с юга и севера, словенцы из Приморья и Штирии и т. д.). Другой же язык иногда можно понять на элементарном уровне: во всех войнах, где встречались сербские и русские воины, им всегда удавалось поддерживать коммуникацию, оставаясь более-менее в рамках своего языка. Однако в среде, где уровень общественного развития выше, проявляются признаки, позволяющие при оценке ситуации избежать приблизительного подхода. Эти признаки — национальное самоопределение и использование разных литературных языков. Оба эти фактора сейчас явно отделяют словенцев от хорватов, так что об индивидуальности словенского языка спора быть не может. Что касается хорватских кайкавцев, то они по национальности не отличаются от остальных хорватов и пользуются тем же литературным языком, что дает повод их диалекты включать в сербскохорватские. Однако если бы мы оставались на почве чистой диалектологии, то могли бы найти два других решения, которые бы были более приемлемыми, чем такое деление. Или нужно было

бы хорватских кайкавцев включить в одну группу со словенцами, отделяя их от штокавцев и чакавцев, или выделить две отдельные единицы — словенские и хорватские кайкавские говоры. Ни то, ни другое не противоречило бы реальному состоянию кайкавских говоров, которые, развившись из основы, в целом общей со словенским языком, позже изменялись или особенным образом, или вместе с одним или другим соседом.

Чакавский говор возник на территории средневековой Хорватии, которая охватывала земли от восточной Истрии до устья Цетины. Примечательно, что чакавский говор в ярко выраженном виде распространен на всем побережье Кварнерского залива. Хотя словенская территория совсем близко, нигде словенский язык не достиг кварнерского побережья. Этот факт имеет большое значение при изучении вопроса о направлениях расселения славян. Скорее всего, все области вдоль Кварнера населялись с востока, а не с севера, тогда как словенский поток миграции стремился к Триестскому заливу и долине реки Соча. Кроме того, говоры Кварнерского залива объединяла и относительная легкость и интенсивность морских коммуникаций. Ясно, что попытки точнее установить роль каждого из этих двух факторов были бы тщетными. Впрочем, сама диалектная ситуация в Истрии очень поучительна. [Из говоров Истрии] ближе всего к типичным чакавским говорам стоит говор в Либурнии около городов Кастав и Опатия. Он занимает наиболее восточную территорию, которая до XI века принадлежала Хорватии, была от нее отделена и попала под власть франков, а потом немцев и австрийцев. До сих пор носят ярко выраженный чакавский характер, хотя и тесно связаны со словенским языком (в первую очередь типом *roka* вместо *ruka*), говоры к западу от горного массива Учка, около городов Раша и Пазин. Когда Истрия со временем разделилась на венецианскую и немецкую (точнее австрийскую) часть, эта область, как и Либурния, осталась за пределами венецианских владений. Однако в области Бузета, которая была подчинена Венеции и в которой связи с Триестским заливом и городом Копер — экономическим центром — были очень интенсивными, уже преобладают характеристики словенской диалектной основы.

Вдоль южного и западного побережья Истрии сохранился вплоть до наших дней в городах Ровинь, Воднян и еще некоторых маленьких местечках потомок латинского языка, который сейчас в науке называется истророманским языком. Связь с Италией

здесь была тесная и непосредственная, хорватская же и венгерская власть никогда на эти земли не распространялась (вместо этого с XIII или с начала XIV века здесь постоянно правила Венеция). Это не мешало славянским переселенцам-земледельцам селиться поблизости от этих городов. Еще с 804 года мы располагаем данными о жалобах городов на славянскую колонизацию, которую на их территории проводил местный франкский военачальник. Есть большая вероятность того, что говоры этих поселенцев, впоследствии стертые с географической карты новыми переселениями, были продолжением соседних говоров бузетской или пазинской зоны. Для западной Истрии, впрочем, характерно и внедрение венецианского итальянского диалекта, в первую очередь вдоль побережья и в городских поселениях.

Общие процессы развития чакавских диалектов захватили города Далмации (Задар, Шибеник, Трогир, Сплит), а также острова вдоль чакавского побережья, хотя эти города и острова часто бывали отделены от Хорватии. Сначала некоторые из них были под властью Византии, а позже обычно попадали под власть Венеции. Почти вся средневековая история Хорватии, как под местными правителями, так и позже под Венгрией, наполнена перипетиями вокруг этих городов и островов, вызванными византийским или венецианским господством над морем, личными интересами городских патрициев и их этнической обособленностью. Так, в части городов долго говорили на автохтонном романском говоре Далмации, так называемом далматинском языке. Этот язык окончательно вымер в конце XIX века (последние несколько веков на нем говорили только в городе Крке). Со временем ему на смену во многих городах пришел венецианский диалект — на нем говорили переселенцы из Италии и местное население, подвергнувшееся итальянскому влиянию. Славянский языковой элемент, которому отчасти удавалось проникнуть в города, был чакавским. Чакавскими стали и все острова вдоль хорватской части материка.

Макарское приморье между устьем Цетины и устьем Неретвы в Средневековье имело изменчивую политическую судьбу, в которой сменялись периоды самостоятельности и власти Сербии, Хорватии и Боснии. Такая сложная история обусловила и диалектную картину, в которой переплетаются чакавские и штокавские элементы. Переходные чакавско-штокавские особенности находим и в говорах западной половины Пелешаца и острова Ластово.

Здесь скрещивается влияние чакавской основы, которое, исходя из Сплитской части побережья, захватило Брач, Хвар и Корчулу, а оттуда перешло на Пелешац и Ластово, и штокавское влияние, которое распространялось материковым путем вдоль Пелешаца, а также морским — от Дубровника на запад. Определенную роль в этом, несомненно, играло и политическое господство Дубровника над островом Ластово с 1272 г. и Пелешацем с 1333 г. (до тех пор Пелешац был под Неманичами).

Переходных чакавско-штокавских говоров в Средневековье существовало много вдоль хорватско-боснийской границы, часто очень подвижной вследствие разнообразных поворотов истории. По всей вероятности, почти каждая изоглосса, отделявшая чакавцев от штокавцев, имела свое направление, что вполне естественно для лингвистической географии (кроме тех случаев, когда особые исторические или географические обстоятельства диктуют концентрацию изоглосс). Однако о мозаике переходных говоров, некогда существовавших в этой области, мы не знаем почти ничего, и наверняка в будущем будем знать ненамного больше. Переселение, начавшееся вместе с турецким вторжением, рассеяло и безвозвратно уничтожило эти старые пограничные говоры. Впрочем, и в самой средневековой Боснии большая часть говоров в основе имела переходные характеристики, но со временем в их развитии возобладало штокавское направление.

Еще в Средневековье чакавские говоры имели выраженную дифференциацию. На самом северо-западе, в Истрии, около городов Риека и Бакар, а также на острове Црес, развилось экавское⁹ произношение. В остальной части кварнерской зоны, на соседних задарских островах и вглубь материка, в Лике и далее до Купы и долины Уны, сформировалась комбинация экавского и икавского развития старого гласного ять (с одной стороны, *звезда*, *бело* 'белое', а с другой — *бриг* 'берег', *млико* 'молоко'), в то время как в далматинских областях возобладал икавский рефлекс, связавший юго-восточную часть чакавской территории с соседней западной частью штокавской. Кроме того, говоры Истрии и Кварнера сохранили глубоко архаический характер при наличии ярко выраженных местных особенностей, которые делают пестрой диалектную картину

⁹ Сербские и хорватские говоры по рефлексу ятя делятся на экавские, иекавские (или екавские) и икавские. — *Ред.*

даже таких маленьких территорий, как остров Црес или остров Крк. Напротив, в Далмации диалекты были более однородными, за исключением зоны, переходной к штокавщине. Особенную судьбу в этом регионе пережил ластовский диалект, где, конечно, не без влияния Дубровника, установился [и]екавский рефлекс ятя.

К востоку от границ кайкавской и чакавской зоны, на территории, простиравшейся вплоть до рубежа между западной и восточной группой южных славян, сформировались штокавские говоры. Генетически они близки к чакавским и удалены от кайкавских. Значительное число общих особенностей определило совместную исходную основу чакавской и штокавской эволюции в противоположность кайкавско-словенской. Здесь отсутствовало продление ударного слога в уже упоминавшихся типах *mǐsliši* и *dǒbri*. Серьезные изменения, затронувшие систему гласных, сходным образом происходили в большей части чакавских и штокавских говоров: носовой гласный *o* перешел в *y* (*рука*, *йуй* 'путь'), бывшие сверхкраткие дали *a* (*дан* 'день', *сан* 'сон'), а слоговой *l* перешел в *y* (*жути* 'желтый', *вук* 'волк' из *жлти*, *влк*). Это, безусловно, не означает, что не было более старых различий между чакавскими и штокавскими говорами и внутри самих чакавских (которые в целом, а особенно в северо-западной части, имеют достаточно древние связи, преимущественно лексического характера, с кайкавской и особенно со словенской языковой зоной). Однако число этих различий в языковой структуре было невелико по сравнению с фондом общих элементов. Кроме, правда, системы согласных, где базовая чакавская ситуация (совпадение *h* с *j*, то есть произношение *меја* 'межа', *осујен* 'осужден') предопределила систему с ограниченным набором аффрикат, в то время как штокавское состояние вело к дальнейшему увеличению числа этих звуков (здесь кроме *ц*, *ч*, *ћ* и *ђ* позже появилось и *џ*¹⁰, а во многих говорах и слитное *дз*). Принимая во внимание, что в раннюю эпоху эволюционные изменения, связанные с *ћ*, еще не произошли и что изоглоссы, отделяющие чакавщину от штокавщины, расходились, формируя скорее веер, нежели пучок, мы поймем, что тогда между двумя диалектологическими областями не было резких различий. Однако ситуацию изменили штокавские инновации, которые начали происходить начиная с XII и XIII веков, распространяясь

¹⁰ Буква *ћ* обозначает звук [ч'], *ђ* — [д'ж'] и *џ* — [дж]. — Ред.

приблизительно до хорватских границ, но иногда и за их пределами, на территории Далмации. Так возникли оппозиции: *внук / унук*, *йојдем / йођем* [‘пойду’], *все / све*, *чрн / црн* [‘черный’], *йисал / йисао* (каждый первый пример демонстрирует древнее и в то же время чакавское состояние, а второй пример содержит результат штокавского фонетического перехода). Перечисление подобных различий впечатляет одной особенностью: языковые инновации всегда на штокавской стороне. Чакавские говоры в целом глубоко архаичны — или эволюционно пассивны, что в принципе одно и то же. Вряд ли существуют специфические общечакавские инновации, которые бы охватывали большую часть чакавских говоров и не были бы общими с каким-нибудь соседним говором. С другой стороны, штокавский очаг инноваций показал себя как один из самых активных в южнославянской области.

Основной политической формацией, в которой развился штокавский диалект, была средневековая Сербия. На начальном этапе, судя по рассказу Константина Багрянородного X века и по границам государств сербских династий в более позднюю эпоху, она включала, кроме Рашки, Травунию (примерно от Требине до Никшича), Дуклю (позже Зету, а еще позже Черногорию), Захумле и Хум (большую часть Герцеговины) и Боснию. Единство между этими областями не всегда было полным. Помимо стремления к независимости отдельных вассальных правителей, этому способствовала дипломатия византийских и болгарских царей, а также разделенность территории Динарскими горами, через которые в то время только с большим трудом могли пробраться путники и навьюченный скот, причем с долгими перерывами на зимние месяцы. Тем заметнее единство описанной территории в отношении быстрого и полного усвоения всех штокавских инноваций, перечисленных в предыдущем абзаце (за исключением вышеупомянутого типа *йођем* ‘пойду’ в отдельных областях Боснии). Правда, возникает вопрос, не были ли обширные горные пастбища скорее мостом, а не преградой, предоставляя подвижному скотоводческому населению среду для встреч и пути для дальнейших передвижений. Впрочем, большая часть наших инноваций развилась в эпоху Неманичей, когда территория, о которой идет речь, целиком входила в состав одного государства, опять же за исключением Боснии, которая в 1332 г. захватила и большую часть Хума. Но факт остается фактом: динарские территории под властью Неманичей были очагом

инноваций, которые затем, охватив большую территорию, придали столь выразительные черты штокавскому диалекту.

В XIV и XV веках изменение ятя разделило и штокавские говоры. Экавский говор развился в Рашке, а иекавский в Зете и в восточной половине Боснии и Хума, примерно до реки Босны и Неретвы. В областях к западу от этих рек произошло икавское развитие ятя, как и на соседней чакавской территории. Эти новые изоглоссы переплетались с изоглоссами более древнего происхождения, но менее значимыми для языковой структуры, так как они встречались в меньшем количестве слов, чем рефлекс ятя. Картину еще более усложняло перемещение ударения к началу слова (*ośīavi* вместо *osīavi*, *jūnāk* вместо *jūnāk*), которое связало иекавские и икавские говоры в Герцеговине (Хуме и Травунии), отделив их от зетских и боснийских говоров, сохранивших старое ударение.

Средневековая Босния, первоначально входившая в состав сербских земель, окончательно отделилась от них еще в XII веке (правда, еще в середине XIII века бан Матия Нинослав своих подданных в грамотах неизменно называл сербами). По своей структуре боснийские говоры преимущественно являются штокавскими, но, как мы уже отмечали, содержат в своей основе и чакавские черты, что соответствует положению Боснии между сербскими и хорватскими землями. В этом, впрочем, боснийские говоры весьма неоднородны: по боснийской территории проходят многие древние изоглоссы, которые формируют говоры с различной степенью отступления от типичного штокавского состояния. Факт, что позднейшая эволюция пошла решительно в штокавском направлении, парадоксален: на основании истории Боснии, которая изначально принадлежала к сербским землям, а затем от них отделилась, можно было бы ожидать обратного направления развития.

К северу от Боснии, в нынешней Славонии, в Средние века под венгерским правлением развились штокавские диалекты с чертами периферийного типа. В них нетрудно обнаружить признаки перехода к чакавским и кайкавским говорам, а также черты, в которых исконные славонские говоры попросту отстают от типичной штокавской эволюции. В целом в славонских говорах поражает преобладание штокавских особенностей, более выразительное, чем в некоторых областях Боснии, хотя географическое положение и политическая и культурная история могли бы привести к совершенно противоположной ситуации. Изменение ятя,

конце слога (*носил, дебил* [‘толстый’]), или они изменялись по модели, отличной от обычной штокавской. Это обособление — результат политической изоляции и географической удаленности от штокавских эволюционных центров. Вполне возможно, что определенную роль сыграло и перемещение носителей этих диалектов на восток и юго-восток, о чем шла речь в предыдущей главе. Но еще больше, чем архаизмы, сегодняшний облик этих говоров определила серия балканских инноваций, о которых мы уже упоминали. Не всегда вполне ясно, в каком балканском языке зародилось каждое из этих инновационных явлений, но очевидно, что все они распространялись из одного балканского языка в другой. Вполне вероятно, впрочем, что в основном они возникли в неславянских балканских языках и оттуда проникли в языки славянские. Поэтому эти особенности не могут быть интерпретированы как доказательство генетического родства призренско-тимокских говоров с болгарским и македонским языком. Так что в данном случае не имеет значения, в какой степени эти особенности вошли в призренско-тимокские говоры из румынских или албанских диалектов, ранее распространенных и ассимилированных на этой территории, а в какой степени были переняты у македонских и болгарских соседей. В любом случае речь идет о вторичных чертах. Первичны те, которые были перечислены в первой главе данной работы. Изоглоссы этих особенностей проходят вдоль восточной и южной границы призренско-тимокской зоны и неопровержимо доказывают западно-южнославянскую основу этих говоров. Но очевидно также, что некоторые черты, возникшие позже, сегодня являются общими с болгарским и македонским языком, что придает говорам, о которых идет речь, переходный характер¹².

¹² Сербскохорватскими из этих говоров считаются те, на которых говорит сербское население (население на территории Сербии, за исключением Димитровградской и Босилеградской областей). Македонскими считаются говоры на территории Македонии, а болгарскими — говоры, на которых говорит население болгарской национальности (на территории Болгарии и в Димитровградской и Босилеградской областях с югославской стороны границы). Согласно существующей ныне практике, эти говоры изучаются отдельно в рамках диалектологии соответствующего языка. Отметим, что черты, общие для большинства македонских и болгарских диалектов, в наибольшей степени представлены в говорах на македонской и, соответственно, болгарской территории. Это согласуется с географическими условиями и историческими связями, а также с тем фактом, что в этих областях наряду с народными говорами функционируют македонский и болгарский литературные языки.

Фонетические и морфологические изоглоссы разделили эти говоры еще в Средние века на три группы, что, однако, не нарушило их эволюционной общности, поддержанной многими более поздними инновациями, охватившими всю территорию этой диалектной зоны. Самая восточная группа, которая сейчас называется тимокско-лужницкой, а ее часть, расположенная на болгарской территории, — белоградчицко-брезницкой, выделилась из штокавской сферы развития раньше всех, уже где-то в XII или XIII веке. Говоры этой группы покрывают горные территории по обеим сторонам сербско-болгарской границы, от босильградского края до окрестностей Заечара (вероятно, в прошлом они простирались и дальше на север, к устью Тимока). В Средние века значительная часть территории этих говоров долгое время оставалась за пределами сербской державы, даже в моменты ее расцвета. Немного ближе к штокавской языковой структуре говоры, которые мы привыкли называть сврлижско-заплянскими и с которыми в главных чертах, хотя и с большим числом вариаций в деталях, схожи говоры северномакедонского пояса от Тетова до городов Кратово и Крива-Паланка. Территория этих говоров охватывала долину Южной Моравы, а также соседней области в северной Македонии. Эти территории в Средние века по большей части находились под властью Неманичей, и турки отвоевали их у сербских правителей и феодалов. Наконец, самая западная формация, лингвистически самая близкая к типичному сербскохорватскому состоянию, развилась в Метохийской котловине и в юго-восточной части Косова. Эти земли не принадлежали к исконным территориям Рашки, но вошли в ее состав еще в эпоху Немани или [Стефана] Первовенчанного и географически были тесно связаны с более северными районами, присоединенными к Рашке уже в X веке. Выделение этих говоров, сегодня называемых призренско-южноморавскими, из штокавской языковой среды произошло примерно во второй половине XIV или в первое десятилетие XV века. Хотя распределение особенностей вдоль линии восток — запад географически и исторически вполне ясно, кое-что смущает в датах, которые называют лингвисты. Эти даты предполагают, что данные диалекты эволюционировали одновременно с рашскими в период, когда территория их распространения не принадлежала Рашке, и что они пошли другим путем как раз тогда, когда она вошла в состав сербских земель. Возможно, нужно пересмотреть наши представления об

этом вопросе и предположить, что эти диалекты уже около XII века перестали принимать штокавские инновации, но в эпоху политического единства с большей частью сербов в этих говорах все-таки возникали иногда инновации штокавского характера, особенно в призренско-южноморавском диалекте. При этом источник эволюции был несколько иным и результаты процесса отличались от типично штокавских. Так, и в призренско-южноморавских говорах произошел переход *л* на конце слога в гласный, но этот гласный был не *о*, как в штокавских областях, а *а* (*носија* ['носил'], *дебеја* ['толстый'], а не *носио*, *дебео* из древнего *носил*, *дебел*). Аналогично слоговой *л* здесь перешел в *у*, как в штокавских говорах (*жлий* ['желтый'], *йльче* 'толчет' дало *жуи*, *йуче*), но в ряде примеров, где слоговой *л* несколько ранее перешел в *лу* (*слунце* ['солнце'], *длуг* ['долг'] из *слнце*, *длг*), группа *лу*, естественно, сохранилась, что составляет отличие от типично штокавской ситуации. Позже, когда политическая ситуация опять изменилась, эти говоры, разумеется, сошли с пути штокавского развития.

К югу от границы говоров с призренско-тимокской основой простирается область македонских диалектов, происхождение которых решительно отличается от восточно-южнославянского. Однако специфические фонетические преобразования направили эти диалекты по пути, отличному от болгарской эволюции, и сформировали их таким образом, что позже они приобрели черты переходности между восточно- и западно-южнославянской языковой зоной. В результате с обеих сторон языковой границы возникли области с переходными характеристиками вторичного происхождения и с хорошо просматривающейся основой, которая однозначно относит говоры этих территорий к той или другой подгруппе южнославянских языков.

Еще примерно в X–XI веках македонские говоры отличались от болгарских процессом совпадения сверхкраткого непереднего ряда *ѣ* с гласным *о* (*сон* вместо болгарского *сън* в значении 'сон'). При этом в македонском исчезло смягчение согласных, сохранившееся в большинстве болгарских говоров, в то время как старый гласный *ять* перешел в *е* (правда, оба эти явления охватили и западноболгарские говоры, которые составляют малую часть болгарских диалектов). Вместо типичной восточно-южнославянской группы согласных *шт* и *жд* (в примерах типа *ношт* ['ночь'], *межда* ['межа']), появились гласные *ќ* и *џ* (*ноќ*, *меѓа*), очень близкие к

сербскохорватским *h* и *h̑*. Так сложилось, что бóльшая часть македонских говоров по звуковому составу почти совпадает с бóльшей частью сербских говоров и заметно отличается от большинства болгарских диалектов. Этот поворот в развитии македонского языка было бы сложно объяснить без учета культурного и языкового влияния с севера в конце XIII — начале XIV века в период установления власти Неманичей. Исторические документы свидетельствуют о том, что смена политической власти сопровождалась поселением на македонских землях сербских феодалов, между которыми были разделены подчиненные области. Престиж этих правителей и их окружения, состоявшего по большей части из сербских переселенцев, очевидно, был достаточно высок для того, чтобы создать языковой образец для местного населения. Правда, сербское политическое господство в Македонии продлилось не больше одного столетия. В конце XIV века Македония попала под турецкое владычество, под которым оставалась целых пятьсот лет. Но при этом не прервалось сербское влияние. Оно еще некоторое время доминировало в культуре. Этому, по всей вероятности, способствовало то, что, попав под турецкую власть, Македония до 1459 года продолжала существовать как христианское государство и поражать своей культурной активностью. Когда в XVI веке была восстановлена Печская патриархия, под ее юрисдикцию попала и значительная часть Македонии. Примечательны и данные турецкой переписи населения второй половины XV века: среди населения Прилепа были жители, носившие имена *Углеша*, *Оливер* и *Остоя*, которые, согласно историческим источникам, в XIV веке принадлежали сербским дворянам в Македонии. Из этого, очевидно, можно сделать вывод, что среди македонских христиан и дальше сохранялась мода на образец, существовавший в последний период сербского владычества перед турецким завоеванием.

Языковое влияние, которое внесло в македонские говоры довольно много черт, общих с сербскими соседями, различалось по силе в разных частях македонских земель. Сильнее всего это влияние ощущалось в северных и северо-западных областях, а чем дальше на юг и восток — тем слабее. Зона его более сильного действия совпадает с территорией современной республики Македонии. На территории Пиринской и Вардарской Македонии оно было слабым, а в самых удаленных областях, например около Салоник и в долине Месты, не ощущалось совсем.

3

Эпоха турецких завоеваний принесла в наши земли существенные перемены не только в политическом, но и в этническом плане. Начался долгий и сложный цикл миграций, в результате которых перемещались огромные массы населения. Мотивы этих миграций были разнообразны, но основная, самая глубокая причина всегда была одна: тяжкие, мучительные человеческие страдания. Они принуждали людей искать от них спасения, покидая родные края, или порождали в них мстительную решительность бороться с невзгодами оружием и ради этого селиться на землях, откуда было возможно вести эту борьбу.

Османские военные походы и характер власти были, судя по их действию, вовсе не похожи на войны между христианскими правителями и на их образ правления. И до турок были и войны, и разорение, и смена власти, и плохое правление, но нет сведений о том, что из-за этого народ огромными массами менял свое место жительства. Можно предположить, что народ верил, что все правители примерно одинаковы и что побег от одного к другому не имел бы смысла. Впрочем, это не наблюдалось и в самом начале турецкой эпохи. История конца XIV века не сохранила никаких данных об этом, а известные нам случаи, относящиеся к первой половине XV века, касаются отдельных семей дворян, а не больших масс населения. Но в более поздний период миграция усиливалась. Способы захвата турками земель вдоль границ становились все более жестокими по отношению к населению, и жизнь под турецким владычеством была все мучительней. Со временем турки разработали тактику захвата, которая напоминала прежние набеги аваров и славян на византийские земли. Турецкие пограничные власти ввели в обычай вооруженные экспедиции внутрь территорий христианского соседа, при которых грабили, уводили в рабство, убивали и жгли, но чаще всего избегали встреч с сильными неприятельскими отрядами. Остатки населения в опустошенных землях рассеивались в панике, а пограничные крепости оставались брошенными на опустевшей территории, лишённые источника снабжения в окрестностях и потерявшие стратегическую необходимость, так как им нечего больше было охранять. Это заставляло христианского правителя отступить на новую оборонительную

линию, и на ней игра начиналась снова. Нетрудно представить, какими были последствия этих событий для этнической картины областей, где они происходили. В целых регионах не осталось и следа от старого населения. Его уцелевшие остатки рассеивались по далеким краям и чужим землям, поэтому на сегодняшний день есть диалекты, сохранившиеся только в диаспорах, в то время как некоторые другие и там исчезли безвозвратно. Противовесом этому стала колонизация опустошенного пояса беженцами с территорий, которые уже были под турками. Уже во второй половине XV века защита южной венгерской границы была по большей части в руках бежавшего сербского дворянства, которому венгерские правители щедро выделяли в собственность территории, где массами селились сербы из покоренных областей. А когда после Мохачской катастрофы¹³ в 1526 г. Габсбургская империя, включив в себя Венгрию, получила Турцию в качестве ближайшего соседа и главного неприятеля, австрийские военные власти продолжили практику привлечения христианских подданных Турции, чаще всего сербов, и постепенно организовали вдоль границы эффективную оборону, состоящую из защитников, у которых были свои причины ненавидеть турок лютой ненавистью. Позже она приобрела форму военной границы, которая из-за каприза истории (или, возможно, вследствие геополитики) в XVIII веке в основном совпала с линией, вдоль которой двенадцать веков назад был развернут византийский пояс для защиты от аварско-славянских набегов — с единственным отличием: теперь набеги шли с юга, а не с севера. Среди «ускоков»¹⁴ на венецианской территории около Задара, а также на австрийской в Сене феномен пограничной обороны, состоящей из перебежчиков-христиан, имел более спонтанные и менее регулируемые формы, но эффект в сущности был тот же самый.

Условия жизни христиан в Турции часто действительно давали повод для эмиграции. Положение в османской империи только вначале было терпимым. Вскоре, наряду с постоянным религиозным давлением, были введены высочайшие подати, детей

¹³ Битва при Мохаче — сражение между армией хорватско-венгерского королевства и армией Османской империи, в ходе которого хорватско-венгерское войско было разгромлено. — *Ред.*

¹⁴ Ускоки — сербы, бежавшие из Османской империи в пограничные австрийские и венецианские области. — *Ред.*

бесчеловечным образом уводили в янычары, страдало население в тех областях, через которые проходили войска султана, направляясь в военный поход или возвращаясь из него. Когда ситуация в империи начала ухудшаться, беззаконие и самоуправство отдельных турок стали повседневностью. Христиане не были защищены от грабежей, изнасилований и даже убийств. Участились случаи убийства турок при самообороне или из мести. Единственным выходом для такого убийцы было бегство в далекие края. Раздавленная тяжелейшими невзгодами, райя¹⁵ в отчаянии и надежде радовалась каждой войне турок с христианскими государствами. Всякий раз, когда для этого была возможность, райя присоединялась к христианской армии или даже поднимала восстания, не дожидаясь ее прихода. А если удача не сопутствовала христианам, колонны беженцев устремлялись с территории Турции, чтобы избежать мести. На австрийской или венецианской территории для них всегда находилось место. Благодаря войнам и болезням незаселенных земель хватало, а пришельцы выказывали готовность делать то, что для венских и венецианских правителей было самым важным: проливать кровь, охраняя границу с Османской империей. Во всяком случае, переселенцы не вытесняли старое население, а заполняли собой популяционные пустоты. Это, например, значит, что в Хорватии сербы не отняли землю у тех, кто жил здесь раньше. Вследствие феодального устройства общества, которое не давало крестьянам оружие в руки, население не могло справиться с набегами турок и укрывалось в более безопасных районах. Переселившиеся сербы приняли на себя риск: став профессиональными военными, они превратились в вооруженных защитников Хорватии и империи Габсбургов в целом. Взамен с них были сняты феодальные повинности, что вызвало враждебное отношение к ним не столько среди хорватских крестьян, продолжавших находиться в прежнем положении по отношению к своим господам, сколько у самих господ, которые не могли пережить, что из их рук ускользнуло столько земли и столько людей, на ней живущих.

И сами турки, руководствуясь своими причинами, часто переселяли население — чаще всего «на окраину» [серб. «на крајину»], вдоль границ с христианскими государствами. И им было

¹⁵ Христианское население в Османской империи. — *Ред.*

нужно, чтобы в этих опустевших районах поселились люди, которые будут обрабатывать землю, платить налог и кормить армию. Иногда христиане поступали на турецкую военную службу. Упоминания о таких вооруженных отрядах, называемых арматолами, нередки в исторических источниках. Правда, из них бывало много перебежчиков на христианскую сторону. Конечно, в турецких пограничных войсках в основном служили мусульмане — носители нашего языка¹⁶, которых переселяли из глубинных районов османской территории. Когда позже турецкая власть начала терять земли, каждое подобное событие сопровождалось выселением местного мусульманского населения.

В течение XIX века, начиная со времени Первого восстания, сербы, проживавшие в областях, остававшихся под властью Османской империи, стремились переселиться в освобожденную Сербию. Значительная часть населения Сербии в докумановских границах¹⁷ — результат таких переселений.

Кроме переселений, вызванных обстоятельствами, которые мы можем назвать политическими в широком смысле этого слова, были движения, вызванные экономическими причинами. Из бедных горных краев в плодородные долины и на равнины стекалось население, которое традиционный полукочевой образ жизни балканских скотоводов делал очень подвижным. Сегодня трудно сказать, почему в высокогорных районах прирост населения обычно был быстрым. Насколько этому причиной было более крепкое здоровье как результат хороших климата и воды, а насколько — относительная защищенность от бед, которые в десять раз сократили население равнин, сегодня сказать сложно. Но нетрудно понять, что в низинах, некогда полных неосушенных болот и одновременно бедных хорошей водой, люди страдали намного больше, кроме того, их разгоняли грабежи и разорения. Особенно трудно было прожить на главных стратегических направлениях, вдоль больших трактов, по которым обычно передвигались царские войска. А на Динарском нагорье, где выпас так зависит от дождей,

¹⁶ Славянское население Сербии, Черногории, Боснии, принявшее ислам в период турецкого владычества. — *Ред.*

¹⁷ Южная граница Сербии (граница с Турцией) по решению Берлинского конгресса 1878 г. Сохранялась до начала Первой балканской войны (1912 г.). — *Ред.*

неурожайные годы должны были быть ужасны в те времена, когда не было никого, кто мог помочь голодающим, и когда не было ни картофеля, ни кукурузы — культур, завезенных в Европу из Америки, которые сегодня, насколько это возможно, облегчают жителям гор борьбу с засухой. И когда какой-нибудь весной после засушливого предыдущего года в горах начинался голод, пастухи с последней овцой отправлялись в путь к равнинам, вынужденные примириться с тем, что в новой среде будет больше напряженного физического труда, разных болезней, налогов и насилия со стороны турок. Движения, обусловленные такими факторами, были постояннее других, потому что их причины носили долгосрочный характер. И неудивительно, что такие миграции продолжились, изменившись внешне, но сохранив прежнюю суть, и в XX веке, во время колонизации Воеводины после Первой, а затем и после Второй мировой войны. Это дает нам повод задать вопрос, не было ли похожих переселений в Средние века, еще до нападения османов. Исторические источники, правда, об этом молчат, но природа этих миграций такова, что невозможно было бы в принципе ожидать упоминания о них в письменных источниках того периода. Что же касается народного предания, то мы можем быть уверены, что оно стерлось из памяти за такое количество веков. С другой стороны, экономические причины миграций существовали, по крайней мере частично, и до прихода турок.

Основное направление миграций по политическим причинам, совершенно очевидно, совпадало с направлением расширения османского влияния: с юга и юго-востока к северу и северо-западу. В динарских областях это означает движение вдоль горных цепей, например от Герцеговины к Лике. В противоположность таким миграциям, переселения, продиктованные экономическими причинами, обычно шли самым коротким путем от горных хребтов к низинам, следовательно перпендикулярно хребтам. Динарское нагорье служило мощным источником миграций с общим направлением от юго-запада к северо-востоку — от Черногории к Шумадии, от Герцеговины к Подринью, от Лики к Славонии или Бачке и т. д. Передвижения от динарских горных вершин к берегу Адриатики были гораздо менее значительны. Здесь теснее пространство, и, что еще важнее, совсем мало плодородной почвы, способной принять поселенцев. Впрочем, в этом регионе не всегда легко отличить по направлению переселения

экономические миграции от политических. Последние много раз тяготели к прибрежным областям, чаще всего не захваченным османской властью.

Формы, в которых осуществлялись переселения, были различны — от организованного перемещения больших популяционных масс, обычно под предводительством священства, до изолированных переселений отдельных людей или отдельной семьи. Этническую картину наших земель больше всего изменили именно мелкие миграции, напластовавшиеся друг на друга с течением времени. Обычно за переселением первой семьи, которая выполняла роль разведки, постепенно переселялись и другие. За все время, пока длился процесс такого перемещения людей, контакт между переселившимися и теми, кто еще жил на старом месте, не прерывался. Частыми были поэтапные миграции: много раз засвидетельствовано, что какая-нибудь семья в одном поколении переселялась, например, из Герцеговины в Ужицкий край, а одно из следующих ее поколений — на Колубару или Тамнаву, а оттуда в Срем. Таким образом люди постепенно справлялись с мучительной сменой климата и образа жизни. О подобных невзгодах, которые испытывали люди в прошлые века, мало конкретных данных. Но мы с уверенностью можем судить об этом по трудностям адаптации, испытанным в XX веке колонистами в Воеводине, в современных условиях, которые куда легче, нежели в прошлом, когда не было организованной помощи поселенцам. Наибольшие трудности в прежние века доставляли болезни, беспощадные к слабым пришельцам, и привыкание к земледельческим работам..

Нашей науке известно о миграциях достаточно много. О землях, находившихся под австрийским управлением, мы обычно располагаем данными архивов — хотя нередко только о самом факте заселения места в определенное время, но не о происхождении переселенцев. Немало сообщают исторические источники и о венецианских территориях. В отношении остальных регионов источником информации чаще всего служит народная традиция, рассказывающая о происхождении каждой семьи. Начало XX века застало эту традицию весьма живой на большей части территории Сербии и в динарских краях, прежде всего в более южных. Данные этой традиции, как правило достоверные, сохранены благодаря научным трудам о происхождении населения отдельных районов. Эти исследования, выполненные на основе полевого материала,

опубликованы в «Сербском этнографическом сборнике». Кроме того, о происхождении переселенцев свидетельствует их диалект — правда, в общих чертах, без учета истории отдельных семей и с приблизительной фиксацией места, откуда началась миграция. Однако диалект дает надежную информацию и, что особенно важно, повсеместно, в отличие от архивных документов и народного предания, которые во многих случаях не дают информации. Когда речь идет о небольших изолированных группах старых поселенцев, диалект нередко становится единственной опорой для наших выводов, и не только в отношении того края, откуда происходило переселение, но и в отношении эпохи, когда оно произошло.

Миграции вызвали перемещение более половины носителей сербскохорватского языка. Правда, они охватили не все края в одинаковой степени. В некоторых регионах, главным образом периферийных, преобладает коренное население: в основном это края, которые давали большое количество переселенцев, но не всегда. В других областях переселенцы составляют подавляющее большинство. Есть даже места, где не сохранилось ни одной семьи старожилов. Обычно из подобных мест происходили мигранты, которые потом переселялись в другое место, например в диаспору. Можно предположить, что старое население кое-где было полностью истреблено, но это очень сложно установить для каждой области. (Отметим также, что население, которое раньше жило в некоторых северных районах сербскохорватской языковой территории, было не славянским, а венгерским, и его дальнейшее передвижение не относится к области наших исследований.)

Меньше всего переселенцев на крайнем востоке и северо-западе: в области тимокско-лужницкого диалекта на болгарской границе и в районах, которые когда-то назывались Банской (или Гражданской, или Провинциальной) Хорватией (между западными границами бывшей Военной Краины и словенской границей). Далматинские острова занимают переходное положение: число переселенцев значительно, но коренное население все-таки преобладает. Во всех других областях нашего языкового региона преобладают переселенцы. Так, процент старожилов совсем маленький в западной, северной, центральной и южной Сербии, а у сербов в западной Боснии и Хорватии этот процент равен нулю. Тем не менее внутри огромной области, заселявшейся в ходе миграций,

одна этническая формация отличается относительно большей стабильностью. Это мусульмане.

Некоторые районы, обычно высокогорные, сыграли в истории роль постоянного источника переселений. Наиболее активными среди них был пояс самых высоких Динарских гор на водоразделе между бассейнами Адриатического моря и Дуная: от областей к западу от Сараева, герцеговинских плоскогорий и черногорских скал до массива Проклетие. Большую роль сыграли и миграционные очаги вдоль южных и восточных границ Сербии, около таких массивов, как Шар-Планина, Стара-Планина и Сува-Планина.

Йован Цвиич, внесший наибольший вклад в исследование миграций нашего населения, разделил миграционные передвижения, а точнее, переселившееся население, на несколько «потоков» в зависимости от местности — источника переселения.

Самым значительным потоком, охватившим при заселении наибольшую территорию, Цвиич считает динарский. В настоящее время население динарского происхождения проживает в большом числе, кроме непосредственно динарских областей — Черногории, Герцеговины, Боснии, материковой Далмации, Истрии и Хорватии южнее Купы, — еще и на большей части территории Сербии, в Среме, Бачке, Баранье, Славонии и части центральной Хорватии непосредственно к западу от славонской границы. Но подобная классификация оперирует слишком крупной единицей. Не все переселенцы из динарских областей — носители одинаковых этнических черт и одного и того же диалекта, они даже не одной веры, а это сегодня означает, что они не принадлежат к одному народу. Кроме того, в самих динарских землях (которые занимают почти половину нашего языкового ареала) население происходит из разных районов. Кое-где различаются коренное и пришлое динарское население, а где-то это две группы переселенцев, во многом отличающиеся друг от друга. Целесообразнее поделить динарский поток на несколько крупных формаций, районы происхождения которых располагаются вдоль Динарского хребта.

Самый северо-западный из мощных источников миграций можно назвать южнохорватским. Из района в окрестностях Уны и далее на запад до Купы и Адриатического моря на участке южнее Винодола, а также из материковой Далмации от Велебита до Цетины переселялись католики — носители чакавского диалекта.

Представители этого потока появились во многих районах Истрии, на острове Крк, в различных местах кайкавской северной Хорватии и далее на севере, в словенских землях, на самом востоке современной Австрии и в прилегающих областях Венгрии и Чехословакии — на всех землях, входивших в империю Габсбургов. Этой же империи (точнее, венгерско-хорватскому королевству, которое перешло к ней после битвы при Мохаче в 1526 г.) принадлежала и очаговая область распространения этого миграционного потока, но в течение XVI века ее частично захватили, а частично разграбили турки, что вызвало миграции. Так эта область осталась по большей части без чакавского населения, которое сменилось населением штокавским.

Из западной Герцеговины с прилегающими районами Далмации (Макарским приморьем) и соседними боснийскими областями двигался поток, состоящий из католиков и частично из мусульман, штокавских икавцев, распространяясь по остальной части материковой Далмации, а на периферии даже по северной Бачке и Подунавью центральных районов Венгрии.

Самый сильный миграционный поток происходил из восточной Герцеговины, из старого Хума восточнее реки Неретвы и из Требиньской области. Здесь имеется в виду Герцеговина в ее исторических границах эпохи герцога Стефана, который в 1448 г. короновался в монастыре Милешева как «герцог святого Саввы» и по имени которого Герцеговина получила свое название. Его государство, кроме современной Герцеговины, включало в себя еще и северо-западную половину республики Черногории и юго-западный уголок Сербии с монастырем Милешева. Из этих горных районов — колыбели средневекового сербского государства — переселения распространили сербов — носителей иекавицы с новоштокавским ударением по всей западной Сербии, по Воеводине, по разным районам Славонии и Бараньи, по многим районам Хорватии и по северным областям материковой Далмации. Хорватию и северную Далмацию заселяли сербы главным образом из Боснийской Краины, области, которая служила перевалочным пунктом на пути к северо-западу и западу.

С территории Зеты, то есть Черногории без ее самых восточных областей и так называемой Черногорской Герцеговины, которые отошли к Черногории только в 1878 и в 1912 гг., переселялись носители зетского диалекта (тоже штокавского иекавского,

но отличающегося от герцеговинского) в долину Лима и дальше рассеялись по Сербии, чаще всего растворяясь среди носителей другого диалекта.

Все миграционные потоки, источники которых находились за пределами динарской области, произошли из Сербии (в меньшей степени из ближайших регионов в Албании, Македонии и Болгарии) и состояли исключительно из православных носителей экавского говора, захлестнувших различные регионы Сербии. Здесь мы различаем три потока: косовско-метохийский, вардарско-южноморавский и шопский.

Косовско-метохийский поток перенес к северу и северо-востоку штокавский экавский диалект старой Рашки. С севера метохийской (косовской) котловины и из соседних горных районов этот поток двигался вдоль Копаника с обеих его сторон, через Западную Мораву и Шумадию и долину Великой Моравы дальше к северо-востоку, до Тимока и Джердапа.

Вардарско-южноморавский поток брал начало на сербско-македонском пограничье: в Призренском крае, юго-восточном Косово и близлежащих горах и плоскогориях, в Скопской Черногории и в более южных македонских районах. Диалект переселенцев был преимущественно призренский, с которым перемешивались северномакедонские говоры с призренско-тимокской основой, а кое-где и западнамакедонские говоры или говоры центральной Македонии. В этом случае основным направлением движения также были север и северо-восток. Достигнув долины Южной Моравы, поток заполнил ее и продвинулся дальше, частично вниз по Великой Мораве и по восточной Шумадии.

Главную область шопского миграционного потока образуют горные районы с обеих сторон сербско-болгарской границы от окрестностей Заечара до Осогова. Переселенцев из этой области мы застаем рассеянными по долинам Южной и Великой Моравы, по восточной Шумадии и окрестностям Белграда, в районе устья Тимока по обеим сторонам границы и дальше к востоку в соседних районах Дунайской равнины в Болгарии.

Во многих краях, особенно в Сербии, миграционные потоки сильно перемешивались. Самый пестрый этнический состав демонстрирует Шумадия. Она в каком-то смысле представляет собой синтез всех ветвей сербского этноса. Здесь мы находим динарцев обоих типов, герцеговинского и зетского. Широко представлены,

в первую очередь в восточной Шумадии, косовско-метохийский, вардарско-южноморавский и шопский потоки. Помимо этого здесь есть и следы старого населения, прежде всего в диалекте. Что касается Воеводины, она в этническом смысле является продолжением северной Сербии — конечно, когда речь идет о сербском населении. Здесь в основном присутствуют те же демографические компоненты, но почти везде они полностью растворились в основе, перенесенной из северной Сербии или образовавшейся в самой Воеводине, точнее в тех ее частях, в которых и перед османским нашествием проживало славянское население.

Преобладание исконного диалекта вопреки количественному перевесу семей переселенцев во многих регионах ставит перед нами вопрос, как случилось, что меньшинство навязало свои особенности большинству. Ответ неоднозначный, потому что причин много и они очень глубокие. Основное преимущество старожилам дает престиж, который складывается из большей приспособленности к окружающей среде, более успешного хозяйствования, часто и обладания лучшими землями (так как пришельцам остается та земля, которая прежде не обрабатывалась) и проживания в лучших домах («новички», кроме того, что имеют в распоряжении более скудные средства и опыт, часто вынуждены строить свои дома на скорую руку, чтобы иметь какую-нибудь крышу над головой). В такой неравной психологической ситуации старожилы становятся примером во всем, в том числе и в языке. Кроме того, местное население всегда компактно, тогда как переселенцы во многих местах бывают различного происхождения, каждая группа переселенцев тянет в свою сторону, так что в результате они нейтрализуют друг друга. И наконец, мигранты обычно заселяются поэтапно и бывают последовательно ассимилированы. Так, семьи из старых иммигрантов, уже приспособившиеся к жизни на новом месте, оказывают ассимилирующее влияние на новую волну переселенцев. Разумеется, каждый раз в говоре появляются наложения, значительные или нет, но чаще всего их недостаточно, чтобы совладать с живучей базой местного говора. Чтобы диалект переселенцев выжил на новой территории, было необходимо, чтобы старое население полностью или почти полностью исчезло или чтобы на пути к взаимопроникновению двух групп населения встало различие в вере. В истории наших земель контакт между соседями разной веры обычно был слабый, смешанные браки были

исключением, а язык и другие особенности охранялись как знак этнической идентичности. Тем не менее долгое соседство обычно порождало какое-нибудь языковое влияние. Буневцы в Бачке сохранили свое икавское произношение и большое количество других особенностей, принесенных со старого места жительства, но способ произношения отдельных гласных и согласных переняли у сербов Бачки. Речь идет о трудно уловимых фонетических явлениях, которые ускользают от сознания носителей диалекта и незаметно просачиваются сквозь психические фильтры защиты обособленности своей группы.

Под ударом миграций географическая карта наших диалектов была сильно перекроена. Среди них не осталось практически ни одного нетронутого территориальными изменениями: некоторые расширили свою территорию, некоторые сократили, сохранившись в далеких анклавах, а некоторые диалекты вообще были стерты с лица земли.

Кайкавская территория на востоке и юге сужена в пользу штокавской, а на западе сокращена прорывом чакавских переселенцев. Кроме того, она испещрена разбросанными поселениями носителей штокавского диалекта в восточных районах и чакавского — на юго-западе и западе. Довольно длинный пояс чакавских сел, говор которых, правда, впоследствии был сильно кайкавизирован, образовался вдоль словенской границы в районе к западу от Загреба.

Территория чакавского диалекта в результате миграций сократилась в половину. Ее материковая часть разбита на не связанные друг с другом и чаще всего маленькие районы, частью расположенные вдоль берега, а частью в глубине материка в Лике, в области Горски Котар и долине Купы (при этом говоры, находящиеся вдоль далматинских берегов и в Лике, переняли довольно много штокавских особенностей). Только на островах чакавская территория практически не сократилась. Всего в пяти или шести небольших селах, разбросанных по разным островам, обосновались носители штокавского диалекта. С другой стороны, чакавское население из материковых районов продвигалось на север, спасаясь от турок. Мы уже упомянули о чакавских поселениях на кайкавских землях. В одной их части был распространен чистый икавский говор, а в другой — икавско-экавский говор. К северу от этой области чакавцы небольшими группами расселились по многим областям

Словении, но почти везде были ассимилированы. Однако основную массу чакавских беженцев приняли более северные районы на австро-венгерской границе. Вдоль ее южного участка, от окрестностей венгерского города Сомбатхей до северо-восточного клина нынешней словенской территории, расселились носители чакавской икавицы с некоторыми штокавскими особенностями. По всей вероятности, они происходили из районов, находившихся неподалеку от нижнего течения Уны. Севернее, с обеих сторон австро-венгерской границы и даже в Словакии около Братиславы и в Моравии к югу от Брно, поселились чакавцы с икавско-экавским говором, пришедшие из краев к югу от Купы, со стороны Уны и Лики. В дальнейшей судьбе этих удаленных языковых островов решающую роль сыграл тот факт, что переселенцы не группировались на компактной, закрытой территории. Больших незаселенных областей не было, и мигрантам пришлось занять свободные участки земли, расселяясь среди местного населения, которое говорило чаще всего на венгерском или немецком языке. Таким образом, каждое отдельное хорватское поселение жило в непосредственном соседстве с местными жителями, которые, как таковые, находились в экономически более благоприятных условиях и обладали общественным престижем. Кроме того, венгерский и немецкий языки имели привилегированный статус как языки правящих народов. Эти обстоятельства открыли широкие возможности для ассимиляции хорватского населения, большая часть которого перешла на венгерский или немецкий язык (а около Братиславы на словацкий). Тем не менее, до наших дней в этих районах сохранилось несколько десятков сел, где чакавский говор все еще жив (хотя он находится под угрозой скорого исчезновения).

Часть чакавского населения, захваченного миграциями, поселилась в регионах, которые и до этого были чакавскими. Икавско-экавские переселенцы из Лики и Велебитского края заняли две области на полуострове Истрия, на территории, принадлежавшей в то время Австрии, и юго-западную часть острова Крк, где в северо-восточной части сохранились автохтонные говоры, также икавско-экавские чакавские, но с совершенно другими особенностями. Во всех трех местах — на Крке и в обеих истрийских зонах — вместе с носителями чакавских говоров поселились и влашские пастухи, которые в Истрии в основном выжили, а с Крка исчезли. Далее, икавско-экавские чакавцы близкого происхождения

поселились в селе Драга, на востоке от города Риека, а окрестности города Гробник к северу от нее заняли икавско-экавские колонисты из Хорватского приморья. Наконец, западную и южную Истрию заполнили икавские переселенцы, при этом чистый чакавский говор был представлен в Буйштине, а в южных краях существовала полоса переходных чакавско-штокавских говоров. Говор второго типа закрепился и в нескольких селах на плоскогорье Чичария, на самом севере Истрии.

Первоначальная территория распространения этих диалектов располагалась в глубине далматинского побережья, где-то за горой Биоково и возле реки Цетина. Под натиском турок население хлынуло к землям под венецианским господством в районе городов Задар, Шибеник и Сплит (там местами сохранились следы этого диалектного типа, смешанного с местными чакавскими говорами). Но так как постоянные нападения турок сделали невозможной жизнь в этих областях, беженцы должны были продвигаться дальше. Венецианские суда перевезли их в районы Истрии, находящиеся под управлением Венеции, и там они заселили земли, опустошенные эпидемиями. Этим венецианские власти решали сразу две проблемы: разгружали перенаселенный далматинский берег и в то же время восстанавливали хозяйство в опустевших областях Истрии.

На всем протяжении чакавско-штокавской границы, за исключением Пелешаца и окрестностей устья Цетины, миграции стерли старые пограничные переходные говоры. Их место заняли говоры, сформировавшиеся в глубине штокавской территории, с яркими штокавскими особенностями. Это сделало границу между чакавскими и штокавскими говорами чрезвычайно резкой. Она и сегодня остается таковой, хотя местами смесь диалектов и позднее влияние с одной и другой стороны создали вторичные комбинации чакавских и штокавских особенностей.

Штокавцы-икавцы католического вероисповедания из западной Герцеговины и соседнего Макарского приморья обосновались во многих местах на материке в средней и северной Далмации, возле Велебита и в Лике, в основном западной, вплоть до области Горски Котар. Мы уже упомянули, что существует и несколько сел на далматинских островах, где распространился штокавский говор. За исключением одного случая, речь идет о таком икавском диалекте. В областях Лика и Велебит часть переселенных

икавцев, происходящих из герцеговинских областей к западу от реки Неретва, носит название буневцев. В XVII веке, в два этапа, группы буневцев из Лики и Велебита переселились в северную и северо-западную Бачку, в район городов Суботица, Байя и Сомбор, где буневцы и их икавский диалект сохранились до наших дней. Далее, на севере, в Венгрии вдоль Дуная, также во многих местах появляются буневские поселенцы, но с течением времени они подверглись частичной мадьяризации.

В трех селах в области Молизе в южной Италии и сегодня проживают переселенцы, говорящие на икавском диалекте, в котором преобладают штокавские элементы, но имеются также и чакавские. Этот говор, происходящий из Макарского приморья или из его окрестностей, во многом родственен икавским говорам Истрии. Некогда в разных областях южной Италии было много сел, где жили люди, говорящие на нашем языке, но с течением веков они ассимилировались в итальянском окружении. Очень важен факт, что там, кроме беженцев эпохи турецкого завоевания, были и более старые поселенцы, проживавшие в тех краях с XIV века и даже с конца XIII века. Причины этих давних переселений за море остаются неисследованными.

Из краев к западу от реки Босны и среднего течения Неретвы переселялись католики и мусульмане — носители икавского говора, которые основывали поселения на западе, в Боснийской Краине. Там они смешивались с местным икавским населением и многочисленными иекавцами, преимущественно сербскими переселенцами, появление которых значительно сократило территорию икавского говора в некогда целиком икавской западной Боснии.

Прорыв восточногерцеговинского миграционного потока в междуречье Савы и Дравы ощутимо сузил территорию славонского диалекта. Переселенческие говоры отрезали славонский диалект от его бывшего западного соседа, хорватской кайкавщины, и нарушили географическое единство славонских говоров в Посавине и Подравине. В то же время группа носителей славонских говоров отселилась к северу в близлежащие районы. Селения, в которых говорили на славонских диалектах, появлялись в области Баранья, как на нынешней югославской территории, так и на венгерской, затем вдоль Дуная в западной Бачке, и немного севернее, между городами Байя и Калоча, где в селениях Душнок и Бачин

использовался очень необычный говор, вероятно, севернославонского происхождения, но с некоторыми особенностями, которых уже нет в самой Славонии.

Область восточнобоснийских иекавских говоров приняла множество восточногерцеговинских сербских переселенцев, которые разместились в разных краях восточной Боснии. В результате была нарушена территориальная компактность восточнобоснийского диалекта, он оказался под влиянием переселенческих говоров, и с того времени старые коренные черты в нем часто смешиваются с заимствованными восточногерцеговинскими. Конечно, происходили и переселения с восточнобоснийской территории. Кое-где в западной Боснии и в Хорватии можно найти мусульман и католиков — носителей иекавского говора, близкого к восточнобоснийскому. Правда, только при внимательном рассмотрении этих говоров (описание которых до сих пор отсутствует) можно будет сделать более конкретный вывод об их происхождении. С другой стороны, нам доподлинно известно, что католические поселенцы в окрестностях города Печ в северной Баранье, находящейся на венгерской территории, происходят из северо-восточной Боснии. Об этом свидетельствует их говор, а также их самоназвание «босняки» (серб. *Бошњаци*).

Из всех наших диалектов наиболее широкое распространение в эпоху миграции получил восточногерцеговинский иекавский¹⁸. Его носители, сербы из бывших областей Хум и Травуния, наводнили западную Боснию, где теперь составляют подавляющее большинство (за исключением ее южной окраины, окрестностей Ливно и Бугойно, где икавский диалект сохранил свое первенство). И сегодня эта большая этническая группа проживает и по ту сторону границы современной Хорватии. Она занимает большую часть материковой северной Далмации, доходя до морских заливов в окрестностях Шибеника и возле устья реки Зрмань. Дальше на севере сербы преобладают в восточной части Лики, в то время как в западной Лике больше коренного хорватского населения, говорящего на чакавском диалекте икавско-экавской разновидности, и переселенцев штокавцев-икавцев. Восточногерцеговинский диалект

¹⁸ Представленная ниже география сербских говоров на территории Хорватии и Боснии существенно изменилась после войны 1991–1995 гг., вызвавшей новые переселения. — *Ред.*

преобладает и в областях Кордун и Бановина (где проживают и хорваты, которые восприняли этот диалект от своих сербских соседей). Самые периферийные говоры восточногерцеговинского диалекта находятся в Горском Котаре (села Тук, Српске-Моравице и Гомирье), в долине реки Купы, в области Белая Краина (села Боянцы и Мариндол) и в Жумбераке на западе от Загреба (многочисленные небольшие села, которые в XVII веке были обращены в униатство). Как уже было сказано, сербские переселенцы перешли Саву. Самая значительная группа их поселений, расположенная на территории от села Окучани до города Подравска-Слатина, сегодня отделяет кайкавские диалекты от древних славонских. Дальше к востоку, в Славонии, большие скопления сербских поселений находятся возле горы Папук и в окрестностях г. Осиек (где в дотурецкую эпоху проживало значительное число венгров, на смену которым пришли сербы и хорваты). Узкий пояс иекавских говоров соединяет горную цепь Папук и Осиек, петляя между подравскими и посавскими говорами славонского диалекта. И здесь среди иекавцев имеется большое число хорватов. Если они не являются обращенными в католичество потомками православных, то это население представляет собой хорватов, которые под влиянием соседствующих с ними сербов приняли их диалект (относительно иекавских говоров хорватов в Хорватии, кроме Дубровницкого приморья, действует общее правило, согласно которому они представляют собой позднее явление: либо иекавский диалект, либо католицизм были приняты вторично, или, в более редких случаях, диалект мог попасть в Хорватию с более поздним переселением из Боснии). В Баранье сербское население, говорящее на восточногерцеговинском диалекте, сконцентрировано в основном на юге югославской [ныне хорватской] части этой области. Однако и с венгерской стороны границы есть несколько сел, в которых сохраняется этот диалект. Так говорит и сербская часть населения в городе Мохач. Еще дальше на севере, в жупании Толна, до наших дней сохранилось единственное сербское село Медина, в котором используется восточногерцеговинский диалект. Из исторических источников следует, что в XVII и в начале XVIII века в этом регионе существовало много сербских поселений. Впоследствии они исчезли, частично в результате переселения на юг — в регионы с более компактным проживанием сербского населения. Поэтому на территории Венгрии западнее Дуная мы не можем точно

обозначить, как проходила граница между иекавским диалектом, распространявшимся с юга, и экавским, преобладавшим на северных территориях, в окрестностях Будапешта и западнее.

Прилив восточногерцеговинских поселенцев в восточную Боснию создал современную сложную диалектную ситуацию: православные в основном говорят на восточногерцеговинской иекавшине, в то время как мусульмане и католики (там, где они есть), а также небольшая часть православных используют старый восточнобоснийский иекавский диалект, чаще всего с заметными следами влияния переселенческого говора.

В западной Сербии восточногерцеговинская волна покрыла огромное пространство от сегодняшней боснийско-герцеговинской границы до линии Лозница — Валевские горы — Рудник — Кралево — окрестности Студеницы — Сеница — Бродарево. О старых диалектах в этих краях ничего неизвестно, и трудно утверждать, насколько была сдвинута граница между ареалами двух рефлексов [экавского и иекавского]. После освобождения Сербии под влиянием образования, администрации и общего престижа экавского литературного языка в этом регионе начинается процесс экавизации говора. Сегодня большая часть сельского населения здесь разговаривает на нестабильной смеси двух диалектов, в которой соединяются признаки обоих говоров и выбор формы зачастую зависит от собеседника и ситуации (в тесном семейном кругу иекавский диалект наиболее употребим). Впрочем, иекавские переселенцы, в основном в XVIII и XIX веках, наводнили обширные территории дальше к северо-востоку: область Мачву, окрестности города Валево, некоторые районы Шумадии, особенно западные, и отчасти Воеводину. Но здесь их говор не сохранился, а только отчасти повлиял на облик местного экавского диалекта.

Ареал зетского диалекта также был крупным очагом миграций. Основным направлением движения был северо-восток. Однако эффект территориального расширения диалекта практически не наблюдался. С достаточной долей вероятности мы можем утверждать, что этот иекавский диалект с архаичной акцентуацией и многочисленными яркими особенностями во время переселения был занесен в окрестности реки Лим близ города Биело-Поле и в область верхнего течения Ибара, к западу от Косовска-Митровицы. Зетский диалект сегодня используется в верховьях Лима, но трудно сказать, был ли там говор другим

перед приходом многочисленных переселенцев, говорящих на зетском диалекте. На территории от Лима (в окрестностях городов Биело-Поле и Сеница, а также Пештерского плоскогорья) до Ибара возле города Нови-Пазар существует пояс комбинированного иекавско-экавского диалекта (*dijetie* [‘ребенок’], но *dejtietia* [род. п. от *dijetie*]). У нас имеется достаточно оснований, чтобы полагать, что во время миграции граница этого пояса отчасти была сдвинута на северо-восток. Несомненно, однако, что комбинация иекавского и экавского диалектов не может быть плодом недавнего смешения, оно должно было произойти еще в Средние века на границе экавской и иекавской области.

Во многих частях Сербии значительная часть населения происходит с территории зетского диалекта, но до наших дней этот диалект сохранился лишь в отдельных селах или в небольших группах сел. Это явление встречается в тех селах, которые были полностью колонизированы черногорцами в XIX веке, как в верховьях Топлицы и в Петровом Селе на горе Мироч. За пределами Сербии диалект сохранился до наших дней в небольшом поселении черногорцев в Перое в окрестностях Пулы в Истрии, где он защищен от ассимиляции различием в вероисповедании.

Северный экавский диалект, который сейчас обычно называют шумадийско-воеводинским и которому свойственны некоторые икавские формы, во время миграции распространился далеко на север. До конца XVI века продолжался период его экспансии, в основном за счет венгерского населения, которое из-за турецких разорительных набегов или непосредственно после турецкого завоевания бежало из многих областей. Позже так называемое Великое переселение сербов в 1690 г. увеличило количество сербского населения, особенно в северной Венгрии. Северная граница компактного расселения сербов-экавцев шла от города Байя к Суботице, затем на юг и восток от Сегеда к реке Мориш, пересекая ее и охватывая большую группу сербских поселений к северу, затем от Арада к югу по линии, которая проходила на восток от городов Тимишоара и Вршац. Далее на севере наиболее многочисленные сербские поселения группировались около Буды и Пешта (в этих городах был большой процент сербских жителей). Самыми западными городами с сербским населением были Комарно [серб. *Коморан*], Дьер и Секешфехервар (Стольный Белград), а самым восточным — Эгер.

В наши дни на севере мало что осталось от сербской диаспоры. С тех пор как Австрия в конце XVII века отняла у турок большую часть венгерских земель, сербское население там постоянно сокращается. Последний серьезный удар нанесло переселение большей части сербского меньшинства в Венгрии на территорию Югославии после Первой мировой войны. Даже в таких некогда известных сербских центрах, как Сентендре на севере от Буды, количество сербов сейчас минимально — но все-таки достаточно, чтобы установить шумадийско-воеводинский характер их диалекта, правда, с заметной примесью восточногерцеговинского говора, проникшего с западного берега Дуная. Как сельское население сербы сохранились только в нескольких местах, из которых лишь в селе Ловра на дунайском острове Чепель сербы еще составляют большинство. В городе Секешфехервар (Стольный Белград) последнее поколение людей, которые помнят свой родной сербский диалект, состарилось и вымирает, в то время как в городах Эгер, Дьер, Комарно наш язык уже исчез, как и в городе Рацкеве (Српски Ковин) на острове Чепель, который еще в XV веке был заселен переселенцами из банатского Ковина.

Сербский говор, как и сами сербы, почти исчез и из долины реки Мориш. Всего в нескольких селах, расположенных по обе стороны нынешней венгерско-румынской границы, сохранились остатки сербского населения. Из этих мест («Поморишская военная граница» в первой половине XVIII века), а также из северо-восточной Бачки («Потисская военная граница») большинство сербов переселилось в 60-е годы XVIII века в связи с упразднением Военной границы в этих краях частично в Банат, а частично, под предводительством своих офицеров и даже генералов, которые перешли на русскую службу, — в южную Россию (нынешнюю Украину). На Украине переселенцы с границы образовали две довольно обширные сербские области: Новую Сербию к югу от Днепра (между Днепром, Тясмином и Бугом) и Славяносерию к югу от Донца, между реками Бахмут и Лугань. В обоих местах сербское население довольно быстро подверглось этнической и языковой ассимиляции. Мы даже не располагаем ни одним письменным свидетельством о сербских диалектах тех мест. На территории вдоль рек Мориш и Тиса после отселения сербов пришли венгры, сейчас составляющие там подавляющее большинство. Впрочем, и на соседних территориях в северной и северо-западной Бачке сербское

население существенно поредело еще в 1598 г. во время миграции на австрийскую территорию. Эта миграционная волна дошла до современной Словакии, где потом ее следы теряются. Таким образом освободилась территория для последующего заселения буневцев. Две миграции представителей военного сословия, отправившихся в далекие страны на службу чужим царям, значительно сдвинули северную границу сербской этнической территории в пределах современной Воеводины. Однако территория проживания сербов была еще больше сужена колонизацией, которую проводила австрийская власть в XVIII и XIX веках с двойной целью: увеличить хозяйственный и налоговый потенциал территории, большая часть которой оставалась необработанной из-за малой численности сербского населения, и раздробить компактно размещенное ненадежное православное население на опасной южной границе. Так там были поселены немцы, венгры, словаки, русины, в меньшей степени чехи, французы (превратившиеся в немцев), испанцы (полностью исчезнувшие). Две группы поселенцев были ассимилированы в языковом отношении и сегодня являются носителями шумадийско-воеводинского диалекта: хорваты в центральном и восточном Среме (и частично в Банате) и албанцы-католики в селах Никинцы и Хртковцы в Среме (последние сегодня являются по национальности хорватами). Интересен тот факт, что в селе Кеча в Банате с румынской стороны границы сохраняется кайкавский говор хорватских поселенцев. Нет сведений о том, сохранился ли до наших дней кайкавский говор в нескольких селах югославского Баната, где небольшими группами живут хорваты. Наконец, когда идет речь о заселении Воеводины, необходимо вспомнить, что румыны из горного восточного Баната спускались в равнинный Банат, что являлось обычной миграцией по экономическим причинам. Сами сербы также переселялись сюда в течение XVIII и в начале XIX века, спасаясь от смут и войн на территории Сербии или переезжая из Лики или Славонии в поиске плодородных земель. Это, однако, не могло остановить постепенное снижение процента сербского населения, которое продолжалось до Первой мировой войны. Воеводина превратилась в этническую мозаику, в которой ни один из народов не занимал определенной территории. Заселение колонистов, в основном сербов-иекавцев, в первые годы после 1918 г. стало новым поворотом в развитии этнической ситуации в Воеводине и, вместе с тем, усложнило картину сербскохорватских диалектов

(если исключить сербских колонистов XX века, говоры сербского населения в Воеводине складываются в нормальную, естественную диалектную картину, в которой один диалект постепенно переходит в другой, а лингвистическая отдаленность более-менее соответствует географической отдаленности диалектов друг от друга, в то время как немецкий, венгерский и словацкий языки сильно варьируются от села к селу в зависимости от того, какого происхождения люди в этом месте). После Второй мировой войны немецкое население было заменено в основном колонистами — носителями сербскохорватского языка, которые принесли в Воеводину пеструю мозаику диалектов, прежде всего иекавских. Исследование судьбы этих колонистских говоров, а особенно их трансформации под воздействием воеводинского диалекта, относится к важным и еще не решенным задачам нашей диалектологии.

Непростым является вопрос о том, насколько расширилась территория сербскохорватского языка в современной Воеводине в эпоху турецкого завоевания, другими словами, где находилась ее северная граница перед переселением сербов. Точный ответ на этот вопрос еще предстоит найти. На данный момент можно только утверждать, что в Воеводине перед миграцией проживало и славянское, и венгерское население, вероятно, смешанное, при этом славян было больше на юге, чем на севере. Экспансия этого населения в XV и XVI веке, вместе с сильным притоком переселенцев из Сербии, означала превращение этнически разнородных областей в компактные сербские и в то же время продвижение сербской этнической группы на север. О диалекте коренного славянского населения Воеводины не известно почти ничего конкретного, так как не сохранилось документов на нашем языке из предмиграционной эпохи, и до сих пор остаются лингвистически неисследованными топонимы и личные имена в памятниках на венгерском и латинском языках. Тем не менее, на основе сегодняшнего состояния можно заключить, что диалекты к северу от Дуная и Савы развивались так же, как в Мачве и Шумади. С другой стороны, есть все основания предполагать, что здесь могли присутствовать особенности, уничтоженные позднее диалектным смешением в результате переселения. Такие топонимы, как Буджановцы и Добановцы в Среме, указывают на то, что в прошлом здесь употреблялись личные имена Буджан (*Буђан*) и Добан, следов которых больше нигде не осталось. Исторические

источники подтверждают существование этих топонимов еще с XV века, а форма топонима *Голубинцы* свидетельствует о еще большей древности (он образован от притяжательного прилагательного *Голубин*, которое существовало в древнеславянском, а не от *Голубов* — обычного для нашего языка на протяжении многих столетий). Эти географические названия являются наиболее надежным доказательством того, что на воеводинской земле говорили на нашем языке еще перед миграциями.

В эпоху миграций территория новой акцентуации (*oštjavi*, *jūnāk*) значительно расширяется и захватывает, кроме всего прочего, большую часть северных экавских говоров, объединяя их с восточногерцеговинским диалектом и иекавскими говорами Боснии и Герцеговины, Лики и Далмации. Территория новой акцентуации распространилась от Дубровника и Макарского приморья до реки Мориш и от Студеницы до Вргинмоста. Правда, в восточной Шумадии и юго-восточном Банате мы до сих пор обнаруживаем говоры, где, наряду с экавщиной северного типа, комбинированной с отдельными икавизмами, сохраняются старые ударения, такие как *oštjāvi* или *jūnāk*. Из этого диалектного пояса происходит несколько изолированных групп населения. В глубине Румынского Баната, на восток от Тимишоары, находится группа сербских поселений, которая называется Банатской Черногорией, и село Рекаш с похожим говором, но католическим населением. Старый гласный *ять* в этих говорах не заменен другим по качеству гласным, а сохраняется как гласный звук, средний между *e* и *и* (например, в словах *млѣко* или *дѣца*). То же мы наблюдаем, впрочем, и в говоре галлипольских сербов, высланных из долины Великой Моравы приблизительно в XVI–XVII веке. Они несколько веков провели в Турции в районе города Галлиполи, а в XX веке, после Балканских войн, вернулись в Сербию. После долгой одиссеи в Первую мировую войну они окончательно осели в Пехчево в Македонии, где молодое поколение теперь постепенно забывает говор предков, заменяя его местным македонским диалектом.

Косовско-метохийский миграционный поток распространил из старой Рашки штокавский экавский диалект с преимущественно архаичной акцентуацией. Этот диалект, который сегодня мы называем косовско-ресавским, протянулся длинной полосой неправильной формы диагонально через территорию Сербии. Он захватывает склоны Копаноника и долины к востоку от него вплоть до города

Прокупле, левый берег Ибара от Косовска-Митровицы до Кралева, долину Западной Моравы от Кралева до Сталача, юго-восточный угол Шумадии, долину Великой Моравы и территории дальше на восток до Заечарского и Неготинского края. К косовско-ресавскому диалекту относится и говор, распространенный на юго-западе современной Румынии, к северу от Дуная (серб. *Банайска Клисуре*). На севере, в Шумадии и около устья Великой Моравы, косовско-ресавский диалект находится в контакте с говорами северного экавского типа, но со старой акцентуацией. Переход между ними постепенный, нерезкий, поскольку говоры, расположенные дальше на север, также отчасти изменены под влиянием многочисленных переселенцев косовско-метохийской волны. Географически отрезан от основного диалектного массива косовско-ресавский говор в небольшом селе Чобанац на севере от Буды, занесенный туда миграцией Черноевича в конце XVII века.

Средневековый диалект Призренского края и юго-восточного Косова, который среди диалектов призренско-тимокской группы имел «наиболее западные» особенности, расширился во время переселений в долину Южной Моравы, из которой вытеснил бытовавший там говор. Но после косовско-метохийской и призренско-южноморавской миграционной волны последовала еще одна, албанская, которая отчасти заняла территории, оставленные сербами, а отчасти своим давлением вызвала их перемещение. Так, албанские переселенцы, особенно после Великого переселения 1690 года, заняли обширные земли на Косове и в Метохии, и в окрестностях, сформировав значительный перевес над сербским населением, оставшимся там. Движение албанского населения в северо-восточном направлении вписывается в общую картину экономически мотивированных миграций горцев в районы с менее суровыми условиями.

Старый диалект долины Южной Моравы, потесненный к востоку, сохранился в гористых районах непосредственно на восток от этой долины. Этим объясняется необычная вытянутая форма территории этого диалекта, который сейчас в науке называется сврлижско-запланьским.

Самый восточный диалект призренско-тимокской группы, тимокско-лужницкий, по предположению, во время миграций потерял некоторые территории на севере. Есть причины полагать, что на нем говорили в среднем течении Тимока, около Заечара,

а может и еще севернее, в районах, где сегодня находятся говоры косовско-метохийских переселенцев или закрепились румынские говоры. С территории тимокско-лужницкого диалекта происходит несколько переселенческих групп. Это карашевцы (другое название — крашоване) в нескольких селах вблизи Решицы в Румынском Банате, также жители села Свиница на румынской стороне Дуная в Джердапе и жители Нового Села возле Видина в Болгарии. В отличие от других двух групп карашевцы — католики, в их говоре гласный *ять* сохранился и не был заменен другим звуком. Все три диалектных типа во многом схожи друг с другом и богаты архаичными особенностями. Это главным образом касается карашевского и свиницкого говора. Предположительно, они происходят из самой северной части бывшей территории этого диалекта на Тимоке, а время их перемещения можно отнести к XV веку, или, возможно, даже к концу XIV, когда турки захватили тимокский бассейн. На Дунайской равнине в Болгарии также есть поселения с тимокско-лужницким диалектом, или белоградчицко-брезницким, как болгарские диалектологи называют говоры этого типа на болгарской стороне границы. Близ впадения реки Цибар в Дунай находится группа из двенадцати сел с этим говором. Речь идет об относительно позднем экономически мотивированном переселении из районов на склонах массива Стара-Планина.

Изменив конкретную картину диалектного членения нашего языка, переселения также изменили и сам способ, которым он делится на диалекты. Перед переселениями этот способ соответствовал самой распространенной среди языков мира модели: для лингвистического пейзажа нашего языка были характерны постепенные переходы от одного диалектного типа к другому, среди путаницы переплетшихся изоглосс границы между диалектами не были слишком резкими, а территории этих диалектов до миграций были однородны. В результате переселений на карте появились обширные территории с более-менее единообразным диалектом, на которых проживало население из одного миграционного источника. На каждой линии контакта таких территорий в большой пучок собираются многочисленные изоглоссы, так как говоры по обе стороны границы не развивались с древности по соседству, а механически оказались в контакте позднее. Уничтожая существующие между диалектами переходы, миграции кое-где создали новые, хотя и вторичные. Из-за смешения населения в отдельных

местах появились гетерогенные диалекты, а многие говоры приняли в себя элементы иной диалектной среды.

Переселения стали причиной того, что история нашего языка стала развиваться совершенно исключительным образом. Миграции поставили перед нашими лингвистами задачи, не свойственные большинству других языков. Стало ясно, что реконструкция предмиграционной диалектной картины наших земель требует определенных усилий по сбору данных — из современных диалектов, которые используются на месте их предшественников, из переселенческих говоров, полных архаизмов, давно исчезнувших на родине, из средневековых текстов, из топонимии — и вместе с тем тщательного, скрупулезного анализа. Имеющиеся на сегодняшний день результаты, на основе которых дан очерк средневековых диалектов в этой работе, являются схематичными и не могут претендовать на полноту. Неизвестно практически ничего об особенностях и расположении бывших переходных чакавско-штокавских, чакавско-кайкавских и кайкавско-штокавских говоров. Непонятно, где лежала изначальная граница между иекавскими и экавскими говорами в западной Сербии и Санджаке, совершенно поверхностное представление имеется о бывших говорах северо-восточной Сербии в четырехугольнике Великая Морава — Дунай — Тимок — Црна, а также о предмиграционном географическом соотношении славянского и романского населения на этой территории, учитывая, что нынешнее влашское и сербское население в этих краях в основном появилось там в результате переселений. Конечно, некоторые из этих проблем будут отчасти решены будущими исследованиями, что, однако, не значит, что нужно абсолютно положиться на все силы науки: следы многих фактов пропали безвозвратно, и наша попытка оживить исчезнувший диалектный мир может иметь только частичный успех.

Преображая этническую картину областей, в которых распространен наш язык, миграции в значительной степени предопределили их дальнейшее культурное и политическое развитие. Они привели к смешению населения и нивелировали различия в говорах. Появление огромной зоны с в основном единым новоштокавским иекавским и экавским говором создало основу для литературного языка, близкого населению на обширной территории от городов Бьеловар, Карловац и Задар до Вршаца, Кралева и залива Бока-Которска. Распространив хорватское самоназвание

между кайкавцами в Славонии, переселения способствовали тому, что вместе с чакавцами из средневековой («далматинской») Хорватии они слились в одну нацию, к которой присоединились впоследствии и католики-штокавцы. Миграционные потрясения изменили этнический состав Боснии и Герцеговины, помешали образованию единого этнического типа в этой области и положили дорогу к тройному национальному делению в настоящее время. Границы ареала, компактно заселенного сербами, сузились в ходе переселений на юге, в Метохии и на Косове, но расширились на севере и в прежних венгерских землях. Кроме того, появляется и новая преимущественно сербская территория на северо-западе, которая включает сербов в Боснийской Краине и в областях Хорватии, прилежащих к Далмации и Славонии. На этой территории и сейчас, после всех потерь населения, живет более полутора миллионов сербов¹⁹. Прямой географической связи между этими областями и основной частью сербского народа почти нет — в центральной Боснии их разделяет пояс мусульман с небольшим числом католического и православного населения. Кроме того, в самой северо-западной сербской этнической зоне существует множество анклавов — хорватских и мусульманских на боснийской территории и просто хорватских в Хорватии. Исторические условия не способствовали образованию на северо-западе сербских территориально-политических формаций — в то время как юго-восточные сербы в XVIII и XIX веках создали два государства, Черногорию и Сербию, — но поставили перед сербской национальной политикой сложные вопросы, которые привели к Первой мировой войне и созданию Югославии. В то же время со сложными проблемами столкнулась и хорватская национальная политика. Присутствие северо-западных сербов, территория расселения которых доходила до морских заливов в окрестностях Задара и Шибеника, словенской границы на Купе и венгерской на Драве, разбивало компактность хорватской этнической территории и обязывало все политические течения Хорватии постоянно соотносить свои программы с сербами. Способы такого соотнесения различались в зависимости от эпохи и общественного движения, представляя широкий спектр решений, крайними точками которого были объединяющее югославянство,

¹⁹ См. сноску на с. 79. — *Ред.*

с одной стороны, и усташский геноцид — с другой. В расселине между двумя формирующимися нациями, которые из-за их языковой общности и территориальной смешанности не всегда считали себя разными, оказались и мусульмане Боснии и Герцеговины, географически разбросанные между православными и католиками. Отказавшись от анахроничного причисления себя к туркам, они какое-то время колебались между сербством, хорватством, югославянством и самобытностью, в конце концов остановившись на точном выражении своей индивидуальности, когда было уже ясно, что хорваты и сербы не смогут стать единым целым и что религиозное разделение окончательно стало национальным.

О мусульманах как этническом образовании следует сказать несколько слов. В начале главы мы подчеркнули, что их существование — одно из последствий турецкого владычества. Они появились вскоре после османского завоевания наших земель. Особенно быстро исламизация протекала в Боснии и Герцеговине, охватив большую часть населения, включая и высшие слои. Одновременно практически незаметно исчезли богомилы, в основном приняв ислам. Пока существовали богомилы, они, разумеется, не представляли собой отдельного народа, как сейчас мусульмане. Средневековая история Боснии, где смена веры под натиском обстоятельств была частым явлением, не оставила богомилству возможности закрепиться в качестве постоянного атрибута населения. К тому же социальные и культурные различия по сравнению с католиками и православными не были столь глубокими. Население Боснии было, конечно, тогда этнически более однородным, чем сейчас, хотя и тогда должно было существовать различие между босняками («бошнянами» — как тогда их называли) со старой территории Боснии и жителями областей, присоединенных к Боснийскому государству. Все это после турецкого завоевания и миграционных движений сменилось тройным разделением, в котором большая часть досталась мусульманам. Огромная разница в правовом статусе и эмоциональном отношении к существующему государству создала пропасть между ними и остальным народом. Кроме того, они с радостью восприняли богатую восточную цивилизацию, в то время как остальные продолжали на стесненной территории выживать со скудными остатками национального культурного наследия.

Время принесло и языковую дифференциацию между мусульманами и их православными и католическими соседями. Имеются в виду исключительно вторичные явления, которые наслаивались на диалектную систему. Исламизация пустила корни на территории распространения многих диалектов. Среди наших мусульман оказались носители разных диалектных типов, также используемых православными либо католиками. Лишь позднее сложилась ситуация, когда почти все мусульмане, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, приобрели несколько общих языковых черт. Естественно, в их речи присутствует наибольший процент заимствований из ближневосточных языков (так называемые турцизмы, хотя многие из них восходят к арабскому и персидскому языкам). Но это не удивительно, другого нельзя и ожидать. Более примечательно то, что почти все мусульмане сохраняют согласный *х* (*хальина* [‘платье’], *ухо*, *снаха* [‘сноха’]; тогда как большинство штокавцев утратили этот звук или заменили его на *в* или *ј*: *альина*, *уво*, *снаја*) и не различают *ч* и *ћ* и *џ* и *ђ* (*ћисџо*, *хођа*²⁰). На первый взгляд эти особенности не имеют ничего общего с исламом. Но это только на первый взгляд. На самом деле на языковые привычки наших мусульман повлияла звуковая система турецкого и арабского языка, в случае с *х* консервируя изначальное состояние, а в случае с *ч* и *ћ* и *џ* и *ђ* уничтожая тонкое звуковое различие, которого нет ни в турецком, ни в арабском. Ясны и пути распространения этого явления.

Обычный магометанин, в какой бы стране он ни находился, ежедневно подвержен звучанию арабского языка при богослужении, а любой образованный мусульманин — вплоть до распространения светского образования в новейшее время — встречался с механическим заучиванием в большом объеме Корана и вместе с тем — арабского. Этого было недостаточно для усвоения нашими людьми некоторых звуков, которых в нашем языке нет, — например, различия между тремя согласными *х* в арабском, — но способствовало сохранению звука, уже представленного в родном языке. Тем более что влияние арабского языка подкреплялось влиянием турецкого, в котором также существует звук *х*, а кроме того, из-за утраты *х* в говоре райи сохранение *х* стало признаком мусульманства. Такие символы всегда с готовностью сохраняются, тем более когда речь

²⁰ Вместо *чисџо* ‘чисто’ и *хоџа* ‘ходжа’. — Ред.

идет о господствующем общественном слое, гордящемся своими привилегиями. Те же причины повлияли на распространение неразличия ч и ħ, после того как противопоставление этих звуков утратилось в произношении отдельных людей. Истоки этого явления можно искать в двух средах: среди носителей чужого языка в нашей среде и среди представителей нашего народа в чужой среде. Чиновники султана и другие высокопоставленные лица, приезжавшие в Боснию из отдаленных областей империи, не могли усвоить разницу между ч и ħ, чуждую их языкам и вообще довольно редкую в языках мира. И сегодня это различие часто остается недоступным иностранцам, изучающим сербскохорватский язык, да и нашим людям из тех областей, где этого различия нет (включая и мусульман), когда они говорят на литературном языке. В Боснии под турецким владычеством такое произношение должно было быть престижным из-за высокого положения тех, кто так говорил. Немало семей чиновников на долгое время оставались в Боснии, вливаясь в среду наших мусульман, но продолжая оказывать влияние на их язык. Другим обстоятельством, которое могло повлиять на неразличение ч и ħ, было пребывание за пределами родины: в армии султана, в которой часто служили наши мусульмане, и в Константинополе, где обучались сыновья богатейших и известнейших босняков. Несколько лет жизни вне родной языковой среды обычно достаточно, чтобы человек начал говорить с иностранным акцентом. Такое произношение в данном случае становилось символом престижа тех, кто удостоился получить образование в Константинополе или стяжать славу героического служения царю на поле брани. Однажды возникнув, это произношение распространилось как модное, поддерживаемое амбициями отдельных людей говорить не менее элегантно, чем другие, и желанием коллектива подчеркнуть свое отличие от райи своеобразием речи, наряду со своеобразием одежды, обычаев, образа жизни, привычек и менталитета. Проистекая из домов богачей, новое произношение и дальше распространялось между чиновниками и горожанами, а затем из города проникло в село. Сейчас в Боснии и Герцеговине и Санджаке только в самых удаленных селах существуют мусульманские говоры, различающие ч и ħ.

К турецкому завоеванию и началу больших миграций хронологически присоединяется еще одно крупное событие в этнической истории нашей территории: исчезновение влашского населения из

сербских гор. Нет сомнений, что еще до турецкого завоевания влахи постепенно сербизировались, но с приходом турок этот процесс быстро завершился. Турецкая правовая система не обеспечила ту общественную изоляцию влахов, которая существовала до тех пор, а миграции привели влахов в движение наравне с остальной райей и, возможно, даже в большей степени, так как они из-за своего пастушеского образа жизни были более легки на подъем. В возникшем смешении румынский говор исчез повсюду, кроме крайнего северо-запада: на Велебите, на острове Крк, в Истрии и даже в окрестностях Триеста. В Хорватию влахи приходили начиная с XV века, переселяясь вдоль динарских хребтов в поисках пастбищ, а позднее и спасаясь от турок. В течение последующих веков влахи приняли католицизм и хорватский язык, за исключением двух сел в Истрии, которые сегодня представляют сокровище для лингвистов как последний сохраненный резерват некогда многочисленной западной ветви румынского языка. Исчезновение этнических влахов в большей части наших земель дало возможность использовать название «влах» в других значениях. Этим словом во многих регионах стали называть пастухов, имевших особый общественно-правовой статус. Естественно, эти пастухи по большей части действительно были потомками влахов. В Хорватии, где сербские переселенцы, появившиеся там в XVI веке, были чаще всего скотоводами, название «влах» распространилось и на сербов. О былом присутствии влахов на многих наших территориях свидетельствуют топонимы, особенно названия гор, таких как Дурмитор, Виситор или Романия.

Незаметное исчезновение дубровницкого романского (далматинского) диалекта, хотя и произошло в конце XV века, не было связано ни с турецким завоеванием, ни с началом переселений. Многовековое проникновение славян в Дубровник из близлежащих окрестностей постепенно усиливало присутствие сербскохорватского языка в стенах города, сначала среди простолюдинов, а затем все больше и в высших слоях. Постоянно поддерживаемый притоком новых людей, славянский элемент оказался сильнее автохтонного романского, который ниоткуда не мог получить подкрепления (правда, в то время дубровчане обычно знали итальянский, но этот язык очень отличался от местного далматинского говора). Поражает факт, что гордые дубровницкие патриции не оставили истории ни одного текста на своем языке. На самом деле они на

этом языке никогда и не писали: языками администрации, переписки и науки были по традиции латинский и итальянский, кроме того, в переписке рано появился и сербскохорватский. Дубровницкий диалект нашего языка — часть восточногерцеговинского диалекта. Будучи сформирован в то время, когда дубровницкая область принадлежала сербскому государству, этот диалектный тип приобрел некоторое своеобразие, усвоив католическую церковную (и в какой-то степени и общекультурную) лексику и некоторые вторичные инновации, которые распространялись из чакавских областей путем морского сообщения.

Мы уже упоминали, что далматинско-романский сохранился в городе Крк вплоть до конца XIX века. Однако на протяжении веков во многих наших приморских землях, прежде всего в городах от Истрии, Риеки, Кварнерских островов до Далмации распространился венецианский диалект итальянского языка, поддерживаемый венецианской и позднее австрийской властью. Позднейшие события — подъем хорватского национального самосознания с конца XIX века, исход Первой и особенно Второй мировой войны и переселение большей части итальянцев — повернули ход языковой истории в противоположном направлении. И все же следы романского присутствия явно видны во всех сербскохорватских говорах вдоль Адриатического побережья от Истрии до Бара. К множеству лексических заимствований присоединились изменения в языковой структуре под влиянием романских моделей. Список этих явлений, обычно называемых далматизмами, включает особенности, известные повсюду на Адриатике, такие как произношение конечного *м* как *н* (*видин*, *сесѝрон*²¹) и появление в отдельных местах, в основном в областях со сравнительно сильным романским влиянием, замены *љ* на *ј* (*јуѝ*, *боје*²²) и неразличения *ч*, *ж*, *ш* и *ц*, *з*, *с* (*цисѝо*, *служис*²³). На Адриатических островах изменение славянских говоров под романским влиянием было наиболее заметным. Здесь во многих местах исчез слоговой *р* и произносится *ѝарсѝ* вместо *ѝрсѝ* [‘палец’], а долгие гласные часто превращались в дифтонги (*ѝиеѝ* [‘пять’], *руог* [‘рог’] вместо *ѝеѝ*, *рог*, а также *Моаѝе* или *Муаѝе* вместо *Маѝе* [имя собственное]). В утрате конечного *л* в таких

²¹ Вместо *видим* ‘вижу’, *сесѝром* ‘сестрой’. — *Ред.*

²² Вместо *љуѝ* ‘сердитый, острый’, *боље* ‘лучше’. — *Ред.*

²³ Вместо *чисѝо* ‘чисто’, *служиш* ‘служишь’. — *Ред.*

формах, как *йиса* вместо *йисал*, *би* вместо *бил*, просматривается действие романских правил о фонетической структуре слова. Таким образом, чакавская диалектная зона, кроме старого «поперечного» деления, которое в основном противопоставляло северо-западную область юго-восточной, приобрело и новое, «продольное» деление, на наиболее интенсивно романизированные островные (и частично истрийские) говоры, на менее романизированные говоры побережья и, наконец, на говоры внутриконтинентальные, не подвергшиеся романскому влиянию.

Пути, которыми романизмы проникали в приморские говоры, были разнообразны. В самом начале истории этих диалектов стоит славянизация местного романского населения, кроме некоторых городов, а затем медленная ассимиляция оставшихся мест в ходе последующих столетий. Этническая ассимиляция всегда является мощным каналом языкового влияния. В круг людей, говорящих на одном языке, она вводит носителей другого языка, которые будут неизбежно вносить в усваиваемый язык особенности родной речи — как известно из нашего общего опыта изучения иностранного языка, вопреки усилиям учителя не допустить этого. Но пока одни романцы становились славянами, другие продолжали свое существование на старом месте, получая подкрепление от переселенцев и италянизации при венецианской, а затем и при австрийской власти. Ежедневный контакт с романским населением, которое часто пользовалось престижем более сильных, богатых и культурных представителей общества, представлял бесконечные возможности для усвоения их языковых особенностей — от романских названий отдельных предметов, которые являлись частью цивилизации того времени, до свойственных им способов произношения сербскохорватских слов. Так же влияло и мореходство, приводившее наших приморцев на венецианские галеры и в итальянские бухты, и вообще в порты всего Средиземноморья, где итальянский язык веками был языком международного общения.

Кроме изменений, вызванных внешним влиянием в мусульманской среде и в адриатическом поясе, были и другие крупные инновации, которые затронули сербскохорватские говоры в течение нескольких последующих столетий. У всех этих инновационных процессов была одна общая черта: они не охватывали всей нашей языковой территории (последнее изменение, распространившееся на всю территорию, произошло приблизительно в XV веке, это

была утрата двойственного числа, особой грамматической формы, которая обозначала два предмета или два существа, в отличие от множественного, обозначающего более двух). Некоторые из этих автохтонных языковых изменений мы уже упоминали. Назовем еще три особенности, важные одновременно и по своему значению для языковой системы и по широте охваченной территории. В сочетаниях согласных со звуком *j* произошла так называемая новая йотация (*йруѣје* стало *йруѣе* [‘прутья’], *робје* превратилось в *робѣе* [‘пленники’]) практически повсеместно в штокавской зоне и намного реже в кайкавской и чакавской. В дательном, творительном и местном падежах множественного числа вместо старых форм, таких как *женам* (дат. п.), *женами* (твор. п.) и *женах* (местн. п.), появились одинаковые формы для трех падежей (*женама* — в большинстве штокавских говоров, *женам* — в одном ареале на западе штокавской зоны и в части чакавских говоров). И наконец — старые формы имперфекта (*чињах*, *говораше* [‘я делал’, ‘они говорили’]) вышли из употребления в северо-западной части нашей языковой территории. Их нет больше ни в кайкавских диалектах, ни в большей части чакавских, ни во всем северном поясе штокавских, ни в отдельных штокавских говорах на западе. За имперфектом ушел и аорист, правда в более узком ареале, который ограничен кайкавскими, чакавскими говорами и некоторыми штокавскими на западе. Так сложилась диалектная картина, которая сохранилась до XX века, чтобы в нем столкнуться с современной цивилизацией, угрожающей самому существованию диалектов.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА²⁴

А. Исследования общего характера

- Barić Henrik. *Lingvističke studije*. Sarajevo, 1954.
- Беличъ А.И. *Диалектологическая карта сербскаго языка*. С.-Петербург, 1906.
- Белић Александар. *О српским или хрватским дијалектима*. Глас Српске краљевске академије, 78. Београд, 1908.
- Belić A., Stevanović M., Hraste M. *Jezik srpskohrvatski (hrvatskosrpski)*. I. *Narodni jezik i njegovi dijalekti*. Enciklopedija Jugoslavije. 4. (Zagreb), 1960.
- Бернштейн С.Б. и др. *Карпатский диалектологический атлас*. Москва, 1966.
- Birnbaum Henrik. *Balkanslavisch und Südslavisch*. Zeitschrift für Balkanologie, 3, 1965.
- Bratanić Branimir. *Uz problem doseljenja južnih Slavena*. Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1, 1951.
- Brozović Dalibor. *Dijalekatska slika hrvatskosrpskoga jezičnog prostora*. Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. Razdio lingvističko-filološki, 5. Zadar, 1970.
- Brozović Dalibor. *Doseljenje Slavena i njihovi dodiri sa starosjediocima u svijetlu lingvističkih istraživanja*. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja, XII. Sarajevo, 1969.
- Brozović Dalibor. *O jednom problemu naše historijske dijalektologije*. Stara ikavsko-ijekavska granica. Zbornik za filologiju i lingvistiku Matice srpske, IV–V. Novi Sad, 1961–1962.
- Brozović Dalibor. *O problemu ijekavskošćakavskog (istočnobosanskog) dijalekta*. Hrvatski dijalektološki zbornik, 2. Zagreb, 1966.
- Brozović Dalibor. *O rekonstrukciji predmigracionog mozaika hrvatskosrpskih dijalekata*. Filologija, 4. Zagreb, 1963.
- Vasmer Max. *Die Slaven in Griechenland*. Berlin, 1941.

²⁴ Списки литературы, которые приводятся в конце каждого раздела книги, носят выборочный характер. Полная библиография была бы несравнимо больше. В некоторых случаях мы, правда, указали некоторые работы не первостепенной важности, поскольку в данной книге приводится информация, заимствованная из них.

Чтобы списки литературы не были слишком длинными, каждая работа приводится только один раз, хотя есть исследования, в которых разбираются вопросы, касающиеся разных глав настоящей книги.

- Видоески Божо. *Македонските диалекти во светлината на лингвистичката географија*. Македонски јазик, XIII–XIV/1–2. Скопје, 1961–1962.
- van Wijk N. *Les langues slaves. De l'unité à la pluralité*². 's-Gravenhage, 1956.
- van Wijk N. *Taalkundige en historische gegevens betreffende de oudste betrekkingen tussen Serven en Bulgaren*. Mededelingen der Koninklijke akademie van wetenschappen, Afdeling letterkunde, deel 55, serie A, № 3. Amsterdam, 1923.
- Георгиев Владимир. *Тракийският език*. София, 1957.
- Grafenauer Bogo. *Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslaven im Mittelalter*. Ljubljana, 1966.
- Grafenauer Bogo. *Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o dose-ljenju Hrvata*. Historijski zbornik, 5. Zagreb, 1952.
- Дуриданов Иван. *Нови данни от топонимията за изчезнало румънско население в Софийско*. Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960.
- Ердељановић Јован. *Етнoлoшкa гpaђa o Шyмaдинцимa*. Београд, 1951.
- Ердељановић Јован. *О њореклу Буњеваца*. Београд, 1930.
- Zajceva Svetlana. *Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima*. Prilozi proučavanju jezika, 3. Novi Sad, 1967.
- Ivić Pavle. *Die serbokroatischen Dialekte. I: Allgemeines und Die štokavische Dialektgruppe*. 's-Gravenhage, 1958.
- Ивић Павле. *Дијалектологија српскохрватског језика*. Увод и шћо-кавско наречје. Нови Сад, 1956.
- Ивић Павле. *Значај лингвистичке географије за љоредно и историско љроучавање јужнословенских језика и њиховог односа љрема остћалим словенским језицима*. Јужнословенски филолог, 22. Београд, 1958.
- Ivić Pavle. *Les balkanismes naissants dans les parlers serbes du Banat*. Cercetări de lingvistică, III, Supliment. București, 1958.
- Ivić Pavle. *O klasifikaciji srpskohrvatskih dijalekata*. Književnost i jezik, X, sv. 1. Beograd, 1963.
- Ивић Павле. *О неким љроблемима наше историске дијалектологије*. Јужнословенски филолог, 21. Београд, 1955–1956.
- Ивић Павле. *Српскохрватска дијалектологија у најновијем љериоду*. Књижевност и језик, IX, св. 1, 1962.
- Ivić Pavle. *Über den spezifischen Charakter der mundartlichen Ausgliederung des serbokroatischen Sprachgebietes*. Orbis, VIII, fasc. 1. Louvain, 1958.
- Ivšić Stjepan. *Jezik Hrvata kajkavaca*. Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 48. Zagreb, 1936.

- Историја народа Југославије*. I–II. Београд, 1953, 1960.
- Jagić Vatroslav. *Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen*. Archiv für slav. Philologie 17, 1895. (Перевод: *Jedno poglavlje iz povijesti južnoslavenskih jezika*. Izabrani kraći spisi Vatroslava Jagića. Zagreb, 1948).
- Јанкулов Борислав. *Преглед колонизације Војводине у XVIII и XIX веку*. Нови Сад, 1961.
- Jireček Konstantin. *Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters*. Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaften, Phil., hist. Klasse 48, 49. Wien, 1902–1904.
- Јиречек Константин. *Историја Срба*. I–II. Београд, 1952. 2. изд.
- Конески Блаже. *Историја македонског језика*. Београд, 1965.
- Lemerle Paul. *Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romane jusqu'au VIIIe siècle*. Revue historique, 211, 1954.
- Manojlović Svetozar. *Glavne etape u razvoju hrvatskosrpskog jezika*. Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru, Razdio lingvističko-filološki, 4. Zadar, 1968.
- Margulies A. *Historische Grundlagen der südslavischen Sprachgliederung*. Archiv für slavische Philologie, 40, 1926.
- Melich János. *A honfoglaláskori Magyarországnak*. Budapest, 1929.
- Miklosich Franz. *Über die Wanderung der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten*. Denkschriften der Kais. Akad. der Wiss., Phil.-hist. Cl. 30. Wien, 1880.
- Milčetić Ivan. *Hrvatske naseobine u Moravskoj, Donjoj Austriji i zapadnoj Ugarskoj*. Zagreb, 1898.
- Moór E. *Zur Geschichte südslavischer Völkerschaften im Karpatenbecken*. Studia slavica, 8. Budapest, 1962.
- Насеља и порекло сѣановнишѣва* (серия книг). Издатель — Српска академија наука и уметности.
- Острогорски Георгије. *Историја Византије*. Београд.
- Pavičić Stjepan. *Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji*. Zagreb, 1953.
- Pavičić Stjepan. *Seobe i naselja u Lici*. Zagreb, 1962.
- Павловић Миливој. *О сѣановнишѣву и говору Јајца и околине*. Српски дијалектолошки зборник, 3. Београд, 1927.
- Петровић Э. *Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии*. Romanoslavica, IX. București, 1963.
- Petrović Emil. *Зайаднојужнословенска имена месѣа у Малој Влашкој*. Анали Филозофског факултета у Београду, 5. Београд, 1965.
- Pomianowska Wanda. *Zróżnicowanie gwar południowosłowiańskich w świetle faktów słowotwórczych*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

- Поповић Д.Ј. *Срби у Војводини*. I–III. Нови Сад, 1957–1963.
- Popović Ivan. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden, 1960.
- Popović Ivan. *Die Einwanderung der Slaven in das oströmische Reich im Lichte der Sprachforschung*. Zeitschrift für Slawistik, 4. Berlin, 1959.
- Popović Ivan. *Zur Urgeschichte der Serben in Pannonien. Eine Dialektuntersuchung*. Zeitschrift für slavische Philologie, 27, 1958.
- Поповић Иван. *Историја српскохрватског језика*. Нови Сад, 1955.
- Rešetar Milan. *Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen*. Archiv für slavische Philologie, 13. Berlin, 1890–1891.
- Rosetti A. *Istoria limbii române*⁴. I–III. București, 1964.
- Rospond Stanislaw. *Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-*. Kraków, 1937.
- Sandfeld K. *Linguistique balkanique, problèmes et résultats*. Paris, 1930.
- Селищев А.М. *Полог и его болгарское население*. София, 1929.
- Селищев А.М. *Славянское население Албании*. София, 1931.
- Skok Petar. *Dolazak Slavena na Mediteran*. Split, 1934.
- Skok Petar. *Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima*. I–II. Zagreb, 1950.
- Stanislav Jan. *Slovenský juh v stredoveku*. I–II. Turčianský Sv. Martin, 1948.
- Стойков Стойко. *Българска диалектология*. София, 1968. 2 изд.
- Тапкова-Заимова В. *Нашиествия и етнически промени на Балканите*. София, 1966.
- Tentor Mate. *Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika*. Razprave Slovenske akademije znanosti in umetnosti, I. Ljubljana, 1950.
- Тодоров Цветан. *Населението между Тимок, Искър и Стара-планина*. Списание на БАН, 60, 1937.
- Толстой Н.И. и др. *Лексика Полесья*. Москва, 1968.
- Томић Јован. *Насеље у млетачкој Далмацији 1409–1797*. Први део. Ниш, 1915.
- Филиповић Миленко. *Галијољски Срби*. Београд, 1946.
- Hauptmann Lj. *Seoba Hrvata i Srba*. Jugoslovenski istoriski časopis, 3. Beograd, 1937.
- Hraste Mate. *Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Hrvatski dijalektološki zbornik, I. Zagreb, 1956.
- Цвијић Јован. *Балканско йолуостърво и јужнословенске земље*. I–II. Београд, 1922, 1931.
- Цвијић Јован. *Мейтанастѣазичка креѣтања, њихови узроци и йоследице*. Београд, 1922.

Цоневъ Б. *История на българския език*. I–III. София, 1919–1937.
 Šišić, Ferdo. *Hrvatska povijest*. I–II. Zagreb, 1906–1913.

Б. Об отдельных диалектах

- Барјактаревић Данило. *Бихорски говор*. Зборник Филозофског факултета у Приштини, 3. Приштина, 1966.
- Барјактаревић Данило. *Новојазарско-сјенички говори*. Српски дијалектолошки зборник, 16. Београд, 1966.
- Белић Александар. *Дијалекти и источне и јужне Србије*. Београд, 1905.
- Беличъ А.И. *Замѣтки по чакавскимъ говорамъ*. С.-Петербургъ, 1910.
- Бошковић Радослав. *Рефлекси група TJ, DJ, ТЂJ, ДЂJ, STJ, ZDJ, SKJ, ZGJ (SK', ZG') у дијалектима јужне и југозападне Истре*. Јужнословенски филолог, 27/1–2. Београд, 1966–1967.
- Brabec Ivan. *Govor podunavskih Hrvata u Austriji*. Hrvatski dijalektološki zbornik, 2. Zagreb, 1966.
- Vasilev Christo. *Die heutige čakavische Schriftsprache der Burgenland-Kroaten*. Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, 8, 1966.
- Vážný Václav. *O chorvatském kajkavském nářečí Horvatského Gróbu*. В кн.: А. Václavík. *Podunajská dedina v Československu*. Bratislava, 1925.
- Vážný Václav. *Čakavské nářeči v slovenském Podunají*. Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě, V/47. Bratislava, 1927.
- Вујовић Лука. *Мрковићки дијалекти*. Српски дијалектолошки зборник, 18. Београд, 1969.
- Елезовић Глиша. *Речник косовско-метохиског дијалекта*. Српски дијалектолошки зборник, 4, 6. Београд, 1932, 1935.
- Ивић Павле. *Једна досад нејознајна група шћокавских говора: говори с незамењеним јатом*. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, 1. Нови Сад, 1956.
- Ивић Павле. *О говору Галијољских Срба*. Београд, 1957.
- Ivić Pavle. *O srpskom govoru u selu Lovri*. Studia slavica, 12. Budapest, 1966.
- Ivić Pavle. *Prilog rekonstrukciji predmigracione dijalekatske slike srpsko-hrvatske jezičke oblasti*. Зборник за филологију и лингвистику, 4–5. Нови Сад, 1961–1962.
- Ivšić Stjepan. *Današnji posavski govor*. Rad JAZU, 196, 197. Zagreb, 1913.
- Jedvaj Josip. *Bednjanski govor*. Hrvatski dijalektološki zbornik, 1. Zagreb, 1956.
- Јовић Душан. *Трсјенички говор*. Српски дијалектолошки зборник, 17. Београд, 1968.
- Jurišić Blaž. *Rječnik govora otoka Vrgade*. I. Zagreb, 1966.

- Małecki Mieczysław. *Przegląd słowiańskich gwar Istrii*. Kraków, 1930.
- Милетић Бранко. *Црмнички говор*. Српски дијалектолошки зборник, 9. Београд, 1940.
- Neweklowsky Gerhard. *Akcenatski sistemi čakavskih govora u Gradišću*. Зборник за филологију и лингвистику, XIII/1, 1970.
- Neweklowsky Gerhard. *Zur kroatischen Mundart von Weingraben in Burgenland*. Wiener slavistisches Jahrbuch, 14, 1967–1968.
- Николић Берислав. *Мачвански говор*. Српски дијалектолошки зборник, 16. Београд, 1966.
- Николић Берислав. *Сремски говор*. Српски дијалектолошки зборник, 14. Београд, 1964.
- Николић Берислав. *Тршићки говор*. Српски дијалектолошки зборник, 17. Београд, 1968.
- Павловић Миливој. *Говор Јањева*. Нови Сад, 1970.
- Павловић Миливој. *Говор Срењечке Жупе*. Српски дијалектолошки зборник, 8. Београд, 1939.
- Пецо Асим. *Говор источне Херцеговине*. Српски дијалектолошки зборник, 14. Београд, 1964.
- Пецо Асим, Милановић Бранко. *Ресавски говор*. Српски дијалектолошки зборник, 17. Београд, 1968.
- Петровић Драгољуб. *Прилог познавању муслиманских говора западне Босне*. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, XIII/1. Нови Сад, 1970.
- Petrovici Emil. *Graiul Carașovenilor*. București, 1935.
- Пешикан Митар. *Сјароцрногорски средњокајунски и љешански говори*. Српски дијалектолошки зборник, 15. Београд, 1965.
- Поповић Иван. *Говор Госпођинаца у светлосји бачких говора као целине*. Београд, 1968.
- Поповић Иван. *О бачким буњевачким говорима*. Зборник Матице српске за књижевност и језик, 1. Нови Сад, 1954.
- Popović Milko. *Žumberački dijalekat*. Zagreb, 1938.
- Rešetar Milan. *Der štokavische Dialekt*. Wien, 1907.
- Rešetar Milan. *Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens*. Wien, 1911.
- Ribarić Josip. *Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri*. Српски дијалектолошки зборник, 9. Београд, 1940.
- Rožić Vatroslav. *Kajkavački dijalekat u Prigorju*. Rad JAZU, 115, 116, 118. Zagreb, 1893–1894.
- Sekereš Stjepan. *Klasifikacija slavonskih govora*. Зборник за филологију и лингвистику, 10, 1967.

- Skok Petar. *Novi prilozi proučavanju govora žumberačkih čakavaca* (prvi dio). Hrvatski dijalektološki zbornik, 1. Zagreb, 1956.
- Стевановић Михаило. *Ђаковачки говор*. Српски дијалектолошки зборник, 11. Београд, 1950.
- Стевановић Михаило. *Источноцрногорски дијалекат*. Јужнословенски филолог, 13. Београд, 1933–1934.
- Стевовић Игрутин. *Шумадијски говор у Гружи*. Српски дијалектолошки зборник, 18. Београд, 1969.
- Тодоровъ Цветанъ. *Северозападните български говори*. София, 1936.
- Tornow S. *Die Herkunft der kroatischen Vlahen des südlichen Burgenlandes*. Berlin, 1971.
- Hraste Mate. *O štokavskim govorima na Hvaru i Braču*. Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1. Zagreb, 1951.
- Hraste Mate. *Čakavski dijalekat ostrva Hvara*. Јужнословенски филолог, 14. Београд, 1935.
- Hraste Mate, Hamm Josip, Guberina Petar. *Govor otoka Suska*. Hrvatski dijalektološki zbornik, 1. Zagreb, 1956.

НАШИ ДИАЛЕКТЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Если мы постараемся определить место диалектов среди сходных феноменов, то обнаружим, что по своей природе диалекты близки к таким явлениям, как народный костюм, национальная кухня или архитектура. Существует особенность, которая объединяет язык и вышеперечисленные феномены, — язык *полезен*. Полезен в самом буквальном смысле, ведь именно язык — инструмент общественного взаимодействия, инструмент важнейший, универсальный, необходимый человечеству в целом и в особенности каждому конкретному человеку. К таким же «инструментам» в более широком смысле слова можно отнести и архитектуру, и одежду, и еду. С народной архитектурой, костюмами, убранством, едой и напитками диалекты связывает и вариативность, прежде всего территориальная, которая в большинстве случаев не имеет никакого отношения к функциональной роли этих явлений. Эта вариативность развивается спонтанно и имеет региональный и этнический характер, появляется как признак данного этнического сообщества, а также образует, с утилитарной точки зрения, *ненужное* разнообразие в том, что, с той же точки зрения, очень *нужно*. Кроме того, эта вариативность произвольна: не существует серьезной причины для того, что в окрестностях города Чачак говорят *дођосмо* ['мы пришли'], а Крушеваца — *дођомо*, а не наоборот. Поэтому вариативность языка — относительно простое явление. Особенности национальной архитектуры в каждой стране в большой степени обусловлены климатом и природными материалами, которыми располагает данный регион. Тот факт, что в лесистых местностях дома в основном деревянные, а в каменистых — каменные, вряд ли можно отнести к фольклорной вариативности, однако именно она имеет место в тех случаях, когда деревянные дома, построенные в разных областях лесистой местности, украшены совершенно по-разному. Так и национальная кухня во многом зависит от географического положения, от того, каких животных и какие растения выращивают на данной территории, как и одежда в большей мере зависит от климата и доступного материала. Тем не менее, все разнообразие народных костюмов и кухни не может быть объяснено исключительно этими факторами.

Однако на вариативность диалектов географические факторы имеют сравнительно небольшое влияние, хотя и в этой области можно привести несколько примеров. Так, например, на территориях, где процветает овцеводство, мы обнаружим огромное количество терминов, обозначающих разновидности или окрас овец, в областях, специализирующихся на земледелии, — термины, относящиеся к различным посевным культурам, сельскохозяйственным орудиям и работам, в Приморье же существует много специфических слов, относящихся к рыболовству и мореплаванию. Но все эти случаи — всего лишь частности, несравнимые с тем фактом, что основу диалектных различий составляет чисто этническая вариативность, которую не определяют ни общественные, ни материальные факторы. Необходимо отметить, что существуют и другие сферы, где эта же вариативность имеет важное значение. Это различные виды фольклора: народные песни, сказки, игры, танцы, обычаи и верования. Конечно, все эти явления выполняют определенную общественную функцию (иначе они бы просто не существовали), но, в отличие от языка, архитектуры, одежды и кухни, их нельзя отнести к «полезным» — в материальном смысле слова.

Среди всех перечисленных феноменов, варьирующихся как во временном, так и в территориальном отношении, язык проявляет наибольшую стабильность. Изменения в языке происходят медленно, чаще всего незаметно для наблюдателя, из-за чего их можно сравнить с эволюцией в мире растений и животных (что было бы все же неоправданно, ведь языковые изменения происходят намного быстрее). Явления в области архитектуры или одежды гораздо больше подвержены глубоким изменениям, чем язык, прежде всего потому, что на них оказывают влияние мода и технические новшества. Язык — исключительно сложная и тонкая система, намного более сложная и тонкая, чем что-либо другое в человеческом обществе. Он состоит из огромного количества различных элементов, что значительно ограничивает последствия изменений какой-то из его составляющих. Кроме того, язык как абстрактная система находится вне сферы влияния отдельных личностей, и в то время как человек может по желанию и вкусу заказчика переделывать творения своих рук, материальные объекты, язык в основном защищен от подобных посягательств. В конце концов каждая попытка глобального вмешательства в языковую систему сталкивается с общественной функцией языка, то есть

со смыслом его существования. Язык осуществляет коммуникацию, а потому должен быть понятен, а значит и постоянен, он должен быть таким, каким люди его уже знают (именно поэтому так немного сохранилось в языке элементов, привнесенных в него новаторством наших поэтов, даже самых талантливых, таких как Сима Милутинович, Лаза Костич, Момчило Настасиевич и Оскар Давичо). Резкие изменения в языке возможны только в исключительных случаях, когда, под давлением важных общественных обстоятельств, одна языковая система заменяется другой, например, когда общество отказывается от народных говоров и обращается к литературному языку или когда с национальной ассимиляцией усваивается другой язык.

Вариативность диалектов, как мы установили, не является *полезной* (хотя, возможно, и делает мир ярче наряду с разнообразием архитектуры и костюмов). С утилитарной точки зрения насколько полезен язык, настолько бесполезно то, что где-то говорят *йрозор* [‘окно’], а где-то *йенцер* или *облок*, или что третье лицо множественного числа настоящего времени глагола *носити* [‘носить’] в разных регионах принимает формы: *носе*, *носу*, *носиду*, *носију*, *носив* и т. д. В известном смысле территориальная вариативность вредит языку как общественному инструменту, ведь из-за нее люди из разных областей хуже понимают друг друга. В примитивном обществе, которому чужды письменность и далекие путешествия как массовое явление, этот факт вряд ли имеет какое-то значение. Путешественники из далеких краев появляются редко, а если и появляются, то уже заранее ясно, что необходимо приложить максимум усилий, чтобы как-то понять их. Однако в наше время, когда мобильность человека сильно возросла, когда печать и средства массовой информации одновременно направлены на разные регионы, диалектные различия объективно начинают мешать. Такие факторы приводят к появлению тенденции к унификации, что ведет к повсеместному распространению литературного языка вместо территориальных диалектов. В наши дни против диалектов выступают многие жизненные факторы, и им довольно трудно оказать сопротивление даже в сельской местности, где можно встретить традиционных носителей диалектов в их наиболее чистом виде. Речь идет не только о школе, воинской службе, контактах с властями или чтении, которое несет в себе элементы литературного языка даже тогда, когда ограничивается сельскохозяйственным

календарем или иллюстрированным еженедельником. В сельскую жизнь ворвались радио и телевидение, которые ежедневно приносят литературный язык в большинство сельских домов. Кроме того, все больше появляется семей, в которых дети, получившие образование и работающие в городе, говорят как в городе, когда приезжают в деревню на выходные, в отпуск или возвращаются домой вечером после работы. Пути, которыми распространяется влияние литературного языка, многообразны, и есть серьезные причины, по которым человек поддается этому влиянию. Не владеть литературным языком означает, в большой мере, быть человеком второго сорта, носить на себе печать отсталости, а часто — не понимать многого из того, что понимать необходимо. Да и тщеславие подталкивает людей к погоне за городским престижем — как в речи, так и в одежде и во многом другом. Большинство жителей сельской местности уже пережило перелом коллективной психологии, когда острия насмешек, этих мощнейших факторов, влияющих на человеческое поведение, обратились в другую сторону. Высмеивание тех, кто употребляет городские словечки («строит из себя господина»), сменилось осуждением тех, кто все еще говорит «по-простому», «по-деревенски» и «неправильно». Кроме того, вместе с диалектной вариативностью под удар перемены попадают и народная одежда, народная архитектура и утварь. Их атакуют запросы индустриализации и экономического производства, а также городская мода, поставленная в пример сельским жителям новыми условиями коммуникации.

Процесс замены народных диалектов литературным языком непрост, как непроста и система языка в целом. Эта система включает в себя десятки тысяч элементов, которыми владеет каждый носитель языка. Чтобы перейти с родного языка на литературный, необходимо усвоить различия между многими элементами (хотя и не всеми, ведь иначе это бы означало перейти на другой язык). Некоторые отличия с трудом поддаются усвоению. Сравнительно легко выучить, что вместо *астѣал* ['стол'] следует говорить *стѣо*, но гораздо сложнее усвоить синтаксис нашего литературного языка, и практически невозможно правильно употреблять ударения, если они не заучены с самого детства. Овладение литературным языком представляет собой совокупность неисчислимого множества отдельных, чаще всего небольших, задач, с которыми каждый человек должен справиться самостоятельно. И нет двух людей, которые

бы достигли абсолютно одинаковых результатов. Кто-то сможет справиться с бóльшим, кто-то — с меньшим числом различий между двумя языковыми системами. Даже если допустить, что общее количество усвоенных различий совпадает, их состав все равно будет отличаться: всегда найдется элемент, принятый одним человеком, но не принятый другим, и наоборот. Так и образуется индивидуальная вариативность говора во всех сельских областях. И во многом эта вариативность зависит от возможности отличить литературный язык от диалекта. Есть носители, путающие литературный язык с диалектом, забывая, какие элементы принадлежат одной разновидности языка, а какие — другой. Есть и те, кто хорошо выучил литературный язык, не потеряв при этом умения использовать народный говор и отличая один от другого. Обычно это люди с бóльшими интеллектуальными способностями. По желанию они способны выражаться как более-менее приемлемым литературным языком, так и при помощи диалекта, в основном не разбавленного элементами литературного языка. Такие люди располагают широким диапазоном активного владения языком. Они в какой-то степени двуязычны, в отличие от тех, кто, по сути, не владеет ни одним языком, не имея возможности выражаться правильно ни на литературном языке, ни на родном говоре. Тем не менее, практически каждому жителю сельских районов присуща, в известной степени, способность подстроиться в процессе речи к собеседнику и к ситуации, двигаясь вдоль оси «народный говор — литературный язык». Конечно, соотношение этих двух компонентов будет во многом зависеть от общественного положения, поколения, образования и биографии.

Постепенное исчезновение диалектов ставит диалектологию перед новыми задачами. Найти носителей чистого народного говора уже не так легко. В отчетах исследователей все чаще подчеркивается, как трудно найти человека пожилого, по возможности неграмотного или хотя бы не привыкшего читать ежедневно, кроме того, не путешествовавшего много. В то же время требуется человек в здравом уме (способный понять, что от него хотят), не боящийся идти на контакт с незнакомцами, достаточно крепкий физически, чтобы ответить на большое количество вопросов, а также — имеющий хорошие зубы (без чего невозможна четкая артикуляция и качественная запись произношения). Когда начинается работа с носителем говора, выясняется, что он вносит в свою речь элементы

литературного языка, и избавиться от этого весьма непросто. Общение с чужим человеком, приехавшим из города, — как раз та ситуация, в которой сельский житель, следуя сформировавшемуся рефлексу и привычке, постарается как можно дальше отойти от родного говора, который предназначен для общения с людьми из своей среды. Таким образом, диалектологу зачастую приходится отбирать материал, исключая очевидные элементы влияния литературного языка (которые часто не просто бывают неочевидны, но и требуют проведения тщательного анализа, а иногда и сбора дополнительного материала). Без использования подобных методов невозможно обрисовать картину аутентичного, ни с чем не смешанного народного говора. Хотя тут же возникает новая проблема: должна ли диалектология уделять внимание исключительно тому говору, который редко употребляется сегодня в чистом виде, или нужно изучать и реальную, общественно актуальную языковую ситуацию в деревне? В других странах исследования второго направления только начинаются, но у нас не сделано ничего. Нежелание диалектологов иметь дело с такими проблемами можно понять. В речи сельской среды точно фиксируются лишь два элемента: исходный народный говор и привнесенный литературный язык. В промежутке же эти две разновидности языка хаотично смешаны, причудливо варьируясь в устах разных носителей в зависимости от ситуации. Нелегко точно описать такие явления на примере одного человека, а если необходимо охватить языковую ситуацию во всей деревне, становится невероятно трудно избежать лавины деталей и мелких фактов, проследить среди них некую закономерность, социально значимый порядок. Возможно, одна из причин возникновения такой проблемы кроется в недостаточной проработанности методологии подобных исследований. Кроме того, существует опасность получения предсказуемых (тривиальных) результатов исследования. Например, после кропотливого опроса многих сельских жителей и тщательного расчета статистики «выясняется», что процент элементов литературного языка в речи соответствует образованию или начитанности говорящего — что, конечно, было известно и ранее. Однако это не исключает возможности более осмысленного подхода, который помог бы точно определить, в какой степени литературный язык принят среди разных поколений или какие различия наблюдаются в регионах в связи со степенью проникновения в среду литературного языка и т. д.

Остается решить и исключительно лингвистическую проблему: какие особенности народного говора в первую очередь подвергаются влиянию литературного языка, а какие являются более устойчивыми. Наименее подверженным влиянию обычно оказывается так называемое «неразличение» единиц языковой системы. В областях, где не отличают *ч* от *ћ* или восходящее ударение от нисходящего, это будет сохранено в литературном языке, как бы хорошо его ни выучили носители говора. С другой стороны, существующие единицы могут претерпевать изменения. Там, где в диалекте существуют формы *шћай* [‘палка’] и *гушћер* [‘ящерица’], они с легкостью будут заменены формами *шћай* и *гушћер*, поскольку группа согласных *шћ* присутствует в говоре в таких словах, как *шћа* [‘что’] или *ћошћен* [‘честный’], и, таким образом, употребление ее в новых примерах не составляет труда. В говорах, где сохранена архаическая акцентуация, вместо ударения типа *осћѣви* [‘остав’] в речи появится *ѣсћави* с ударением, перемещенным ради имитации литературной формы *ѣсћави*, но с кратким нисходящим ударением, которое представлено в диалекте вместо литературного краткого восходящего, чуждого данному говору.

Принятие литературного языка не означает полного исчезновения диалектного варьирования. Его следы отражаются в региональных различиях, ярко проявляющихся в плохом литературном языке — наиболее частом наследнике диалектов в той среде, из которой они были вытеснены. Речь идет о литературном языке с упрощенным синтаксисом, измененным, «бесцветным» ударением, без гибкости, благородства и всех тех качеств, которые поднимают литературный язык над простонародным говором. Способы «обеднения» литературного языка, преломления его через языковое ощущение бывших носителей диалекта варьируются от региона к региону, и в этих вариациях специалист может обнаружить остаточные явления диалекта. На нашей языковой территории диалектное варьирование перерастает в местные версии литературного языка, которые часто называют вариантами. Правда, лишь меньшая часть различий между вариантами литературного языка имеет диалектное происхождение, большинство же несоответствий касается культурной и профессиональной терминологии и других элементов литературного языка, которых в народном говоре нет вообще.

Если говорить о конфликте современности и унаследованных диалектов, нельзя не отметить в качестве особого случая такое

явление, как упорное сохранение традиционных говоров, хотя иногда и трансформированных, в той или иной среде. Как правило, это явление встречается в городах, с гордостью сохраняющих говор как дань народной традиции. На территории распространения сербскохорватского языка существует два города, Загреб и Дубровник, в которых такое отношение к говору преобладает. Жители Загреба используют кайкавский диалект как обычное средство общения дома и на улице. Кайкавщину осваивают и приезжие «штокавцы» и «чакавцы», или по крайней мере их дети. Неспособность говорить на кайкавском диалекте считается признаком второсортности: сразу становится ясно, что человек вырос не в столице. Загребская традиция вписывается в более широкое поле центральноевропейской языковой ситуации: во многих городах, расположенных на территории распространения немецкого языка, местные диалекты имеют более-менее сходный статус с кайкавщиной в Загребе, а в Словении и Чехии литературный язык вообще не является ежедневным средством общения образованных людей. В Любляне и Праге на улице и дома безраздельно господствует разговорный язык — результат давнишнего слияния местного диалекта и литературного языка. Что касается Дубровника, города, влюбленного в свое прошлое, то в нем лелеют родной говор как часть истории. Интеллектуалы из Дубровника, даже находясь вдали от своего города, речью подчеркивают, откуда они приехали, справедливо считая это своим преимуществом. И в Загребе, и в Дубровнике у истоков подобного отношения к родному диалекту стоит память о том, что этот диалект был литературным языком, инструментом культуры и литературного творчества еще задолго до того, как был создан современный литературный язык, который в известном смысле является здесь чужаком.

У нас по сей день не существует сформировавшихся городских «социальных» диалектов, которыми бы пользовались «низшие» слои общества, прежде всего рабочие, а также так называемый средний класс. Этот феномен получил широкое распространение в англосаксонских странах и все больше превращается в основной вид диалектного варьирования в урбанизированных и индустриализованных обществах Англии и США. Языковые привычки превращаются лишь в признак социального статуса. Использование «низших» диалектов дискредитирует человека в глазах людей более высокого круга, однако и попытки подражать речи высшего

общества часто встречают осуждение в родной среде, являясь признаком несолидарности и заносчивости. Решение проблем, которые влечет за собой такое разделение, усугубленное в США яркими языковыми особенностями черного населения, становится важной национальной задачей, которая встает и перед лингвистикой. В последние годы в США изучение социальных признаков городских говоров стало центральной темой диалектологии — своего рода пискom моды, появившейся в научной среде, или бестселлером, за который можно от какого-нибудь фонда получить средства на исследования в области диалектологии. Разработана новаторская методика подобных исследований с применением достижений современной социологии. Достигнутые результаты оказались весьма внушительными. У нас же подобных исследований нет — не только потому, что в нашей среде социальная дифференциация далеко не так заметна, как территориальная, но и потому, что наши диалектологи, ознакомившись с новейшими американскими достижениями, все еще не попытались применить их на материале говоров наших городов, где существует множество проблем, достойных внимания. Эти говоры, как известно, сильно перемешаны, как перемешано и население городов, в которых приезжие чаще всего численно превосходят родившихся в городе. Но как эта смесь упорядочивается, какие языковые черты приживаются в ней, что обобщается, а что исчезает? В какой степени побеждает литературный язык, а в какой — из-за диалектного влияния — усваиваются явления, ему чуждые? Есть ли существенная разница в этих процессах в разных слоях общества, которые, в конце концов, присутствуют и у нас? Насколько быстро осваивается в языковой среде человек, приехавший в город во взрослом возрасте? Что случается с их детьми — сохраняют ли они следы происхождения родителей или ассимилируются абсолютно? Ответы на эти вопросы ожидают наших диалектологов в будущем.

В городах процветает и особая разновидность социального диалекта — воровской язык (жаргон)¹, или аргo. Его используют две социальные группы: преступники и молодые люди, чаще всего учащиеся и студенты. Считается, что первые используют этот «тайный» язык, чтобы скрыть от непосвященных свои дела и намерения, вторые же пользуются им из кокетства, чтобы подчеркнуть

¹ В оригинале — *шайрoвaчки jезик*. — Ред.

принадлежность к группе, «племени», наслаждаясь очарованием выражений, которые невозможно употреблять в официальной обстановке. Отличие воровского языка (жаргона) от других диалектов состоит в том, что для него характерны лишь лексические особенности (*лова* — деньги [литер. *новац*], *чилагер* — старик или взрослый человек, *кева* — мать [литер. *мајка*], *сијайи* — иметь [литер. *имайи*]). Грамматика же и звуковой состав этого языка не отличается от нормальной речи: нет ни специфических окончаний падежей или глагольных форм, нет дополнительных звуков или отличий в звуковом составе слов, общих с литературным языком, что постоянно встречается в обычных диалектах. От этого типа, правда, следует отличать «языки», основанные на перемещении звуков: *мадре* — *дрема* [‘дремлет’], *дурйан* — *йандур* [‘полицейский’], но и в них имеет место зависимость от исходной языковой системы. Другими словами, арго не является самостоятельным языковым инструментом, оно всегда паразитирует на каком-либо другом типе языка, который в данном обществе считается обычным. Это связано с обстоятельствами функционирования арго: это единственный вид диалекта, которым регулярно пользуются только люди, использующие и другую систему коммуникации («нормальный» язык). Кроме того, арго меняется гораздо быстрее, чем любая другая языковая система: оно определяется веяниями моды, без новизны оно было бы скучно, и молодые люди, циничные выдумщики, дают волю своему воображению, всегда находя новые способы, чтобы удивить свою компанию. Конечно, арго имеет множество вариантов в зависимости от поколения, географического положения, даже в одном городе и в одно время. Обычно каждая группа людей, которые близко дружат и используют арго, имеет некоторые особенные выражения, непонятные остальным. Так и появляются новые выражения: дальнейший путь ведет их к головокружительному успеху или к тихому умиранию в том кругу, где они появились.

Что касается отношений между языком и литературой, привлекает внимание феномен, более характерный для наших западных территорий, чем для восточных. Это употребление диалекта вместо литературного языка в самой литературе, прежде всего в поэзии. У хорватов-«нештокавцев»² использование народных говоров в литературном творчестве имеет старую традицию, которой уже не

² Т. е. кайкавцев и чакавцев. — *Ред.*

один десяток лет. Среди подобных произведений есть и поэзия, достойная особого внимания: кайкавские стихи Домьянича и Крлежи или чакавские — Назора, Балоты, Любича и Франичевича. Людям, для которых родным является кайкавский или чакавский диалект, литературный штокавский язык на основе говора села Тршич³ представляется задачей, с которой нужно справиться в школе или во взрослой жизни, но не чем-то аутентичным, своим. Когда задача решена до конца, даже у интеллектуалов, блестяще владеющих литературным языком, в душе все же остается место для диалекта, связанного с родиной, домом, детскими воспоминаниями, любовью к родителям. И остается потребность говорить на эти темы таким языком. О самом дорогом тяжело говорить иначе, чем используя самые близкие средства выразительности, вложенные глубоко в душу в ранние годы жизни. Для сербской же литературы языковой раскол авторской личности нехарактерен прежде всего потому, что, как правило, отличия штокавских говоров от литературного языка невелики, так что литературный язык не воспринимается как иная языковая среда, отличная от говора родного края. Такое утверждение требует некоторых оговорок, без которых оно было бы слишком обобщенным. Среди диалектов, на которых говорят сербы, один, призренско-тимокский, значительно отличается от литературного языка. Поэтому неудивительно, что этот диалект вошел в литературу, сначала у Стевана Сремаца, чья «Ивкова слава» своей атмосферой в основном обязана сочному нишскому говору, а позднее — у Бориса Станковича, у которого говор города Вране достиг высот поэтичности и из фольклора выбился на просторы большой литературы. В дальнейшем в сербской литературе это направление практически не имело последователей. Полуфольклорный характер носят и народные по духу произведения Стjepана Митрова Любиши и Марка Милянова, написанные на красочном иекавском говоре Паштровичей и Кучей⁴. Совсем недавно в цикле Бечковича «Рече ми један чоек» [«Сказал мне один человек»] один из говоров зетского диалекта вновь использовался как средство литературного творчества, на этот раз поэтического.

³ Родное село Вука Караджича, создателя современного сербского литературного языка. Говор этого села лег в основу современного литературного языка. — *Ред.*

⁴ Названия черногорских племен. — *Ред.*

В этих стихах встречаются разнородные элементы, обычно довольно трудно сочетаемые, но совершенно гармоничные, когда речь идет о менталитете и традициях черногорцев: витиеватое красноречие, юмор и исконная, самородная сила. У Бечковича народный язык используется совершенно осмысленно: в его тексте именно диалект является тем инструментом, который способен донести до читателя идею автора.

Процесс замены диалектов литературным языком в наши дни охватил практически все цивилизованные общества, но ни один язык еще не повторил прецедент, имевший место в древней Греции, где в эллинистическую эпоху так называемое «койне», «общегреческий» язык, то есть литературный язык общегреческой культуры, полностью вытеснил практически все местные диалекты (единственное исключение составляет Лакония, область в окрестностях Спарты, где и сейчас существует диалект — прямой потомок древнелаконского, тогда как все остальные современные диалекты греческого языка развились из койне). Думая об этом, можно лишь подивиться престижу литературного языка, который был силен настолько, что вошел в каждый дом, в каждое селение, где говорили по-гречески, распространился далеко по просторам Средиземноморья — и это в условиях несовершенного транспорта и ограниченного образования. Несмотря на радио и телевидение, обязательное общее образование и миллионы тонн отпечатанной бумаги, таких успехов в нашу эпоху удалость достичь лишь в некоторых районах, наиболее значительный из которых, вероятно, — вокруг Парижа, где народные говоры, замененные литературным французским, канули в лету. Но если мы двинемся дальше, на сто или двести километров от Парижа, то выйдем из зоны непосредственного влияния столицы и встретимся с живыми народными говорами. В Германии не нужно отъезжать далеко от Берлина, чтобы услышать *Plattdeutsch*, в России среднерусские говоры доходят до самой Москвы, а в Англии Лондон окружен множеством южноанглийских региональных диалектов, в самом же городе широкие слои населения используют городской диалект *Cockney*. В ближайших к Белграду селах, например в Жаркове или в Батайнице, мы можем найти носителей в целом хорошо сохранившихся местных говоров. Точно такая же ситуация наблюдается вокруг Загреба, Нови-Сада, Сараева или любого другого крупного города Югославии. Другими словами, процесс искоренения сельского диалекта еще нигде не окончен.

Если мы спросим себя, как нужно реагировать на события, которые происходят на наших глазах, мы получим один ответ: они не зависят от нас, мы не можем остановить происходящие процессы, как не можем их ускорить или замедлить. На вопрос о том, нужно ли сожалеть об исчезновении или деградации самобытных, колоритных народных говоров и их замене обедненной версией литературного языка, можно ответить, что это сожаление было бы излишним. Оно не может приостановить процесс, способствующий демократизации и распространению культуры, объединению народа, стирающий клеймо социальной отсталости и изгойства, которое лежит на не владеющих литературным языком. Также мы должны смириться с тем, что народный костюм исчезает под напором современной одежды и старинная народная архитектура заменяется неуклюжими, но более просторными и здоровыми квадратными домами без стиля. Поэтому мы должны оставаться спокойными наблюдателями процесса замены диалекта литературным языком. Это, однако, не означает, что перед лингвистикой и нашей системой образования не стоят задачи, которые нужно решить.

Долг нашей науки о языке — записать и описать все территориальные диалекты, прежде чем они исчезнут совсем или утратят свои главные особенности. Это огромное богатство явлений стоит того, чтобы быть спасенным от полного исчезновения и забвения.

Диалекты являются незаменимыми свидетелями истории языка: следы более старых форм на разных уровнях языковой структуры присутствуют практически во всех говорах. Кроме того, особенности архаичной системы языка могут быть реконструированы путем сравнения особенностей разных диалектов. Также драгоценны и сведения о языковой типологии, которые можно почерпнуть из диалектов. Намного более многочисленные, чем литературные языки, диалекты представляют собой ценнейший клад информации о том, какие явления могут существовать в языке, в каких комбинациях и при каких обстоятельствах. Сербскохорватский язык показывает в этом смысле гораздо более широкий диапазон языкового варьирования, чем любой другой европейский язык. От одного нашего диалекта к другому значительно меняется количество падежей (а с ними и вся структура парадигмы), количество глагольных форм, состав гласных и

согласных, а особенно — система ударения. В нашей диалектной акцентуации, возможно, наблюдается больше структурных решений, чем во всех других европейских языках и диалектах вместе взятых. Это, конечно, не наша заслуга, но это расширяет обязанности наших лингвистов, которые должны сохранить данные о наших говорах для мировой науки. Также диалекты являются документами, содержащими информацию об истории народа. История, которую можно восстановить по диалектам, — это история не одного человека, а история масс, не хроника лет, а повесть столетий. Значение диалектных свидетельств в этом случае возрастает вместе с временной дистанцией. Когда мы говорим о периодах и областях, располагающих письменными источниками, анализ языка предоставляет новые подтверждения и, возможно, открывает дополнительные факты. Но заглядывая дальше в прошлое, мы встречаем эпохи, бедные письменными памятниками, — в таком случае ценность диалектных данных возрастает. Когда мы говорим о древнейшей истории, то на языковые факты опираемся сильнее, чем на что бы то ни было. Впрочем, вследствие трагических событий эпохи турецкого владычества многие эпизоды нашего недалекого прошлого стали в каком-то смысле доисторическим периодом, если этот термин означает «эпоху, события которой не были записаны». Еще двести-триста лет назад в наших землях происходило много экономических процессов и важных перемещений населения, свидетельства о которых не сохранились в письменном виде просто потому, что записывать было некому.

История масс, использующих один тип языка, подразумевает прежде всего две вещи: историю этноса и историю общества.

В языковом поведении по отношению к соседям проявляется степень индивидуальности этнической группы, ее общности с окружающими и отличия от других. Языковые факты могут быть расклассифицированы путем анализа, что дает возможность делать отдельные выводы по каждому временному промежутку. В этой области язык обладает большими преимуществами перед другими этническими атрибутами, и в первую очередь перед фольклором, который редко дает возможность проникнуть в хронологию событий и в целом намного легче заимствуется или меняется.

Не только доисторические племенные связи, но и долгое проживание в границах какого-либо государства неизбежно оставляет следы в языке народа. Кроме того, диалект становится подробнейшим

источником информации о путях миграции и формирования населения конкретной области — источником, который говорит, когда все остальное уже умолкло. По хорошей диалектологической карте можно проследить движение миграционных потоков так же хорошо, как на военных картах прослеживается движение армий.

История общества неизбежно отражается в диалектах, потому что язык — это система знаков, которая служит для обозначения понятий. Понятия, не существующие в рамках человеческого сообщества, не представлены в лексике его диалекта. Новые понятия появляются с развитием общества, а вместе с ними — и новые слова, их обозначающие. Часто невозможно точно установить, каким образом в определенной среде много веков назад возникли некоторые понятия (то есть вещи, установления, обычаи, представления). Но практически всегда можно установить происхождение слова: оно или заимствованное (очень важно, из какого языка, из какого диалекта и на какой ступени его развития), или образовано собственными языковыми средствами. Это часто показывает нам, каким образом появилось само понятие. Так, в диалектах заключены данные о культурных контактах прошлого, о внешних импульсах в развитии производства, общественных отношений, цивилизации и духовной жизни — или о самостоятельности этого развития. По характеру заимствований можно сделать вывод о том, какой сосед оказал наибольшее влияние в области земледелия, какой — в области животноводства, а какой — в разных ремеслах. Для всего этого наши диалекты предоставляют множество наглядных иллюстраций, а новые исследования постоянно выявляют неизвестные, а иногда и неожиданные факты.

Перспектива исчезновения диалектов обязывает наших лингвистов к быстрой и эффективной работе. То, что в математике или химии не найдется сегодня, найдется завтра, но в диалектологии это не так. Это возлагает на общество большую ответственность, ведь на его плечи ложится финансирование диалектологических атласов, словарей и монографий, а также материальная поддержка, необходимая для расширения кадрового состава нашей диалектологии.

Задача нашего образования — максимально широко обучить литературному языку молодые поколения из тех мест, где традиционно говорят на диалектах. Обучение должно давать ученику возможность использовать литературный язык, который будет

не упрощен и не окрашен элементами диалектной основы. Современность предлагает в этой области возможности, знакомые нашим предшественникам: техника магнитофона и наушников в комплекте с обучающими программами и подготовленными преподавателями помогла бы ученикам впитать в себя мелодию литературного языка и систематически избавляться от проблем с произношением и даже с синтаксисом. Кроме того, необходимо детально изучить те трудности, которые региональные диалектные особенности создают при овладении литературным языком. Эти трудности, различные в зависимости от зоны диалекта, мы можем обнаружить, сравнивая ошибки ученика с данными диалектологии. На основе подобных исследований необходимо разработать специальные упражнения для каждой области и особые инструкции для преподавателей. Благодаря этому меры, предпринимаемые системой образования для того, чтобы исправить положение в конкретном регионе, были бы намного более успешными, чем бессмысленное размахивание тупым, бесполезным орудием — одним и тем же, вне зависимости от ситуации. Но пока мы находимся лишь у истоков решения этих проблем. Задачи перед нами глобальные и непростые. Нам не хватает ни знаний о диалектах во многих регионах, ни разработанной методологии учета ошибок учеников и применения этих результатов при составлении упражнений, не хватает специалистов, подготовленных к проведению занятий по такой программе. Но это не значит, что эти задачи нерешаемы или что их осуществление обойдется слишком дорого. Гораздо важнее непонимание проблем и недостаток инициативы. Тут наши лингвисты могли бы быть на вес золота. Помогая многим людям и даже целым слоям общества легче и совершеннее овладеть литературным языком, наука о языке подтвердила бы свое активное участие в жизни общества.

СУДЬБА НАШЕГО ЯЗЫКА КАК ОРУДИЯ КУЛЬТУРЫ

І. ОТ ИСТОКОВ ДО ВУКА КАРАДЖИЧА

Письменность на территории распространения нашего языка возникла не на его основе. Это явление не случайно и не составляет исключения в европейском и мировом культурном контексте. Переходя от одного народа к другому, цивилизация вначале выступает в неадаптированных формах. Люди, которые в какую-то этническую среду перемещают письменность из другой среды, разумеется, знают язык этой иной среды. Им легче писать на этом языке, потому что это не требует усилий по приспособливанию, а кроме того, обеспечивает и расширяет круг потенциальных читателей (на начальном этапе даже отсутствуют грамотные люди, которые бы не знали язык среды, из которой пришла письменность). К этому присоединяется и престиж более сильной цивилизации, а часто и сопровождающая ее политическая мощь. Когда речь идет о Средневековье, не нужно забывать и о том, что в то время в вопросах письменности решающее слово было за церковью, а она пользовалась ограниченным числом сакральных языков. В эпоху, когда славяне проникли на Балканы, грамотная Европа была разделена на две сферы — с латинской и греческой письменностью (об этом свидетельствуют многие письменные источники). Граница между этими сферами проходила как раз по нашей территории, в новые времена продолжая древнюю границу между Западной и Восточной Римской империей (и еще более древнюю границу между двумя главными культурными зонами поздней Античности, латинской и греческой). Эта граница предшествовала будущему делению христианства на Западную и Восточную церкви, роковые последствия которого ощущались и в XX веке. Так случилось, что наши люди раньше начали писать на латинском и греческом, чем на своем языке. Однако эта письменность совершенно не была массовой. Судя по некоторым дошедшим до нас сведениям, ею владели отдельные чиновники и священники в областях, где реально, а не фиктивно действовала византийская политическая власть, то есть там, где у славян начинало

распространяться христианство. Ни тех, ни других не могло быть много. Расселение славян прервало культурную преемственность почти на всем Балканском полуострове; от предшествовавшей эпохи уцелели только некоторые окраинные зоны вдоль морского побережья. Обширные территории обратились от письменности к неграмотности, и должно было пройти достаточно времени (от двух до трех веков), чтобы вновь начался усиленный процесс повторного усваивания письма. С VI по IX век путь к этому преграждали самые различные обстоятельства. Между славянами и их соседями, у которых была письменность, стояли языковые барьеры, различия в общественном устройстве, религии и во всем характере культуры. Не было ни славянского государства, ни славянской христианской церкви, ни образцов письменности на славянском языке. Однако девятый век изменил ситуацию. Повсюду появились маленькие славянские государства, а в них и первые ростки феодализма (кроме того, славянизировались правящие круги уже ранее существовавшей сильнейшей болгарской державы). Славянское христианство и славянская письменность возникли благодаря важнейшей политической инициативе, исходившей, правда, не от балканских славян. Это была миссия Кирилла и Мефодия, двух ученых уроженцев Солуни, которые по приказанию византийского императора Михаила отправились в 863 году в Моравию (современную Чехословакию), чтобы проповедовать там христианство на славянском языке. Это должно было воздвигнуть преграду для проникновения христианства из немецких земель, использовавшего латинский язык, которое прокладывало дорогу расширению политического влияния врагов Византии — франков. Чтобы выполнить свою задачу, два миссионера должны были перевести церковные книги на славянский язык. В этом им помогло отличное знание македонского диалекта окрестностей Солуни. Свои переводы они написали алфавитом, который они сами составили и который сегодня мы называем глаголицей. В самой Моравии и соседней Паннонии их деятельность в конечном итоге не была успешной. Слишком близко находились политические центры франков, а Византия — слишком далеко. Но в последующий период их ученики разошлись по южнославянским странам, от Хорватского приморья до Болгарии. Результат миссии двух уроженцев Солуни был совсем иной, нежели тот, который ожидал увидеть император Михаил. Именно в славянских областях, расположенных неподалеку от Византии или даже в ее границах,

укоренилось христианство со славянским богослужением и славянской письменностью. Язык переводов Кирилла и Мефодия, который мы сегодня называем старославянским, стал еще одним крупным сакральным и литературным языком средневековой (и более поздней) Европы. О самом акте принятия старославянского языка у сербов мы не знаем ничего определенного. Это событие скрыто в глубине веков, и точно не известно ни когда, ни каким образом оно произошло.

Вскоре кроме глаголицы появилась еще одна азбука. Эта азбука сейчас называется кириллицей. По сути, это уставное греческое письмо того времени, приспособленное к материи славянского языка путем добавления букв, которых не было в греческом языке (для согласных [ч], [ж], [ш] и т. д. и таких гласных, как ять, сверхкраткие [ъ], [ь] или [ы]). Кириллица несравненно практичнее глаголицы (хотя обе одинаково адекватно отражают фонетический состав тогдашнего славянского языка), по двум причинам: начертание букв значительно проще, причем буквы в основном тождественны греческим, что сделало кириллицу мостом к богатой греческой культуре. Поэтому в соперничестве с глаголицей кириллица была более сильным противником. Ее победоносным наступлением прежде всего на территории Восточной церкви глаголица к концу XII века была вытеснена на славянском юге на ограниченную территорию около Кварнерского залива. Кроме того, следы ее употребления сохранялись некоторое время и в Чехии. Но обе эти области были удалены от наиболее оживленных центров славянской письменности. Глаголица в них противостояла не кириллице и греческой культуре, а латинице и латинскому богослужению, единственно признанному на огромной территории Западной христианской церкви. Глаголица своим существованием в хорватских землях обязана двум историческим обстоятельствам. Во-первых, она там смогла укорениться, вопреки строгим нормам Римской церкви, поскольку в IX веке большая часть Кварнерской области была под прямой политической властью Византии. Во-вторых, глаголица смогла преодолеть натиск кириллицы только потому, что функционировала на католической территории, тогда как в православных землях кириллица победила вместе со славянским богослужением.

Появление старославянского литературного языка положило конец той ситуации, когда славяне, если кто-то из них

обращался к письменной речи, должны были прибегать к чужим языкам, алфавитам и культурам. Заслугой учености и таланта солунских братьев стало то, что они успешно привили славянской языковой стихии достижения греческого литературного языка, развивавшегося в течение более двух тысячелетий. Славянский литературный язык с самого начала обладал достаточно богатым словарем и гибким синтаксисом, чтобы достойно отражать культуру, не отстающую от уровня своего времени. Этим было создано первое условие для того, чтобы славянская культура поднялась до подобной высоты. Правда, в областях, которые находились вдалеке от окрестностей Солуни, например на сербскохорватской языковой территории, народный язык был несколько иным, чем тот, который лег в основу старославянского языка. Хотя сегодня македонский диалект окрестностей Салоник значительно отличается от типичного сербскохорватского говора, но в IX веке это различие было меньше, чем между нынешним типичным сербскохорватским говором и сербскохорватским литературным языком. Только в позднейший период, с нарастанием различий между южнославянскими диалектами, старославянский литературный язык в наших краях становится все более чужим, все более трудным для понимания. Правда, это было компенсировано приспособлением этого языка к той языковой почве, на которой он существовал. В своей первоначальной версии этот язык сохранил сложнейшую праславянскую систему гласных. Последующее развитие шло в направлении упрощения этой системы. В каждом славянском диалекте некоторые гласные звуки уподоблялись другим. Так, в древнем сербскохорватском языке было утрачено различие между сверхкраткими гласными переднего и непереднего ряда, а прежние носовые гласные в подавляющем большинстве диалектов преобразовались в *e* и *y*. В среде, где различие между двумя звуками утратилось, оно не могло сохраниться и в старославянском языке. Таким образом, появилось сербское, болгарское и русское произношение старославянского языка. Вскоре это произношение отразилось и на письме: обычно буквы, обозначающие звуки, которые исчезли из произношения, сами выходили из употребления. С XI–XII века с уже ясными характерными чертами появляются болгарская, русская, сербскохорватская и другие редакции (или «изводы») старославянского языка, который в таком измененном виде сегодня

обычно называют церковнославянским, а его сербскую редакцию — «сербскославянским» языком (в то время как термин «старославянский» остается закрепленным за исходной версией этого языка). В течение последующих веков церковнославянский язык был основным орудием культуры православных славянских народов, отчасти хорватов, а также румын, которые вместе с православием приняли и славянскую литургию, вследствие чего позднее сложилась особая румынская редакция церковнославянского языка.

Среди древнейших славянских языковых памятников, которые, как предполагают с большей или меньшей степенью вероятности, были созданы в наших землях, имеются два церковных текста, написанных глаголицей в конце X века или в первой половине XI века. Это Мариинское евангелие (вероятно, из сербских областей) и Сборник Клоца (из хорватского чакавского региона). Речь идет о текстах, которые часто переписывались в разных местах, и только некоторые языковые детали свидетельствуют о том, что перед нами списки, выполненные в наших землях. Иначе обстоит дело с надписями на камне: их локализация чаще всего не вызывает сомнений. Из Сербии происходит кириллическая Темничская надпись с перечислением имен святых XI века, а из Хорватии — глаголическая Башчанская плита с острова Крк, которая была написана в конце того же века и содержала в своем тексте некоторые особенности нашего языка. Затем следуют другие надписи: из кириллических назовем надпись жупана Грда в Требине, Благайскую надпись, надпись бана Кулина из окрестностей Високо, Мирославу надпись из Биело-Поле и надпись в Бенедиктинском монастыре в городке Повля на острове Брач — все XII века, в основном второй половины. К этому же времени восходят списки церковных книг, которые, как можно определенно утверждать, возникли на нашей языковой территории. Это хорватский глаголический миссал Кукулевича и Апостолы Гршко-вича и Михановича, оба глаголические, но по православному обряду, что свидетельствует о былом употреблении глаголицы среди сербов. (Есть и более поздние доказательства, вплоть до XV века, что в сербской среде кое-где сохранялось знание глаголицы: или в какой-то кириллической книге обнаруживается слово или фраза, написанные глаголицей, или пустые места в более древней глаголической книге дополнялись кириллицей).

Среди древнейших памятников — и знаменитое своей роскошной красотой евангелие, написанное для Мирослава, хумского князя, брата Стефана Немани.

Судьба церковнославянского языка у сербов и хорватов была неодинакова. В сербской среде этот язык был орудием и оплотом православной церкви, за которой стояла мощная государственная организация. До тех пор, пока эта организация существовала, были и средства, и возможности для обучения кадров, которые хорошо владели церковнославянским языком. Также было возможно и точное переписывание старых церковных книг согласно средневековому отношению к богослужебному тексту: отступление от слова Господня открыло бы ворота для ереси. Судя по многочисленности сочинений, написанных у сербов на церковнославянском или переведенных с греческого на этот язык, становится ясно, что круг людей, свободно владевших этим языком, был широк. Как и латинский язык в католических странах той эпохи, это был не мертвый язык, а живое, активное орудие культуры своего времени. Жизнь сербского государства также давала толчок к созданию очень богатой оригинальной литературы на церковнославянском языке. Ее наиболее заметные произведения тем или иным образом прославляют государей и династию или сербских церковных иерархов и подвиги сербских святых. Когда наступили трагические времена, в этой литературе нашлось место и для восхищения косовской жертвой¹, и для плача о гибели сербского государства. Так же как и большие пожертвования из княжеской казны на строительство и украшение великолепных монастырей, княжеские дарственные, по которым этим монастырям часто даровались целые края, древняя сербская литература свидетельствует о тесном соединении церкви и феодального государства, соединении, которое имело разные аспекты, но для искусства, несомненно, было благоприятно.

В другой области, в узком пространстве Истрии и северо-западной части прежней Далматинской Хорватии, священники-глаголяши² действовали тихо, в народной среде, без поддержки

¹ Под «косовской жертвой» понимается сражение сербского войска с турками на Косовом поле в 1389 г. Сербь, хотя и не победили в этом сражении, но оказали мужественное сопротивление турецкой армии. — *Ред.*

² Глаголяши — священники, служившие по церковнославянским глаголическим текстам. — *Ред.*

официальной церкви или государственного аппарата. Иногда их преследовали, а в лучшем случае терпели. Они довольствовались скромными средствами и не имели школ, в которых молодое поколение священнослужителей могло бы систематически, под руководством компетентных наставников, овладевать церковнославянским языком. Поэтому среди глаголящей в церковнославянский язык начали широко проникать элементы из народной речи. В противовес строгой нормированности сербского церковнославянского языка на востоке (включая и Боснию), здесь развитие этого языка было очень динамичным. Глубокие изменения под влиянием чакавского диалекта происходили даже в языке литургических текстов, которые, впрочем, были оплотом языкового консерватизма. В то же время здесь не было обширного литературного творчества на церковнославянском языке. С одной стороны, было мало людей, способных составлять на нем новые тексты. С другой — не было условий для возникновения торжественной и риторической литературы, которая служила бы идеологической поддержкой государства со стороны церкви или, будучи политически ангажирована, ставила бы себе целью заботу о судьбе народа. В отличие от православной церкви в средневековой Сербии, церковь глаголящей не была официальной даже в Хорватском государстве, до тех пор пока оно существовало, а позже и в Венгерском королевстве, Венецианской республике и Австрии. Кроме того, сербская церковь была автокефальной и потому национально ориентированной, чего в католической церкви того времени быть не могло.

Хотя в самом церковнославянском языке у сербов после XII века не было крупных изменений, эволюция происходила в области письма. В самом начале XIII века была реформирована орфография. Правописание было упорядочено и кодифицировано таким образом, чтобы оно лучше соответствовало сербской редакции церковнославянского языка. До этого времени сербизация произношения церковнославянского языка отражалась на письме стихийно, после же реформы написание стало более рациональным. Есть все основания полагать, что эта работа не могла быть выполнена без ведома и одобрения Саввы Неманича. Даже естественно было бы предположить, что инициатива исходила именно от него. Этот дальновидный государственный муж, на долю которого выпало направить развитие сербского государства,

церкви и культуры по пути, предопределившему последующий ход истории, даже новейшей, был и родоначальником литературы, и невозможно, чтобы от его внимания ускользнула проблема передачи языка этой литературы на письме. Предпринятая реформа отчасти приблизила сербскую церковнославянскую орфографию к идеалу оптимального письменного отражения устной речи. Древнейшие глаголица и кириллица были близки к этому идеалу, но последующие звуковые изменения отдалили произношение от написания. В результате реформы в эпоху Саввы эта дистанция была уменьшена, но последующее развитие шло в ином направлении, вплоть до XIX века, когда орфографической революцией Вука Караджича было достигнуто почти полное соответствие устной и письменной речи. Между этими реформами состоялось еще одно преобразование орфографии церковнославянского языка у сербов. Константин Философ, ученый книжник, который из уже завоеванной [турками] Болгарии перебрался в Сербию Стефана Лазаревича, принес с собой идею возвращения орфографии к старым, подлинным образцам греческой и древней славянской письменности. Эта идея, вдохновившая реформу правописания болгарского патриарха Евфимия, проистекала из консерватизма, естественного в кругах церкви, задачей которой было сохранение веры в том виде, в каком ее завещали Евангелие и другие древние книги, написанные под Божественным вдохновением. Во времена, когда книги переписывались вручную, неизбежное накопление мелких текстовых различий на протяжении целых веков должно было беспокоить тех, кто был обязан следить за чистотой веры. Сегодня эти побуждения могут показаться необычными, но не следует забывать, что ереси и расколы часто возникали из-за разногласий по поводу одной фразы или даже одного-единственного слова в священных книгах. Однако стремление Константина Философа вернуть текстам их первоначальный вид не помогло ему точно сориентироваться в вопросах истории языка и орфографии в каждом конкретном случае. В то время науки об этом просто не было, и Константин в своих решениях часто руководствовался иллюзиями. В результате его реформа, которая не была прогрессивной и во многом усложняла орфографию, не достигла цели возвращения к старым образцам. Но все же списки «ресавской школы» отличаются нормированной орфографией и высокой степенью упорядоченности и точности. Prestиж сербской письменности был в то

время огромен. Мы располагаем многочисленными текстами XV и последующих веков, которые были переписаны в Македонии или Болгарии на церковнославянском языке сербского извода. Этому способствовало то обстоятельство, что из православных славян на Балканах сербы дольше всего были свободны от турецкого владычества. Вплоть до 1459 года длился период, когда Сербия была еще не угасшим очагом живой культурной деятельности. Более того, даже после турецкого нашествия эта деятельность приостановилась не полностью. Последнее десятилетие XV века, которое одновременно было и последним десятилетием существования непокоренного средневекового сербского государства (Зеты), ознаменовано началом сербского книгопечатания. Традицию, начало которой положил Октоих 1493–1494 года, напечатанный в типографии в Цетине, продолжили в течение первых двух третей XVI века основатели других типографий в разных сербских областях. Эти типографии, правда, чаще всего были маленькими, а их работа непродолжительной. Одним из таких деятелей был, например, черногорец Божидар Вукович и его сын Виченцо, которые работали в Венеции, после чего до 1638 года там же появилось еще несколько сербских изданий. Печатались исключительно церковные книги (правда, существует букварь 1597 года) на церковнославянском языке сербской редакции, но, тем не менее, это свидетельствует как об остатках высокого культурного уровня, так и о том, насколько сербская церковь жаждала книг. Что касается влияния сербской книжности на болгар и македонцев, то оно становится еще более очевидным, если учесть, что болгарская и македонская церкви были под властью греческих фанариотских епископов³, в то время как сербской церкви удалось избежать греческого господства и даже восстановить Печскую патриархию в 1557 году, что создало условия для более широкой и систематической работы над славянскими книгами в сербской церкви. В границах юрисдикции Печской патриархии оказались некоторые македонские и западноболгарские области.

В то время как сербская книга для соседей являлась образцом, в сербской среде в эпоху турецкого владычества ресавское правописание постепенно уступало место спонтанному, все более

³ Во времена турецкого владычества на Балканах — представители Вселенской патриархии, сотрудничавшие с османскими властями. — *Ред.*

упрощенному подходу к решению орфографических проблем. Это положение сохранилось до XVIII века, когда сербский извод церковнославянского языка прекратил свое существование. В так называемом сербизированном правописании параллельно с распространяющейся экавской заменой ятя появляется последовательная замена сверхкратких на *a*, даже в тех случаях, где сверхкраткий не произносился в разговорном языке: например, *васаки* вместо *вьсаки* при народном *сваки* ['всякий']. Подобному церковному произношению мы обязаны формами *сабор* ['собрание', 'парламент', 'синод'], *савесѣи* ['совесть'], *савѣйоваѣи* ['советовать'] в отличие от форм *збор* ['собрание', 'встреча', 'созыв'], *свесѣи* ['сознание'], *свеѣйоваѣи* [редк. 'советовать'], основанных на развитии гласных в живом народном говоре. В результате этой эволюции последовательно реализован принцип, лежащий в основе сербской редакции: вместо любой старославянской буквы, для которой в нашем языке не было звука, начинает употребляться буква, обозначающая тот звук, который у нас заменил исчезнувший гласный.

Наряду с правописанием эволюционировала и форма букв. Специалисты-палеографы сейчас по начертанию букв могут примерно определить эпоху, которой принадлежит какой-либо древний текст. Медленнее всего эволюция протекала в так называемом уставном письме, которое употреблялось для торжественных текстов, а быстрее всего — в скорописи. Сфера употребления уставного письма все больше сужалась, в то время как скоропись выходила на первый план. Началось, естественно, и региональное варьирование письма.

Глаголическое правописание у хорватов также постепенно трансформировалось, отдаляясь от архаичной модели старославянского языка. Правда, тут не было обдуманных, систематических реформ вплоть до XVII века, когда был изменен и сам язык церковных глаголических книг. Рафаэль Левакович по приказу римской Конгрегации пропаганды веры внес в этот язык множество русизмов, чтобы приблизить глаголические тексты к русским кириллическим церковным книгам и тем самым облегчить униатизацию, которую в то время католическая церковь проводила на Украине. Эта искусственная русификация, которую в XVIII веке углубил Матвей Караман, отдала хорватские глаголические книги одновременно и от собственных традиций, и от народного языка хорватов и повлияла на дальнейший упадок хорватского

глаголического богослужения. В последующий период глаголическое богослужение стало постепенно угасать, вплоть до конца XIX века, когда наступило определенное возрождение, вызванное пробудившимся в славистической науке интересом [к глаголической традиции]. По приказу Рима Драгутин Парич издает в это время новую версию основных богослужебных книг, на этот раз в обновленной хорватской редакции церковнославянского языка. Наконец, в 1927 году, в новом издании глаголического миссала, которое подготовил чешский славист Йозеф Вайс, глаголица была заменена латиницей. Фактически это означало смерть глаголицы в церковной сфере. Хотя богослужение на церковнославянском и сейчас практикуется во многих костелах в Приморье от Истрии до центральной Далмации, но церковнославянские тексты читаются по изданиям на латинице.

Естественно, что и облик глаголических букв эволюционировал со временем. В отличие от первоначальной старославянской круглой глаголицы, глаголические буквы в Хорватии обрели характерные угловатые формы. Для печати глаголица начала использоваться раньше, чем кириллица, уже в 1483 году. Впоследствии существовало несколько глаголических типографий, но их было меньше, чем кириллических в Сербии.

Рассказ о церковнославянском языке в наших землях завершим напоминанием о том, что тексты на этом языке позволяют получить некоторые сведения из истории сербскохорватского языка. В этих текстах содержатся драгоценные отступления и изменения, которые, следуя своей речи, обычно по ошибке, делает писец и в которых прослеживаются особенности эволюции нашего языка. Особенную ценность имеют такие сведения для реконструкции древнейших периодов языкового развития со скудным количеством памятников на самом народном языке. Так, к примеру, знаменитое Мирославо евангелие конца XII века ценно как источник сведений об отдельных инновациях в наших диалектах. В более поздних текстах можно проследить появление экавского произношения в Рашке и икавского в Боснии. Хорватские глаголические памятники, в связи с широким проникновением элементов народного языка в церковнославянский, позволяют получить еще больше материала. Важно также, что порой очень полезную информацию мы находим и в текстах на совсем чужом языке, чаще всего на латыни или греческом, где упоминаются

славянские имена или географические названия. Обычно по их облику можно судить о некоторых фонетических изменениях в сербскохорватском.

Конечно, наибольшее количество сведений об истории нашего языка дают памятники на самом языке. До нас дошли такие тексты, написанные кириллицей, начиная с 1189 года (тогда написана известная грамота боснийского бана Кулина о дружбе и торговле с жителями Дубровника), а начиная с первой половины XIV века сохранились тексты и на глаголице, и на латинице. По содержанию и предназначению эти тексты отличаются от церковнославянских и делятся на две большие группы: деловые и литературные (к последним часто относят и различные религиозные произведения нелитургического характера, к примеру духовные рассказы, моральные поучения, молитвы и проповеди). Хотя подобных текстов сохранилось много, особенно на западных территориях, мы можем с уверенностью утверждать, что некогда их было значительно больше, однако они уничтожены с течением времени, прежде всего на восточных территориях. Непокойная и часто несчастливая история нашего народа, особенно во времена турецкого владычества, создавала множество причин для уничтожения архивов и библиотек, где хранились книги или рукописи. Уничтожение их не всегда связано только с разрушениями и пожарами, как было в древности или как произошло шестого апреля 1941 года во время крупнейшего и самого рокового пожара, когда вместе с Национальной библиотекой в Белграде сгорело богатейшее собрание средневековых сербских рукописей. Чтобы пропал какой-нибудь архив, было достаточно, чтобы его хозяин покинул свой дом, спасаясь от насилия, умер или погиб без наследника, или семья его обеднела и стала неграмотной. Это особенно часто случалось с документами светского характера на территориях, занятых турками. Здесь не сохранился буквально ни один личный архив, так как не сохранилась ни одна знатная христианская семья. О том, что эта знать вела между собой переписку, мы узнаем по сохранившимся письмам, которые были переправлены в Дубровник и уцелели, поскольку Дубровник остался в стороне от турецких завоеваний. Известно также, что в семейных архивах должны были храниться грамоты правителей, в которых указывались границы подвластных территорий и права правителя: большое число подобных документов об имуществе монастырей сохранилось потому, что церковь,

несмотря на все страдания, пережила трудности значительно лучше феодалов, и прежде всего потому, что была спасена хиландарская ризница⁴. Случайно сохранились и остатки средневековой рыцарской литературы: известно, что подобного рода литература всюду в Европе с удовольствием читалась в светских кругах, как известно и то, что письменность была широко распространена среди сербской знати. Если иметь это в виду, нам становится ясно, насколько необозрим объем безвозвратно утраченного культурного богатства. Источники, на основе которых мы сейчас реконструируем картину нашего Средневековья, — лишь малая толика того, что существовало и что могло бы дойти до нас, если бы история была более милосердна.

Деловые документы, о которых мы упоминали, чаще всего имеют юридическое или торговое содержание. Среди них представлены очень разнородные тексты, от международных договоров о союзах и царских сводов законов до расписок о выплаченных деньгах или возвращенном залоге и переписки между торговцами о какой-то сделке. Еще более разнообразны литературные сочинения, поэтические и прозаические. Среди жанров, которые раньше всего появляются в письменной форме, мы можем найти средневековые полуисторические и рыцарские романы: о Троянской войне, об Александре Македонском, о Варлааме и Иоасафе — апокрифы и другие религиозные сочинения, полные благородных чудес, а также молитвы из народного молитвенника. С течением времени литература все более разрасталась и разветвлялась, что, однако, не свидетельствует о том, что ее произведения находились на высоком художественном уровне. Историк языка в данном случае находится в счастливом положении: текст неоригинальный и банальный, без особой глубины, часто плагиат, является таким же верным отражением языка эпохи, как и блистательнейшее произведение какого-либо великого писателя. Конечно, исследователи языка обычно уделяют большее внимание произведениям более известных писателей (если, конечно, такие имеются среди представителей интересующей их эпохи), в связи с культурно-историческим значением темы и влияния, которое признанные авторы оказывали на других. Безусловно, в сферу внимания историка

⁴Хиландар — сербский монастырь на Афоне, основанный в конце XII в. Центр сербской средневековой культуры. — *Ред.*

языка попадает и переводная литература. Если исключить следы языка оригинала, чаще всего заметные в отдельных словах или оборотах, переводы также можно считать иллюстрацией языковых особенностей своего времени.

С течением времени росло не только число текстов на народном языке, но и их доля в общем письменном наследии эпохи. Народный язык отвоевывал у церковнославянского одну сферу употребления за другой, оттесняя своего противника к его последней цитадели — богослужению. Было бы неоправданно видеть в этом лишь результат постепенного уменьшения роли церкви в обществе с раннего Средневековья до наших дней. У этого есть и другая, языковая причина. С каждым шагом своего развития сербскохорватский язык все больше удалялся от древнейших кирилло-мефодиевских образцов. Таким образом, церковнославянский язык становился все более непонятен и все менее близок людям. В то же время те, кто писал на нем, делали его церемониальным, искусственным, далеким от повседневности. И наконец, причиной роста числа текстов на родном языке является то, что этот язык вытеснил латинский на территориях, где церковнославянский никогда не употреблялся.

Скорость проникновения народного языка в литературу отражает разницу между консерватизмом православного Востока и динамичностью католического Запада. Объяснить эту разницу довольно просто. Мы уже говорили о том, что на западе за церковнославянским языком не стояла официальная церковь. Существовали большие регионы с исключительно латинским богослужением, которые не были затронуты употреблением церковнославянского. Кроме того, на западе с конца XV века бурно развивалась светская литература эпохи Ренессанса, как раз в то время, когда последнее средневековое сербское государство доживало свои последние дни, уступая натиску турок, и когда в Сербии был перекрыт путь любой письменности за пределами церкви.

Между текстами на церковнославянском и народном языке различие не очень велико. Эти два языковых пласта не настолько разительно отличались друг от друга, чтобы не смешиваться. В некоторых произведениях на церковном языке, например в летописях, внимательный читатель найдет порой слова и формы, встречающиеся в нашем языке. Еще больше церковнославянских элементов в текстах, написанных на сербскохорватском языке.

Нет ни одной средневековой грамоты, которая была бы написана на чистом народном языке в начале и в конце текста, где тон был возвышен, где торжественно призывается имя Божие и утверждается легитимность монарха. Документ, которым в 1357 году царь Стефан Урош подтвердил привилегии жителям Дубровника, начинается словами: «По неизреченному милосердию и человеколюбию Владыки моего сладкого ми Христа, по изволению и милости и всемилостивному Его призрению, еже на царству ми и на первых святых православных царь, такожде и благодать Пресвятого Своего Духа и на царстве ми показа якоже излия на светие Свое ученики и апостоли рек им идете въ всю вселенную проповедите славу Моего Божества по всехвалимей Его милости»⁵. В середине текста, однако, находятся такие строки, как «и ако царство ми се свади с Дубровником, што се обретаю Дубровчане по земли царства ми да им се постави рок за 6 месец, да се испрате свободно без сваке забаве и да походе, а з градом да се ратуе царство»⁶. Конечно, это не современный язык, а сербскохорватский язык XIV века, звучащий особенно необычно оттого, что царь по тогдашним обычаям постоянно называет себя «царство ми» [‘мое царство’]. В тех частях грамот, в которых речь идет о конкретных вещах и где преобладает деловой тон, язык должен был быть народным, чтобы текст был ясен читателям. В тексте речь шла о серьезных правовых обязательствах, и формулировка должна была быть понятна и тому, кто принимает обязательство, и тому, кто его дает, а также всем, кому документ в дальнейшем попадет в руки. Важно, чтобы никто из них не мог сказать, что какой-либо из пунктов документа ему непонятен или означает что-то другое. Конечно, в таких случаях

⁵ Текст передан современной русской графикой, все прочие языковые особенности отрывка сохранены. Перевод: «По неизреченному милосердию и человеколюбию Господа моего сладчайшего Христа, Его изволением и милостию и всемилостивейшим попечением о моем царстве, как и первых святых православных царях, Он показал благодать Пресвятого Духа Своего на царстве моем, того Духа, что снисшел на святых Его учеников и апостолов, сказав им: идите по всей вселенной проповедуйте славу Моего Божества — всехвальной милостью Его». — *Ред.*

⁶ Перевод: «И если царство мое будет во вражде с Дубровником, то дубровчане, обитающие в землях царства моего, пусть получают срок в шесть месяцев и свободно, без каких-либо препятствий отпущены будут, а царство мое будет с городом воевать». — *Ред.*

церковнославянский язык, полный тайн, непостижимых для непосвященных, был менее подходящим, в отличие от народного, который все одинаково хорошо знали и который ни для кого не представлял сложности.

С письменностью на славянском языке, народном или церковном, с самого начала обязательно было связано употребление одной из двух славянских азбук. Уже в конце XII века обе эти азбуки прочно укоренились, причем каждая в своей области. Очаг использования глаголицы находился в области Кварнерского залива. Больше всего старых глаголических документов обнаружено на острове Крк, в Истрии и Хорватском приморье от Риеки до Сения. На юго-востоке распространение глаголических памятников доходило до окрестностей Задара и Книна, на востоке — до Крбавы и Бихача, самым северо-восточным центром был Озаль на Купе, что было результатом вторичного распространения из более узкой первоначальной очаговой территории. Что касается кириллицы, она охватывала все территории, которые когда-либо во времена раннего Средневековья находились в составе сербского государства. Это значит, что кириллицей пользовалась вся Босния, которая на тот момент занимала гораздо меньшую территорию на западе и севере, и Приморье до нижнего течения Цетины. Со временем кириллица распространилась и за пределами этих областей, захватив в XII–XIII веках и остров Брач. Завоевание Боснией большей части материковой Далмации в конце XIV века привело к новому витку распространения кириллицы в этой области. 1410-м годом датируется кириллическое свидетельство сплитского епископского совета, а три десятилетия спустя на кириллице был написан устав области Полица, располагавшейся между Сплитом и устьем реки Цетины. В XV столетии цетиньские и клисские князья издавали указы, написанные также на кириллице. Позднее в результате миграций кириллица распространилась далеко на северо-запад, в то же время и глаголица распространилась в некоторых северных областях Хорватии. Территории к северу от линии Купа — Сава — Дунай и частично непосредственно к югу от Савы и Дуная остались в основном не охваченными славянской письменностью вплоть до XVI века. Эти области принадлежали венгерскому государству с латинским делопроизводством и католической церкви, где служба велась только на латыни. Однако в XV веке на территорию современной Воеводины приходит вместе с

сербскими переселенцами православная церковь (о более раннем присутствии православной церкви на территории Воеводины не осталось никаких письменных свидетельств).

Традиционные области распространения кириллицы и глаголицы непосредственно не соприкасались. Между ними находилась «ничья земля». Легче всего определить приморскую часть этой территории: это были области от окрестностей Задара до Сплита. Здесь господствовала латиница, а кроме того, использовался латинский или итальянский язык. Эта пограничная зона послужила своего рода крепостной стеной, которая изолировала глаголицу от экспансии кириллического письма. Неудивительно, что именно в этих и прилежащих областях зарождается традиция использования латиницы для записи текстов на сербскохорватском языке. Самыми старыми сохранившимися хорватскими памятниками, написанными на латыни, считаются «Устав сестер монастыря доминиканок» (Задар, 1345 г.) и «Шибеникская молитва» (памятник не датирован, но его с надежностью можно отнести к XIV веку). До второй половины XV века таких текстов было мало, но позднее они стали в большом количестве появляться в приморских областях от Задара до Дубровника и быстро там распространились. Одновременно на этой территории переживает расцвет ренессансная литература, написанная исключительно латиницей. В окрестностях Дубровника и Сплита в начале XVI века кириллицей продолжают писать сельские священники и нотариусы, но такие писатели, как Ментич и Марулич, ею не пользуются. В XVI веке латиница «делает бросок», выходя на Адриатическое побережье. Независимо от приморской традиции, под влиянием других иностранных образцов новым центром письма латиницей на сербскохорватском языке становится кайкавская область. Во второй половине XVI века по всей тогдашней хорватской территории появляются тексты, написанные латинской графикой, очень быстро вытеснившие кириллические и глаголические, которые до этого в результате переселений были диффузно распространены по хорватским землям. В последующий период глаголица была вытеснена в северноприморскую область, откуда она некогда начала свое распространение. Со временем туда проникла и латиница, в то время как кириллица осталась исключительно сербским письмом.

Принимая латиницу, хорваты сделали то, что исторически было единственно логичным. Они были связаны с католическим

Западом культурно и политически и во время турецкого нашествия искали опору именно на Западе. Хорватские земли, которые не были завоеваны турками, находились под властью Вены или Венеции, и в культуре и искусстве большое влияние на хорватов оказывали итальянские, немецкие и венгерские образцы. Все дороги вели к латинице. Впрочем, латиница не была новшеством для Хорватии: она и прежде использовалась там для письма на других языках. Когда пришло время писать на родном языке, использовавшаяся ранее латиница стала употребляться в новой функции. Надо признать, что на самом деле она не вполне подходила для этой цели: в алфавите недоставало знаков для обозначения многих наших согласных. «История хорватского правописания латинскими буквами» (название книги известного филолога Маретича) полна различных предложений по обозначению согласных *ц, ш, ж, ч, џ, ђ, љ* и *њ* [н']. С этой проблемой сталкивались и другие славянские и европейские народы, которые пользовались латиницей. Неудобство возникало из-за того, что в латинском языке, на основе которого в свое время сформировалась латиница, было гораздо меньше звуков, чем в большинстве новых европейских языков. Применить к ним латиницу значило столкнуться с недостатком букв для обозначения гораздо большего количества звуков. Обычно эта проблема решалась комбинированием букв: так, итальянцы употребляют сочетание *sc* (или *sci*), французы — *ch*, англичане — *sh*, немцы — *sch*, шведы — *sj*, а поляки *sz* — для обозначения согласного *ш* (однако венгры в этом случае пишут только *s*, зато *c* обозначают как *sz*). Еще одним решением этой проблемы являются диакритические знаки, дополняющие буквы, как, например, чешское *š*, французское *ç* или немецкое *ö*. Когда нарушается равновесие между звуками и буквами, то получается (особенно в связи с фонетическими изменениями), что разные буквы (знаки) начинают обозначать один и тот же звук (как французские *ai*, *ei*, *é*, *et* и т. д., для обозначения открытого *e*, или английские *f*, *ph*, *gh* для обозначения *f*). Или, что еще хуже, разные звуки обозначаются одинаково, в результате чего на письме не отражаются различия, которые существуют в языке (так, в английской орфографии в словах *put* и *but* буква *u* обозначает совершенно разные гласные и в словах *this*, *thin* и *Thomas* за сочетанием *th* стоят разные согласные). Конечно, все эти трудности возникали и тогда, когда на латинице писали по-сербскохорватски. Так, согласный *ш* у разных писателей

в разное время и на разных территориях обозначался более чем двадцатью способами. Очень часто написание было непоследовательным. Типичен случай чакавского «Жития святого Иеронима» XVI века, где звук *j* обозначается то как *g*, то как *gi*, то как *y*, то как *yi*; в этом же тексте буква *s* обозначает без всякой последовательности согласные *c*, *ш*, *з* и *ж*, причем каждый из этих согласных пишется еще и иным образом. Употребление диакритических знаков до XIX века встречалось, однако нечасто. В том же «Житии святого Иеронима» появляется знак *ç*, правда в двойной функции: иногда он может читаться как *ч*, иногда как *ц*.

Способы, которыми латиница подстраивалась под обозначение неизвестных ей согласных сербскохорватского языка, в основном сложились за пределами нашей территории. Приморская область переняла итальянскую графику, северная — венгерскую, что обуславливалось географическим положением и влиянием двух соседних культур. Это заимствование было логичным, потому что набор согласных этих двух языков в основном совпадает с сербскохорватским. Таким образом, беспорядок, который столетиями царил в сербскохорватской латинице, был следствием неупорядоченности в других алфавитах, и в нашей стране он только усугубился. Наша латиница стала представлять собой сложную смесь элементов, заимствованных из разных источников, и наших собственных нововведений. Конечно, предпринимались попытки систематизации сербскохорватской латиницы. Среди прочих этим занимались Шиме Будинич в конце XVI века, Раймунд Джаманич в XVII веке и Павао Риттер Витезович в начале XVIII века. Но их инициатива не нашла отклика, и неупорядоченность дожила до реформы Гая⁷ в тридцатые годы XIX века.

История сербскохорватского языка как языка письменности, если проследить ее по сохранившимся памятникам, делится на отдельные периоды, которые определяются эпохой, территорией, алфавитом, диалектом и вероисповеданием людей, пользовавшихся письменным языком. Наверное, ни у одного языка нет такого неоднородного прошлого. Обычно во всех памятниках, от древнейших до новых, прослеживается единая линия развития. Иногда это оказывается невозможным: историческая реальность бывает

⁷ Людевит Гай — деятель хорватского национального Возрождения, инициатор реформы литературного языка. — *Ред.*

сложнее единой схемы, как в случае с итальянским или немецким языками, где большую роль сыграла региональная и политическая раздробленность. Но и в этом случае дело обстоит проще, чем с языком сербскохорватским. В Европе нет второго такого региона, где бы на территории распространения одного языка сталкивались столь различные цивилизации и религии и где бы культурная раздробленность сопровождалась использованием нескольких совершенно разных алфавитов.

Хронологически первым является цикл кириллических и штокавских памятников, созданных в период с конца XII века до второй половины XV века. Этот корпус памятников имеет наибольшее значение для истории языка. Эти памятники созданы в землях, входивших в состав средневекового сербского государства, и в городе Дубровнике, который, хотя и находился у приморских границ этого государства, никогда в него не входил.

Богатейшее собрание рукописей этого периода сохранилось в Дубровницком архиве. Большую часть этих текстов в 1858 г. опубликовали венский профессор словенец Ф. Миклошич в книге «*Monumenta serbica*» и дубровницкий дворянин Медо Пуцич в 1858 и 1862 г. в сборнике «Споменици србски» [«Сербские памятники»] (в издании 1862 г. — «Споменици српски»). Дополнительный материал опубликовал пражский профессор Константин Йиречек в 1892 г. под тем же названием «Сербские памятники». Позднее все эти тексты вошли в издание белградского ученого Любомира Стояновича «Старе српске повеље и писма» («Древние сербские грамоты и письма», 1929 и 1934 г.). Старейшим датированным текстом на нашем языке является знаменитая грамота бана Кулина 1189 г., в которой он гражданам Дубровника обещает свою дружбу и право свободной торговли. За этим документом следуют три грамоты Стефана Первовенчанного и две грамоты, написанные Дубровнику хумским великим князем Андреем. На примере перечисленных памятников мы можем наблюдать три основных вида текстов данного периода: документы, регулирующие отношения Дубровника с правителями Боснии, Сербии и более мелкими окрестными феодалами. Общее число этих текстов приближается к тысяче, а в сборнике Стояновича они занимают около тысячи печатных страниц. Некоторые документы адресованы Дубровнику и сохранились в оригинале или списках дубровницких канцелярий, другие были написаны в Дубровнике, и сохранились их копии или

черновики. Такими документами в Дубровнике занималась особая «сербская канцелярия» республики. В прочих случаях дубровницкая администрация употребляла латинский и итальянский языки.

В старейших документах конца XII и начала XIII века язык очень архаичен и единообразен: дифференциация штокавских говоров в то время была еще незначительной. Грамота бана Кулина 1189 г., если бы она была написана на разных штокавских говорах, выглядела бы одинаково или с небольшими отличиями. Приведем здесь текст этой грамоты так, как он читался, сохраняя написание ятя (ѣ) и сверхкраткого ъ, которые тогда были особыми звуками. «У име Оца и Сина и Светога Духа. Я, бан босьнски Кулин, присезаю (= [совр.] *кунем се*) тебѣ, кнеже Крвашу, и всѣм грађам Дубровчам (*свим грађанима Дубровчанима*) прави приятель бити вам од селѣ (= *од сада*) и до вѣка и прав гой (= *мир*) држати с вами и праву вѣру, до кола (= *докле*) сѣм жив. Вси Дубровчане кире (= *који*) ходе по моему владаниу тргуюће, гдѣ си кто хоће крѣвати (= *кретати*), годѣ си кто мине (= *или ко прође*), правов вѣров (= *правом вером*) и правим срцем држати е (= *их*) без всякое зледи, развѣ (= *осим*) што ми кто да своевољов поклон, и да им не буде од моих чѣстников (= *цариника*) силе, и доколѣ у мене буду, дати им свѣѣт и помоћ, како ре и себѣ (= *као и себи*), колико ре моге, без всега злога примисла. Тако ми Боже помагај и сие (= *ово*) свето Еванђеље. Я Радое дяк банѣ (= *банов*) писах сию књигу повельов банов (= *по бановој наредби*) од рожьства Хрстова тисућа и сто и осъмдесет и девет лѣт, мѣсеца августа и двадесети и девети дѣн, у сѣчение главе Йована Крститеља»⁸. В этом

⁸ Перевод: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я, бан боснийский Кулин, клянусь тебе, князь Крваш, и всем гражданам Дубровника быть с этих пор и вечно настоящим другом, жить с вами в мире и доверии до конца моей жизни. Все дубровчане, которые (који) торгуют в моих владениях, будут передвигаться где кто желает или где кто пройдет, мы будем относиться к ним честно и справедливо, не причиняя им никакого вреда, разве только если кто-нибудь подарит мне что-то добровольно. И мои таможенные чиновники не будут совершать над ними насилия, и пока они пребывают в моих владениях, будут им оказывать поддержку и помощь, как и себе, насколько возможно, без всякого злого умысла. Помоги мне, Боже, и это святое евангелие. Я, Радое, дяк бана, написал это письмо по повелению бана в 1189 году от Рождества Христова, в августе месяце, 29 числа, на Усекновение главы Иоанна Крестителя». — Ред.

тексте отражены старейшие штокавские инновации. Те изменения, которые разделили штокавские говоры и придали им их современный вид, здесь не представлены. С течением времени язык заметно менялся. В конце XIV века на месте сверхкратких появляется *а*. Вместо *дънь* ['день'] стали писать *дань*: в *а* переходил только первый сверхкраткий в этом слове, второй же не произносился с XI века и выполнял чисто орфографическую функцию, обозначая конец слова. *л* в конце слога превращается в *о* (*дао* ['дал'] вместо старого *даль*), слоговое *л* — в *у*, *уо* или *о* (старому *влькь* ['волк'], которое произносилось как *влк*, соответствует новое *вукь*, *вуокь* или *вокь*), а в течение XIV–XV веков происходит и изменение ятя — экавское, икавское и екавское (*лѣѣо* превращается в *лейѣо* в текстах из Рашки, в *лиѣо* — в большинстве боснийских и части хумских, в *лиеѣо* — в дубровницких и отчасти боснийских и хумских документах). Правда, в Дубровнике знак *ѣ* писался непоследовательно еще в то время, когда он обозначал особый звук, средний между *е* и *и*. С XIII века в Дубровнике писали *лейѣо*, позднее — *лиѣо* и только потом *лиеѣо*. Последнее написание в точности соответствовало иекавскому произношению звука, развившегося на месте гласного ять, тогда как написания с *е* или *и* — это не вполне удачная попытка обозначить особый звук ять буквами, которые использовались для похожих звуков. Причина этого заключается в том, что писцы дубровницкой кириллической канцелярии не вполне владели правилами написания *ѣ* и *ь*, которые сохранялись в православной церковной среде. Поэтому вместо *ѣ* они использовали буквы, не отражавшие в точности реальный звук, но зато им хорошо известные, тем более что соответствующие буквы имелись и в латинице. Эта неуверенность писцов впоследствии вводила в заблуждение некоторых исследователей. На основании примеров с *и* делались выводы о существовании некоего икавского говора. Этому, однако, противоречат написания с *е*, которые встречались в Дубровнике несмотря на то, что экавского говора там заведомо не существовало, а также колебания между *и* и *е*, вызванные тем, что реально произносились не эти звуки, а нечто среднее между ними.

С конца XIV — начала XV века в рашских памятниках появляются первые особенности косовско-ресавского диалекта, такие как *неси*, с *ѣуѣм ѣргом* или *на воѣе* (вместо *ниси* ['ты не есть'], с *ѣуѣм ѣргом* ['с чужой торговлей'], *на воѣи* ['на воле']). Такие же

написания встречаются и в памятниках, возникших на территории призренско-южноморавского диалекта, который в то время еще не утратил именного склонения, и падежные окончания в нем развивались так же, как в косовско-ресавских говорах. Нужно заметить, что ценность грамот как источника сведений о развитии локальных говоров невелика. В грамотах отражались самые разнообразные языковые формы: говор того места, где родился правитель, издавший грамоту, и где он впоследствии жил, родной говор писца, говор той территории, где располагался двор правителя, в то время часто менявший место своего пребывания, языковые особенности придворной среды, состоявшей из носителей разных говоров, языковое своеобразие документа, послужившего образцом для грамоты, нормы письменного языка, а иногда еще и другие особенности. Однако нам часто неизвестно ни имя писца, ни его биография, ни соотношение всех перечисленных факторов в формировании текста конкретной грамоты. Поэтому грамоты в большей степени служат источником сведений о развитии всего языка или крупных диалектных образований, чем об изменениях в микросредах локальных говоров. Правда, в нашем случае существует одно важное исключение — Дубровник. Дубровник представлял собой замкнутое пространство, в котором все упомянутые факторы обычно сводились к одной языковой реальности, говору самого города.

Мы уже упоминали, что документы из Дубровницкого архива представляют собой случайно уцелевшие фрагменты огромного корпуса текстов, которые в других местах погибли. Об отношениях Сербии с другими приморскими городами мы имеем лишь косвенные сведения на основании списков XVII века, сделанных на латинице с утраченных грамот Стефана Немани и короля Владислава гражданам Сплита. Граница сербского государства при упомянутых правителях проходила недалеко от Сплита, по реке Цетине, и памятники свидетельствуют о дружеских и союзнических отношениях Сербии с городом. До нас дошел также договор XIV века, согласно которому Доброслава, дочь Караса, продает дом с земельным участком в Призрене вблизи царского сада Ману, брату Драгинца, за восемь византийских фунтов серебром. Однако это редчайшие исключения: кроме сводов законов, средневековые сербские документы, адресованные не Дубровнику и не монастырям, исчезли без следа. Боснийских

рукописей до нас дошло несколько больше, так как некоторые документы сохранились в архивах Венгрии, Италии или Приморья. Такая удача связана с географическим положением Боснии, которая интенсивно общалась с более западными землями, не попавшими под власть турок. Кроме того, в Боснии и Герцеговине сохранились надписи на надгробных памятниках [серб. *стѣнѣци*], многочисленные, но краткие (пространные тексты не высечешь на камне) и отчасти клишированные. В Сербии, однако, сохранилось много дарственных, пожалованных монастырям правителями. Строя храмы и монастыри, правители щедро их одаривали, а их наследники закрепляли эти владения за монастырями, а иногда дарили еще что-то от себя. Разумеется, монастыри бережно хранили такие имущественные акты. До нас дошли документы, выданные Хиландару, Студенице, Жиче (знаменитую Жичскую грамоту и сейчас можно прочесть на стене при входе в монастырь, где она была изображена в XIII веке!), Грачанице, Дечанам и многим другим монастырям. Во всех этих текстах присутствует достаточно много элементов церковнославянского языка, но основное содержание (перечисление дарованных угодий, сел и нередко людей) изложено на языке народном. Точно так же конкретные детали сформулированы на народном языке в своде законов Стефана Душана и Законе о рудном деле XV века — нецерковных юридических кодексах, созданных, по всей вероятности, непосредственно в Сербии. Уставы монастырей, а также различные правовые трактаты, переведенные с греческого, составлены на церковнославянском. Неудивительно, что церковные документы составлялись на церковном языке: этот язык употреблялся в церкви настолько последовательно, что им написаны все надписи на фресках без единого исключения. Естественно, что переводы, выполнявшиеся, по всей видимости, церковными людьми и в основном относившиеся к области церковного законодательства, также были написаны на церковнославянском языке. Из всех законодательных актов наиболее часто переписывались свод законов Душана⁹ и Кормчая, свод правил церковного устройства, сохранивший свою актуальность и при турках.

⁹ Этот документ был излюбленным текстом монахов последующих веков. Старейший из дошедших до нас списков восходит к концу XIV в., а большая часть — к периоду турецкого владычества.

Хотя в средневековой православной среде большая часть хужоженственных текстов, не только церковных, но и светских, в том числе весьма популярный и часто переписывавшейся перевод рыцарского романа об Александре Великом, была на церковнославянском языке, все-таки среди них были и сочинения на народном языке. Прекраснейший образец подобной литературы — переводной роман о Троянской войне, возникший, по всей видимости, в начале XV века где-то на юге Сербии. Подобно тому, как документы правителей и своды законов открывают перед нами развитую терминологию юридических понятий и общественных отношений, роман о Трое служит источником сведений о богатстве словаря средневековой цивилизации в дворянской среде. В целом средневековые рукописи свидетельствуют о том, что литературный язык того времени был мощным и сложным инструментом развитого общества, особенно если считать одним языком народную и церковнославянскую формы языкового выражения, функционально дополнявшие друг друга. Сохранившиеся рукописи, несмотря на все потери, сообщают нам достаточно сведений о словах, обозначавших вооружение рыцаря, об астрономической и строительной терминологии, о терминах царской охоты и многих других областях лексики. Особое очарование грамот составляют списки десятков сел, хуторов, гор, склонов, рек, лугов и полей. Современные исследователи многие из этих названий отождествили с современными объектами и составили карты былых монастырских владений.

Во второй половине XV века, когда государства, которые соседствовали с Дубровником, стали подпадать под власть турок, переписка Дубровницкой республики с сербскими и боснийскими правителями постепенно прекратилась. Ее сменила переписка с турецкими султанами, вельможами и пограничными начальниками. Эта переписка продолжилась и в последующие века как поздняя форма средневековой кириллической письменности. Второй похожей формой переписки была дипломатическая корреспонденция на нашем языке в юго-восточной Европе в XV и XVI веках. Турецкие, румынские и венгерские правители и вельможи посылали друг другу письма, написанные по-сербскохорватски кириллицей. Это был отголосок того авторитета, который сербская культура имела в эпоху сербской Деспотовины. Однако после 1459 г.¹⁰ ситуация в

¹⁰ В 1459 г. турки окончательно завоевывают Сербию. — *Ред.*

корне изменилась. Текстов на народном языке, созданных на территории Сербии после этой даты, почти нет. Наверное, больше всего информации историку языка могут предоставить медицинские и знахарские рецепты, разбросанные по рукописным сборникам. Некоторые из них сегодня звучат скорее по-народному, а не по-старинному. «И оште узми проје, те метни у таву без воде, и некај лепо изгори проја, паке саши кесицу от ћетенскога беца, те ту проју успи у кесу, те метни где га боли, те тако учини и два и три пута, а после тога набери цвета от дрвета от какве годе, те стуци, паке скухај, па некај срче вруће, те му ће пројћи»¹¹. Очевидно, что назначение подобных текстов требовало от них доступности языка и что их составляли не монахи, принадлежавшие к интеллектуальной элите сербского клира и в совершенстве владевшие церковнославянским. Кроме того, сомнительно, чтобы подобный текст можно было легко перевести на церковнославянский. Некоторые сведения о народном языке содержат монастырские записные книги, в которые заносились все жертвователи монастыря и их вклады. О народной антропонимике мы узнаем из так называемых помянников — длинных списков имен людей, которые жертвовали деньги на то, чтобы священник о них помолился. Существуют и другие записи, но из-за их лаконичности они не могут служить надежным источником сведений о языке своего времени (к тому же большинство этих записей составлено на церковнославянском). Наверное, наиболее интересны записки, деланные священником из города Ново-Брдо с 1532 по 1543 г. на страницах греческого рукописного сборника, содержавшего произведения Эсхила и Пиндара. Содержание записок прозаично: расходы и долги, язык же демонстрирует некоторые уже сформировавшиеся особенности призренско-южноморавского диалекта. К этому можно добавить и особенности народного языка, широко проникавшие в списки ранее созданных сочинений, таких как, например, роман об Александре Великом. Однако в целом памятники на народном языке, дошедшие до нас с находившейся под турками территории Сербии

¹¹ Перевод: «Возьми проса, положи в сковороду, не наливая воду, и пусть просо стогрит. Сшей мешочек из льняного полотна, насыпь туда просо и приложи к больному месту. Так делай два-три раза. Потом набери цветов от любого дерева, измельчи, свари. Пусть пьет горячее, болезнь пройдет». — Ред.

в XVI, XVII и XVIII веках, очень малочисленны и не могут сравниться с тем наследием, которое дали три предыдущие века. Это можно было бы назвать обратным ходом истории. То, что кажется скромным началом, появляется после достижений, представляющих собой венец крутого подъема.

Тем более поразительно, что во время турецкого владычества продолжали создаваться книги на церковнославянском языке, разумеется, в среде православной церкви, которая тогда была единственным носителем письменности. Имело место не только воспроизведение старых книг (сначала преимущественно типографским способом, а позднее исключительно путем переписывания вручную — опять мы сталкиваемся с обратным ходом исторического развития!). Примечательно, что переписывались не только богослужебные книги, необходимые для функционирования церкви, но и все, что оставила предыдущая эпоха. Усердными писцами руководила истинная любовь к книжному наследию: в тревожные и сложные времена они с большим трудом приобретали дорогую бумагу и письменные принадлежности и садились за стол, чтобы переписать то, без чего они могли обойтись. Однако гораздо большее значение имело оригинальное творчество сербских литераторов того времени, посвященное национальным темам, начиная с полных отчаяния записей о турецких бесчинствах и ревностно составлявшихся летописей исторических событий и кончая церковными службами сербским святителям. Эти сочинения продолжали традиции политической литературы, родоначальником которой был святой Савва. Некогда писатели отождествляли интересы народа, государства и правящей династии, а теперь, когда ни того, ни другого не существовало, единственное, что сохраняло актуальность, — это судьба сербского народа. Напоминание о былой славе пробуждало надежду и вдохновляло к борьбе. Отгороженная барьерами, в большей степени духовными, чем физическими, от всего, что происходило в окружающем мире, от гуманистических и ренессансных новаций, эта литература была глубоко средневековой по своим идейным убеждениям, но в то же время своим национально-патриотическим настроем отвечала духу эпохи. И по языку эти сочинения оставались архаичными: они ни в чем, по крайней мере сознательно, не отступали от унаследованного церковнославянского канона. Правда, следует добавить, что о языковых особенностях этих текстов, как, впрочем, и о языке оригинальных

произведений сербской церковнославянской литературы периода до турецкого завоевания, мы не знаем почти ничего конкретного, так как необходимые исследования не проводились. Будущим исследователям предстоит установить действительные особенности языка, который в течение столетий был главным инструментом сербской культуры. Они должны будут описать, в чем этот язык отступал от кирилло-мефодиевского канона, насколько наши средневековые писатели активно владели церковнославянским языком, каков был их словарный запас, какими синтаксическими средствами они умели пользоваться, в чем проявлялось то, что они были носителями сербского языка.

Второй цикл ранних памятников истории нашего языка включает тексты, написанные угловатой хорватской глаголицей и географически сконцентрированные в северном Приморье и прилегающих областях, а с XVI века распространившиеся на островах и побережье возле Шибеника. Эти памятники написаны на чакавском диалекте, в большинстве случаев икавско-экавском, в Истрии и окрестных областях — экавском, а в северной Далмации — икавском, в соответствии с рефлексам ятя в местных говорах. По сравнению с ранним кириллическим циклом эти памятники, написанные на народном языке, тематически шире. Среди них представлены и тексты религиозной литературы, за которой в православном мире был закреплен церковнославянский язык, и более богатая беллетристика. Наличие большого числа художественных текстов объясняется тем, что, с одной стороны, в этих краях они реже составлялись на церковнославянском языке, а с другой — тем, что эти земли избежали опустошения турками, особенно губительного, как мы видели, для сочинений светского характера. Первые дошедшие до нас юридические документы из этого цикла датируются 1309 годом. Среди них, естественно, нет грамот правителей — нельзя ожидать, чтобы в канцеляриях венгерских королей, венецианских дождей и австрийских императоров пользовались глаголицей или сербскохорватским языком. Главное место среди этих документов принадлежит судебным актам. Вместо государственных законов здесь мы встречаем статуты общин, старейший из которых — статут Нового Винодола (1288 г.), сохранившийся в позднейших списках. Богатый языковой материал содержится в Истрийской межевой книге XIV века, также известной по более позднему списку. В этом документе в деталях описываются

границы феодальных владений в Истрии. Беллетристика в этом цикле представлена религиозно-мифологическими повестями, прозой о рыцарских подвигах, поэтическими произведениями, часто основанными на фольклорных мотивах. Также встречается нравоучительная литература, от нравственных рекомендаций до Луцидара — сборника поучений для народа, включавшего основные представления о мире и основах веры. Доля переводов среди всех этих текстов была весьма большой, а оригинальных сочинений было мало. Позднее, в XVII и XVIII веках, глаголическая традиция постепенно уступала место хорватской латинице и продолжала существовать только в церковных книгах и делопроизводстве местной администрации, в протоколах нотариуса и метрических книгах. Разумеется, подобные документы, если известно имя и происхождение того, кто их писал, открывают прошлое местных говоров.

В XIV веке появляются первые чакавские тексты на латинице, сперва немногочисленные и ограниченной тематики (религиозные трактаты, библейские чтения и церковные уставы). Однако со второй половины XV века число подобных текстов, распространявшихся волнами Ренессанса, резко увеличивается. В Сплите, Задаре и Хваре выдающиеся авторы, такие как Марулич, Зоранич, Луич и Гекторович, создают стихотворные тексты, используя выразительные средства местной устной поэтической традиции, народной и даже в большей степени дворянской. Писатели того времени не скрывали своего интереса к фольклорной поэзии, а некоторые оставили и записи народных песен, старейшие из которых датируются серединой XVI века. Среди песен, записанных Гекторовичем в «Рыбной ловле и рыбацких поговорках и присловьях», есть и такие тексты, которые по содержанию и по языку выходят за границы чакавской Далмации. Кроме упоминания о пении «в сербской манере», в них встречаются имена и названия, характерные для восточных областей, об этой же территориальной принадлежности свидетельствуют и языковые особенности. Очевидно, что эти песни дошли до Далмации с востока нашей языковой территории, переносимые певцами, которым не препятствовало различие в вероисповедании. Судя по всему, прототипы этих песен были частью обширного песенного репертуара, сложившегося в XV веке в Подунавье, на границе с Турецкой империей, где развитию подобной поэзии способствовали военный

образ жизни и героические подвиги. Гекторович и современные ему далматинские певцы были так же лишены предрассудков, как и средневековые писатели, заимствовавшие произведения и мотивы из сербской литературы в хорватскую и наоборот, и более поздние народные певцы, прославлявшие героев, не спрашивая, были ли они католиками или православными. Такая широта взглядов была свойственна и писателям чакавской икавской традиции, не только далматинским, но зачастую иллирийским и словинским, а иногда и тем, которые называли себя хорватскими, в том числе таким, как Марулич, Зоранич или Баракович.

Наряду с поэзией, которая с середины XVI века стала приходить в упадок, в корпус далматинских текстов, написанных латиницей, входили разнородные произведения, в основном того же характера, что и в глаголическом цикле. Правда, тексты на латинице содержали новые жанры, сформировавшиеся в позднейшую эпоху, более развитую и открытую по отношению к миру. Эта открытость среди прочих плодов даст и первый печатный словарь нашего языка, опубликованный в 1595 г.: «*Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum: Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Hungaricae*» Фауста Вранчича, жителя города Шибеник. Позднее вышел и второй словарь, «*Blago jezika slovinskoga*» [«Сокровища словинского языка»] Якова Микали, в 1649–1651 гг. (составитель словаря был родом из впоследствии исчезнувшего поселения носителей нашего языка на полуострове Гаргано в Италии). С другой стороны, в Далмации существовали такие сферы употребления латиницы, которые всегда оставались закрытыми для славянского языка (как народного, так и церковного). Кроме богослужения, где использовался исключительно латинский язык, к этим сферам относилась итальянская администрация в период венецианского правления и наука. В ученом мире долго господствовала латынь, а на нашей языковой территории, возможно, в большей степени, чем в других странах. Наука обычно адресована ограниченному, но географически широкому кругу специалистов, тогда как наше Адриатическое приморье могло предоставить очень ограниченную публику. Последовательное использование латыни учеными с нашей языковой территории — одно из последствий и ныне актуальной проблемы нашей культуры — слабого потенциала языка, располагающего ограниченным кругом читателей.

Наряду с глаголицей и латиницей, и кириллица долгое время занимала свое скромное место в письменности чакавцев Адриатического побережья. В первой половине XV века составлен и записан кириллицей устав автономного княжества Полица неподалеку от Сплита. В этом княжестве кириллица дожила до XVIII века, используя в местной администрации и переписке. Распространение кириллицы в более северных областях в XV и XVI веках было непродолжительным, однако ею пользовались и некоторые известнейшие хорватские вельможи, в том числе Никола Зрински и несколько членов семьи Кеглевич, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма и подписи на документах.

В окрестностях Дубровника кириллицей пользовалось в основном католическое духовенство, которое, естественно, писало на местном штокавском иекавском говоре с восточногерцеговинской основой. Помимо писем и нотариальных актов, из этого цикла сохранилось и несколько объемных сочинений, таких как сборники евангельских чтений, молитвенник 1512 г., напечатанный «сербским письмом и на сербском языке», и сборник религиозной литературы «Либро од мнозијех разлога» [«Чтения разного назначения»] 1520 г. На территории Дубровницкой республики кириллица употреблялась издавна. Окрестности Дубровника, за исключением небольшого пояса вокруг самого города, в свое время принадлежали государству Неманичей, а город завладел ими позднее и постепенно, выкупая эти земли при удобном случае. В новой ситуации старая традиция письма продолжалась еще одно-два столетия, а потом угасла. Впрочем, и в самом Дубровнике кириллицей на нашем языке стали писать двумя веками раньше, чем латиницей. Правда, вплоть до XV века кириллическая традиция сводилась к переписке с сербскими и боснийскими соседями. В 1421 г. один дубровницкий вельможа записал кириллицей первые в этом городе стихи на нашем языке. Но это всего лишь означает, что на тот момент среди самих дубровчан еще не утвердилась практика письма на народном языке. Однако вскоре эта практика распространится очень широко, и на нашем языке будут написаны тысячи стихов, но латиницей. Правда, и позднее среди граждан Дубровника были люди, пользовавшиеся кириллицей, которую там обычно называли «сербским письмом». В Дубровницком архиве находятся остатки кириллической переписки между купцами, в основном теми, которые долгое время жили в сербских землях, где издавна, еще со

времен Неманичей, в разных городах существовали дубровницкие купеческие поселения. В 1567 г. гражданин Дубровника Маринус Николаи в Белграде переписал кириллицей молитвенник с оригинала, написанного латиницей, преобразуя чакавско-кайкавский диалект исходного текста в свой дубровницкий штокавский. Несколько ранее, в 1552 г., в Белграде усилиями дубровницкого гражданина Траяна Гундулича было напечатано кириллическое евангелие для нужд православной церкви.

Уже около 1400 г. на территории Дубровника появляется латиница. Сперва латиницей переписывались религиозные тексты на местном диалекте. Но в конце XV века на сербскохорватском языке в Дубровнике начинают писать очень активно, а не только в особых случаях. Это было не только следствием духа нового времени, которое принесло бурное развитие художественной литературы на народном языке, но и результатом изменения этнического состава жителей Дубровника. К этому моменту в Дубровнике вымер местный романский диалект, дольше всего сохранявшийся в патрицианских семьях, то есть именно в той среде, которая должна была дать новую ренессансную литературу. Учитывая такие обстоятельства, как влияние Ренессанса, романские корни, принадлежность к средиземноморской католической духовной традиции и бедственное состояние, в которое обратились «кириллические» земли в окрестностях Дубровника под турецкой властью, латиница неизбежно должна была стать алфавитом новой литературы. Корпус дубровницких текстов на латинице — один из самых объемных и одновременно культурно значимых в книжно-письменном наследии сербскохорватского языка. В этом корпусе однозначно доминирует беллетристика, прежде всего стихи, которые писали многие дворяне и образованные граждане, движимые вдохновением и талантом или модой. К художественной литературе можно добавить книги религиозного содержания для народа, частные письма, административные документы, записи и даже сборники народных песен и разные заметки — таков был жанровый спектр дубровницкой литературы на сербскохорватском языке. Государственная администрация и наука продолжали пользоваться итальянским и латинским языками. Если говорить о науке, следует отметить и два печатных словаря, изданных, однако, поздно: словарь Делла Беллы 1728 г. и Стулли — 1801, 1806 и 1810 гг. (рукописные словари создавались и в более раннее время).

С самого начала язык дубровницкой литературы был неоднороден. Проза оставалась верна иекавской штокавщине, а в поэзии с этим диалектом переплетается икавский вариант чакавщины. С течением времени в стихах начинает преобладать штокавский иекавский говор, на котором и сейчас говорят в Дубровнике, а в XVII веке он полностью вытесняет чакавщину. Некоторые ученые XIX–XX веков, занимавшиеся этой проблемой, считали, что дубровницкий диалект первоначально носил смешанный характер или что на него влиял чакавский субстрат. Однако этим исследователям так и не удалось объяснить, как чакавцы появились в Дубровнике, если граница чакавской территории проходит в семидесяти километрах западнее города, на полуострове Пелешац, при том что исторических свидетельств о переселении больших групп чакавцев в Дубровник нет. Кроме того, эта гипотеза не может объяснить и тот факт, что чакавизмы и икавизмы отсутствуют в прозе и частных письмах и присутствуют только в поэзии. И грамоты, и письма, написанные в дубровницкой сербской канцелярии в XIII–XV веках, содержат несомненные штокавские черты с местными дубровницкими особенностями. Это определенно показывает, что писцы действительно писали на своем родном диалекте, а не на диалекте адресата. Дубровницкие диалектизмы проявляются и в языковой правке, которую вносили в списки грамот, полученных из Боснии или Сербии, дубровницкие писцы. Но здесь нет следов чакавщины, более того, некоторые чакавские особенности боснийских текстов устранялись при переписывании. Таким образом, нам остается согласиться с фактом, что в Дубровнике никогда не говорили по-чакавски. Убедительную аргументацию этой теории дал Милан Решетар, самый компетентный специалист в области языкового (и культурного) прошлого Дубровника, к тому же и сам родом из этого города. Для тех, кто к этой проблеме подходит непредвзято, она решена работами Решетара, опубликованными посмертно, в 1951 и 1952 гг.

Дубровник возник как романский город, но он не мог жить без контактов со славянским окружением. Славянский говор окрестностей постепенно проникал в Дубровник и в конце концов в нем возобладал. Таким образом, штокавский иекавский дубровницкий диалект — диалект городских окрестностей — возник на территории, которая веками принадлежала Сербии, пока не перешла к Дубровнику. Подобный говор приняла и некогда романская

знать. Она слышала этот язык в городе от простого народа, дома — от слуг и нянек. Но когда пришло время появиться поэзии на славянском языке, традиция иекавских окрестностей города не могла послужить образцом. Конечно, была народная поэзия, но ее содержание и ее выразительные средства не могли удовлетворить всех потребностей дворянской поэзии, изысканной, городской, равно как знати не могла импонировать сельская среда, из которой эта поэзия происходила. Образец был найден в другом месте. В венецианской Далмации существовало дворянство, говорившее на нашем языке. В их дворцах издавна звучали стихи, приличествующие аристократии. Вместе с метрическими образцами и арсеналом устойчивых эпитетов и стилистических фигур был заимствован и поэтический язык. Языковое своеобразие создает эффект необычного, выделяя поэзию на фоне повседневной действительности. Если это своеобразие ассоциируется с престижным социальным слоем, оно способствует большей изысканности стихов. Позднее, по мере развития Дубровника, в поэзии, как и во многом другом, отпала необходимость в следовании образцам. Да и те, кто служил раньше образцом, превратились в бедных родственников: в Далмации после опустошения ее турецкими набегами и фискальной политикой Венецианской республики литература пришла в упадок. Так дубровницкие поэты позднего периода обратились исключительно к языку родного города. Прибавим, что под пером этих поэтов сербскохорватский язык впервые стал тонким инструментом развитой и элегантной поэзии.

Дискуссии, разгоравшиеся в XIX и XX веке относительно вопроса, был ли язык дубровницкой литературы сербским или хорватским и была ли литература Дубровника сербской или хорватской, неправомерны и анахроничны. Исходя из чисто лингвистических критериев, Решетар в конце жизни как итог своих исследований предложил следующее решение: сербское и хорватское не следует разделять, так как они составляют единое целое, но те, «кто отделяет сербское от хорватского, должны признать, что Дубровник по языку всегда был сербским»¹². Конечно, это заключение верно и с точки зрения диалектной основы дубровницкого говора (хотя в нем есть некоторые мелкие особенности, которые связывают его с западными штокавскими говорами и чакавским

¹² Годишњак СКА, књ. 50, 1940, с. 189.

диалектом). Однако гораздо важнее самоопределение самих дубровчан периода Республики. Это самоопределение, выразившееся в чаще всего встречающихся названиях языка, было двояким: одно узкое, дубровницкое, нередко с оттенком гордости, которую испытывали граждане маленькой свободной республики, окруженной поработленным миром, и второе — гораздо более широкое, иллирийское и словинское. Оба эти определения совпадали с границами сербскохорватского языка и даже выходили за его пределы. В патриотических настроениях дубровницких авторов находилось место и для Косовской, и для Крбавской битвы, и для хорватских банов, и для Джурджа Смедереваца, потомков которого, Любдрага и Сунчаницу, воспевают знаменитейший дубровницкий эпос, «Осман» Гундулича. Для известного дубровницкого историка Мавро Орбини, который свое главное сочинение посвящает «королевству славян» (*Il regno degli Slavi*), это королевство было воплощено в средневековом сербском государстве. То, что такое восприятие не было книжным или искусственным, мы знаем по народным песням, которые в то время были записаны в Дубровнике и окрестностях. В этих песнях мы встречаем князя Лазаря и княгиню Милицу, Милоша Кобиловича и Вука Бранковича, братьев Уговичей, Страхиню Бановича, Марко Кралевича, деспота Вука и многих других известных персонажей из гораздо более поздних сборников Вука Караджича. Было бы неоправданно на этом основании провозглашать старых дубровчан сербами. Но и четыре или пять упоминаний о хорватском языке в Дубровнике или самого Дубровника в числе хорватских городов не делают дубровчан хорватами. Такие упоминания встречаются исключительно у поэтов, причем в особых ситуациях, таких как, например, куртуазное обращение к жителям хорватских земель, или название печатной книги, которое должно привлечь широкую публику, или поэтическая тирада, в которой сравнение дубровницкого с хорватским на самом деле призвано подчеркнуть преимущества дубровницкого. Немногочисленность подобных упоминаний по сравнению с общим объемом дубровницкого литературного наследия резко контрастирует с высокой частотностью недвусмысленных заявлений о хорватстве в произведениях писателей из Хорватии, таких как Петар Зрински, Крсто Франкопан и Павао Ритар Витезович. Существуют, впрочем, и примеры, в которых дубровницкие авторы упоминают хорватов, но однозначно не включают в их число жителей Дубровника.

Не следует переоценивать те случаи, когда дубровчане, начиная с конца XV века и до начала XVIII века, называли свой язык сербским (*lingua serviana*), причем обычно в служебных документах, когда нужно было обозначить сербскохорватский народный язык Дубровника в отличие от итальянского или латинского языка документов, содержащих такие упоминания. Будущие исследователи должны будут выяснить происхождение подобной практики. Возможно, дубровницкие патриции, романцы по языку, в свое время называли сербским славянский диалект городских окрестностей (и части населения самого города), потому что эти окрестности принадлежали сербскому государству? Или, возможно, само население этих окрестностей, пока они еще политически были сербскими, привыкло так называть свой язык? В любом случае очевидно, что граждане Дубровника времен Республики не чувствовали себя ни сербами, ни хорватами. Дубровник никогда не принадлежал к сербскому государству, хотя граница этого государства веками проходила в нескольких милях от города, равно как до 1939 г. никогда не входил в состав Хорватии (от границ которой он к тому же находился достаточно далеко). Совершенно иначе обстоит дело сейчас, когда дубровчане составляют часть хорватской нации, что позволяет этой нации считать дубровницкую литературу своим наследием, но не лишает эту литературу той широты, с которой сама она определила себя как общее достояние всей территории распространения сербскохорватского языка.

Особый круг документов сербскохорватского языкового прошлого составляет большая группа книг, которые в 60-е и 70-е гг. XVI века были напечатаны в Германии, главным образом в Урахе, неподалеку от Тюбингена, протестантскими эмигрантами из южнославянских земель. Эти книги, напечатанные глаголицей, латиницей и кириллицей, на народном и церковном языке, объединяются в одно целое именно потому, что в течение нескольких лет были напечатаны в далекой стране и содержат протестантские религиозные тексты, начиная от перевода Библии до полемических сочинений. Язык большинства этих публикаций — смесь говоров северной, глаголической половины чакавской территории, откуда и происходили Степан Конзул, Антун Далматин и другие переводчики на наш язык из маленькой группы энтузиастов, которые, хотя им и не удалось распространить среди южных славян протестантизм, обогатили культурную историю наших стран этим

своеобразным явлением. В их сочинениях, впрочем, присутствует и сознательное смешение диалектов и даже параллельное употребление синонимов, причем авторы руководствовались желанием, чтобы книга была понятна на максимально широкой территории. Два издания, напечатанных кириллицей, в названии содержат указание, что они написаны на сербском языке, однако их языковые особенности это не подтверждают. О других переводах, в том числе и о некоторых кириллических, прямо сказано, что они хорватские. Это, очевидно, так и есть. В некоторых текстах, особенно кириллических, присутствует много церковнославянских элементов в гибридной икавско-иекавской сербскохорватской редакции. Известно, что над подготовкой этих изданий работали и два диссидента из числа православного священства, прикнувшие к группе протестантских пропагандистов.

Для того чтобы письменность на народном языке распространилась в кайкавской области, было необходимо, чтобы в битве при Мохаче погибло венгерское королевство, чтобы остатки Хорватии были приняты во владение Габсбургами и чтобы из южных областей сюда переселились беженцы, среди которых были и писатели. Со второй половины XVI века вплоть до триумфа иллиризма в XIX веке длится эпоха литературного творчества на кайкавском диалекте, который вначале регулярно назывался «славянским» (*словенски*) языком, а начиная с 70-х гг. XVII века также и хорватским, хотя до того момента кайкавские авторы этим именем называли исключительно чакавский диалект. Кроме беллетристики, которая даже в лучших своих произведениях не достигла изысканности приморских поэтов и силы смеха Држича, на кайкавском диалекте создавались молитвенники, частная переписка и документы местной администрации. До нас дошли также отдельные сборники народных песен, перевод венгерского сочинения о праве, сделанный Пергошичем и напечатанный в 1574 г., «Хроника» Врамца 1578 г., три печатных словаря, из которых первый издан в 1670 г., и несколько поздних грамматических сочинений. Естественно, что и на этой территории ученые трактаты в основном составлялись на латыни, которая наряду с немецким до XIX века выполняла функцию официального языка государственной власти.

Мы дошли в нашем изложении до того момента, когда письменность католиков — носителей сербскохорватского языка была дважды разделена на три части. В алфавите на латиническую,

кириллическую и глаголическую, а в диалектной базе — на штокавскую, чакавскую и кайкавскую. Что из себя представляла эта раздробленность, мы поймем, если будем иметь в виду, что речь идет о совершенно различных алфавитах, о ситуации, в которой лишь малое число тех, кто пользовался латиницей, знало еще глаголицу и кириллицу, об отнюдь не мелких языковых различиях, причем в немногочисленной среде, где грамотных людей было очень мало. При таком положении то, что было создано в одном культурном кругу, не могло быть в достаточной степени использовано в другом. В последнее время много писали о связях между этими кругами, и были обнаружены примеры, когда писатель одного круга упоминал представителя другого круга. Но сам факт, что это становится предметом исследования, что такие случаи нужно искать и выделять, свидетельствует о том, что взаимная изоляция была реальностью. То, что один из ярчайших представителей одной среды знал о ком-то из другой среды, не означает, что об этом человеке знала и широкая публика и, тем более, что она его читала, преодолевающая препятствия языка и алфавита. Это также не означает, что некоторые сведения об опыте другой среды были достаточны для того, чтобы чужой опыт использовать в собственном творчестве, прежде всего в сфере выразительных возможностей. То ценное, что создано в литературе, обычно продолжает в ней жить. В этом смысле литературная продукция упомянутых культурных кругов, конечно, не объединена в *одну* литературу. Партнеры вели себя по-разному. Наиболее тесным и плодотворным было взаимодействие далматинского чакавского круга и Дубровника. С другой стороны, контактов между дубровницкими и кайкавскими писателями почти не было. В такой ситуации было неизбежно, что достигнутые результаты оставались без отклика, поскольку в узкой среде, где они появлялись, не находилось человека, который бы мог их поддержать, а за ее пределами они оставались неизвестны или же языковой барьер препятствовал их усвоению. Разумеется, такое положение не способствует идейному развитию, а тем более обогащению литературного языка. Изучение исторического словаря Югославянской академии показывает, насколько многочисленны были начинания в области пополнения лексического фонда, которые не получили развития. Часто случалось, что какое-то необходимое слово появлялось в печатном издании, но ответом на него было молчание.

Главной жертвой плачевной литературно-языковой раздробленности была проза, в широком смысле этого термина. Конечно, во всех этих малых литературах было много книжек для народа религиозного содержания, составлением, публикацией и распространением которых занималась католическая церковь, особенно с тех пор, как в конце XVI века началась волна контрреформации. Однако отсутствовала серьезная, оригинальная, творческая проза, которая бы согласно духу времени отражала человеческие проблемы и общественные события. Не существовало (или почти не существовало) научной прозы, почти не было деловой или юридической литературы, не говоря о том, что очень долго, вплоть до XIX века, не было настоящей литературной прозы, имеющей художественную ценность. Не нужно думать, что во всем этом виновата незрелость среды. Конечно, на территории распространения нашего языка обстоятельства благоприятствовали развитию литературы гораздо меньше, чем во Франции, Италии или Испании, но то, что написали наши земляки на латыни или итальянском, показывает, что в наших землях были подлинные эрудиты, глубокие мыслители и талантливые ученые. Из длинного списка авторитетных имен приведем здесь, в качестве примера, историка Алойзия Цриевица из Дубровника, теолога Юрая Драгишича, босняка, и одного из корифеев протестантского движения Матию Влачица из Истрии, живших в XVI веке. Из эпохи рубежа XVI–XVII веков назовем дубровницкого историка Мавро Орбини и грамматиста Бартола Кашича из города Паза. Из XVII века — историка Ивана Луича из Трогира, из XVIII века — загребского составителя хроник Адама Балтазара Крчелича и ученого с мировым именем, философа, физика и астронома дубровчанина Руджера Бошковича. Как мы уже говорили, они пользовались латинским (или итальянским) языком в том числе и потому, что круг читателей на их родном языке был слишком узок. К этому нужно прибавить, что круг читателей в своей стране был еще более ограничен родным диалектом в комбинации с определенным алфавитом. Наш ученый мог рассчитывать, что люди из другой языковой среды на нашей территории лучше его поймут на латыни, чем на его диалекте, тем более если он употребит глаголицу или кириллицу. Более того, как ни парадоксально, возможно, он полагал, что и в его краях ученые люди, для которых он писал, поймут лучше его мысль, если он воспользуется лексически богатым и утонченным латинским языком,

вместо того чтобы выражать свои идеи на недостаточно для этого приспособленном родном наречии. Конечно, это не единственные факторы, обуславливавшие космополитическую ориентацию наших латинистов — их творчество на латыни, частые путешествия в чужие страны и приобщение к чужим культурам. В этом нашел выражение и универсалистский дух католической церкви (часть людей, о которых мы говорим, принадлежали к католическому духовенству), и общепринятая практика использования латыни, с течением времени, правда, сдававшая свои позиции и в других странах Запада, и общая неразвитость среды, которая не всегда предоставляла необходимые условия для работы в родном крае. Но мы можем быть уверены, что и бедственное состояние местного литературного языка сыграло свою роль.

Поэзия, по крайней мере в Дубровнике и Далмации, от раздробленности литературного языка пострадала намного меньше прозы. Поэтический словарь, тем более словарь той поэзии, которая в эпоху Ренессанса и барокко развивалась на Адриатическом побережье, намного уже словаря прозаических сочинений, которые потенциально могут охватывать все сферы человеческой деятельности и мышления. Лексикон, необходимый поэзии, в основном был уже разработан в народных песнях (а тем более в песнях, исполнявшихся при дворах феодалов) и религиозных произведениях, которые издавна описывали психологические и моральные категории. Авторская ренессансная поэзия только приняла и усовершенствовала уже существовавшие выразительные средства. Дrame также особенно не мешал недостаток подходящих слов для многих понятий. Язык драмы — это, по сути, повседневный, живой разговорный язык. Это знали и Марин Држич и Тито Брезовачки, и это видно в их произведениях.

Среди интеллектуалов периода региональной раздробленности литературного языка были и те, которые, по крайней мере отчасти, понимали тяжелые последствия такого положения. Это прежде всего осознавали люди, занимавшиеся языком, грамматисты и лексикографы. Уже упомянутый Бартол Кашич, несмотря на то, что его родным говором был чакавский, первым высказал идею, что лучшим наречием является боснийское штокавское. Того же мнения придерживался и Яков Микаля. Позднее похожую точку зрения высказывали Павао Риттер Витезович, кайкавский лексикограф Белостенец и еще некоторые авторы. Заявления такого

рода обычно сопровождалось использованием штокавских элементов в авторских текстах (если писатель был кайкавцем, то он мог использовать и чакавские элементы). Это, однако, не означает, что кто-то из подобных авторов в корне менял свой язык, и тем более не означает, что под влиянием таких писателей в их литературно-языковом кругу традиционный диалект был заменен другим. Время для этого еще не пришло. Регионализм в литературе был лишь выражением общего политического, общественного и культурного разделения. Вплоть до XIX века не было общественной силы, которая могла бы выступить с серьезной инициативой унификации. Никто не был в состоянии заставить других пользоваться своим диалектом и не имел желания отказаться от своего в пользу чужого. Поэтому регионализация литературного языка только усиливалась.

В Хорватии под австрийской властью, наряду с кайкавским, стал употребляться и чакавский литературный язык икавско-экавского типа, подобный языку большинства глаголяшей, но для его записи использовалась латиница. В XVI веке в документах и письмах из областей, прилежащих к реке Купе, а также к югу от нее, латиница сосуществовала с глаголицей, а кое-где с кириллицей. Вскоре, однако, латиница стала там единственным алфавитом. Во второй половине XVII — начале XVIII века ею пользовались Петар Зрински, Франьо Крсто Франкопан и Павао Риттер Витезович. (Язык этих авторов, правда, содержал также и кайкавские, и штокавские элементы). После них этот цикл угас: на территории Австрии за пределами областей, где господствовала глаголическая традиция, чакавцев было очень мало.

Упомянем здесь и Юрия Крижанича, мечтателя, увлеченного одновременно и католичеством, и всеславянской идеей, выдававшего себя в России за серба, хотя он был хорватом с берегов Купы. Находясь в ссылке в Сибири, он писал свои сочинения кириллицей на смеси родного чакавского и тогдашнего русского литературного языка, изобиловавшего церковнославянскими элементами.

К XVII–XVIII векам относится не имевшая большой известности скромная литература католиков, проживавших на территории, прилегающей к заливу Бока-Которска. Это были славяне, писавшие на местном икавском зетском диалекте, зачастую не без влияния дубровницкой поэзии, которая для писателей из Боки совершенно оправданно служила образцом. Тексты, которые вышли

из-под пера этих авторов (в основном стихи и хроникальная проза), еще ждут фундаментального историко-языкового исследования. То же касается и рукописных сборников народных песен, составленных неизвестными, но не малочисленными собирателями из Боки. Как и в старых записях из других приморских областей, вплоть до Задара, большую часть песен в этих сборниках составляют бугарштицы, песни с длинным стихом, впоследствии исчезнувшие из репертуара нашей народной поэзии. Среди бугарштиц много таких, архаичный язык которых гармонирует с аутентичной феодальной атмосферой Средневековья, сохранившейся лучше, чем в десятисложнике, и с темами XIV и XV веков — о Кралевице Марко, о Косове, о сербских деспотах и венгерских героях, которые сражались вместе с ними.

После того как Славония (в современном понимании этого географического названия, в далеком прошлом обозначавшего кайкавские земли) в конце XVII века отошла к Австрии, сложились условия для появления еще одного регионального литературного языка, славонского икавского. Другие рефлексy ятя в говорах славонского диалекта, экавский и икавско-иекавский, не нашли выражения в славонской литературе XVIII века, хотя среди славонских писателей были и люди родом из мест, где говорили именно так. Наряду с большим числом сочинений религиозного, дидактического или полемического содержания, этот цикл дал печатную грамматику Матие Антуна Рельковича. Этническое самосознание писателей этого круга было, как правило, регионально ограничено: они считали себя просто славонцами.

В ходе Великой турецкой войны в конце XVII века Венеция расширила границы своих владений, захватив большие территории в Далмации, где до тех пор ей принадлежал только узкий прибрежный пояс от Задара до Сплита. Новые граждане республики св. Марка были штокавцами, главным образом католиками и икавцами. В литературе результатом этих территориальных изменений было появление нового литературного языка — далматинского штокавского икавского. Писатели этого круга, такие как Филипп Грабовац и Андрия Качич-Миошич, были уроженцами села, а их произведения нередко возникали под непосредственным влиянием фольклорной поэзии и оживили литературу новыми красками, придав ей свежесть языка. С одной стороны, эти авторы не отличаются от своих предшественников на территории Далмации:

помимо далматинского самосознания для них было характерно и «словинское» (доминирующее у Качича), а для большей части авторов (в том числе для Грабовца) также и хорватское. Впрочем, перед появлением этой новой волны чакавская икавская литература уже прекратила свое существование. Ее прежние центры, далматинские города, находились под итальянским влиянием и подверглись частичной языковой италянизации. Под конец существования этой литературы, в конце XVII — начале XVIII века, отдельные далматинские писатели стали использовать в своих произведениях штокавские особенности, иногда даже и иекавский говор, ориентируясь на Дубровник, обладавший в то время большим авторитетом в литературе. Это было не случайное явление: так поступали и Йеролим Каванин из Сплита, и Андрея Виталич с Виса, и Петар Канавелович из Корчулы. Последний автор вообще писал в большей степени дубровницким языком, а не своим местным говором, говором Корчулы.

Стихи Андрии Качича-Миошича, в которых так часто возвеличивалось сербское прошлое, причем близким сербам десяти-сложником, на абсолютно понятном штокавском диалекте, сыграли значительную роль и в истории сербской культуры, и даже в истории литературного языка. Пример Качича вдохновил Доситея Обрадовича на то, чтобы начать писать народным языком, а Вук Караджич не скрывал, что чтение «Приятного разговора» повлияло на его решение опубликовать свой первый сборник народных песен. Такая же взаимность имела место и между дубровницкой и новой сербской литературой. Всего лишь через год после первой публикации в Дубровнике «Османа» Гундулича, исполненного ностальгии по славной сербской истории, в Буде вышло кириллическое издание этой поэмы. Из научной прозы на сербов больше всего повлияла книга Орбини о средневековом сербском государстве, которой еще в конце XVII века пользовался Джордже Бранкович, составляя свои «Хроники». К ней прибегал и Йован Раич при работе над своей «Историей». Еще в 1722 г. Савва Владисавлевич опубликовал перевод Орбини с итальянского на церковнославянский. Сербь первыми занялись изданием средневековых дубровницких документов на народном языке: уже в 1840 г. в Белграде выходят «Сербские памятники» Павла Карано-Твртковича по выпискам, которые в дубровницком архиве сделал местный православный священник Джордже Николаевич. То, что достижения культуры

Приморья так легко вписались в развитие сербской культуры, является естественным следствием многообразного присутствия сербского прошлого в культуре Адриатики.

Недавно было высказано мнение (Далибор Брозович), что «хорватский языковой стандарт»¹³ начинается не с иллирийцев или хорватских «вуковцев», а со славонских и далматинских писателей XVIII века, таких как Релькович или Качич-Миошич, язык которых близок к современному литературному языку. Разумеется, слово «хорватский» в данном случае нужно понимать в широком смысле слова, так как большинство писателей, о которых идет речь, не чувствовали себя хорватами и этим именем называли жителей других областей, для которых как раз было характерно хорватское самосознание и иной тип литературного языка. Расширяя таким образом значение слова «хорватский», исследователи основываются на том, что этнические формации, к которым относились данные писатели, позднее вошли в хорватскую нацию, как и последующая литературная продукция в этих регионах стала частью хорватской литературы. Этот процесс был тем более естественен, что региональные литературы католиков — носителей сербскохорватского языка имели определенные связи, благодаря близкой тематике и духовной ориентации. Однако теория выдающегося задарского лингвиста имеет одно слабое место. Это идея «языкового стандарта», единого (слова Брозовича) с XVIII века до сих пор. Близость языковых типов, которую обнаруживает Брозович, на самом деле весьма относительна. Он приводит хорошо подобранные цитаты, например из Рельковича, иллюстрирующие эту близость. Но, используя тот же метод отбора, можно найти и фрагменты, которые свидетельствуют о противоположном. Тот же самый Релькович, помимо прочего, издал и книжку «Славонске либарице с липими молитвами и науком крстјанским накитите» [«Славонские книжки, украшенные красивыми молитвами и наукой христианской»]. В названии этой книги из семи слов (кроме *с* и *и*) присутствуют шесть важных отличий от современного литературного языка (слово *либарице*, икавское произношение, окончания *-ими* и *-ами*, сохранение группы *сij*, страдательное причастие *накићиише* вместо *накићене*). Кроме этих отличий, у Рельковича и писателей его

¹³ Термин «языковой стандарт» в хорватской и сербской лингвистике обозначает литературный язык. — Ред.

круга можно обнаружить и множество других. Например, формы *огњишће* ['очаг'] вместо *огњиштије*, *йојдем* ['пойду'] вместо *йођем*, *робје* ['пленники'] вместо *робље*, родительный множественного типа *лиш* ['лет'], *Турак* ['турок'] (вместо *лешиа*, *Турака*), дательный множественного *сестирам*, местный множественного *на коњи(х)*, инфинитивы на *-иш* (*казаш* ['сказать']), глагольные формы с *ни* вместо *ну* (*мейнио* ['бросил']) и т. д. Наконец, чтобы не затягивать перечисление, в которое можно было бы включить еще очень многое, скажем только еще об одном. Акцентуация славонских писателей, которая соответствует современной славонской и которую Релькович обозначал эксплицитно, существенно отличается от современной литературной. Причем отличается настолько, что среди штокавских говоров нет двух других столь различных типов (а наверное, и среди всех сербскохорватских, несмотря на их необычайное акцентологическое разнообразие). Но еще важнее то, что язык таких авторов, как Качич или Релькович, совершенно не соответствует определению «стандартного языка», предлагаемому самим Брозовичем¹⁴: «Для определения стандартного языка существенно то, что это автономный вид языка, всегда нормированный и функционально поливалентный. Он возникает, когда этническая или национальная формация, вливаясь в интернациональную цивилизацию, начинает в ней пользоваться своим идиомом, до тех пор отвечавшим лишь потребностям этнической цивилизации». Язык этих писателей не «автономен» (Брозович в данном случае имеет в виду независимость от особенностей народных говоров), поскольку представляет собой сырой материал народных диалектов, использованный в стихотворной речи, о чем со всей очевидностью свидетельствуют примеры самого Брозовича («Делију је породила мајка / у Козици, селу маленому, / по имену Тепчевић Ивана, / од старине рода јуначкога, / који с Радом у чету иђаше / често турске главе одсицаше: / он бијаше рода Равлијића, / а деснице Марка Краљевића»¹⁵). Язык этих писателей не «нормирован», причем не только потому, что они не придерживались каких-либо

¹⁴ Brozović D. Standardni jezik. Zagreb, 1970. Matica Hrvatska. S. 127–128..

¹⁵ Перевод: «Богатыря родила мать, в Козице, маленьком селе, звался он Тепчевич Иван, древнего героического рода, он с Радо был в одном отряде, много турецких голов он отрубил, он был из рода Равлиича, а духом подобен Кралевичу Марко». — *Ред.*

фиксированных норм, каковых тогда не существовало. Этот язык нельзя назвать нормированным потому, что между отдельными писателями внутри славонской или далматинской группы существуют крупные языковые различия (не говоря уже о различиях между этими группами). Исследования Т. Маретича, посвященные языку славонских и далматинских писателей, показывают, что различия в языке писателей одной группы были многочисленны. Почти повсеместно Маретич отмечает варьирование и колебание. Даже в языке одного автора не было последовательности. Во-вторых, этот язык не был «функционально поливалентным»: у него не было возможности охватить все сферы жизни, он не был языком науки, производства, экономики, государственного управления — все эти области практически без исключения обслуживали латинский и итальянский в Далмации и латинский и немецкий в Славонии. И наконец, написанные десятисложником стихи в народном стиле и под фольклорным влиянием, конечно, не могут служить доказательством перехода из «этнической» цивилизации в «интернациональную».

Прежде чем закончить обсуждение вопроса о диалектах, которыми в литературе пользовались католики — носители сербско-хорватского языка, писавшие латиницей, напомним, что на севере Бачки в XVIII и XIX веках, а частично и в XX веке, существовала книжно-письменная традиция и даже небольшая литература ярко выраженного народного характера на буневском икавском говоре, а в Градишче (которое до Первой мировой войны принадлежало Венгрии, а потом перешло к Австрии) на протяжении двух-трех веков бытует, не угаснув до сих пор, литература на местном чакавском икавско-экавском диалекте. Напомним также, что в период региональных литератур появлялись отдельные писатели, которые по своему языку не вписывались ни в одну из перечисленных групп, а писали на своих диалектах — на истрийском икавском, ликском, на говоре с территории Венгрии и на других.

Использование кириллицы обуславливает особое место литературы, которую создали боснийские францисканцы в XVII–XVIII веках, исполняя свою духовную миссию. Самый ранний и наиболее известный автор этой группы, Матия Дивкович (начало XVII века), писал иекавицей в соответствии со своим родным восточнобоснийским говором. У большинства других писателей преобладало икавское произношение, чистое или с примесью

иекавицы, в соответствии с западнобоснийским происхождением этих писателей. Использование кириллицы боснийскими монахами было продолжением средневековой традиции, характерной для данной территории. Однако уже в XVII веке появились и издания на латинице, а в XVIII веке кириллица постепенно исчезает: и здесь побеждало то, что было общепринято в католической церкви. Начала складываться ситуация, при которой кириллица становилась исключительным атрибутом православных.

Некоторые исследовательские традиции боснийскую кириллицу (к которой присоединяют и кириллицу Приморья) выделяют в особое письмо «босанчицу» или «боснийско-хорватскую кириллицу». Однако это якобы особое письмо представляет собой вариант сербской кириллической скорописи, которая при Твртко I была заимствована из Сербии в Боснию, а затем в соседнюю Далмацию, где развивалась особым образом. На этой территории возникли написания отдельных букв, не встречающиеся в других областях. Однако своеобразные элементы, как правило, появляются лишь в некоторых текстах этой традиции. Варьирование в рамках традиции было очень значительным как вследствие постоянных изменений в технике письма, так и из-за региональных различий: приморская зона все больше отдалялась от боснийской. Таким образом, различия внутри данной традиции были гораздо более существенными, чем отдельные элементы, объединявшие ее в единое целое. Кроме того, самые яркие особенности, которые неспециалистами (но и некоторыми учеными) считаются важными характеристиками этой традиции, такие как остроугольная буква *д*, квадратная *в* и горизонтальная *б*, отнюдь не являются исключительно боснийско-далматинскими, а представляют собой общую черту скорописи того времени. Буквы такой же формы использовали и православные сербы в Сербии и других областях. Вторичную и незначительную инновацию ввел Дивкович, когда, издавая в Венеции свою книгу, отлил для нее буквы по образцу кириллической скорописи, хотя в кириллических типографиях того времени использовались буквы уставной формы, что действительно создало отчасти иное визуальное впечатление. Но этому различию нельзя придавать большое значение, что подтверждают слова самого Дивковича, называвшего свое письмо сербским, но считавшего себя босняком, а не сербом или хорватом (самоназвание «босняк» типично для авторов данной традиции, так

же себя именовали и старые переселенцы-католики, носители восточнобоснийского диалекта в окрестностях г. Печ в Венгрии). Заметим, что и жители Дубровника использовавшуюся ими кириллицу называли «сербским письмом», а Матия Антун Релькович в знаменитом двустиишши напоминал славонцам: «Ваши предки читали по-сербски, по-сербски читали и по-сербски писали». В этих строках речь очевидно идет об использовании кириллицы, которая в XVII веке проникла из Боснии в Славонию, а в XVIII была вытеснена оттуда латиницей. Во всех перечисленных случаях имеется в виду именно та кириллица, которая в новейшее время получила название «боснийско-хорватская». Упомянем еще более интересный факт: книга католического монаха Стъепана Матиевича из Тузлы «Исповедник» была напечатана в Риме в 1630 г. при поддержке католической церкви уставным кириллическим шрифтом. Этот шрифт обычно использовался для униатских изданий, предназначенных для малороссийских читателей, но он был очень близок к шрифту сербских печатных книг того времени. Очевидно, что ни Матиевич, ни те, кто за ним стоял, не делали различия между боснийской и обычной кириллицей.

Кириллица в Боснии и Герцеговине еще долго, вплоть до начала XX века, жила в богатых мусульманских домах, где обычно использовалась как семейное письмо, для общения в домашнем и дружеском кругу, и называлась «старая Сербия». Как правило, кириллицей писались и письма турецких начальников на боснийской и герцеговинской границе, адресованные соседям, военачальникам или знати с христианской стороны границы. Однако в литературе мусульмане, когда писали на родном языке, а не по-турецки или по-арабски, пользовались арабским письмом. Родоначальником этой маленькой литературы стал в первой половине XVII века Мухаммед Хеваи Ускуфи из окрестностей Тузлы, вошедший в историю как автор сербскохорватско-турецкого словаря, известного под названием «Потур-шахидия», и нескольких стихотворений. Наиболее знамениты *Илахи бе зебан-и Срб* (ода на сербском языке) и *Бераи да вей-и иман бе зебан-и Срб* (призыв к вере на сербском языке), проникнутые духом мусульманской религиозности и даже желанием, чтобы его веру приняли боснийские христиане. Другой выдающейся личностью этой традиции, которая сохранялась вплоть до XIX века, был уроженец Сараева Хасан Каимия, живший во второй половине XIX века.

Обратимся вновь к кириллической письменности в среде православных христиан. Прежде всего остановимся на двух традициях, объединяющих тексты, связанные со средневековым кириллическим циклом и продолжающие его в Новое время. Мы рассматриваем эти тексты отдельно, так как в силу географического положения территорий, на которых они возникли, среди них сохранилось больше документов на народном языке, чем в Сербии, находившейся под властью турок. Речь идет о двух пограничных областях в противоположных концах бывшей Печской патриархии: о юго-западной области вблизи Адриатического моря и о северной — на территории Габсбургской империи.

Сохранились документы из области Паштровичи, расположенной в Черногорском приморье, самые старые из которых датируются XVI веком, а большая часть — XVII и XVIII. Паштровичи в свое время, как и Полица, представляли собой замкнутый мир, небольшую территорию, зажатую между морем и горами, с некоторой политической автономией и собственными правовыми институтами. Деятельности этих институтов мы главным образом и обязаны возникновением документов, дошедшим до нас благодаря тому, что эти области находились вне непосредственного действия турецкой власти. Похожие тексты из Старой Черногории, начиная с XVI века, сохранились в Цетине. В различных архивах, в основном в Дубровнике, Которе и Цетине, хранятся письма, написанные в XVII и XVIII веках дубровницким и венецианским властям или цетиньским митрополитам из Герцеговины, Черногории и ближайших областей разными лицами, среди которых были монахи, священники, главы племен и даже турецкие визири. Преимущественно народным языком написаны и стихотворения митрополита Василия Петровича середины XVIII века (он же является и автором «Истории о Черной Горе», в которой сочетаются русские и церковнославянские особенности, при наличии большого числа сербизмов). Также народный язык преобладает в посланиях митрополита Петра I и в некоторых других текстах эпохи до П. Негоша.

Недавно Воислав Никчевич (в загребском журнале «Jezik») высказал мнение, что для Черногории была характерна преемственность в использовании народного языка в литературе с XII по XIX век, что существенно отличает черногорскую традицию от сербской. Эта точка зрения основывается на не выдерживающих методологической критики выкладках, зачастую на незнании

элементарных фактов и грубых ошибках. Никчевич как будто не понимает, что на всей территории юрисдикции сербской православной церкви на протяжении многих веков параллельно существовали два языка — церковнославянский и сербскохорватский, выполнявшие различные функции. В тех сферах, где использование церковного языка было обязательным, церковнославянский использовался и в Черногории. Никчевич мог найти этому множество примеров в книге, из которой он черпал материал¹⁶. Помимо богослужебных текстов, надписей на камне и записей в книгах, к церковнославянским памятникам относятся и Закон Ивана Црноевича, и стихотворения Василия Петровича. Прочие сочинения содержат смесь церковнославянского и народного языка. Это послания митрополита Даниила, отрывок из «Послания черногорцам в венецианский сенат» Василия Петровича и послание Петра I жителям села Камено. «История о Черной Горе» Василия Петровича по своей языковой концепции также перекликается с сочинениями других сербских историков XVIII века. Элементами церковнославянского языка пользовался и сам Негош, когда этого требовал предмет изложения. «Луч микрокосма» не был бы тем, чем он является, если бы автор этой поэмы не черпал лексику из церковнославянского фонда. С другой стороны, народный язык, начиная со времен Неманичей, преобладал в правовых документах и письмах. В этом экавские области не отставали от Зеты, даже напротив. Из средневековой Зеты до нас не дошло ничего, что было бы подобно Законнику Стефана Душана, а первые рашские грамоты на народном языке на два века старше древнейших зетских. По воле случая до нас не дошло и иекавских списков экавской повести о троянской войне. Разумеется, в турецкой Сербии официальным языком властей был не сербский, а письма частных лиц по понятным причинам не сохранились (что не значит, что их не было). Но зато в архивах Буды, Сентендре и других городов сохранились тысячи документов и писем начала XVIII века. То, что такое обилие документов не было исключительно достоянием сербов из южной Венгрии, доказывают тексты из Белграда, написанные в период австрийского правления в северной Сербии с 1717 по 1739 г. Конечно, эти письма и служебные документы не являются литературой, и Никчевич делает ошибку, когда приводит их в качестве

¹⁶ Хрестоматия «Предњегошевско доба». Титоград, 1963.

примера использования народного языка в *литературе*. В литературе же сербский XVIII век в австрийских землях дал и Венцловича, и проповеди Раича, и «Торговцев» Эмануила Янковича, и множество других произведений на народном языке, вопреки широкому распространению русской редакции церковнославянского языка. В связи с распространением русской редакции следует обратить внимание на один географический факт, который ускользнул от Никчевича. Русская редакция распространялась с севера, из Карловацкой митрополии, единственной в XVIII веке сербской митрополии, создавшей более или менее развитую систему образования и пригласившей русских учителей. Из воеводинских центров новая версия церковного языка постепенно распространялась на юг, преодолевая инерцию традиционной языковой практики, которую поддерживала необразованность священства в южных краях. Вук Караджич еще застал в Сербии священников, которые употребляли формы из сербской редакции, а в Черногории даже Негош, когда ему были необходимы церковнославянские выражения, составлял их из форм разных редакций, подобно тому, как поступал в Воеводине Раич на полвека ранее. В связи с этим в южных сербских диалектах среди слов, заимствованных из церковнославянского языка, большинство представлено в огласовке, свойственной для сербской редакции, тогда как в Воеводине больше церковнославянизмов, имеющих русскую форму. Кроме того, в Воеводине, где в XVIII веке воспиталось многочисленное и образованное священство, сложилась и разветвленная церковная администрация, в языке которой русско-церковнославянский компонент был очень сильным. Стало модным употреблять элементы этого языка в живой речи, что иногда приводило к вычурности. В первые десятилетия после освобождения этот процесс постепенно стал захватывать и Сербию, в нем участвовали воеводинские сербы, поступавшие в Сербию на государственную службу и занимавшиеся устройством системы образования и властных структур. В бедной и архаичной Черногории, где было меньше бюрократии, школ и печатных книг, новации не успели укорениться к тому моменту, когда победа народного языка изменила положение вещей в Воеводине и Княжестве Сербии. Однако Петар I и Негош широко использовали в своих сочинениях церковнославянские формы, а первые черногорские учебники, которые в 30-е годы XIX века по приказу Негоша написал Димитрий Милакович, внесли

в черногорские школы, помимо народного, и церковнославянский язык русской редакции. К этому моменту, еще до появления Вука Караджича, в Воеводине и Сербии этот язык практически исчез из литературы, уступив место славяносербскому и народному. Все это Никчевич упустил из виду. Поэтому его утверждения, которые в свое время убедительно опроверг Александр Младенович, сегодня остаются лишь свидетельством того, что получается, когда вместо научных фактов пытаются протолкнуть политическую концепцию.

Когда после битвы при Мохаче в 1526 г. южная Венгрия попала под власть турок, погибли надежды на то, что сербская культура найдет себе там прибежище и продолжит жить нормальной жизнью. К тому моменту для этого уже сложились определенные условия. Среди переселенцев оказалась большая часть сербской элиты, в том числе и книжники. Известно, что в то время переписывалось много книг, хотя мы мало знаем о сочинениях и документах, которые тогда возникли. Так, до нас дошло завещание воеводы Милоша Белмужевича конца XV века на экавском диалекте с преобладанием косовско-ресавских особенностей. Турецкое завоевание пресекло только начавшееся развитие северных областей, но и под турками сербские книжники делали что могли, главным образом занимаясь переписыванием старых книг, под покровительством церкви и, как правило, на сербском церковнославянском языке. Конечно, тщательное изучение летописей, различных сборников и кратких записей в книгах открыло бы спорадические примеры отражения особенностей народного языка. Народный язык доминирует в одном документе, который нельзя безоговорочно отнести к книжной традиции севера, хотя он написан именно там. В печской описи 1660 и 1666 гг. монахи монастыря Печ оставили записи о сборе пожертвований в приблизительно 170 банатских селах. Этому документу мы обязаны записями названий сел и имен жителей и списком пожертвований. Для истории сербского населения Баната этот материал бесценен, поскольку речь идет об эпохе до переселения 1690 г.

Примерно к тому же времени (1659 г.) относятся записи на первых страницах протокола сербской церковной общины в Комароме, расположенном на Дунае, на территории современной Словакии, куда сербы попали как военнослужащие австрийской армии. Протокол, оканчивающийся 1777 г., представляет собой приходно-расходную книгу, в которой периодически встречаются

записи о смене старейшины церковной общины, демонстрирующие основные черты северного экавского (шумадийско-воеводинского) диалекта, причем начиная со времени, предшествующего переселению под предводительством Черноевича. Если учесть, что жители Комарома попали туда из Воеводины, где, будучи на службе у венгерских королей, сражались с турками на Дунае, получается, что на примере Комаромского протокола мы располагаем картиной шумадийско-воеводинского диалекта середины XVI века.

Когда в конце XVII века Австрия завладела большей частью Венгрии, а в окрестностях Буды поселились сербы, прибывшие туда с волной Великого переселения в 1690 г., города Буда, Пешт и Сентендре стали главными центрами сербской письменности. К началу XVIII века относятся архивы церковных приходов, многочисленные письма, переписи населения, деловые и юридические документы, преимущественно на народном языке, но нередко сдобренном немецкими и латинскими словами и обличенном в громоздкие, неуклюжие предложения, которые очевидно представляют собой подражание стилю документов австрийской администрации. В период австрийского правления в северной Сербии с 1717 по 1739 г. к этим документам присоединяются и похожие белградские (кстати, старейший сербский письменный памятник из Белграда — церковнославянская надпись времен деспота Стефана Лазаревича на каменном фрагменте портала бывшей соборной церкви, остатки которой обнаружены археологами на Калемегдане¹⁷). К первым десятилетиям XVIII века относятся и разные письма и военные отчеты из Срема. В письме, которое в 1709 г. из Шаренграда в Среме отправил князь Моисей Рашкович, можно увидеть иекавские формы, которые автор вынес из Стари-Влаха, откуда переселилась его семья. Из первой половины XVIII века до нас дошло много иекавских документов из Славонии (кстати, из северо-западных областей расселения сербов сохранились и иекавские документы более раннего времени: так, воевода Пилип около 1530 г. написал письмо хорватскому бану Петру Кеглевичу в Костайницу, а епископ Вретанийский Василий Предоевич и марчанский игумен Кирилл Никшич в 1646 г. выдали разрешение каким-то людям сажать виноградники на церковной земле).

¹⁷ Калемегдан — плато в Белграде, возвышающееся над местом впадения Савы в Дунай. На этом плато находится Белградская крепость. — *Ред.*

Богатейший материал из второй четверти XVIII века нам дают произведения Гаврила Стефановича Венцловича, талантливого и неутомимого писателя, который, будучи священником, проповедовал в Дьере и Комароме. Правда, сочинения на народном языке — это лишь небольшая часть его до сих пор в основном неопубликованных переводных и авторских текстов. Но даже эта часть очень объемна и тем более драгоценна для историка языка, что богатейший и ярчайший лексический фонд Венцловича отличается от современного, как правило, очень незначительно:

... зимну тугу смеће са себе
 Свака прониклица земљана!
 Сва твар прозелењује, те пупча и гоји се.
 Видимо црну земљу
 Где се с разликом травом
 Изнова преодева;
 Садови, воћке се раццветавају,
 Дрвље буја, воде се крочају.
 Животиња се разиграва нову траву пасући;
 Свашто се набоље прелаже и понавља се хубаво¹⁸.

Можно пожалеть, что в нашем современном литературном языке нет многих слов, которые употреблял Венцлович.

Патриарх Арсений Черноевич и монахи Григорий Рачанин и Еротей Рачанин в конце XVII — начале XVIII века составили первые сербские путевые очерки (очерк Григория был позднее утерян, из него до нас дошел лишь один абзац). Эти тексты, несомненно, имеют народную языковую основу, однако в случае необходимости, а иногда и без нее, их авторы пользовались церковнославянскими словами и формами.

¹⁸ Перевод: ...зимнюю тоску сбрасывает с себя
 Каждое растение!
 Вся тварь распускается, зеленеет и набирает силу.
 Вот черная земля
 Вновь одевается
 Разными травами;
 Сады, деревья расцветают,
 Деревья бушуют, воды текут.
 Животные веселятся: у них теперь есть свежая трава;
 Все обращается к лучшему и дивно повторяется. — Ред.

Приблизительно около 1720 г. был написан Эрлангенский сборник, случайно обнаруженный в одной немецкой библиотеке в 1913 г., — лучшее довуковское собрание наших народных песен. Эта удивительная находка в свое время стала неожиданным подарком истории нашей народной поэзии. Сборник включает более 200 песен, кириллической скорописью записанных неизвестным собирателем в неизвестном месте. Песни разнообразны по содержанию и языку, среди них есть экавские, икавские и иекавские. Скорее всего, собиратель слышал их где-то на Военной Границе от выходцев из разных областей. Судя по имеющимся языковым ошибкам, собиратель был немцем. Однако это отнюдь не умаляет ценности рукописи как памятника истории языка. Скорее ее ценность умаляет то, что в ней собраны тексты на разных диалектах, территория которых точно не известна и которые при бытовании песен в военной среде переплелись и смешались. Поэтому сборник, в котором представлено столько диалектов, дает мало сведений об истории какого-либо конкретного диалекта.

До XVIII века жила и литература на церковнославянском языке сербской редакции, который без исключений использовался во всех областях, связанных с богослужением, и в ученых трактатах, где язык простонародья считался неподобающим, не говоря о том, что часто он был бессилён выразить какое-то понятие. По старой традиции (но главным образом потому, что отсутствовало книгопечатание) эта литература была рукописной. Однако иногда она порывала с традиционными темами и подходами и обращалась к новым. Граф Джордже Бранкович, долгие годы находившийся в заключении в Вене и Хебе, составил около трех тысяч страниц «Хроник», первого историографического труда у сербов, снабженного научным аппаратом, но без должной критичности. Несчастный граф, проведший жизнь за пределами Сербии, мучительно боролся с языком. Его церковнославянский сербской редакции не лишен ошибок, а сложный стиль значительно затрудняет понимание текста. По мнению Бориса Унбегауна, виной этому сам язык. Однако Гаврило Стефанович Венцлович обращался с ним гораздо успешнее. Среди рукописей этого начитанного богослова, оратора и поэта есть много произведений на церковнославянском языке, как оригинальных, так и переписанных с русских церковнославянских книг, но с адаптацией к сербской редакции. Хотя в его время у сербов уже начала распространяться русская редакция,

он сохранял верность старой традиции, как будто новаций и не было. Его церковнославянский язык был свободен от грамматических и лексических сербизмов и был достаточно зрелым, чтобы выразить и мысль, и поэтический восторг. Сочинения Венцловича — это лебединая песня сербской редакции церковнославянского языка, но в каком-то смысле и его кульминация. Среди авторов, писавших на этом языке, он не только последний по времени, но и самый современный по духу. В его творчестве средневековая литература окончательно оторвалась от Средневековья. Венцлович принадлежит Европе своего времени, то есть барокко. Ему было суждено прожить жизнь, не приобретя имени в литературе, но несмотря на это он неутомимо писал, как будто знал, что рано или поздно его творения обратят на себя внимание. Интерес со стороны филологов возник в XIX веке, но был односторонним, и лишь в наше время пришло понимание, в основном благодаря одному человеку, Милораду Павичу, что у Венцловича есть серьезные достоинства не только в языке. Но и язык Венцловича, о котором часто писали и которому посвящен старый, хрестоматийный труд Владана Йовановича, все еще ждет достойного внимания как крупное достижение и последний шаг на прерванном пути.

Смена редакций церковнославянского языка, произошедшая около 1730 г., — один из трех крупнейших переворотов в истории литературного языка у сербов. По масштабу последствий лишь два других события имели столь же важное или большее значение для развития литературного языка. Это начало письменности на кирилло-мефодиевском, а не местном диалекте в конце IX — начале X века и окончательный разрыв с кирилло-мефодиевской традицией и возвращение к местному народному языку в вуковскую эпоху. Имело место, правда, и еще одно событие: переход от классического, канонического кирилло-мефодиевского языка к сербской редакции в XII веке (или несколько раньше). Но это произошло незаметно и постепенно и представляло собой не переворот, а эволюцию. Смена же редакций в XVIII веке — нечто иное, сербская и русская редакции не происходили одна из другой, и нужно было искоренить одну, чтобы освободить место для другой.

Есть много общего между этим событием и началом кирилло-мефодиевской письменности: как некогда по просьбе моравского князя Растислава византийский император Михаил послал

Кирилла и Мефодия в Моравию проповедовать Христову веру и одновременно дать отпор немцам, так и в этот раз по ходатайству митрополита Моисея Петровича перед русским императором Петром I в 1725 г. в Сремски-Карловци был направлен русский учитель Максим Суворов, чтобы учить сербскую молодежь и помогать сербской церкви в борьбе против давления Вены. Это сходство не только внешнее и отнюдь не случайное. В обоих случаях имело место сопротивление вождей пограничного славянского населения немецкой экспансии, за которой стоял Рим, и обращение за помощью к восточным царям. В обоих случаях орудием борьбы послужил церковный язык, в принципе один и тот же, но в двух различных версиях. Нетрудно понять побуждения митрополита. Он больше всего боялся униатства, которое в то время католическая церковь и венский двор активно старались насаждать. Православное население страшно боялось униатства, видя в нем величайшую трагедию и позор. Веком ранее униатство достаточно успешно распространялось среди сербов в Хорватии, а за сопротивление ему пострадало много православных священников. Чтобы вести борьбу против этой угрозы, было необходимо образованное священство, но оно отсутствовало. Не было ни семинарий, ни учителей, которые могли бы в них преподавать. Не хватало и книг, особенно учебников; австрийские власти до 1770 г. не давали разрешения на открытие типографии для сербов, полагая, что если православная церковь не будет иметь своих книг, ее легче будет сломить. Этот расчет оказался неверным: все, что предпринимала Вена, толкало сербов в объятия России. Россия могла дать и книги, и учителей, утешить и ободрить в борьбе за православие. Когда же прибыли книги и учителя, с ними пришла и иная разновидность церковнославянского языка. Русская редакция церковнославянского языка, часто именуемая «русскославянским языком» (серб. *рускословенски језик*), возникла примерно в то же время и тем же образом, что и сербская, — путем приспособления кирилло-мефодиевского литературного языка к особенностям русского произношения. Но в начале XVIII века об этом мало что было известно, и сербы, принимая язык русских церковных книг, верили, что это настоящий старославянский. Таким образом этот язык укоренился в важнейшей области — в школьном образовании. Учащиеся школ, в которых преподавали Максим Суворов и позднее Эммануил Казачинский и его соратники, оканчивали учебное заведение со

знанием русской редакции церковнославянского языка и позднее преподавали его своим ученикам. Этот язык распространялся тем более легко, что он ассоциировался с русскими книгами, с «матушкой-Россией», а также с престижным образованием, кроме того, его поддерживал авторитет церковных иерархов. Новшество распространилось без видимого сопротивления. Все церковные богослужебные книги с того времени и до сих пор стали печататься на русском церковнославянском. Этот язык сразу же проник и в светскую литературу. Им написан «Гербовник» Жефаровича и Троношский родослов, составленный приблизительно в середине века и переписывавшийся от руки. Правда, оба текста не лишены сербизмов: они употреблялись для обозначения некоторых новых понятий, для которых в церковнославянском отсутствовали названия, или закрадывались в текст по недостаточному знанию автором русской редакции.

В сербском произношении русскую редакцию отличает иекавизм: буква ять произносится как «је» (*дјело, вјеру*), а в сочетаниях ять с л и н образуются группы л'е и н'е (*л'ейшо, честн'ейши*). Может показаться очень странным, что такое явление развилось в экавской среде, причем без влияния русского произношения, которое также экавское (русские произносят ять так же, как букву е). Однако недавно эта нелогичность получила объяснение. Исследования советского ученого Б.А. Успенского показали, что до XVIII века в русской православной церкви было принято произношение, при котором согласные перед ятем смягчались, а перед е — нет. Успенский обнаружил, что такое произношение до сих пор сохраняется в старообрядческой литургии. Сербское произношение русского церковнославянского представляет собой адаптацию именно такого произношения: перед е согласный ведет себя как твердый, а в сочетании с ятем — как мягкий, и, соответственно, перед ним развивается ј. Под влиянием подобного произношения буква ѣ использовалась для обозначения је и е с предшествующей мягкостью: *оружѣ, знанѣ*.

В то время, когда сербы заимствовали у русских церковнославянский язык, в самой России он уже был вытеснен из светской литературы и функционировал только как язык церкви. Правда, в самом русском литературном языке было много элементов, заимствованных из церковнославянского. Число этих элементов, обогащавших лексический фонд и создававших широкие возможности

для стилистического варьирования, не было строго фиксированным. Поэтому русский литературный язык разделился на несколько так называемых «штилей»: их использование зависело от содержания текста и от аудитории, которой текст предназначался. Такая практика принципиально отличалась от литературной ситуации у сербов в эпоху господства сербской редакции. В текстах Венцловича, отражающих эту ситуацию, строго различаются и не смешиваются две языковые системы — сербская церковнославянская и народная. Такова была средневековая традиция, общая для большинства европейских стран: латынь в своей географической области, а церковнославянский — в своей были языками церкви, учености, философии и серьезной литературы, предназначенной для узкого круга читателей. В сочинениях же для широкой публики использовался народный язык, единственно доступный для простого читателя. Вследствие этого церковнославянский язык, как и латынь, санскрит, древнееврейский и классический арабский, «окаменел», не подвергался изменениям, будучи закрытым для инноваций, исходивших из народного языка. В России XVIII века общество было уже довольно развито, и такая модель была для него слишком тесной. Когда ради нужд церкви сербы приняли церковнославянский язык русской редакции, в их классическую светскую литературу вошел русский литературный язык того времени в своем высоком стиле, богатом церковнославянскими элементами. Такой язык доминировал прежде всего в исторических сочинениях: в «Кратком введении в историю происхождения славяносербского народа» Павла Юлинаца (1765 г.), в книге Орфелина «Житие и славные дела государя императора Петра Великого» (1772 г.), в «Истории разных славянских народов» Раича (1794–1795 гг.). В этот ряд можно включить и «Историю о Черной горе» митрополита Василия Петровича (1754 г.). В некоторых из этих произведений церковнославянизмов больше, в других меньше, а в большинстве имеются и некоторые сербизмы. Но авторы, которые так писали, в основном полагали, что это и есть настоящий «славянский» и что высокий стиль сербской литературы должен быть именно таким. В конце концов, не исключена вероятность, что историки ориентировали язык своих произведений на российского читателя, на которого во многом были рассчитаны издания этих произведений.

С принятием русской редакции церковнославянского языка не прервалась традиция использования на письме языка народного,

когда этого требовала тема. Народным языком писали отдельные свои произведения такие выдающиеся авторы той эпохи, как Орфелин или Раич. Народный язык преобладает в «Искусном виноделе» Захария Орфелина, представляющем собой, как и явствует из названия, справочник по производству вина. Раич на народном языке написал свою поэму «Бой змея с орлами», посвященную одному в то время актуальному событию. Так же как и Венцлович, Раич писал на народном языке проповеди, в соответствии с принятым в церкви правилом о том, что проповеди, чтобы воздействовать на слушателя, должны быть ему полностью понятны. Следуя инструкции австрийских властей, свой катехизис для начальных школ Раич также издал на народном языке. С 1783 г. начал публиковать свои сочинения Доситей Обрадович, впервые выступивший с программой, согласно которой языком литературы должен быть язык народный. Рационалист, ярый приверженец просветительских идей, Обрадович выступал за демократизацию литературного языка, за то, чтобы литература максимально служила народу. Однако его опыт использования народного языка не был вполне успешным. Молодые годы, проведенные в монастыре, начитанность в церковнославянской и русской литературе, продолжительное и частое пребывание за границей, где было больше возможностей для чтения, чем для контактов с земляками, — все это способствовало тому, что язык Обрадовича не мог быть свободным от церковнославянских элементов. Писатель и не пытался от них полностью избавиться: он без стеснения использовал церковнославянские слова для обозначения понятий, отсутствовавших в лексическом фонде нашего языка. У него были последователи: некоторые из них, такие как Йован Мушкатинович и Эммануил Янкович, писали на более чистом народном языке, чем их учитель.

В целом народный язык сербской литературы XVIII века представлял собой шумадийско-воеводинский диалект, в котором присутствовало большинство его современных особенностей. Различия в языке между писателями не были существенными. Хотя иногда в произведениях и встречаются элементы локальных воеводинских говоров (сремских, банатских, бачских), было бы преувеличением утверждать, что в языке каждого автора отразился его родной говор. Отчасти это связано с тем, что писатели часто меняли место жительства и их язык подвергался различным влияниям, а отчасти объясняется стремлением сделать литературный

язык наддиалектным, включив в него все лучшее, что есть в народных говорах и существующей традиции. Но нужно иметь в виду, что воеводинские говоры за два столетия изменились и многие диалектные различия, которые сейчас имеют место, в XVIII веке отсутствовали.

О воеводинских говорах того времени много сведений можно почерпнуть из устной песенной поэзии, исполнявшейся в городской среде и сохранившейся в рукописных песенниках. Язык этих текстов лишен изысканности: искусственности в нем больше, чем эlegantности. Но и из этих текстов мы можем узнать не все, что нас интересует. В народных песнях местные диалектные особенности обычно устраниаются, так как они мешают исполнению песни в разных областях. Подобное нивелирование было особенно сильным в городской поэзии, произведения которой распространялись благодаря частым поездкам из одного города в другой, популярности среди сербского городского населения Венгрии, представлявшего собой хорошо интегрированную общность, и, главным образом, через рукописные песенники.

Еще в самом начале XVIII века мы встречаем примеры смешения народного и церковного языка в отдельных литературных текстах. Так поступал Еротей Рачанин, потом Орфелин (в «Искусном виноделе» число церковнославянских элементов чрезмерно велико), наконец, и сам Обрадович. Однако с таким явлением мы сталкивались и в предыдущие эпохи: оно неизбежно, когда в одной среде используются два родственных языка, у которых много общих элементов. Кроме того, если литературный язык какого-нибудь коллектива сильно отличается от живого разговорного языка, он находится под постоянной угрозой влияния со стороны последнего. В сербской среде существовали препятствия для использования в качестве книжно-письменного языка как чистого церковнославянского, так и последовательно народного языка. Нелегко овладеть всеми тонкостями церковнославянского языка: в фонетическом облике слова, в падежных и глагольных формах, в словарном фонде, в строении предложения. Причем естественно, что светские люди находились в более трудном положении, чем клир, повседневная деятельность которого была непосредственно и тесно связана с оригинальными образцами церковнославянского языка. Поэтому вступление мирян в литературу нарушило многовековое равновесие. В тот момент, когда

в писательской среде большинство составили не облеченные священным саном, господству церковнославянского языка в литературе должен был прийти конец — и у сербов, и у русских. Та же судьба постигла и латынь в Западной Европе: оказавшись преимущественно в руках нецерковных людей, она была вытеснена из науки. Однако в XVIII веке в сербской среде было непросто начать писать народным языком без примеси церковного. Проблема заключалась не только в большем лексическом богатстве церковнославянского языка, с легкостью выражавшего абстрактные понятия, перед которыми народный язык был бессилен. Это препятствие вполне преодолимо, и его преодолевали без особых трудностей, заимствуя в литературный язык на народной основе слова из церковнославянского. Гораздо большую проблему составляло то, что детей в школе обучали церковному языку, а книг на чистом сербском было очень мало. Так, в городах, особенно среди интеллигенции, было много людей, языковое чутье которых было нарушено образованием и кругом чтения. В эпоху резких социальных различий этот язык приобрел престиж изысканности и возвысился над языком «простого народа». Поэтому для большинства писателей стало невозможным писать так, как говорит простой народ. Все это привело к созданию смешанного литературного языка, получившего название «славяносербский». Дорогу этому языку проложила и ориентация на русскую литературноязыковую ситуацию второй четверти XVIII века. Если русские элементы смешивались с церковнославянскими, то почему так же нельзя было писать и по-сербски? В последней четверти XVIII столетия это стало неизбежным. Доводы, согласно которым русскому языку отдавали предпочтение перед собственным, теряли свое значение. Уже сформировалось сербское городское сословие, для которого православие не было единственной и главной ценностью, как и для молодой русской интеллигенции, дворянства и мещан. Вместо далекой России сербы стали возлагать свои надежды на австрийское правительство, под конец правления Марии Терезии и при Иосифе II предпринимавшее много усилий, чтобы просветить и экономически поддержать своих граждан. Император Иосиф даже пытался ограничить власть католической церкви. Австрийская политика в отношении сербов стала мудрее. В 1770 г. наконец было разрешено издание сербских книг, а при Иосифе II исчезла угроза перевода сербов

в униатство. Все это для сербов было живой действительностью, тогда как Россия, по-прежнему дорогая сердцу, оставалась где-то далеко, не влияя на повседневную жизнь. Больше не существовало препятствий для обучения молодых сербских интеллигентов в университетах в немецких землях. Образованные сербы увидели, что западноевропейская литература не отстает от русской, а даже превосходит ее. Доситей Обрадович выступил с идеей о бессмысленности монашества и чрезмерной власти церкви, что хотя и не напрямую, но существенно подрывало позиции церковнославянского языка как такового. О настроениях того времени ярко свидетельствует докладная записка об использовании алфавита и языка в сербских школах, которую в 1782 г. уважаемый и ценимый австрийскими властями Теодор Янкович Мириевский, генеральный инспектор сербских школ в Австрии, подал императору Иосифу II. Автор записки энергично встал на защиту кириллицы, употребление которой, согласно императорскому декрету, разрешалось только в церкви, а также объяснил различие между тремя языками — церковным, городским и простонародным. Это различие он проиллюстрировал параллельными примерами на трех перечисленных языках. Известное евангельское изречение он привел в трех вариантах:

1) Церковный язык: *Блажени есте егда поносят вам и изженут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради.*

2) Городской язык: *Блажени есте когда вас гонити и на вас хулу и всяко зло мене ради ложно говорити буду.*

3) Простонародный язык: *Блажени сте ви, које буду мене ради гонили и на вас хулу и свако зло лажно говорили.*

Мириевский, естественно, выступал за городской язык, занимавший, вследствие своих особенностей, промежуточное положение между двумя другими. Классификация Мириевского напоминает деление на высокий, средний и низкий «штили», которые существовали в русском языке и о которых несколькими десятилетиями ранее писал Ломоносов.

Австрийские власти приняли предложение Мириевского и о кириллице, и о городском языке. Такой же выбор сделала и проживавшая в Венгрии сербская интеллигенция, и сам ход истории.

Конец XVIII и начало XIX века — это период господства городского, славяносербского языка. В этой сложной смеси наряду с русскими церковнославянскими и сербскими элементами были и

собственно русские. В отличие от русского литературного языка, в котором смесь разных элементов на протяжении веков образовала единое целое, славяносербский язык был неоднороден, язык разных авторов, разных произведений и даже разных предложений в одном тексте отличался множеством особенностей. Составить грамматику этого языка было невозможно. В нем изначально допускалось употребление форм, лексем и конструкций, свойственных двум или трем языкам — сербскому, русскому церковнославянскому, а иногда и русскому. Адекватно отразить сущность этого языка может не грамматика, а статистический подсчет, образец которого предложил Александр Младенович. В этом случае для каждого автора и каждого текста устанавливается количество тех или иных элементов фонетического или грамматического характера. Пестроту увеличивало присутствие некоторых сербских церковнославянских форм в произведениях отдельных писателей, в том числе и образованнейшего знатока русской редакции Йована Раича. Встречались и гибридные формы, вроде *ѿерговци*, не представленные ни в одном из языков-источников.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что славяносербский язык принес с собой много преимуществ. Его лексический состав представлял собой собрание лексики двух или трех языков, что подразумевает соответствующую выразительную силу. В его распоряжении были слова для обозначения понятий из сербского городского и деревенского быта и в то же время богатая абстрактная лексика церковнославянского языка, на протяжении многих веков разрабатывавшаяся в богословской литературе с опорой на систему значений в латинском и греческом языках. Кроме того, славяносербский мог черпать лексику и из русского литературного языка того времени, насыщенного западноевропейскими заимствованиями, обозначавшими понятия современной цивилизации, и обогащенного уже сформировавшейся терминологией администрации, общественного устройства и многих наук. Такой смешанный язык был, разумеется, подвержен и другим влияниям. В нем присутствовало огромное число заимствований из немецкого языка, с которым австрийские сербы постоянно сталкивались в повседневной жизни и который в Австрии был языком господствующей, наиболее культурно и экономически развитой нации. Сам немецкий язык в то время изобиловал французскими заимствованиями, которые славяносербский также массово перенимал.

Кроме того, в него проникало и много латинизмов, бывших в употреблении в австрийской администрации. Поэтому язык многих писателей, а в особенности публицистов, представлял собой очень сложное явление. На страницах «Славяносербских ведомостей», издававшихся в 1792–1794 гг. Стефаном Новаковичем в Вене, в разных статьях можно наблюдать значительное языковое варьирование, с постоянно меняющимся соотношением между заимствованными элементами.

Нетрудно понять, почему эта вавилонская башня, состоявшая из многих языков, собранных воедино, плохо выполняла свои функции, вопреки всему лексическому богатству, реальному и потенциальному. Возможность параллельного использования в одном значении средств из разных языков постоянно создавала проблемы при письме. Взять ли сербское слово или церковнославянское, или, может быть, русское, или же даже модное западное? Объективного критерия для отбора не было, все зависело от авторского вкуса. Никогда сербы не испытывали большей неуверенности при пользовании языком, как в то время, и никогда они не были настолько далеки от четких критериев стилистической красоты или точности выражения. Скрещивание разных лексических и семантических систем часто приводило к двусмысленности. Слово *палец* в русском языке и в русской редакции церковнославянского языка обозначает любой палец, а *йалац* в сербскохорватском (в славяносербском часто *йалец*) указывает на конкретный (большой) палец. Слово *часѣй* в русском языке и в русской редакции церковнославянского языка звучит как *честь*, а слово *часть* в этих языках имеет значение «доля целого» (в древнем сербскохорватском присутствовало слово *чесѣй* в этом же значении, оно же фиксируется и в современных диалектах, от него образованы лексемы *чесѣйница* [‘частица’], *учешће* [‘участие’]). Вместо *чесѣй* русские говорят *часто*. Сербскому прилагательному *чудан* соответствует русское *дивный*, но зато русское *чудный* значит примерно то же, что сербское *диван*. Как сориентироваться в этой путанице, как выбрать слово, которое будет ясно для читателя? Очевидно, что лучше так построить контекст, чтобы он показывал значение лексемы, или вообще такого слова избежать. Таким образом, богатство лексики на практике превращается в бедность. Но это была не самая большая проблема. Чтобы основательно овладеть таким языком, нужно было кроме сербскохорватского хорошо знать и церковнославянский, и

русский, а также хоть немного немецкий и латинский. Кто мог выучить все эти языки, причем в то время, когда и учебников-то для их изучения почти не было? Кто мог поручиться, что, даже если сам он все это выучит, его читатель будет располагать такими же знаниями и все хорошо поймет? Нужно было что-то предпринять, причем безотлагательно, чтобы разгрузить и упорядочить язык, четко определив, из чего состоит его система. Но не было критериев правильности и не было людей, которые бы хорошо понимали суть проблемы и имели достаточный авторитет, чтобы к ним прислушались. С таким багажом сербы вступили в XIX век. Тогда уже было очевидно, что чистый церковнославянский и тем более русский литературный язык не может быть литературным языком сербов. Росло городское сословие, пополнявшееся людьми из народа, увеличивалось число грамотных, так что литературный язык уже не был эксклюзивной принадлежностью избранных, общественное влияние церкви ослабевало. Формировались условия для наступления народного языка.

II. ОТ ВУКА КАРАДЖИЧА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Народы сербскохорватского языкового ареала вступили в XIX век с множеством нерешенных жизненно важных вопросов. К слабой экономике присоединялись глубокое отставание в культуре, зачаточный уровень современных социальных структур и недостаточная политическая независимость. В подобных обстоятельствах нерешенные проблемы литературного языка являли собой лишь одно из зол, не наибольшее, конечно, но и не наименьшее. Было необходимо, чтобы литературный язык, которого толком не существовало, стал средой, в которой будет жить будущая культура, и рычагом прогресса общества в целом. От того, каким будет этот основной инструмент, зависело, насколько глубоко программа возрождения сумеет проникнуть во все слои общества и насколько широко она сумеет распространиться географически.

К тому, что на пороге XIX века в сербскохорватском ареале употреблялось в качестве литературного языка, можно лишь условно применить это название. Это касается и термина «литература»,

часто используемого по отношению к сочинениям наших писателей той эпохи с некоторой натяжкой. Еще более, нежели от стилистического несовершенства, этот литературный язык страдал от других, более существенных проблем. В действительности это был не единый литературный язык, а группа разных идиомов, употреблявшихся в письменной форме. Эти идиомы сильно варьировались, причем диапазон этого варьирования значительно отличался в православной и католической среде (мусульмане, зажатые между православными и католиками и смешанные с ними, вошли в орбиту современного развития намного позже, когда падение турецкого ига положило конец их многовековой культурной ориентации исключительно на Восток).

В православной культурной среде наибольшую языковую проблему представляла собой диглоссия — употребление в одном обществе двух функционально дифференцированных языковых типов. Наряду с народным языком существовал недостаточно четко от него отграниченный славяносербский, который употреблялся в первую очередь в письменной речи, но представлял собой аморфное образование. Диглоссия была не только нашей бедой, она осложняла развитие культуры почти у всех православных европейских народов. Впервые диглоссия была преодолена в Румынии, где дистанция между народным и церковнославянским языком была наиболее значительна: румынский язык вытеснил церковнославянский, в том числе из церкви, еще в XVII веке. В России параллельно существовавшие церковнославянские и народные элементы, в разной степени представленные в «высоком» и «низком» стилях литературного языка, в течение XVIII века и первых десятилетий XIX постепенно сливались друг с другом и сформировали современный литературный язык на местной основе, но пронизанный церковнославянскими элементами. По существу такие же результаты дала и болгарская эволюция. В Греции на противоположных полюсах находились «чистый» архаизированный язык с претензией на наследование древнегреческому и «народный» литературный язык, опиравшийся на современные диалекты, — это противостояние остается неразрешенным и по сей день, отягощая греческую культуру лишним грузом. Все эти длительные мучения литературного языка у православных европейских народов — часть тяжелого средневекового наследия, которое на исторически отсталом востоке Европы нашло благодатную

почву для сопротивления времени. За средневековым принципом деления на «святой» и «ученый» язык церкви и науки, а кое-где и администрации, и местный «простонародный» говор стояли определенные общественные отношения. «Высокий» язык преимущественно был опорой духовенства, барьером, который утверждал превосходство духовенства над непосвященными. Значительно раньше романо-германский Запад также пережил подобную фазу, пока латынь не была вытеснена окончательно, точнее сведена в католических странах к исключительно религиозным функциям. Впрочем, и в эмансипации от латыни разные страны шли разными путями. В Венгрии, то есть опять-таки на востоке Европы, латынь дожила в административной сфере до XIX века.

Проблемы среди носителей сербскохорватского языка католического вероисповедания были совсем иными, чем у православных. Они возникали из-за территориальной раздробленности литературного языка, как, впрочем, и литературы. Существовала отдельно кайкавская литература, отдельно славонская, бачская, буневская, далматинская, дубровницкая и т. д. Произведения каждой из этих литератур, предназначенные для читателей своего региона, были написаны на особом литературном языке. Ограниченность территории распространения, с которой сталкивались так называемые региональные литературы во второй половине XVIII века, обрекала их на провинциальность во всех смыслах этого слова, в том числе и самом плохом. Вместе с отсутствием единого национального самосознания это образовало порочный круг. Правда, большая часть католиков, говорящих на нашем языке, соотносят себя с хорватским именем и хорватским самосознанием, но на востоке существовала большая территория от Бачки, Бараньи и Славонии до обширных боснийских областей и Дубровницкого приморья, где самоопределение христиан носило региональный характер (буневцы, шокцы, босняки, дубровчане).

Подобного рода разобщенности среди православных не было. Хотя они, как и католики, были рассеяны по разным территориям, они сознавали себя сербами. Это самосознание в самые трудные времена укрепляла деятельность Печской патриархии — национальной церковной организации, в которой продолжала жить видоизмененная, но не выродившаяся политическая традиция Неманичей. Вплоть до XIX века у католической церкви такого значения не было. Католическая церковь, обладавшая сильной

централизованной структурой и интернациональной ориентацией, не имела ни отдельной организации для католиков, говорящих на сербскохорватском языке, ни даже единой церковно-административной единицы, епархии, которая бы охватила их всех. Верующие относились к разным архиепископствам, центры которых не всегда находились на нашей территории. Кроме того, католикам не хватало четкого сознания былой независимости (исключение, которое составляет Дубровник, в данном случае лишь подтверждает это правило).

В первой половине XIX века мы, как и многие, отзывались на императивы истории. С одной стороны, началась борьба с двуязычием, с другой — с разобщенностью. С великим злом боролись великими средствами. В истории мало примеров такого радикального вмешательства в язык, как у нас в период Вука Караджича и иллирийцев.

Великое начинание Вука Караджича было вызвано не только стремлением утвердить сербскую самобытность, но и общественным конфликтом. Верность традиции защищали церковные иерархи, австрийские дворяне и власти турецкой Сербии. На противоположной стороне постепенно объединились незабвенный дух Первого [сербского] восстания, богатейшая фольклорная поэзия сербского крестьянина, население городов со своими потребностями и, наконец, интеллектуальная молодежь, сыгравшая решающую роль в истории этого преобразования. Бунт Караджича был, по сути, частью европейской борьбы только что созревших новых сил против клерикализма за демократизацию. У сербов, для которых господствующий класс не являлся доминирующим, а бунтарский дух народа был основой менталитета и политических столкновений, о диглоссии не могло быть и речи, и борьба с ней не могла завершиться иначе как торжеством языка народного и повседневного над его «благородным» соперником. Даже независимо от Караджича, в кругах его ярых противников, язык народа вторгался во все сферы литературного употребления. После вытеснения двуязычия спор был сведен к вопросу об основе нового литературного языка — «городской» или «сельской» — и судьбе церковнославянской лексики. Победа Караджича привнесла в язык более точный и яркий способ выражения, пожертвовав, однако, возможностью обозначать словами отдельные понятия, прежде всего абстрактные, которыми в то время владели образованные

сербы. Так случилось, что Вук Караджич сам был вынужден вводить новые слова при переводе Нового Завета и в других текстах, поскольку некоторые церковнославянские выражения до этого были исключены из его литературного языка.

Иллирийское движение, которое появилось в Загребе примерно через двадцать лет после начала деятельности Караджича, имело совсем другие национально-политические характеристики. И проблемы Загреба были совсем другими. Хорватская национальная идея находилась там под двойной угрозой, одновременно и из-за германизации, и из-за мадьяризации. Венская централизованная бюрократия и венгерские феодальные магнаты боролись за господство над северо-западной Хорватией, так называемым Провинциалом. В городах, как и в самом Загребе, большая часть населения говорила по-немецки, экспансии этого языка способствовал не только его огромный престиж в обществе, но и присутствие многих семей ремесленников и торговцев немецкого происхождения. А дворянство, чья политическая позиция вопреки упадку все еще имела большое значение, опиралось с целью защиты своих интересов на венгерскую аристократию и даже приняло закон об обязательном введении венгерского языка в школе. Обстоятельства были таковы, что даже латинский язык в качестве административного рассматривался как некий щит хорватской нации — ведь лучше латинский, чем один из языков двух опасных соседей. С другой стороны, вопреки всем неудачам, [для Загреба] открывались и большие перспективы. Загреб быстро развивался экономически и культурно, параллельно шло формирование слоя городского населения и городской интеллигенции. С постепенным спадом влияния местного дворянства и усилением администрации росло и значение Загреба как политического центра. Хорошие условия для этого обеспечивало и его географическое положение. Неслучайно, что современные столицы Хорватии, Сербии и Болгарии развились у северо-западных границ каждой из этих стран, прямо на точках, где они пересекаются с магистралью Западная Европа — Константинополь.

В первые десятилетия XIX века сложились условия для возрастания роли Загреба как центра. Богатому торговому сословию требовался более широкий рынок, а динамичная молодая интеллигенция была заинтересована в более широкой сфере культурного взаимодействия. Однако в то время политическое влияние

Загреба распространялось на небольшую территорию. Военная Краина ему не подчинялась, над Далмацией и Истрией он также не имел никакой власти, даже славонские провинциальные жупании имели особый статус и тесные связи с Венгрией. Все эти препятствия в виде границ нужно было преодолеть прежде всего установлением культурного единства, поскольку непосредственного политического объединения не допускали ни венский двор, ни венгерские аристократы. Здесь, среди прочего, стал препятствием кайкавский говор Загреба, который ограничивал его культурное влияние на территорию Провинциала на северо-западе Хорватии. Этот говор с яркими диалектными особенностями был едва понятен людям за пределами этой территории, и неудивительно, что хорватская кайкавская литература, имевшая небольшую аудиторию и ограниченное число потенциальных писателей и к тому же теснимая на собственной земле латинским, немецким и венгерским языками, в начале XIX века в основном приходила в упадок. При желании создать что-нибудь значительное нужно было отказаться в первую очередь от этого малоупотребительного языка и от этой слабой литературы. Это было единственным способом избежать опасности и в то же время использовать имеющиеся шансы. Этот факт хорошо поняли хорватские патриоты-интеллектуалы в 30-е годы XIX века.

В 1832 году молодой юрист Иван Деркос выступил с предложением о едином литературном языке Хорватии, Далмации и Славонии, основанном на смеси наречий, а граф Янко Драшкович в тот же год опубликовал свой знаменитый манифест, содержащий солидную политическую, экономическую и культурную программу. В качестве цели борьбы он обозначил объединение раздробленного тогда «королевства Хорватского, Славонского и Далматинского», включая и Военную Краину, а в дальнейшей перспективе и присоединение Боснии и словенских земель. Важным оружием в этой борьбе Драшкович видел усиление экономического потенциала и культурное объединение «иллирийских славян» общей литературой и штокавским литературным языком. Осознание того, что необходимо отказаться от кайкавщины в литературе, созрело неизбежно и, так сказать, в мгновение ока, и когда в 1836 году Людевит Гай в своем [журнале] «Даница» [(«Утренняя звезда»)] перешел на штокавский, это был явный акт разрыва с многовековой традицией. Противодействие было слабым по сравнению с тем, какое

у сербов вызвал Вук Караджич, конечно и потому, что в Хорватии не было серьезных общественных сил, чьи бы интересы поставило под угрозу нововведение Гая. И в самом иллирийском движении не было той плебейской ноты, которая поражала и часто пугала в выступлении бесстрашного народника из Тршича.

Можно легко проникнуться сочувствием к ностальгии Крлежи, урожденного кайкавца и кайкавского поэта, оплакивающего принесенное Загребом в жертву родное кайкавское наречие, которое лишилось статуса литературного языка. В то же время очевидно, что отход от кайкавского литературного языка стал сильнейшим политическим ходом гражданского Загреба. Без этого шага город отстал бы и в культурном, и в экономическом, и в политическом развитии.

Вместе с кайкавским языком деятели возрождения на время отказались и от названия «хорватский». Оно заменялось словом «иллирийский», которое имело книжное происхождение и неопределенное содержание, но именно поэтому могло иметь и широкое употребление. С начала 1836 года «Утренняя звезда (*Даница*) хорватская, славонская и далматинская» превращается в «Утреннюю звезду иллирийскую». Это изменение «произошло не по воле Гая. Оно явилось неизбежным результатом процесса развития, в ходе которого было необходимо преодолеть прежде всего раздробленность и уязвимость областей. Невозможно построить современную нацию, навязывая одно областное название, говор и орфографию всем остальным»¹⁹.

Представления о конечном распространении иллирийского литературного языка и иллирийского самосознания были у иллирийцев сперва смутными. Максималистские мечтания охватывали всех южных славян, даже болгар. В ту эпоху, когда романтично настроенные молодые националисты смело смотрели в будущее, когда на глазах у всей Европы созревало объединение Италии и объединение Германии, когда начали кристаллизоваться панславистские идеи, идеал Великой Иллирии «меж Скадром (Шкутари), Варной и Бѣлаком» (Филлахом) не выглядел преувеличенным. Но действительность очерчивала более узкие границы для объединения. Прежде всего, интерес иллирийцев к болгарам остался декларативным и платоническим. Обстоятельства не позволяли

¹⁹ Šidak J. [*Ljudevit Gaj*]. Enciklopedija Jugoslavije, 3. Zagreb, 1958, s. 418.

установить с ними контакт, поэтому не был получен отклик с болгарской стороны и тем более не было условий для принятия ими иллирийского литературного языка и национального сознания. Что касается словенцев, иллирийцы всерьез возлагали на них свои надежды, тем более что основоположникам иллиризма, по происхождению кайкавцам, словенский язык совсем не казался далеким. И некоторые словенцы искренне желали объединения. Пример Станко Вразы в этом смысле был самым значительным, но не единичным. Но языковые мосты к словенцам сожгли сами иллирийцы, отказавшись от кайкавского языка. Индивидуальность словенского литературного языка была окончательно и несомненно утверждена в поэзии Прешерна, которая являлась в то же время и живым доказательством литературного потенциала этого языка, и великим его плодом, слишком драгоценным, чтобы можно было от него отказаться. Таким образом, иллирийцам осталось сосредоточить свою объединяющую деятельность лишь на тех областях, в которых используется сербскохорватский язык. Но и с сербами иллирийцы не добились большого успеха, по крайней мере с точки зрения национальной интеграции. Изолированные религиозным барьером, который попытки перевода в униатство сделали еще более непреодолимым, сербы к тому времени сформировались культурно и политически. В то время уже существовали и довольно развитая новая сербская литература, и сербская Матица, и сильная политическая организация Карловацкой митрополии, и освобожденное сербское государство. Для сербов, сплоченных этими идеями, свобода как национальный идеал была ближе, чем ориентация на объединение с регионом, географически отдаленным, чуждым их вере и менталитету и к тому же недостаточно независимым от Австрии, чтобы быть привлекательным. Только вследствие непонимания истории могут рождаться упреки в том, что сербы в то время еще не решились слиться в единое целое с иллирийцами. Сближение с иллирийцами должно было по естественной логике вещей ограничиться языковым единством и оформлением идеи о братстве без отождествления. Так и субъектом, и объектом объединения в единую нацию остались католики, говорящие на сербскохорватском языке.

Переход на штокавщину и принятие иллирийского имени устранили основные преграды, которые могли стоять между Загребом и католиками — носителями сербскохорватского языка,

которые не считали себя хорватами. Идея национального единства начала быстро распространяться. Когда впоследствии иллирийское имя было вновь заменено на хорватское, территория, на которой оно было принято, была уже значительно шире. Этот процесс продолжался на протяжении XIX века и первых десятилетий XX, а в отдельных областях вплоть до межвоенного периода.

Существовали и такие территории, как Дубровник, где процесс национального самоопределения начался еще в XIX веке, а закончился в XX, в то время как в других областях, к примеру у буневцев в Бачке, этот процесс полностью проходил в нашем [XX] столетии (разумеется, утверждение о позднем времени самоопределения несколько не оспаривает подлинность факта национального самосознания). Носителем национальной идеи часто выступала католическая церковь, которая в течение XIX века и сама приобрела национальный отпечаток. Благодаря патриотически настроенным приходским священникам наименование «хорваты» распространилось до таких удаленных областей, как католические анклавы в восточном Косово, где говорят на южноморавском диалекте, или Румынский Банат, где проживают карашевцы, диалект которых имеет тимокскую основу.

Национальное самоопределение по признаку вероисповедания, характерное для нашей территории, является, по крайней мере для европейской традиции, исторически уникальным. В других конфессионально разделенных языковых сообществах, таких как немецкое, венгерское или албанское, главным критерием национального самоопределения был язык. Современные сербы и хорваты — весьма интересный феномен с точки зрения теории нации. Из важных признаков национального самоопределения в данном случае отсутствует не только отдельный язык, но и территориальная обособленность, поскольку во многих областях хорваты и сербы живут смешанно, что означает и экономическую взаимосвязь, и общий по своей сути тип культуры в этих регионах. Югославия дает хрестоматийные примеры диапазона варьирования понятия «нация». (Пора, наконец, нам всем понять, что жизнь гораздо разнообразнее и противоречивее схоластических понятий, и, например, соотношение «хорват — серб» не является точным эквивалентом соотношения «немец — француз» или же «поляк — русский». И если мы согласимся с тем, что все, что объединено понятием «нация», необязательно имеет одни и те же

атрибуты, мы освободимся от обязательств, которые заставляют нас самих эти атрибуты придумывать.)

В середине прошлого столетия было распространено мнение, что сербов и хорватов следует различать по языку, а не по вероисповеданию. Сам Вук Караджич в знаменитой статье 1849 года «Сербы все и всюду» («Срби сви и свуда») выступил с утверждением, что только чакавцы (и кайкавцы) — хорваты, в то время как все штокавцы являются сербами, хотя те из них, кто принадлежит к «римскому и турецкому закону», таковыми себя не считают, равно как не считают себя хорватами. Подобная точка зрения опиралась отчасти на романтическое понимание языка как основы народности, отчасти на широту взглядов убежденного антиклерикала, который испытывал искреннюю любовь к братьям «всех трех законов», а отчасти на странность, с точки зрения образованного европейца, «подобного деления наций в наши дни», и, разумеется, на горячее желание, чтобы сербов было как можно больше. У хорватов статья вызвала волну негодования, и позднее они не раз ее использовали как аргумент против Караджича и против сербов в целом, полностью пренебрегая фактом, что она написана в то время, когда об этом вопросе было известно гораздо меньше и дела обстояли совсем иначе, чем в более поздние годы. Однако в ответной статье Богослава Шулека на работу Караджича не было негодования. Он обращал внимание на то, что диалект не может быть верным критерием деления, поскольку есть доказательства использования в прошлом наименования «хорваты» среди штокавских католиков. С другой стороны, и сам Шулек реалистично признавал, что «славонцы называют свой язык не хорватским, а славонским или шокским». Он еще больше, чем Караджич, выступал за идею народного единства хорватов и сербов, при сохранении двойного имени, но уже тогда было ясно, что и одной, и другой стороне отнюдь не все равно, где пройдет граница между братьями. Общий язык не всегда превращается в мост между двумя народами. При определенных обстоятельствах он только усугубляет проблему разграничения. Но для Караджича и иллирийцев эта проблема не затмевала главной мысли о взаимном согласии народов. Обе стороны были достаточно мудры, чтобы понимать, насколько тесно связаны оба народа между собой и как сильно они нужны друг другу.

Караджич был не прав, когда с помощью языка пытался определить различия между сербами и хорватами. Иллирийское движение, основной интенцией которого было использование штокавского говора в основе литературного хорватского языка, уже в самом начале исключило возможность такого деления. Так что конфессиональная принадлежность осталась единственным критерием, хотя Караджичу казалось, что это может «рассмешить иностранцев» (как он заметил в ответе Шулеку, допуская и такой поворот истории). Действительно, только вследствие дремучей отсталости представители двух христианских церквей, проживающие в одном месте и говорящие на одном языке, к разделению по религии могут добавить еще и разделение по национальному признаку. Но здесь и была представлена именно такая отсталость, сопровождавшаяся отнюдь не христианским антагонизмом, который прививался людям в ходе многовекового противостояния Христовых церквей. За исключением фольклора, никакой культуры, кроме церковной, у народа не было. То, что сейчас называется литературой, часто сводилось к книжкам духовного содержания для народа. Католические священники и монахи были практически повсеместно единственными авторитетами, к которым прислушивались. Лишь в одном месте национальное самоопределение вызвало серьезные разногласия. Это был Дубровник, город с богатым историческим наследием, одновременно настолько специфически дубровницким и всеохватно «словинским», что он не поддавался простому отнесению к хорватской или сербской истории. Это дало повод представителям интеллигенции, которых было достаточно, по-разному оценивать положение Дубровника в новых условиях. Ожесточенная борьба двух политических течений в стенах небольшого приморского города закончилась тем, что его жители перешли на сторону остальных католиков.

Усвоение сербами народного языка в качестве литературного актуализировало вопрос о диалектной основе этого языка. Проблема обострилась, когда Караджич отказался от старого кириллического обозначения гласного «ять» (ѣ), который до этого затемнял разницу между экавским и иекавским говором. Принятое Караджичем решение на практике было простым: он никогда не отказывался от использования на письме своего родного и дорогого ему иекавского наречия. И хотя в теории он демонстрировал большую широту взглядов, признавая за каждым право выбирать говор,

он всегда с радостью находил причины, по которым следовало бы предпочесть иекавицу. И все же сербы Воеводины и Сербии не прислушались к нему. В то время, когда они окончательно приняли вуковский принцип народного языка, они утвердили в своем литературном языке экавский вариант. Очевидны и причины такого выбора. На большей части территории Сербии и в Воеводине представлена экавица, в самой же Сербии иекавский вариант распространен в западных регионах, которые были слабее развиты в экономическом и культурном плане, а потому им не хватало престижа, чтобы стать авторитетным образцом. Следует отметить, что среди более-менее отсталых регионов были и те, что находились западнее пределов тогдашней Сербии и где говорили тоже на иекавице (в Боснии и Герцеговине, в Санджаке, Черногории, Далмации и Хорватии). Вполне естественно, что администрация и представители культуры Сербии и Воеводины настаивали на использовании родного диалекта, а не какого-либо другого. Общество, наконец вставшее на ноги, решало свои проблемы самым логичным способом, без каких-либо задних мыслей. Несправедливы впоследствии распространившиеся обвинения в том, что, принимая экавицу, сербы якобы нарушили Венское литературное соглашение 1850 года между Караджичем и иллирийцами. Караджич подписывал этот договор не как делегат, а от своего личного имени, и, кроме того, хорваты приняли иекавский вариант Вука не по его предложению, а по своим убеждениям. И наконец, в произошедшем разделении (с экавской стороны — большинство сербов, а с иекавской — хорваты и небольшое число сербов) наибольшие потери понесли сами сербы. А потому уместнее рассматривать этот вопрос с точки зрения целесообразности принятого решения, если такая ретроспектива вообще имеет смысл.

Невероятно дальновидный Вук Караджич, по сути, был тогда единственным из сербов, кто вопрос о выборе основы литературного языка соотносил с «нашими братьями римской веры, которые нам с радостью подадут руку». Анализ последующего развития литературного языка дает много поводов для сожаления о том, что в середине XIX в. Воеводина и Сербия думали только о себе. Но с другой стороны, нельзя их за это судить слишком строго: их решение было понятным и даже неизбежным в среде, имевшей четкое национальное самоопределение и вынужденной решать свои проблемы прежде всего собственными средствами.

Совсем другим было положение и стиль Загреба, где первые шаги национального возрождения — отказ от хорватского самоназвания и от кайкавского литературного языка — были продиктованы осознанием собственной неполной самодостаточности и необходимости связи с остальными. Эта разница в подходе получит продолжение и в дальнейшей политике в области литературного языка: сербы, успокоенные собственной государственностью, предоставили языку развиваться спонтанно, а хорваты с чувством, заостренным в австро-венгерском политическом смешении народов, постоянно направляли свой язык согласно потребностям, происходившим из отношений с окружающим миром, прежде всего с самими сербами.

Единственные серьезные вмешательства в вуковский литературный язык у сербов произошли еще при жизни Караджича и исходили от него самого. В 1836 году он ввел написание буквы *x* в исконных сербских словах (а не только в иностранных), а в 1839 он отменил иекавскую йотацию в группах *īj* и *dj*, заменив написание типа *ћераџи* ['гнать'] и *ђеца* ['дети'] на более старую звуковую реализацию *tiјeraјiи*, *djeца*. В обоих случаях Караджич сознательно архаизировал язык и увеличивал степень его грамматической правильности, в то же время сближая его с другими славянскими литературными языками, в особенности с литературным языком Дубровника и вообще с языком «братьев римского закона». Представления Вука о народной основе литературного языка обязывали его подкрепить свои действия наличием данных особенностей в диалектах, и он действительно нашел в качестве примера говор Дубровника и говоры боснийско-герцеговинских мусульман в городах (а в отношении написания *x* он опирался и на произношение в некоторых районах Черногории). Вук Караджич противопоставил себя религиозной замкнутости, характерной в то время для сербов, которые из-за частых попыток принуждения к переходу в унию испытывали недоверие [к католикам], и сумел ее преодолеть. Вскоре измененная таким образом иекавица стала литературным языком сербов в западных регионах. Сами будучи иекавцами, они приняли язык Вука Караджича, не адаптируя его к экавскому произношению.

И у хорватов при усвоении штокавского литературного языка на первый план выходил вопрос выбора наречия. Правда, иллирийская орфография, приняв соломоново решение ввести символ

ѣ, заимствованный из чешской латиницы, устранила все трудности, связанные с написанием ятя, но при этом проблема произношения этого звука решена не была. Теоретически иллирийцы допускали три или даже четыре различных варианта произношения, но на практике все чаще использовался иекавский вариант, который еще в 1832 году ввел граф Драшкович. Есть что-то исключительное, на первый взгляд даже парадоксальное, в том, что Загреб принял иекавицу. Ведь на территории тогдашней Хорватии иекавским наречием говорили только сербы и кое-где хорваты, которые жили рядом с ними и находились под их влиянием. Регионы, где бо́льшая часть коренного католического населения говорит на иекавском наречии: Дубровницкое приморье, центральные и восточные районы Боснии, — были далеко за пределами Хорватии. Но и в этих отдаленных областях католики, говорящие на иекавском наречии, не очень многочисленны. Их доля среди всех католиков, говорящих на нашем языке, не превышает одной десятой. Подавляющая часть католиков-штокавцев — носители икавских говоров. В том числе и среди иллирийцев были подобные икавцы (Вьекослав Бабукич, Игнят Алойзие Брлич), но их произношение не было принято за образец. Очевидно, победили другие мотивы. Драшкович свое иекавское (через *ие*) написание в 1832 году объясняет тем, что этот диалект принят в «старинной литературе» и что он «полнее». Первый аргумент относится к дубровницкой литературе, но при этом остается без внимания богатая икавская (правда, преимущественно чакавская) литература венецианской Далмации, а также наличие большого числа икавских элементов в ранней поэзии Дубровника. Второй аргумент (о «полноте» иекавицы) содержит в себе интуитивное ощущение, что только это наречие сохраняет звуковую особенность ятя, которая стерта в экавице и икавице совпадением этого звука с *e* (э) или *и*. На этом представлении основывались и советы, которые вскоре начали давать иллирийцы. Они говорили, что нужно хотя бы при чтении «приучать себя» к иекавскому произношению, чтобы «легче было понять, где должно писаться ѣ». Еще одним аргументом Драшковича была распространенность иекавицы: он приводил длинный список регионов, где она употребляется. Тогда знания о наших диалектах были отрывочны, поэтому неудивительно, что Драшкович [в числе иекавских] называет территории, где на иекавице не говорят, а также те, где иекавицу используют главным образом сербы. Впрочем, он не боялся

включать в свою аргументацию произношение православных: в его списке регионов присутствует и Черногория. Среди других причин на иллирийцев мог влиять язык Караджича, а также богатство народной поэзии в его сборниках. Детальное обоснование действительной исторической роли каждого из этих факторов представляет материал для отдельного исследования. Но ясно одно: с точки зрения политических интересов тех сил, которые стояли во главе загребского общества, более удачный выбор сделать было нельзя. Конечно, прав был Д. Брозович, считавший основным мотивом [иллирийцев] «борьбу за регионы, относительно которых сначала не было ясно, примкнут они к тому или иному национальному ядру»²⁰. Кроме того, особую важность представляло преодоление различий по отношению к сербам в Хорватии. Благодаря принятию штокавского иекавского диалекта удалось избежать опасности формирования в Хорватии двух отдельных литератур, связанных с двумя типами литературного языка.

Объединившись на основе штокавско-иекавского диалекта, Караджич и иллирийцы начали размышлять о полной унификации языка и орфографии. В 1845 году Вук Караджич так сформулировал эту мысль: «Мы все должны трудиться и добиваться того, чтобы язык в наших книгах был настолько единым, чтобы каждая книга могла быть легко перепечатана с латинских букв на славянские и со славянских на латинские, так (и только так) мы сможем стать одним народом и иметь одну литературу». Другой стороной такая программа была с готовностью принята: уже в 1846 году ее полностью поддержали Бабукич и Шулек. Между Караджичем и иллирийцами сложилась атмосфера взаимного внимания и уважения. Даже полемика, иногда возникавшая между ними, носит сдержанный характер, что отнюдь не было свойственно дискуссиям, которые Караджич вел со своими сербскими соотечественниками. Сотрудничество достигло кульминации в Венском литературном соглашении 1850 года, этом конкретном проекте общего литературного языка и орфографии, который претворил в жизнь мечты о прямой обоюдной транслитерации текстов, написанных на латинице и кириллице. Правда, этот договор был реализован не сразу, на что было две причины. Вук Караджич и его младший соратник Данинич, которые подписали документ от лица сербов, не имели в

²⁰ Коло. 1963, с. 613.

то время реальной власти над сербским литературным языком. Со стороны иллирийцев, владевших языковой ситуацией в Хорватии, соглашение подписали второстепенные лица, тогда как сам Гай занял сдержанную позицию. От иллирийцев договор требовал слишком многих уступок, чтобы было возможно пойти на них сразу. Однако текст сыграл важную роль в качестве программного манифеста, имевшего решающее значение для направления действий на следующем этапе.

Вторая половина XIX века была в Хорватии эпохой постоянного присутствия темы литературного языка и орфографии в центре общественного внимания. В начале этого периода произошло значительное расслоение между теми, кто вел дискуссию по вопросам языка. Десятилетия прошли в борьбе разных течений, чтобы в конце века на поле боя осталось лишь одно из них, окончательно определившее основу современного литературного языка хорватов, идентичную вуковской языковой базе сербов.

Традиция иллирийского движения была представлена в Загребской школе, главенствующее положение в которой занимал Адолфо Вебер Ткалчевич, верный идеалу единого литературного языка хорватов, сербов и словенцев. Это либеральное течение с обеих сторон соприкасалось с экстремистскими позициями. С 1844 года продолжался спор с кругом писателей из Задара, сформировавшимся вокруг «Далматинской зари». Эти сторонники традиционного икавского литературного языка Далмации под предводительством Анте Кузманича, приверженцы региональной традиции и католицизма, отвергали «рогатое ё» и тем более иекавское произношение, которое объявляли особенностью «последователей отколовшейся Восточной церкви». С изоляционистских позиций, движимый открытой ненавистью к сербам, громко и ясно выступал и Анте Старчевич, почему-то писавший на штокавской экавице — единственный среди хорватов. Олицетворением противоположного радикального течения был Фран Курелац, главная фигура Риекской школы, человек своеобразный, полемист, щедрый на издевки в адрес оппонентов, но придерживавшийся широкой славянской ориентации. Искусственно созданный язык его сочинений на штокавской основе, но одобренный архаизмами и чакавизмами, претендовал на то, чтобы стать единым литературным языком южных славян и даже приблизить их к славянам западным и восточным.

Ни одно из радикальных направлений мысли не имело будущего. Задарское сепаратистское течение, все более погружавшееся в бессмысленность провинциальной платформы, угаало само собой. «Далматинскую зарю» издавали то икавским, то иекавским наречием, в зависимости от того, кто был главным редактором, вплоть до 1866 года, когда вышел последний икавский номер. Решение, предложенное Старчевичем, было с самого начала обречено на провал из-за своей внутренней противоречивости. У штокавской экавицы, конечно, было одно серьезное преимущество: она была потенциальным мостом к сербам из Воеводины и Сербии, но именно этого и не хотели ни Анте Старчевич, ни те, кто к нему прислушивался. С другой стороны, романтическая попытка Курелаца представлялась анахроничной в эпоху, когда славянские литературные языки уже во многом были сформированы. Все яснее становилось, что и словенцы избрали свой собственный путь. Так литературный язык Курелаца умер с ним самим в 1874 году.

В пятидесятые — шестидесятые годы, после совместных выступлений в 1848–1849 годах, продолжали существовать условия, благоприятные для хорватско-сербского сотрудничества. В Хорватии на сцену выходят Штроссмайер, Рачки и Ягич. Широко употребляется термин «югославянский», в том числе применительно к языку. Открывается Югославянская академия наук и искусств, для работы в которой по приглашению из Загреба приезжает сербский филолог Джуро Даничич. Повсюду повторяют, что хорваты и сербы — это «один народ», которым свойствен или у которых должен быть «один язык». В период ожесточенной борьбы хорватской Народной партии против Пешта и Вены единство с сербами было насущным императивом. Борцы за хорватские национальные свободы могли рассчитывать на поддержку хорватских сербов только при условии уважения их прав. Корректным отношением к сербам объясняется название «хорватский или сербский язык», которое Рачки употреблял еще в 1861 г., а 5-го января 1867 г. это название утвердил хорватский парламент (*Сабор*), проголосовав подавляющим большинством голосов за законодательное закрепление «языка хорватского или сербского в качестве административного языка в триедином королевстве, при равноправной возможности использования письма латинского или кириллического» (еще в 1861 г. Вуку Караджичу было присуждено звание почетного гражданина Загреба, засвидетельствованное дипломом, написанным

на кириллице). Все это создавало условия для дальнейшего языкового и орфографического сближения хорватов и сербов.

Первые изменения коснулись тех орфографических особенностей, которыми загребский узус отличался от вуковского и от требований венского двора. Использование «рогатого ё», нейтральной буквы для обозначения ятя, в целях примирения различных типов чтения, утратило свой смысл в связи с принятием одного из этих типов — иекавского. Пришло и осознание избыточности написания *ér* на месте вокального *p* (*сёрце, ѝёрви*). Лингвистическая дискуссия показала, что употребление окончания *-ах* в родительном падеже множественного числа существительных (*оѣѣацах*) исторически неоправданно, равно как и отсутствует в живой речи. Правда, эти изменения произошли не без долгой борьбы, и окончательной победе вуковских принципов предшествовал период колебаний и сомнений. Наибольший вклад в их разрешение внес Ватрослав Ягич, лингвист и интеллектуал широких взглядов, получивший образование в Вене, ученик Франца Миклошича, близкого к Караджичу и Даничичу и лично, и по мировоззрению. Не осталась без результата и деятельность Даничича в самом Загребе. Его заслугами большой Словарь Югославянской академии начал выходить в адаптированной вуковской орфографии. Вскоре на горизонте появилось и новое поколение хорватских вуковцев, во главе которых встал неутомимый Томо Маретич.

Как и у сербов несколькими десятилетиями раньше, с 70-х годов у хорватов стало распространяться убеждение, что из языковой и орфографической анархии можно выйти только путем последовательного принятия Вука. Вуковское решение было единственным и прочным, тогда как точек зрения вне Вука было множество, так что писатель всегда мог выбирать свою личную формулу, отчасти так же, как это делали славяносербские авторы, каждый из которых создавал собственную смесь церковнославянского и народного языка. При этом вуковские решения поражали строгой внутренней логикой, тогда как другие комбинации заключали в себе элементы компромисса и недостаточности. Наконец, язык Караджича, Даничича и вуковских народных песен служил единственным классическим образцом, на который могли опереться писатели с недостаточно развитым чувством штокавского или литературного языка в силу их кайкавского или чакавского

происхождения или же в силу их подверженности в молодые годы влиянию немецкого языка, в то время еще широко распространенного в хорватских городах (и часто навязывавшегося хорватским школам). Все это прокладывало путь вуковскому языку в Хорватии. Постепенно были приняты и объединены формы дательного, творительного и предложного падежа на *-ма* (*женама, селима*) вместо архаичных форм типа дательного *женам, селом*, творительного *женами, сели*, предложного *женах, селих*. Так грамматическая и фонетическая система говора Тршича времен детства Вука Караджича стала системой литературного языка в Хорватии — с небольшими изменениями, которые в основном восходят к самому Вуку. В 1889 г. хорватское правительство доверило Ивану Брозу составление нового официального хорватского орфографического кодекса в духе вуковского фонологического принципа. С публикацией этого кодекса в 1892 г. борьба закончилась. Оставалось только выпустить основные недостающие языковые справочники. Фундаментальный труд Маретича «Грамматика и стилистика хорватского или сербского литературного языка» вышел еще в 1899-м, а двухтомный «Словарь хорватского языка» Броза и Ивековича — в 1901 г. Обе книги, опирающиеся в основном на язык Караджича, Даничича и изданные Караджичем произведения народного творчества, не только были отмечены одобрительными отзывами, но и подверглись острой критике из-за невнимания к хорватскому языковому материалу. Эта критика была в значительной степени оправданна, особенно применительно к «Словарю» Броза и Ивековича, в который не вошло множество слов, свойственных литературному языку той эпохи. Но, с другой стороны, критики забывали, как, впрочем, часто забывают и сегодня, что составители «Словаря» и особенно «Грамматики» при работе над ними стремились достичь поставленной цели, заключавшейся не в том, чтобы показать срез языка, а в том, чтобы представить образец. Такая задача ограничивала возможность извлечения материала из источников, отличных от базы, взятой за образец.

В это время серьезно обострились отношения хорватов и сербов, так как умелой австрийской политике удалось посеять между ними раздор. Этому во многом способствовала австрийская оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 г., последовавшая после сербских восстаний и войн Сербии и Черногории с турками. В этом же году хорватский парламент обратился к императору

Францу Иосифу с предложением провести присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии. Император, руководствуясь личными причинами, отклонил предложение, но эти события оставили неизгладимый след в отношениях сербов и хорватов. Свою роль сыграло и то, что во время восстания боснийцев в Хорватии по распоряжению из Вены были арестованы сербы, симпатизировавшие восставшим, а после оккупации разгорелась борьба за позиции в Боснии и Герцеговине. Без последствий не осталась папская энциклика «*Grande munus*», с которой началось наступление католической церкви на православие. Особенно тяжелую реакцию вызвали заявления некоторых депутатов в хорватском парламенте, что в Хорватии нет сербов, а также закрытие сербских автономных духовных училищ, в которых сербы видели гарантию своей национальной идентичности. Неблагоприятную роль сыграл и рост авторитета Партии права, идеолог которой, Старчевич, проповедовал враждебное отношение к «славяносербскому племени в Хорватии». Определенное значение имели и попытки реакционера графа Куэна-Хедервари бороться с партией правых при помощи сербских гражданских партий. Авторитет сербов страдал и из-за бесславной австрофильской политики последних Обреновичей. Противостояние обеих сторон, обоюдно раскручиваемое в печати, достигло апогея в уличных протестах против сербов в Загребе в 1902 г. Тем не менее это не препятствовало все более последовательному принятию языка Вука Караджича в качестве литературного языка Хорватии. Этот процесс только на первый взгляд может показаться неестественным. Он отвечал стремлениям как сторонников, так и противников объединения, разумеется, по разным причинам. Сторонники объединения Боснии и Хорватии, стремившиеся лишить проживающих в Хорватии сербов национальных прав, могли быть вполне удовлетворены тем, что литературный язык в Хорватии получит форму, которая была более приемлема в сербской среде.

Конвергентное развитие литературного языка сербов и хорватов в XIX веке обращает на себя внимание как историческое исключение. У других славян в XIX и XX веке преобладала тенденция к дроблению литературных языков и увеличению их числа. Однако унификация фонетической и морфологической систем, а также орфографических норм в конце XIX века ни в коем случае не означала полное устранение различий между

региональными нормами. Оставались значительные отличия в лексическом фонде. А эта область слишком обширна, чтобы ее можно было полностью охватить намеренной кодификацией, — тем более что еще не было серьезных попыток это сделать. Так возникли явления, которые сегодня обычно называют вариантами нашего литературного языка.

Лексические различия между наиболее противопоставленными вариантами, центры распространения которых совпадают со столицами Сербии и Хорватии, только в очень редких случаях отражают различия в лексическом составе народных говоров на востоке и западе. Так, с одной стороны, используются выражения типа *ћурка* ['индейка'], *хлеб* ['хлеб'], *недеља* ['неделя'] или *седмица* ['неделя'], *гвожђе* ['железо'], *џацов* ['крыса'], *владика* ['епископ'], *крст* ['крест'], с другой — такие как *џура*, *крух*, *џеједан*, *жељезо*, *џиџакор*, *бискуј*, *криж* (некоторые из этих примеров отражают различия в терминологии двух церквей). В таких парах, как *друм* / *цесџа* ['дорога'], *зејџин* / *уље* ['масло'], *сирђе* / *оцаџи* ['уксус'], *комиџа* / *сусјед* ['сосед'], *џак* / *вређа* ['мешок'], наблюдается, кроме частичных диалектных различий, и разное отношение двух вариантов к заимствованиям, прежде всего к турцизмам, что, впрочем, не мешает исконным словам в отдельных парах все чаще употребляться на востоке. Однако большая часть существующих лексических различий в литературном языке не имеет ничего общего с древними диалектными различиями. В большинстве своем эти лексические различия возникли в XIX и XX веках в результате развития литературного языка и необходимости постоянно увеличивать количество новых слов для обозначения новых понятий и вещей, которые приносил прогресс культуры и цивилизации. Терминология практически всех специальностей развивалась в обоих регионах более-менее независимо. Два главных культурных центра существовали достаточно изолированно друг от друга, так что термины, когда в них впервые возникала необходимость, создавались в каждом центре самостоятельно. Они заимствовались из иностранных языков или переводились, причем никто не проверял, пытался ли кто-нибудь решить эту задачу «там у других» (а нередко недоставало и психологической готовности принять решение, найденное в другом регионе). Так возникли такие многочисленные парные названия, как *џозориџиџе* / *казалиџиџе* ['театр'], *џредсџава* / *џредоџба* ['представление'], *уџисак* / *дојам*

которого черпали и остальные. Заимствование готовых чешских слов, пусть даже они не были созданы по правилам структуры нашего языка, означало опору на свои славянские источники и сопротивление иностранному давлению. (Впрочем, в предыдущий период заимствование чешских достижений принесло хорватам драгоценное приобретение: Гай заимствовал у чехов систему латинского алфавита с диакритическими знаками и даже отдельные буквы — š, ž, č, ě. Вскоре этот алфавит, «гаицу», переняли словенцы.) Введением богемизмов в хорватский литературный язык больше всего занимался вышеупомянутый Богослав Шулек, словак родом, обосновавшийся в Загребе, филолог и естествоиспытатель, он был одним из самых активных тружеников в деле формирования хорватской терминологии. Это начинание он реализовал путем систематического и целенаправленного создания терминов, в отличие от сербов, у которых развитие терминологии в большинстве своем шло стихийно, спонтанно и постепенно. Многие неологизмы, не вполне удачно образованные Шулеком для его «Научной терминологии», не были приняты и уже давно забыты: *йриесребрун* ['пероксид серебра'], *сјегураосѣво* ['Affekuranzwesen', коммерческий термин], *најбољак* ['лучший товар'], *радивник* ['Materialbuch'], *йаровозич* [в словаре Шулека присутствует только слово *parovoz* 'паровоз'²¹], *ѣезич* ['сотая часть грамма'], *садрж* ['содержание'], *сјемиѣиѣ* ['плацента'] и т. д. Такая же судьба постигла и заимствования из чешского, которые также присутствуют в словаре Шулека и которые современный читатель знает в основном только по работам Йонке: *биѣословѣ* ['онтология'], *длажба* ['мостовая, брусчатка (Boden, Pflaster)'], *хвосѣ* ['калла (название растения), Blütenschweif'], *иноразовац* ['амфиболит (горная порода)'], *йовјейѣрун* ['метеорит'], *йружностѣ* ['гибкость'], *велриба* ['кит'], *враска* ['морщина'] и др. Однако гораздо важнее то, что многие слова, введенные Шулеком, пополнили терминологический фонд нашего языка, причем не только хорватский — постепенно они проникли и в сербский. Широкая публика даже не догадывается, сколько сегодняшних привычных слов ввел Шулек век тому назад. Это такие неологизмы, как *бројка* ['цифра'], *йреѣйѣлаѣник* ['абонент'], *сѣрујомер* ['счетчик электроэнергии'], *здравсѣвени*

²¹ Šulek B. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. Zagreb, 1990. — Ред.

['медицинский'], *лаишица* ['лепесток'], *йусйолов* ['авантюрист'] и т. д., или заимствования из чешского: *йогон* ['тяга', 'цех'], *одраз* ['отражение'], *йојам* ['понятие'], *йроневера* ['хищение'], *важностй* ['актуальность'], *койва* ['якорь'], *снимак* ['фотография, снимок'], *живаль* ['население'] и т. д. Естественно, нас не должно удивлять наличие в хорватском языке отдельных слов чешского происхождения, которые в меньшей мере прижились у сербов (*бајослован* ['невероятный'], *крајолик* ['пейзаж'], *сйановийй* ['уверенный'], *йокус* ['проба'], *наклада* ['тираж'] и т. д.). Очевидно также, что на востоке используется множество лексем, заимствованных из русских и церковнославянских источников, которые необычны для запада (*виновник* ['виновник'], *дейсйво* ['эффект'], *йодозрив* ['подозрительный'], *убедийи* ['убедить'], *йредосйторожностй* ['предосторожность'], *йревасходан* ['превосходный, преимущественный']). В такой поляризации легко заметить влияние географического положения, религиозных и политических связей, а также разницу в частоте непосредственных контактов.

К лексическим различиям между вариантами, помимо целых слов, можно прибавить различия отдельных элементов структуры или фонетического облика слова. Здесь мы найдем лишь небольшое количество особенностей, имеющих диалектное происхождение. Существует несколько слов, в которых в восточном варианте звук *x* замещен звуками *j* или *v*, а на западе сохраняется: *дуван* / *духан* ['табак'], *суv* / *суx* ['сухой'], *кијавица* / *киxавица* ['насморк'], хотя в этом случае противопоставление не абсолютно. В других примерах конечное *л* на востоке слилось с предшествующим *о*, а на западе сохранилось: *со* / *сол* ['соль'], *го* / *гол* ['голый'], *сйо* / *сйол* ['стол']. Оба эти явления, представленные небольшим количеством примеров, имеют сходные корни в народных говорах. Фонетические формы слова, употребляющиеся на востоке, — типичные штокавские, в то время как слова, употребляемые на западе, характерны прежде всего для чакавских и кайкавских говоров, а также для отдельных западноштокавских говоров. Гораздо более разнообразен материал, отражающий особенности развития культуры. Оппозиция *шйй* / *h* в *ойшййи* / *ойhи* ['общий'] и *свейшйеник* / *свейhеник* ['священник'] отражает более сильное влияние церковнославянского языка на православном востоке при сохранении результатов фонетического развития, характерных для сербскохорватского языка, на западе. Дублетные формы с

колебаниями *к/ц* (*кенйшаур / ценйшаур* [‘кентавр’], *Кишар / Цийар* [‘Кипр’], *океан / оцкан* [‘океан’]), *к/х* (*хирург / кирург* [‘хирург’], *хаос / каос* [‘хаос’], *хемија / кемија* [‘химия’], *хлор / клор* [‘хлор’]) и *й/ц* (в суффиксах *айшија / -ацйја*: *дийломайшија / дийломацйја* [‘дипломатия’], *аристокрайшија / аристокрацйја* [‘аристократия’]) показывают следы латинско-немецкого, вернее итальянского, произношения греческих слов, которые прижились на наших западных территориях, в то время как на востоке неизменно воспроизводится оригинальное греческое произношение. Зато в парах с *в/б* (*варварски / барбарски* [‘варварский’], *Византйинац / Бизантйинац* [‘византиец’], *Вавилон / Бабилон* [‘Вавилон’]) в формах восточного варианта отражается византийское произношение, противопоставленное древнегреческим фонетическим реализациям с сохранением *б*, которые были заимствованы еще в Античности в латинский язык и позже пришли к нам из Западной Европы. Похожее историческое прошлое имеют двойные варианты с *и/е* и *ј/х* (*кайшихейта / кайхехейта* [‘законоучитель’], *Јерусалим / Јерузалем* [‘Иерусалим’], *јелински / хелински* [‘эллинский’], *Вийлелејем / Бејлелехем* [‘Вифлеем’]). Немецким посредством объясняется звук *з*, который на западе нашей территории противопоставлен «восточному» *с* в некоторых словах латинского происхождения: *инсисйирайи / инзисйирайи* [‘настаивать’], *консулйацйја / конзулйацйја* [‘консультация’]. Впрочем, каждое из этих противопоставлений касается лишь небольшого числа дублетных пар. Несколько шире охвачена область словообразования. Неравномерное распределение двух глагольных суффиксов также является следствием принадлежности к разным культурным сферам, центральноевропейской или балканской. На западе глаголы на *-ирайи* — более частое явление (*организовайи / организирайи* [‘организовывать’]), тогда как глаголы на *-исайи* принадлежат преимущественно восточному лексическому фонду (*дефинисайи / дефинирайи* [‘определять’]). Первый суффикс — немецкого происхождения, второй — греческого. На местной почве, преимущественно в рамках литературного языка, появились такие пары, как *аушобуски / аушобусни* [‘автобусный’], *шелефонисткиња / шелефонистйица* [‘телефонистка’] или *сарадник / сурадник* [‘сотрудник’]. Наконец, существуют примеры несоответствия фонетических, словообразовательных или грамматических характеристик отдельных слов: *истйорија / хистйорија* [‘история’],

Различия между вариантами нашего литературного языка не дают повода признать эти варианты разными языками. В мире не существует двух языков, которые бы настолько мало отличались, как «хорватский» и «сербский», и даже двух языков, которые бы отличались чуть больше, а не намного больше, чем варианты нашего литературного языка. Диапазон различий в нашем случае соответствует в своей сумме вариативному полю, образуемому вариантами других литературных языков. Различий в произношении у нас намного меньше, чем, например, между вариантами английского литературного языка в разных странах, где говорят на этом языке, но зато имеется чуть больше лексических различий. Еще точнее мы поймем ограниченность наших вариантных различий, если мы их оценим с помощью внутренних хорватских реалий. Эти различия несравнимо меньше, чем несоответствия в отдельных диалектах, на которых говорят хорваты, даже между отдельными локальными говорами внутри штокавской, чакавской или кайкавской групп. Чакавец с Лошиня и чакавец из окрестностей Сплита поймут друг друга с большим трудом, нежели носители двух вариантов литературного языка. Нынешние несоответствия между вариантами меньше, чем дистанция между литературным языком в Хорватии сто лет назад и сегодня. Более того, несоответствие между литературной нормой произношения в Загребе и ее реализацией в произношении тамошней интеллигенции больше, чем несоответствие между белградской и заградской версиями произносительных норм. Типичный образованный житель Загреба в свое литературное произношение вносит региональные особенности, которые сводятся к неразличению нескольких фонетических категорий. Так, он не различает *ч* и *ћ*, *џ* и *ђ*, краткие и долгие безударные гласные и даже нисходящее и восходящее ударения. Эти особенности последовательно отсутствуют только в двух социальных группах: от них свободны многие приезжие из мест с другой диалектной базой, а также их преодолевают профессионалы — лингвисты и, частично, дикторы и актеры. Значение этих «типично загребских» отличий для языковой системы намного больше, чем вариативных фонетических расхождений, даже если к ним присоединить все лексические различия и, разумеется, экавско-иекавский контраст. Впрочем, в данном случае речь идет о литературном языке, на котором сегодня говорят в Загребе. Рядовой житель Загреба у себя дома и в кругу друзей говорит на

кайкавском диалекте, специфика которого, конечно, несравненно больше (и который, помимо всего прочего, экавский).

Противоположность между белградской и загребской формами литературного языка сглаживается наличием переходной ситуации в Боснии и Герцеговине и Черногории. В Черногории используется иекавская версия восточного варианта, с минимальным количеством отступлений в нескольких случаях. В Боснии и Герцеговине иекавица сочетается с лексикой, в которой сосуществуют восточные и западные элементы, чаще всего как синонимы или дублиеты, предоставляя отдельному человеку возможность каждый раз самостоятельно выбирать один из двух вариантов. Некоторые явления дают повод констатировать, что элементы восточного типа несколько преобладают: для Боснии и Герцеговины не характерны формы *йко* [‘кто’] вместо *ко*, названия месяцев *сијечањ*, *вељача* [‘январь’, ‘февраль’] и т. д. и орфографическое правило *йисаѝ ђу* [‘я буду писать’] вместо *йисађу*. Сегодняшнюю картину варьирования в этой республике дополняют сведения о том, что отдельные писатели некоторые свои сочинения пишут в экавской форме. В самой Хорватии сербы в публикациях, разумеется, используют иекавицу, но с меньшими лексическими отличиями от востока и почти без тех элементов, которые сегодня считаются специфически хорватскими. Однако различия в литературном языке самих хорватов в Хорватии на практике остаются в тени существующего в Хорватии представления, что хорватский и сербский — один язык и в нем существует законное место для варьирования в частных случаях. В таких условиях никто не был заинтересован в том, чтобы исследовать или констатировать эти несоответствия, и они остались на уровне нюансов, без обостренной поляризации.

Рассмотренная нами картина внутренней дифференциации нашего литературного языка сформировалась преимущественно в конце XIX века. С того времени и до сегодняшнего дня языковые отношения не претерпели значительных изменений. Вовлеченные в игру разнонаправленных процессов, варианты то сближались благодаря сильному взаимовлиянию, то расходились в результате независимого привнесения обеими сторонами новых терминов, а реже — сознательного стремления некоторых хорватских деятелей закрепить своеобразие их типа литературного языка. Естественно, шло развитие и помимо терминологии. В Сербии оно проходило быстрее и более спонтанно, без фанатической верности каждому

элементу языка Вука Караджича, в то время как в Хорватии существовала тенденция строгого следования вуковским нормам. Такое различие появилось потому, что в Хорватии к голосу лингвистов всегда прислушивались охотнее, и потому, что было очевидно, что на территории кайкавского и чакавского диалектов допущение стихийного развития обиходной речи очень ярко отразилось бы на облике литературного языка. В Боснии и Герцеговине постоянно перемежались элементы, привнесенные с обеих сторон. Период с 1878 по 1918 г., когда туда попали австрийские чиновники с их административным языком, и период с 1941 по 1945 г., когда усташская власть проводила свою политику, дали особенно сильные импульсы притоку западной лексики. Эти импульсы иногда вызывали реакцию отторжения, как, например, реакция Кочича. С другой стороны, администрация Югославии в межвоенный период отдавала преимущество в своем языке элементам восточной лексики. В целом, однако, Босния и Герцеговина находится в исключительно выигрышном положении, обогащая свой лексический состав из двух источников и присоединяя эти достижения к богатому фонду собственного языкового наследия. Но вернемся после этого экскурса в современность к нашему разговору о прошлом.

В первые годы XX века сербский народ был разделен бесчисленным количеством политических границ и терпел постоянные национальные потери. Возрастало понимание того, что представители сербского народа на периферии могут спастись только путем объединения сербов. И чтобы это стало реальностью, нужно было разрушить две империи. Сербия, будучи зажатой между этими империями и с трудом выживавшая, все сознательнее пыталась добиться объединения и пережила возрождение, о котором во времена Обреновичей можно было только мечтать. Вместе с большей политической свободой были достигнуты и прогресс в области экономики, и процветание культуры, и кристаллизация сознания об общественной ответственности. В центр всеобщего внимания, невиданным доселе образом, попали невыполненные национальные задачи. Общественные силы начали объединяться, спланировать в координированное движение, чтобы сделать возможным освобождение соотечественников к югу, западу и северу от предкумановских границ. Это движение, а также политическое и культурное пробуждение сербов за пределами Сербии питали друг друга. Авторитет Сербии теперь, когда она носила венец свободы, повсюду возростал.

Все это удачно сочеталось с переменой политического климата в Хорватии. Разочарованные ситуацией в Австро-Венгрии, где политическая раздробленность хорватских земель продолжала существовать вопреки постоянным требованиям объединения и где Вена и Пешт в борьбе против хорватского национализма постоянно прибегали к насилию и игре в демократию, передовые хорваты возобновили сотрудничество с сербами. Организуется Хорватско-сербская коалиция, которая быстро выбивается в лидеры хорватских партий. Более интенсивными становятся культурные связи с Белградом, появляются мысли об отделении югославянских земель в Австро-Венгрии в отдельную единицу на тройственной основе, а еще больше — о соединении с Сербией. Радостно были восприняты сербские победы в Балканских войнах: особенно волной воодушевления была охвачена молодежь. Хотя между загребской и белградской концепциями югославянства и были различия, особенно во взглядах на устройство будущего союза и на роль отдельных центров, очевиден факт, что в то время старые предрассудки вытеснялись взглядами новой широты и новыми иллюзиями.

В довоенной Сербии, религиозно и национально однородной, идея югославянства не имела столь глубоких корней, как в Триедином Королевстве Хорватии, этнический состав которого был гораздо сложнее, а политическую мысль формировали тягостные междоусобицы в австро-венгерском конгломерате национальных и государственно-правовых единиц. Как и во времена Караджича и Даничича, идея сближения с западными соседями нашла точку опоры в интеллектуальных кругах сербского общества. Для роли знаменосца новой, расширенной национальной концепции был необходим потенциал и темперамент такого человека, как Скерлич. Авторитет Скерлича обеспечил быстрое распространение этой концепции в кругах молодых людей, жаждущих прогресса. Человек дела, Скерлич предложил и конкретные шаги, чтобы преодолеть препятствия, мешавшие культурному объединению сербов и хорватов. В момент эйфории после победы в Балканских войнах, когда были размыты границы между желаниями и возможностями, Скерлич выступил с предложением экавской латиницы в качестве решения для всей сербскохорватской территории. Зная, что нельзя договориться без компромисса, он был готов как серб пожертвовать кириллицей, если бы западные территории отказались от иекавской

нормы литературного языка. Нет сомнения, что благодаря такой замене все бы много выиграли в культурном отношении, хотя за это должно было быть заплачено минутными потрясениями, откровенно говоря, намного большими там, где бы поменялся алфавит, чем там, где бы более сложный рефлекс ятя был заменен более простым и легко усваиваемым. Однако дальновидный Скерлич не учитывал некоторые обстоятельства, из-за которых осуществление его предложения было невозможным. Традиции и обычаи были укоренены слишком глубоко, и недоверие с обеих сторон не было преодолено. Литературный язык или алфавит могут быть изменены коренным образом только в том случае, если их употребление — привилегия узкого круга образованных людей, пока большая часть народа остается неграмотной и говорит на диалекте, а на момент проведения анкетирования Скерличем грамотность уже была широко распространена в народе. Если реалистично посмотреть на результат этой анкеты, вызывает удивление не то, что предложение Скерлича у некоторых участников не нашло поддержки, а то, что многие все-таки высказались позитивно. Сегодня мы понимаем, что это свидетельствует об исключительности момента, в который состоялось анкетирование.

Результаты анкеты Скерлича потеряли актуальность и смысл в вихре Первой мировой войны. После победы с сербской стороны не было желания отказываться от кириллицы, тем более что под австрийской оккупацией Сербии она была преследуема, да и со стороны хорватов в новых обстоятельствах быстро исчезло желание осуществлять унификацию, и те немногие литераторы, которые начали писать на экавском наречии, быстро вернулись к иекавице.

Над Югославским государством в межвоенное время тяготела, подобно первородному греху, трагически ложная установка, что несколько разных наций — это единый народ. Кроме того, существование этого государства отягчалось как прегрешениями правителей и их непониманием, что такое этнически неоднородная страна, так и серьезными разногласиями между самими народами, различными по культуре и менталитету, множеством социальных проблем и несправедливостей, неблагоприятным политическим режимом. Это были не самые лучшие времена, когда и по соседству с Югославией возникали антидемократические режимы.

С самого начала возник «диалог глухих» между теми, кто в соответствии с исторической традицией представлял свою родину

не иначе как единое целое, и теми, кто на основании исторического опыта считал, что нужно бороться за собственные национальные права под общей крышей. Даже когда речь шла о порядочных людях и чистых намерениях, обычными были взаимное непонимание и неприятие. В большинстве своем и они не были расположены к совместному диалогу. С обеих сторон сыпались обвинения в гегемонизме и сепаратизме, часто справедливые, так что, в целом, по вине политических лидеров росло недоверие одного народа к другому, а позже это недоверие использовалось политиками как повод для обострения отношений.

Общая неблагоприятная обстановка сказалась и на сербско-хорватском литературном языке. Пренебрежение западным вариантом языка в государственном употреблении вызвало в Хорватии ощущение, что в результате этого многое упущено. Общество охватывало чувство возрастающей опасности, и любые заявления и предложения о языковом сближении неизбежно вызывали защитную реакцию, приносящую вред вместо пользы. Подобным образом была сведена на нет польза, которую литературный язык мог получить от того, что большинство носителей сербскохорватского языка первый раз в новой истории оказалось в границах одного государства и, тем самым, были устранены преграды, ранее препятствовавшие единству даже среди самих сербов или хорватов, разделенных границами государств или других административных образований.

Первые довольно значительные трудности возникли в связи с правописанием. После реформы орфографии, проведенной в 1923 г. по предложению Александра Белича, и после принятия ее норм сербами, хотя и не без сопротивления и в большой степени благодаря авторитету ее автора, диктаторская власть в порыве своих унификаторских амбиций взялась за приведение к единообразию правописания. Трудно было выбрать более неподходящий момент. Навязанная унификация, независимо от того, какие она предлагала решения, изначально вызывала раздражение в Загребе. Конфронтация носила странный характер: с одной стороны Белич, радикальный сторонник Караджича, преданный его принципам и согласно этим принципам менявший правила там, где Вук не был последователен, а с другой стороны — во всех конкретных решениях верный Караджичу орфографический кодекс Боранича. Однако в тот момент одна из двух опирающихся на Вука концепций

выступала как сербская, а другая — как хорватская. И когда вскоре была официально принята новая компромиссная орфография, включавшая большую часть нововведений Белича, в Хорватии это было воспринято как насилие Белграда.

Образование в 1939 г. Хорватской бановины сделало возможным на ее территории отказ от единой орфографии и принятие орфографии Боранича. Но на этом все не закончилось. Кругам, пришедшим к власти в Бановине, казалось, что чем больше хорваты отличаются по языку от сербов, тем лучше. В националистическом поиске языковых отличий есть что-то иррациональное и ложное. Индивидуальность сербского и хорватского народа основывается не только на языке. Если бы вопрос был только в языке, они не представляли бы собой два народа или еще в прошлом веке штокавцы, чакавцы и кайкавцы стали бы тремя отдельными национальными единствами. Множество гораздо более сложных и глубоких факторов сделали хорватов и сербов разными народами, поэтому не следует искажать естественное развитие языка, чтобы подтвердить самобытность той или другой нации. Искусственное воздвижение языковых барьеров неминуемо обкрадывает обе стороны, лишая их возможности пользоваться тем, что сделал компаньон, — в литературе, в совершенствовании средств художественного выражения, в научной литературе, в переводах с иностранных языков. Разделить литературный язык значит оставить обе стороны без половины литературного фонда. Но когда людьми владеет враждебность или малодушное неверие в жизненные силы своего народа, они, в убеждении, что спасают народ, делают и то, что наносит ему вред.

Число профессиональных лингвистов, задействованных в кампании по выявлению «различий между сербским и хорватским литературными языками», в 1940 г. было незначительным, и все они не пользовались большим авторитетом в загребской лингвистике. Это были молодые доктора наук, впервые в ходе этой акции выступившие перед общественностью. Но за этой акцией стояли тогдашнее руководство общества Матица хорватская и крупная газета «Обзор» («Obzor»), а способствовала этой кампании и вся накаленная до предела атмосфера культурной жизни Загреба в момент эскалации [национальной идеи] в переходный период от Бановины к независимому государству. Те, чьи знания о языке были значительно обширнее и глубже, в отличие от

идеологов кампании, считали, что мудрее будет промолчать, не смотря на то, что в неосторожных трудах начинающих лингвистов о различиях между сербским и хорватским было много поводов для критики, как с теоретической, так и практической стороны. В Загребе никто не напомнил авторам, что может существовать варьирование в одном литературном языке и что само существование различий не может считаться доказательством того, что это два разных языка. Никто не осмелился сказать этим молодым людям, что они переборщили, утверждая, что *благдан* ['праздник'], *кайшедрала* ['собор'], *лаишица* ['лепесток'], *након* (*шого*) ['затем'], *некрейнина* ['недвижимость'], *йилана* ['лесопильная'], *склад* ['гармония'] или *шечај* ['курс, курсы'] исключительно хорватские слова, и что, с другой стороны, для «сербского литературного языка» характерны такие слова, как *близо* (в то время как «хорватская» форма *близу* ['рядом']), *бојно слейило* («*слейоћа за боје*») ['цветовая слепота, слепота на цвет'], *бојсе* (а «хорватское» *можда, ваљда* ['вероятно']), *дијанье* («хорватское» *дисање* ['дыхание']), *душ* («хорватское» *шуш* ['душ']), *дваред* («хорватское» *двајуи* ['дважды']), *цивџан* («хорватское» *врабац* ['воробей']) или *ђенијалан* («хорватское» *генијалан* ['гениальный'])²². Зловещим было это малодушное молчание хорватских лингвистов, предвещавшее трудные времена. Над Европой и нашим государством нависла грозная тень Адольфа Гитлера.

В то время как умело разжигаемая вражда приносила свои кровавые плоды, насилие над языком продолжилось под усташской властью. Государственный Отдел по агитации и пропаганде (*Равна-тельство за ѝромичбу*) опубликовал официальный список запрещенных «сербских» слов, и в то же время огромными партиями придумывались новые слова, которые должны были упрочить своеобразие хорватского языка. История была обращена вспять и в отношении орфографии. Утверждение путаной и непрактичной морфологической орфографии (*кориенски ѝравойис*) не имело другой цели, кроме как отомстить Караджичу и его соотечественникам.

Ситуация, сложившаяся после Второй мировой войны и революции, позволила каждому народу опираться в языковой

²² Слова, которые в анализируемом труде называются хорватскими, в действительности являются также и сербскими, тогда как лексемы, обозначенные как сербские, в сербском литературном языке не употребляются. — *Ред.*

практике на собственную языковую традицию. Был провозглашен принцип равноправия, отразившийся в параллельной публикации конституции и ряда других юридических текстов в восточной и западной версиях (наряду со словенской и македонской). Этот дуализм, несколько обходивший вниманием языковую ситуацию в Боснии и Герцеговине и Черногории, мог быть оправдан не только необходимостью в целесообразном ограничении числа аутентичных версий юридических документов, но и тем фактом, что литературный язык в этих республиках не обладает значительными особенностями, неизвестными западному или восточному вариантам языка, и что все варианты нашего литературного языка абсолютно понятны всем его носителям. Но самым важным было то, что в восторженной атмосфере братства, задававшей тогда направление югославской политики, никто не ставил вопрос о боснийско-герцеговинском или черногорском языковом своеобразии.

Равноправия самого по себе недостаточно, чтобы избавиться от проблем, происходящих из каждодневной взаимной коммуникации. В какой форме будет опубликован текст автора из другой языковой среды? Какую степень языковой адаптации нужно требовать на рабочем месте от сотрудника, переведенного из другого языкового региона? Бесчисленные жизненные ситуации, обостренные людским недовольством, заставляли задумываться о поиске решения этих проблем. А к этому всякий раз можно подходить по-разному, с большей или меньшей степенью охвата. Или мы будем слушать или читать сказанное или написанное каждым отдельным человеком в той форме, в которой он привык говорить или писать, или же потребуем от него адаптации. Это не значит, что широкий подход всегда и безусловно оправдан. Учитель родной речи в начальной школе, разумеется, будет исполнять свои обязанности лучше, если будет учить детей привычной для их среды форме литературного языка. В целом степень толерантности к иной форме того же языка зависит главным образом от личного отношения к среде, которая пользуется этой формой. К проблемам подобного рода присоединилась у нас в послевоенные годы и та путаница, которую произвел орфографический плюрализм. В 1951 г. в Загребе вышло десятое издание «Орфографии» Боранича, в 1952 — переработанный орфографический кодекс Белича в Белграде и Вуковича в Сараеве (третья «Орфография» на территории одного языка).

Инициатива широкой дискуссии о языке и орфографии впервые была выдвинута в 1953 году в журнале «Летопись Матицы сербской» («Летопис Матице српске»). Ответы на журнальное анкетирование, которые присылали люди разных профессий, писатели и лингвисты, наметили возможности развития языковой политики, при этом обозначив и границы этих возможностей. Выяснилось, что есть и те, кто выступает за введение единых орфографических норм, и те, кто настроен на языковой взаимообмен и взаимообогащение, но предложение о возможной отмене одного из алфавитов или одной из норм произношения всеми было признано несостоятельным. Подобная точка зрения затем была закреплена в резолюции Новисадского совещания 1954 г., в которой провозглашалось равноправие двух алфавитов и произносительных норм и предписывалось, чтобы и сербы, и хорваты изучали в школах оба алфавита. В резолюции также было заявлено, что «нужно решительно препятствовать установлению искусственных барьеров на пути естественного развития хорватско-сербского литературного языка», и особенно «предотвратить пагубное явление “перевода” текстов и оказывать предпочтение оригинальному авторскому тексту». В дальнейшие задачи, помимо разработки единых орфографических норм, входило создание единой терминологии и словаря литературного языка, который был бы подготовлен обеими Матицами.

Совершенно независимо от пунктов резолюции Новисадского совещания, касающихся равноправия двух алфавитов, в послевоенный период продолжилась, получая все больший размах, давняя тенденция. Латиница все больше вытесняла кириллицу во многих сферах употребления. Этот процесс начался еще в последнее десятилетие XIX века. До того времени употребление двух алфавитов было напрямую связано с вероисповеданием: латиница использовалась в католической, а кириллица — в православной среде. И у мусульман в некоторой степени имела место кириллическая традиция, возникшая очень давно, когда кириллица целиком охватывала территорию Боснии и Герцеговины независимо от вероисповедания. С началом австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины началось интенсивное проникновение туда латиницы. Это, разумеется, входило в намерения оккупантов, но в большей степени это был спонтанный процесс, вызванный притоком хорватского населения, прибывшего туда на государственную службу. Отступление от кириллицы в

самой Хорватии сопровождалось закрытием сербских школ и снижением числа публикаций на сербском языке. Очередным ударом по кириллице стало ее запрещение австро-венгерскими властями во время Первой мировой войны и усташским правительством на территории Независимого государства Хорватия. Но и помимо влияния этих факторов география употребления латиницы и кириллицы постоянно менялась под влиянием новых процессов социальной интеграции. Латиница распространилась наиболее широко прежде всего в тех областях, где сербы жили смешанно с другими народами: в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Воеводине, в косовском регионе, даже отчасти в самом Белграде. В Воеводине процесс начался не раньше Первой мировой войны, до этого времени воеводинские сербы, используя свой язык на письме только для личных нужд, последовательно употребляли кириллицу. Когда сербскохорватский язык получил статус государственного, в Воеводине стало исчезать различие между текстами, предназначенными для хорватов и для сербов, кроме того, сербскохорватским языком стали пользоваться и другие народы с традицией латинского алфавита. Подобным образом в Косово и Метохии активно прокладывала себе дорогу сербскохорватская латиница как компромисс между языком одних и алфавитом других, тогда как в Белград этот алфавит проник с переселенцами из западных регионов, прибывших по долгу службы в столицу федеративного государства. Другими словами, проникновение латиницы было ускорено на всех территориях практическими коммуникативными нуждами (там, где жили представители других народов, пользующихся исключительно латинским алфавитом), а в некоторых областях также стремлением со стороны сербов создать мосты между сербским и соседствующими с ним народами. По этой причине область относительно последовательного употребления кириллицы свелась к так называемой центральной Сербии (без Белграда) и Черногории (исключая приморский регион). Кроме того, распространение латиницы является следствием престижности интернационального алфавита и пользующихся им мировых языков, увеличения числа деловых и прочих контактов с заграницей, где пользуются латиницей (активные до Первой мировой войны контакты с русскими ослабели в межвоенный период и, отчасти, после 1948 г.). Так Сербия и Черногория превратились в полностью двухалфавитную зону с элементами функциональной дифференциации латиницы и кириллицы. Латиница встречалась

гораздо чаще на белградских промышленных предприятиях, чем в государственных учреждениях, в машинописи, чем в печатных изданиях, в специальной литературе, чем в школьных учебниках, в литературных журналах, чем в ежедневных газетах. Среди бастиионов латиницы оказались и дорожные знаки, большая часть второразрядной литературы, этикетки на товарах и кино- и телевизионные титры и субтитры. Таким образом латиница закрепились во всех текстах повседневной коммуникации с «чужаками», то есть с югославами с запада страны и с иностранцами, в то время как самые неприступные опорные пункты кириллицы находились в тех сферах употребления, где отход от нее требовал бы санкции государственных органов: в начальной школе и ежедневной печати. Такое решение до сих пор не принято и, очевидно, не будет принято в ближайшем будущем. Впрочем, неправильно было бы оспаривать тот факт, что распространению латиницы во многом способствовало доброжелательное отношение самих сербов, которые в расширении употребления латиницы видели акт сближения с хорватами, безболезненную, мирную уступку, еще один шаг на пути ко все более полному единению. Это в соответствующих сферах получило такую оценку: «Антикириллическая позиция — это одна из типичных черт унитаризма», — писал Далибор Брозович.

Задачи, которые по условиям Новисадского договора были поставлены перед специалистами, исполнялись медленно, иногда с трудом, а временами решение этих задач сопровождалось ожесточенными спорами. Все задачи так и не были выполнены. Даже легко достижимого результата, то есть выхода единого орфографического словаря, пришлось дожидаться годами. Он был опубликован в 1960 г. в двух изданиях: в кириллическом экавском издании Матицы сербской и на латинице, в иекавском варианте, в Матице хорватской. Хотя такое решение исходно было основано на принципе равноправия, в силу объективных обстоятельств в многонациональной Боснии и Герцеговине преимущество оказалось на стороне загребского издания. Новая орфография устранила большинство различий между нормой Белича и Боранича, в основном в пользу вуковской традиции, то есть в пользу решений Боранича. Однако унификация не была полной: в двух-трех случаях была сохранена двоякая норма, так как ни одна из сторон в национально неоднородной комиссии не готова была уступить. Наиболее яркое отличие, а именно написание формы будущего времени (*радићу*

['буду работать'] или *радићћ њу*), стало символом расхождений между хорватским и сербским орфографическим узусом. Что касается словаря литературного языка, то он в принципе не может быть создан быстро, а работа над ним замедлялась еще и сложностью процедуры, необходимой для обеспечения равноправного участия обеих сторон в совместной редакционной коллегии и обоюдного согласия относительно каждой детали в окончательном тексте. Только в конце 1967 г. вышли первые два тома словаря, вновь в двух вариантах. В Загребе эти книги были встречены бурной и беспощадной критикой, причем исходившей из лагеря загребского соиздателя, Матицы хорватской. Словарь упрекали в том, что в нем недостаточно учтены различия между вариантами литературного языка и что при обработке языкового материала в каждом из изданий не отдается приоритета лексике той языковой среды, в которой издание выполнено. Не обошлось и без попыток продемонстрировать на примере какой-нибудь мелочи, что хорваты ущемлены по сравнению с сербами, хотя могли отыскаться столь же незначительные примеры и для доказательства обратного. Чтобы полностью дискредитировать словарь, выискивали и раздували его недостатки, ошибки в деталях обработки лексического материала. Никто не обратил внимания, что, пользуясь теми же критериями, можно сделать посмешищем и другие наши словари, в том числе фундаментальный «Словарь хорватского или сербского языка», издаваемый Югославянской академией наук и искусств в Загребе и являющийся наиболее содержательным и самым ценным из всех существующих словарей нашего языка. В этом словаре также не отмечается принадлежность слова к тому или иному варианту литературного языка, а ошибок в нем сравнительно больше, чем в словаре двух Матиц, который предназначен для заполнения болезненной и постыдной лакуны в нашей культуре: нет книги, в которой культура нуждалась бы более, чем в именно таком словаре, мы же его, с начала нашей истории и до настоящего времени, до сих пор не создали. После острых публичных дискуссий две Матицы в январе 1969 г. на заседании в Загребе пришли к компромиссу, согласно которому дальнейшая работа над словарем в большой мере должна была учесть требования загребских критиков. В феврале 1969 г. совместная комиссия обеих Матиц составила и подписала резолюцию на основе формулировок загребской конференции, а в марте 1969 г. Матица хорватская отказалась от этой резолюции,

потребовав от Матицы сербской принять те требования, которые не были одобрены на конференции в Загребе. После того как Матица сербская отказалась принять эти требования, Матица хорватская официально объявила, что прерывает сотрудничество по Новисадскому договору. Тогда стало ясно, что частным вопросам, касающимся словаря, никто не придавал серьезного значения, которого они и не имеют, и что Матица хорватская просто-напросто решила отказаться от создания единого словаря. Поэтому Матице сербской не осталось ничего другого, как самостоятельно продолжить эту работу.

Созданием терминологических словарей стали заниматься с большим опозданием, только в 1964 г., по инициативе Матицы сербской, но обсуждения показали, как мало перспектив имеет это направление. Участники дискуссии придерживались разных позиций: одни работали над согласованием нормы (от некогда намеченной унификации все отказались), а другие ратовали за своеобразие своего языка. И так это предприятие тихо сошло на нет.

Но вернемся, после беглого обзора процессов, инициированных Новисадским договором, к переломным событиям 1964–1965 гг. На лингвистические дискуссии и языковую политику все большее влияние оказывало недовольство другими аспектами жизни. Обнаружились противоречия и в интерпретации самого Новисадского договора. Одни оправдывали им настойчивую политику полной унификации языка, в обманчивом убеждении, что она принесет пользу, даже не будучи единогласно принятой с обеих сторон. Другие от оборонительной позиции постепенно переходили к наступлению, все больше акцентируя внимание на языковых различиях. Все громче звучали обывательские аплодисменты в адрес лингвистов, энергично выступавших под национальным знаменем. Хорватские языковеды стали застрельщиками борьбы за национальное самосознание и самобытность. Использовался любой повод, чтобы открыть глаза публике, насколько ужасны существующее положение вещей и недобрые намерения оппонентов, а некоторые из слушателей, объятые тревогой, требовали от своих героев все новых подвигов. Требования самостоятельности и отказа от языкового единства становились все радикальнее.

В марте 1967 г. широкий круг хорватских лингвистов и литературоведов выпустил «Декларацию о названии и положении

хорватского литературного языка», в которой выдвигались требования о конституционном закреплении хорватского и сербского в качестве самостоятельных языков, чтобы тем самым пресечь все случаи неравноправного отношения к «хорватскому литературному языку». Декларация также требовала «последовательного использования хорватского литературного языка в учебных заведениях, средствах массовой информации, общественной и политической жизни, когда речь идет о хорватском населении», что означало — и за пределами Хорватии. Помимо этого провозглашалось, что «служащие, учителя и общественные деятели, независимо от своего происхождения, официально должны использовать язык той территории, на которой осуществляют свою деятельность». Кроме узаконения нетерпимости, это означало еще и обязательное использование сербами на территории Хорватии хорватского литературного языка.

Размышляя над текстом Декларации, мы не можем избавиться от ощущения, что в ней нет достойного обоснования для серьезных изменений, которые она предлагает. В Декларации упоминается пренебрежение хорватским вариантом языка в некоторых союзных учреждениях и ведомствах, в кинохронике и различных административных бланках. Однако не сказано, что речь идет о явлениях совершенно второстепенных, которые ничему не могут угрожать, или что по всем значимым позициям равенство двух основных вариантов нашего языка к тому времени уже было достигнуто, в частности благодаря децентрализации, которая большую часть дел предоставляла юрисдикции республик, районов и предприятий. Свои доводы Декларация иллюстрирует фактом, что резолюция пятого съезда Союза композиторов Югославии была издана «в сербской, словенской и македонской версии, будто хорватского литературного языка и не существует или будто он идентичен сербскому языку». Действительно, было бы хорошо, чтобы среди аутентичных текстов присутствовал и текст в загребской редакции (иногда, впрочем, такой текст появлялся, но в этом случае отсутствовал восточный вариант). Но неужели и в самом деле так важно публиковать итоги съездов всех союзов в точном количестве всех языков, когда пресса все равно печатает подобные тексты в адаптации к языку региона, если сочтет нужным их опубликовать? И разве эти недочеты не могли быть устранены с помощью менее многозначительных требований?

Даже если мы предположим, что авторам Декларации некоторые факты показались более значительными, чем они были на самом деле, нас все равно смущает контраст между диагнозом и предложенным лечением — разделением языка. Очевидно, что длинный абзац о неравноправии не выражает истинных мотивов создателей Декларации. Их стремления проявляются в другом месте текста, прежде всего в заявлении о «неотъемлемом праве каждого народа называть свой язык собственным именем, независимо от того, идет ли речь о филологическом феномене, который... принадлежит и другому народу». Это право, действительно, нельзя оспорить, но все же обычно оно не реализуется там, где одним языком пользуется несколько народов. Так, не существует названия «австрийский язык», или «австралийский», или «аргентинский», или «бразильский», или «ливийский». Настойчивое желание разделить названия языков указывает на эмоциональное отношение, на стремление подчеркнуть различия, доказать обособленность языка перед лицом своего народа и всего мира. Значительны и последствия, которые влечет за собой точка зрения Декларации. Торжественный призыв к неотъемлемому праву любого народа на самоназвание родного языка обрекал сербов, проживающих в Хорватии, называть свой язык именем другой нации, отделяясь в языковом отношении от собственного народа. Языковая уния достигла бы того, чего не могла достичь церковная. В то же время Декларация требовала распространения «хорватского литературного языка» в Боснии и Герцеговине. Другими словами, хорваты за пределами своей страны получили бы то, в чем отказывали другому народу в Хорватии.

Своевременное осуждение Декларации было вызвано ее явными и неявными постулатами, о которых мы говорили. Но идея о независимом хорватском языке в одно мгновение стала бомбой замедленного действия, и через некоторое время она снова взорвалась общественными дебатами и инициативами. Сторонники раздела языка снова взяли слово, сначала с опаской, затем все смелее, выступая, однако, с теми же зыбкими аргументами. Страх политических репрессий сдерживал размах их деятельности. Может быть, поэтому они сами поддались искушению беспощадно клеймить сторонников языкового объединения, обвиняя их в унитаризме, этатизме и гегемонизме — в чертах, актуальных для политической ситуации в Хорватии того времени.

Как очередной аргумент в пользу разделения языков называли надуманную опасность проникновения сербского варианта в Хорватию, хотя давно стало ясно, что такой опасности не существует и что сама мысль об этом несерьезна. Кто бы мог в подобных обстоятельствах навязать хорватам хоть какое-то изменение в языке? Как яркий пример такой опасности вспоминали решение загребской радиостанции в 1956 г. ежедневно давать одну новостную рубрику на экавском варианте (через несколько месяцев передачу закрыли из-за бурных протестов). Этот незначительный по своей сути случай, характерный прежде всего своим исходом, был уже давно неактуален, поскольку в новых обстоятельствах его повторение невозможно было и представить. Несмотря на это, о нем упоминали бесконечное количество раз.

В подтверждение необходимости раздела языка выдвигалась теория о том, что жизнь в современном обществе требует нормирования литературного языка. Конечно, такое требование существует, но норма никогда не является абсолютной. Во всех языках норма сформирована таким образом, что она допускает вариативность в определенных случаях. В случае единой сербско-хорватской нормы дублетных форм было бы на порядок больше обычного, но это ни в коем случае не могло бы угрожать коммуникативной функции языка, ради которой, собственно, и проводится нормирование. Если и был от этого какой-то вред, он был несоизмеримо меньше вреда от разделения языка — конечно, если мы заинтересованы в языковом объединении (а если нет, то тогда причина для раздела и правда достойная). Даже с точки зрения коммуникативной функции последствие разобщения языков гораздо серьезнее: разделение прерывает обогащение языка новыми словами, выражениями и оттенками значений, которые проникают из одной языковой среды в другую. Кроме того, существует и практическая сторона вопроса: разделение на две культурные среды заставит и сербов, и хорватов решать многие задачи по отдельности, бессмысленно растрачивая и без того небольшие силы. И наконец, разве нет других способов без декларации о разделе языка ввести вариативную норму там, где это необходимо? И разве это не было уже осуществлено в Хорватии?

Не убеждает и аргумент о неравноправии хорватов и сербов, которое устанавливало сербскохорватское языковое сообщество. Если и говорить о неравноправии хорватов, тогда сравнение

должно производиться не с сербами, поскольку сербы были в том же положении, а со словенцами и македонцами, которые, в отличие от хорватов, имели свои собственные языки.

Очевидный факт единства сербскохорватского языка обусловил утверждение сторонников его разделения, что хотя язык лингвистически един, хорватский литературный язык юридически функционирует как самостоятельный язык, и субъективно его можно считать таковым. Это утверждение можно считать верным, если слову «язык» присвоить значение, которым оно не обладает, о чем говорит и разность понятий *язык* — *вариант* и *язык* — *диалект*. Американский вариант английского языка в Соединенных Штатах обладает такими же юридическими прерогативами, какие имеет и хорватский вариант в Хорватии, тем не менее не идет речи о самостоятельности этого языка. Документы из Великобритании не переводятся в суде, в этом нет необходимости — точно так же и в Хорватии было бы излишним делать заверенные переводы документов из Сербии. И субъективно американцы воспринимают свой языковой тип как вариант одного общего языка. Они знают, что англичане, канадцы, австралийцы и многие другие говорят на одном языке, но в разных вариантах, и именно так они воспринимают английскую речь представителей других национальностей. Чтобы серб счел чужой хорватскую речь или хорват — сербскую, нужно, чтобы они изначально были настроены именно на такое восприятие.

В своем роде единственно весомым и при этом чрезвычайно серьезным аргументом для выделения хорватского литературного языка является суверенное право каждого народа иметь свой собственный язык, и право хорватского народа — видеть в своеобразии хорватского языка подтверждение своей национальной индивидуальности. И если это так, то этот факт нужно уважать; единственная оговорка, которую тут можно и нужно сделать: осуществление права одного народа не должно наносить ущерб законным правам других народов.

В 1971 г. в союзной конституции было прописано, что общие юридические документы будут публиковаться в отдельной версии для каждой республики, при этом прерогативой самих республик было решение о характере и названии версии. В Хорватии было принято официальное имя «хорватский язык», тогда как за сербами, проживающими на территории Хорватии, признано право использовать сербский язык. Это решение все еще ждет своей реализации.

Разумеется, необходимо, чтобы в будущем были решены многие конкретные вопросы, касающиеся того, как это решение будет воплощено в жизнь в школах, администрации, печатных изданиях, средствах массовой информации. Также необходимо более тщательно разработать языковую норму, которая будет использоваться сербами на территории Хорватии. На данный момент ясно, что она будет иекавская и, вероятнее всего, во многих деталях будет отличаться от хорватского литературного языка. Из всех диалектов, на которых сегодня говорят в Хорватии, к хорватскому литературному языку ближе всего восточногерцеговинский, который в Хорватию принесли сербы. Все остальные диалекты или совсем не являются штокавскими, или относятся к икавским или экавским, за исключением дубровницкого диалекта, для которого, в свою очередь, его яркие особенности определяют особое место. Но это не означает, что сербам в Хорватии всегда близки современные особенности хорватского литературного языка. Совершенно ясно, что им должно быть чуждо систематическое истребление сербизмов, как и введение новых выражений, которые должны подтверждать обособленность хорватского языка от сербского. Для них должны быть чужеродны и многочисленные неологизмы, которые в XIX веке ввели деятели культуры, языковое чутье которых отличалось от штокавского, поскольку их родным языком были кайкавский или чакавский, а возможно даже и чешский, немецкий или словацкий. Если судить по языку журнала «Просвьета» («Просвјета»), на данный момент единственного сербского журнала в Хорватии, сербы не перенимают формы типа *вол* или *сол* ['соль'] вместо *во* и *со*, как и *иѣко* вместо *ко*, которые не свойственны и современным штокавским иекавским говорам, а у хорватов стали привычными благодаря тем людям, чьи родные наречия были совсем другими. Сербским народным говорам чужды и названия месяцев типа *сијечањ* ['январь'] и *вељача* ['февраль']. И наконец, совершенно очевидно, что католической религиозной и церковной терминологии (*криж* ['крест'], *свећеник* ['священник']) сербы предпочитают православную (*крстѣи*, *свеићеник*). К языковой ситуации у сербов в Хорватии близка и языковая ситуация у сербов в Боснии и Герцеговине. Все высказанные наблюдения могут показаться поверхностными, и, конечно, сербы в Хорватии сами должны дать детальное описание своего литературного и официального языка. На данный момент необходимо установить демократическую и компетентно-правомочную процедуру этой кодификации.

Перемены в Хорватии изменили положение в других трех республиках, где население говорит на сербскохорватском языке. Их главная дилемма заключалась в следующем: выбрать ли путь изоляции, следуя поданному примеру, или же остаться в едином языковом пространстве. Выбор позиции определит то, какое название языка будет употребляться на данной территории, каков будет его облик и в какой степени языковая норма и административные предписания будут допускать проникновение языковых элементов из других территорий.

Распад языкового единства создает в Боснии и Герцеговине новый клубок проблем, которые на первый взгляд касаются только повседневной языковой практики, но при этом имеют глубокий национально-политический подтекст. Поэтому именно в этой республике наблюдалось жесточайшее сопротивление процессу дезинтеграции, до тех пор пока он не получил развитие, несмотря на все приложенные усилия, [чтобы его остановить]. Чужому стремлению к исключительности боснийская общественность противопоставляла широту взглядов. Языковая толерантность была возведена в ранг основного принципа. И когда в Хорватии практика языкового разделения стала реальностью, на которую нельзя было закрыть глаза, Босния и Герцеговина отреагировала отказом участвовать в дроблении языка. Была отвергнута идея создания особого языкового варианта и подтверждена позиция открытости по отношению к обеим сторонам, без чего атмосфера в стране, где почти две трети населения составляли хорваты и сербы, стала бы невыносимой. Было отмечено, что в Боснии западный и восточный вариант взаимодействуют друг с другом и нейтрализуются, при этом языковая практика в республике в некоторых случаях имеет свои предпочтения. Настойчивым употреблением двойного названия языка имплицитно осуждается точка зрения о существовании двух языков. Категорически утверждается равноправие обоих двойных названий — «сербскохорватский» и «хорваткосербский», что было новым для республики, в которой в качестве нейтрального названия языка давно прижился термин «сербскохорватский»²³.

²³ Это название было введено в качестве официального еще во времена австрийской оккупации Боснии и Герцеговины. В Далмации в конце XIX века название «сербскохорватский» также было утверждено как административное.

Однако после появления дублета «хорватскосербский» нейтральное название перестало существовать, и громоздкая компиляция «сербскохорватский / хорватскосербский», в которой оба имени фигурируют дважды, стала единственно возможным воплощением принципа последовательной равноправности. Во имя этого принципа было заявлено о необходимости вновь уравнивать кириллицу с латиницей. В последнее время одновременно с утверждением идеи толерантности все чаще выдвигается тезис о языковой автотонности. Некоторые люди с широким горизонтом, которые некогда стояли выше вопросов языкового деления, впоследствии обратились к культивированию своей местной языковой традиции, когда поняли, что происходящие события поставили под вопрос широту их взглядов. Кроме того, повседневная работа школы, администрации и прессы реально требует использования достаточно строгой языковой нормы. Но яростное отстаивание местной языковой традиции сильно ослабляет связь и с восточным вариантом языка, и с западным. Уже принят закон о запрете использования экавского варианта в начальной и средней школе.

В 1969 г. в Черногории небольшая группа ярых патриотов в приступе национальной страсти впервые в истории выступила с идеей создания самостоятельного черногорского языка. Этой идее не хватает лингвистических оснований: в литературном языке Черногории нет значимых особенностей, которые не были бы известны в других регионах. Если мы приведем в пример самое яркое языковое отличие — употребление формы *nijesam* [‘я не есть’] вместо *nisam*, — станет ясно, о каких мелких деталях идет речь. Трудно противопоставить «черногорский» язык «сербскому» еще и потому, что языковая ситуация в Черногории, по сути, является переходной от ситуации в Сербии к ситуации в среде сербов из западных областей: с одной стороны, использование кириллицы и доминирование восточной лексики, с другой — иекавский вариант языка. Борцы за отделение черногорского литературного языка ссылаются на особенности черногорских народных говоров, не различая понятия литературного языка и диалекта и игнорируя тот факт, что различия между черногорскими диалектами очень существенны и глубоки и некоторые говоры очень близки к вуковскому литературному языку, другие же отстоят от него очень далеко. Впрочем, не нужно забывать, что Черногория не единственная область, где существуют диалектные

особенности. Они есть везде, и отступления от сербскохорватского литературного языка в некоторых областях более ярко выражены, нежели где-либо в Черногории. Тем более несерьезно с научной точки зрения утверждение, которое недавно было высказано с большим жаром, что на самом деле Вук Караджич дал сербам черногорский язык. Этому выводу противоречит целый ряд фактов, в том числе следующие:

— область восточногерцеговинского диалекта вуковского типа охватывает не только современную северо-западную Черногорию, но и большую часть Боснии и Герцеговины, и западную Серию вплоть до Валеvских гор и долины Ибара;

— Вук, как и его отец, родился в Тршиче в Сербии, а его семья только в третьем поколении происходила из Дробняка;

— уже тогда, по словам Вука, между говором Тршича и Дробняка существовала ощутимая разница в ряде конкретных моментов;

— область Дробняк, как и остальная часть современной Черногории, в которой говорят на восточногерцеговинском диалекте, находилась тогда за пределами черногорских границ, и эту область никто не называл в то время Черногорией;

— сам Караджич неоднократно подчеркивал свое герцеговинское происхождение;

— он ввел в нашу диалектологию первые систематические наблюдения над говорами Черногории того времени, представив длинные списки различий по отношению к герцеговинскому диалекту;

— и наконец, во времена Караджича все черногорцы считались сербами, и лучшим доказательством этого является величайший поэт сербской борьбы за свободу, современник Вука, Негош.

Идеи борцов за особый черногорский язык встретили сильное сопротивление среди черногорцев, прежде всего у наиболее компетентных людей, у преподавателей языка. Было сказано, что таких особенностей в языке нет, что их не следует создавать искусственно и что литературный язык в Черногории является частью сербскохорватского литературного языка. Также говорили о том, что перед тем, как было принято общее название «сербскохорватский язык», в Черногории использовался лингвоним «сербский язык», так назывался и официальный язык независимой Черногории на протяжении истории.

Можно сказать, что в Сербии реакция на то, что Хорватия отказалась от общего литературного языка, была самой умеренной. Конечно, нельзя сожалеть о том, что не было быстрых и драматичных решений. Однако это не отменяет необходимости разумным образом, не спеша, решить многие дилеммы, а затем взяться за исполнение предстоящих задач. Подумать над этим вопросом мы призываем как лингвистов, литераторов и других деятелей культуры, так и политиков и вообще широкую общественность. Нижеследующее нужно понимать как одну из попыток найти нашу позицию.

III. НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ

Существует только один правильный подход к проблемам общества. Это абсолютный и последовательный демократизм. Без него нет ни гуманизма, ни этики, ни здоровых и взвешенных решений, о которых впоследствии не придется жалеть. Применительно к нашей теме это значит, что нужно уважать решение, которое приняли хорваты в Хорватии. Если мы оставляем открытой дверь для их возвращения в содружество, у нас нет права тащить их в эту дверь. Также мы должны помнить, что хорваты в Воеводине, в Боснии и Герцеговине, мусульмане и черногорцы имеют право решить языковой вопрос так, как они сами желают. Конечно, подразумевается, что с созданием хорватского языка для хорватов в Хорватии будет идти параллельно и создание сербского языка для сербов в той же республике, со всеми изменениями в образовании, управлении и культуре, которые последуют из этих процессов. Далее, нельзя забывать о том, что у сербов существует два основных вида литературного языка, экавица и иекавица, и что они имеют также некоторые отличия в лексике, а отчасти характеризуются различным отношением к использованию двух алфавитов. Было бы неправильно пытаться навязать экавицу или другие восточные языковые особенности сербам, использующим иекавицу, как и было бы лишним задаваться вопросом, более ли счастливы народы, чье существование история не усложнила таким различием.

Обязательство ничего не навязывать другим не значит, что мы можем о них забыть. Мы, сербы, из-за нашей государственно-правовой раздробленности находимся в более сложном положении,

чем большинство других народов. Большое число сербов живет вне основной политической единицы сербского народа, которая обычно называется собственно Сербией (*ужа Србија*). Беглого взгляда на ситуацию в Европе достаточно, чтобы убедиться, что ни у одного европейского народа нет такого положения, если не принимать во внимание басков и каталонцев, представляющих собой совершенно особый случай. Поэтому для нас гораздо более важно уделять внимание тому, что для других стран является естественным, — сохранению целостности культуры. Культурная связь представителей одной нации относится к числу элементарных национальных прав. Нация как историческая категория старше границ, межгосударственных и прочих, и ни у кого нет права из-за существующей исторической территориальной раздробленности одной нации требовать от нее отказа от национальной культуры как общей ценности всех частей нации. У нашей культуры нет задачи важнее, чем сохранение культурного единства сербов. Если нам это не удастся, потенциал сербской культуры станет меньше, чем потенциал сербского народа, а части нации превратятся в культурные колонии других народов или отстанут в плане развития культуры из-за удушливой тесноты региональной закрытости. (В связи с этим стоит упомянуть, что другая наша фундаментальная задача в области культуры состоит в том, чтобы в конечном итоге каждый сербский ребенок получил начальное образование, а каждый, у кого есть такая возможность, — полное образование. Если мы не добьемся этого, наша культура и дальше будет лишена притока талантливых людей, которые, не получив образования, не могут реализоваться.)

Нельзя отрицать возможности того, что для кого-то нарушение единства сербской культуры может быть выгодным, например для отдельных деятелей культуры, занимающих высокие посты. Они могут сослаться на то, что люди во всяком обществе взаимодействуют друг с другом вне зависимости от национальности. Эта истина неоспорима, и о ней нельзя забывать, но она не исключает права человека взаимодействовать со всем, что принадлежит к его нации. В этой двойственности и заключается сложность ситуации, в которой этническое не совпадает с государственно-правовым. В демократическом обществе должна быть возможность у всех представителей одной нации участвовать в общей культуре, так же как должно существовать культурное объединение граждан одной среды.

Чем лучше развита демократия, тем более простым, спонтанным и менее проблемным становится достижение этих целей, как нечто, что естественным образом вытекает из прав человека.

Также цельности сербской культуры не идет на пользу двойственность алфавита и произносительной нормы литературного языка. Из этого могут незаметно произойти тяжелые последствия: например, восточные и западные сербы могут перестать читать друг друга, что приведет к расколу в сербской культуре. Чтобы этого не допустить, необходимы мудрость и постоянная бдительность. Если мы будем делать исключения, неделикатно или небрежно относиться к этому вопросу, это может сыграть с нами злую шутку. Нужно, чтобы каждый серб понимал, что у его языка есть два алфавита, кириллица и латиница, и две произносительные нормы, екавица и иекавица, и все мы должны знать и любить оба алфавита и обе нормы и заботиться о них. На наших школах лежит ответственность за то, чтобы знание и понимание этого донести до каждого ученика, а наши деятели культуры должны объяснять это общественности.

Сербы — одна из немногих двуазбучных наций в мире. Кириллица является нашим традиционным алфавитом и одним из главных национальных атрибутов, а латиница — это новое приобретение, но уже прочно вошедшее в обиход. Очень важно, чтобы сербы в Боснии и Герцеговине и в Хорватии не отказывались от кириллицы и там были осуществлены программы по ее возрождению, но также важно, чтобы в самой Сербии не переусердствовали с утверждением кириллицы до того, чтобы Сербия лишилась бы латиницы. То, что все грамотные сербы одинаково владеют обеими азбуками, это драгоценный национальный капитал — ключ к двум важнейшим культурным традициям нашей эпохи. Но то, что сербы пользуются только одной или только другой азбукой, создает большую преграду, из-за которой люди, принадлежащие к одному народу, неминуемо отдаляются друг от друга. Конечно, это не значит, что пришло время пожертвовать одним из алфавитов, хотя не исключено, что в будущем такой вопрос встанет на повестке дня. На данный момент сторонники обеих азбук обладают аргументами, которыми нельзя пренебречь. Кириллицу защищает живая традиция в большей части Сербии, отношение к ней как к атрибуту нации, уважение даже в тех областях, где латиница более привычна, необходимость сохранения преемственности по отношению к

культурному наследию (включая и существующий книжный фонд), связь с русской культурой и с нашими македонскими согражданами и болгарскими соседями, совершенство вуковской кириллицы, которой удобнее писать по-сербскохорватски, чем латиницей, поскольку она не имеет диакритических знаков и двойных букв. На стороне латинского алфавита стоят наши связи со всеми культурами Центральной Европы и Америки, а также со всеми остальными странами за пределами Европы. Тут и деловые контакты, и потребность в том, чтобы иностранцы могли прочесть надписи, которые им встретятся в нашей стране. Есть и другие аргументы: это контакты с хорватами и мусульманами, а прежде всего тот факт, что среди значительной части сербов латиница укоренилась настолько, что возможность легко от нее отказаться исключена. Все это нас обязывает одинаково заботиться об обоих алфавитах. Каждый грамотный серб — а каждый серб наконец должен стать грамотным — должен быть подготовлен и приучен читать обе азбуки без труда и предрассудков. Только в этом случае наша двуазбучность станет драгоценным билетом в два больших мира, а не страшным ударом, который разделит надвое нашу культуру, чтобы и мы сами потом распались на две части.

Конечно, мы не можем радоваться тому, что экавица кое-где за пределами Сербии подвергается дискриминации, но это не должно побуждать нас делать то, что представляло бы собой насилие над языковой свободой личности и создало бы пропасть между сербами, использующими экавицу и иекавицу. С настоящего момента мы должны уважать право носителя иекавской нормы пользоваться ею в нашей среде²⁴ — на работе, при публикациях, в школе. Нужно и дальше развивать яркую традицию колоритной иекавицы. Что касается богатства языка, то остальным сербам всегда будет чему научиться из народных песен Вука Караджича, у самого Вука, у Негоша, у Любиши и Матавуля, у Шантича и Кочича, а также и у наших современников, которые активно участвуют в создании современной сербской литературы. Свежее дыхание иекавской речи должно присутствовать в наших школьных хрестоматиях, на страницах наших газет и в сербских изданиях. Иекавицу нельзя игнорировать ни в словарях, ни в грамматиках, ни в орфографических справочниках, которые в будущем будут у нас издаваться.

²⁴ Т. е. в экавской. — *Ред.*

Сейчас в Хорватии готовятся к изданию грамматические пособия, в которых не будет рассматриваться экзавица, но мы не должны следовать этому примеру. Все подобные справочники, которые будут издаваться в Сербии, должны быть подходящими для использования в любой сербской среде и даже за ее пределами.

Отрицательно могло бы сказаться не только стремление к изоляции Сербии, но и возможная изоляция сербов как народа в сербскохорватской языковой среде. Нет причины, по которой мы должны лишать себя преимущества культурной общности. Политику изоляции никогда нельзя было назвать проявлением мудрости. Следовательно, давайте не будем ни культивировать, ни кодифицировать существующие несовпадения в языке. Пусть язык останется открытым для влияний, хотя бы с нашей стороны, не требуя взаимности. В противоположность наивному мнению обывателей, при языковом заимствовании приобретает тот, кто заимствует. Это действие является шагом вперед и в вопросе расширения границ выразительных способностей языка, и в вопросе сближения с другими людьми. Если мы действительно хотим, чтобы окружающие к нам были близки, существует только один способ этому помочь: идти к ним навстречу, а не ждать, пока они сами это сделают. Мы не должны первобытно ошестиниваться на «не наше» слово. В тот момент, когда мы его примем, оно станет нашим. И будем помнить, как жалко бы выглядел наш язык, и любой другой язык культурного народа, если бы в нем были только исконные слова, без тех, которые были заимствованы. Давайте, следовательно, из других языков брать то, что обогатит наш язык, а другим предоставим право заимствовать у нас, если они сами этого захотят. Если кто-то решил обеднять свой язык, изгоняя из него сербизмы, то наши интересы (и наше достоинство) требуют от нас не следовать такому примеру. И значит, в будущем в наших газетах и журналах нужно избегать языковой адаптации текстов, которые были написаны авторами из других частей сербскохорватской языковой области.

Все, что было сказано, очевидно напоминает положения Новисадского договора. Конечно, этот договор уже не имеет законодательной силы, которая бы нас к чему-либо обязывала, поскольку другая сторона его разорвала, но его принципы, вне зависимости от нарушенного соглашения, подходят всем и полезны для каждого, кто их придерживается.

Нет также причин отказываться от конкретных плодов сотрудничества, которое установилось после Новисадского договора. Откровенно говоря, уступки, на которые пошла сербская сторона при принятии общей компромиссной орфографии, иногда представляли собой менее удачные решения, чем те, которые лежали в основе орфографических правил ранее. Но когда изменения уже проведены, когда аппарат образования и красные карандаши корректоров за целое десятилетие смогли приучить общественность к новой орфографии, было бы бессмысленно снова ломать привычки людей, создавать у них чувство неуверенности, а в орфографии путаницу. Вред от реформы орфографии гораздо больше, чем польза от мелких улучшений, которые бы мы могли получить, а кроме того, это привело бы к нежелательному отдалению от соседних республик. Что касается словаря двух Матиц, то этот труд очень важен для нашей культуры, несмотря на шероховатости в деталях, которые действительно имеются в уже изданных томах. Хорошо, что Матица сербская окончит это дело (судя по всему, качество в последующих томах улучшится), но когда словарь будет готов, нужно будет приступить к изданию меньшего по объему словаря, более простого в обращении и с большим тиражом. Целесообразность включения в данный словарь материала из хорватских источников может оспариваться, но ясно, что он должен охватывать весь лексический фонд, который используется сербами в литературном языке, где бы они ни жили. А также этот словарь должен соблюдать равноправие экавских и иекавских форм, и было бы разумно выпустить его в двух вариантах алфавитов.

Из рабочих задач, сформулированных в Новисадском договоре, только задача издания терминологического словаря для всех специальностей осталась невыполненной. Однако ее следует выполнить. Разумеется, не из-за утратившего актуальность договора, а потому, что подобные словари очень нужны нашему обществу. Эту задачу, саму по себе обширную и весьма сложную, мы в принципе можем выполнить сами более простым образом, чем если бы словарь создавался так же, как и Орфографический словарь и Словарь [двух Матиц], а именно путем запутанной и неэффективной паритетной процедуры, усложненной постоянным торгом и спором из-за частных. Однако это нас не освобождает от необходимости включать в словарь все слова, которые употребляются сербами, соблюдая равноправие двух произносительных норм,

а можно было бы издать его и двумя параллельными изданиями, кириллицей и латиницей, которые были бы во всем тождественны, кроме алфавита. Если бы наше поколение осуществило эту задачу, оно не только решило бы одну из своих проблем, но и оказало бы большую услугу потомкам, которым нужно было бы только отслеживать развитие терминологии, связанное с развитием наук. Кроме того, мы должны подумать о еще одной, не такой обширной, но все же важной задаче: о создании современных научных, но доступно написанных практических грамматик нашего языка для широкого круга читателей.

Языковые справочники, которые мы перечислили, были бы безусловно полезны и за пределами Сербии, и было бы эффективно, поскольку речь идет о коллективном труде, если бы над ними работали и ученые и учреждения из других республик. Пока что не видно перспективы, чтобы этим занялся кто-нибудь из Хорватии (кроме, может быть, тамошних сербов), но, вероятно, можно было бы рассчитывать на участие специалистов из Боснии и Герцеговины и Черногории. Вообще было бы обоюдно полезно любое сотрудничество по вопросам языка с каждым, кто желает этого сотрудничества. Это особенно актуально при создании терминологических словарей, весьма затратных и по материальным вложениям, и по использованию рабочего времени ведущих специалистов в каждой специальности, что делает невозможным их издание отдельно в каждой республике. Конечно, если желания сотрудничать не будет вообще, то любое давление не просто будет напрасным, но серьезно навредит.

Нам осталось затронуть самый деликатный вопрос: название нашего языка. Он одновременно и сербский, поскольку на нем говорят сербы, и сербскохорватский, поскольку на нем говорят и другие. В ежедневном неформальном общении он, конечно, будет продолжать называться просто сербским, а в узко научных филологических публикациях, особенно за границей, название «сербскохорватский» наверняка переживет все дилеммы и решения нашей эпохи. Однако после того, что произошло в Хорватии, остается необходимость уточнить, как нам называть язык в школах и на официальном уровне. (Конечно, у сербов в Хорватии больше не существует такой проблемы: на территории, где хорватский официально считается отдельным языком, для сербов остается только сербский.)

После выхода одного из партнеров из языкового содружества название «сербскохорватский» в некоторой степени стало менее пригодным, но научная обоснованность такого названия этим не была нарушена, поскольку фундаментальная тождественность сербского и хорватского языков является объективной данностью, а не субъективной опцией. Кроме того, это название удачно и потому, что на данный момент лучше всего отражает тот факт, что этим языком пользуется не одна нация. Гораздо важнее всех приведенных аргументов то, что это название остается залогом языковой общности Сербии с Черногорией и Боснией и Герцеговиной. Ни одной из этих республик не выгоден распад этой общности. Изоляция — самое худшее, что может произойти с каждой из заинтересованных сторон. Своим выходом из языкового сообщества мы бы только ухудшили положение этих республик и сами бы их подтолкнули искать решение в изоляции. Итак, поскольку языковое содружество, сотрудничество и взаимодействие остаются реальностью, есть смысл в том, чтобы продолжать использовать более широкое название, вопреки преимуществам, которое дало бы нам название «сербский» в качестве национального атрибута, освященного древней традицией, а также важного элемента самоутверждения нации в исторических событиях, которые мы сейчас переживаем. Однако если бы стало ясно, что языковое содружество нельзя сохранить, нам бы ничего другого не оставалось, как вернуться к названию «сербский», которое представляется единственным решением в случае подобного разделения.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

К разделу I: От истоков до Вука Караджича

А. Издания текстов

(в том числе с приложением описания их языка)

- Богишић Валтазар. *Народне ђјесме из сѣтаријих највише ђриморских зайиса*. Књига прва с расправом о «бугарштицама» и с рјечником. Београд, 1878.
- Божии Иван, Павићевии Бранко и Синдик Илија. *Пашићровске исјраве XVI–XVIII вијека*. Цетиње, 1959.
- Vego Marko. *Zbornik srednjovjekovnih napisa Bosne i Hercegovine*. Knj. I–III. Sarajevo, 1962–1964.
- Венцловић Гаврило Стефановић. *Црни биво у срцу*. Предговор и избор Милорада Павића. Београд, 1966.
- Витковић Гаврило. *Прошлосѣ, усѣанова и сѣоменици угарских краљевих Шајкаша*. Гласник Српског ученог друштва, 67. Београд, 1887.
- Витковић Гаврило. *Сѣоменици из будимског и ђеиѣанског архива*. I–II. Гласник Српског ученог друштва. Други одељак, књ. III и IV. Београд, 1873.
- Геземан Герхард. *Ерлангенски рукоиис срѣскохрвайских народних песама*. Сремски Карловци, 1925.
- Даничић Ђуро. *Књига Консѣанѣина Философа о ђравойису*. Старине ЈАЗУ, I. Zagreb, 1869.
- Jagić Vatroslav. *Grškovićev odlomak glagolskog apostola*. Starine JAZU, 26. Zagreb, 1893.
- Јиречек Константин. *Сѣоменици срѣски*. Споменик СКА, XI. Београд, 1892.
- Караѣић Вук Стеф. *Примјери срѣскословенскога језика*. Беч, 1857.
- Kukuljević Ivan Sakcinski. *Acta croatica, Listine hrvatske*. Zagreb, 1863.
- Маринковић Радмила. *Срѣска Александрида*. Београд, 1969.
- Мартиновић Нико, Ковијанић Ристо, Мијушковић Славко, Вуковић Чедо. *Предњегошевско доба*. Титоград, 1963.
- Miklosich F. *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosniae, Ragusii*. Viennae, 1858.
- Моѣин Vladimir. *Ќirilski rukopisi Jugoslavenske akademije*. I dio: Opis rukopisa. Zagreb, 1955. II dio: Reprodukciје. Zagreb, 1952.
- Никчевић Томица, Павићевии Бранко. *Црногорске исјраве XVI–XIX вијека*. Цетиње, 1964.
- Новаковић Стојан. *Законски сѣоменици срѣских држава средњег века*. Београд, 1912.

- Новаковић Стојан. *Примери књижевности и језика старијег и српско-словенског*. Треће изд. Београд, 1904.
- Орбин Мавро. *Краљевство Словена*. Београд, 1968.
- Остојић Тих., Ђоровић В. *Српска грађанска лирика XVIII века*. Београд — Сремски Карловци, 1926.
- Павловић Миливој. *Примери историјског развоја српскохрватског језика*. Београд, 1956.
- Пантић Мирослав. *Народне ђесме у записима XV–XVIII века*. Београд, 1964.
- Поповић Душан. *О Банаџу и станаовништву Банаџа у 17. веку*. Гласник историјског друштва у Новом Саду, IV, 1931.
- Поповић Душан, Богдановић Милица. *Грађа за историју Београда од 1717 до 1739*. Београд, 1938.
- Пуцић Медо. *Споменици српски* (II књ. Споменици српски). I–II. Београд, 1858, 1862.
- Радојчић Никола. *Закон о рудницима дејојџа Стефана Лазаревића*. Београд, 1962.
- Радојчић Никола. *Законик цара Стефана Душана*. Београд, 1960.
- Rački Fr., Jagić V., Črnčić I. *Statuta lingua croatica conscripta*. Zagreb, 1890.
- Ringheim Alan. *Eine altserbische Trojasage*. Prague — Upsal, 1951.
- Stari pisci hrvatski [kolekcija izdanja]. Izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti u Zagrebu.
- Стојановић Љубомир. *Мирослављево јеванђеље*. Београд, 1897.
- Стојановић Љубомир. *Старе српске ђовеље и ђисма*. Књига I, део 1–2. Београд — Сремски Карловци, 1929, 1934.
- Стојановић Љубомир. *Стари српски записи и најџиси*. 1–6. Београд, 1902–1926.
- Стојановић Љубомир. *Стари српски родослови и леџоџиси*. Сремски Карловци, 1927.
- Стојановић Љубомир. *Стари српски хрисовуџи, акџи, биографије, леџоџиси, џиџиџи, џомениџи, записи и др*. Споменик СКА, II, 1890.
- Fancev Fraňo. *Vatikanski hrvatski molitvenik i dubrovački psaltir*. Zagreb, 1934.
- Šurmin Đuro. *Hrvatski spomenici*. Sv. I (od godine 1100–1499). Zagreb, 1898.

Б. Прочие работы

- Албин Александар. *Језик новина Стефана Новаковића*. Нови Сад, 1968.
- Алексић Радомир. *Језик Маџије Анџуна Рељковића*. Јужнословенски филолог, IX–X. Београд, 1930–1931.

- Алексић Радомир. *Прилози историји кајавског дијалекта*. Јужно-словенски филолог, XVI. Београд, 1937.
- Белић Александар. *Историја српскохрватског језика*. Књ. II/1: Речи са деklinацијом. II/2: Речи са конјугацијом. Београд, 1969 (и неколико других изданиј).
- Белић Александар. *Основи историје српскохрватског језика*. I. Фонетика. Београд, 1960 (и неколико других изданиј).
- Белић Александар. *Учешће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских сјоменика*. Светосавски зборник, књ. I. Београд, 1936.
- van den Berk C. A. *Y a-t-il un substrat čakavien dans le dialecte de Dubrovnik*. 's-Gravenhage, 1957.
- Vaillant André. *La langue de Dominko Zlatarić*. 1–2. Paris, 1928, 1931.
- Vrana Josip. *Da li je sačuvan original isprave Kulina bana*. Radovi Staroslavenskog instituta, 2. Zagreb, 1955.
- Вукомановић Славко. *Језик Ситијана Марковића Маргитића*. Београд, 1971.
- Грицкат Ирена. *Белешке о језику Ђорђа Бранковића*. Зборник за филологију и лингвистику, XIII/1, 1970.
- Даничић Ђуро. *Рјечник из књижевних стјарина српских*. I–III. Београд, 1963–1964.
- Ђорђевић Ђ. *Маија Дивковић*. Глас СКА 52, 53. Београд, 1896, 1898.
- Ђорђић Петар. *Историја српске ћирилице*. Београд, 1971.
- Đorđić P., Hamm J., Belić A., Jonke Lj., Stevanović M., Hraste M. *Jezik srpskohrvatski (hrvatskosrpski)*. II. *Književni jezik*. Enciklopedija Jugoslavije, 4. Zagreb, 1960.
- Zelić-Bučan Benedikta. *Bosančica u srednjoj Dalmaciji*. Historijski arkiv, sv. 3. Split, 1961.
- Ивић Алекса. *Теодор Јанковић-Миријевски у одбрану ћирилице*. Јужнословенски филолог, XI. Београд, 1931.
- Ivić Pavle. *O značenju izraza lingua seruiana u dubrovačkim dokumentima XV–XVIII veka*. Зборник за филологију и лингвистику, XII. Нови Сад, 1969.
- Jagić V. *Život i rad Jurja Križanića*. Zagreb, 1917.
- Jagić Vatroslav. *Iz prošlosti hrvatskoga jezika*. Književnik, 1. Zagreb, 1864 (переиздано в: Izabrani kraći spisi Vatroslava Jagića. Zagreb, 1948).
- Jagić V. *Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*. Knjiga prva. Staro doba. Zagreb, 1867.
- Јовановић Владан. *Гаврило Стефановић Веницловић*. Српски дијалектолошки зборник, 2. Београд, 1911.

- Јовић Душан. *О језику Закона о рудницима дејсоија Сјнефана Лазаревића*.
Јужнословенски филолог, XXVII, св. 3–4. Београд, 1968–1969.
- Kemura S., Ćorović V. *Serbo-kroatische Dichtungen bosnischer Moslims aus dem XVII, XVIII. und XIX. Jahrhundert*. Sarajevo, 1912.
- Klaić Nada. *Historijska podloga hrvatskoga glagoljaštva u X i XI stoljeću*. Slovo, 15–16, 1965. S. 225–281.
- Kombol Mihovil. *Poviest hrvatske književnosti do narodnog preporoda*. Zagreb, 1945.
- Krstić Kruno. *Latinica kod Hrvata*. Enciklopedija Jugoslavije, 5, 1962.
- Куљбакин Ст. М. *Палеографска и језичка исуиийивања о Мирослављевом јеванђељу*. Сремски Карловци, 1925.
- Kuna Herta. *Jezik fra Filipa Laštrića, bosanskog franjevca XVIII vijeka*. Sarajevo, 1967.
- Kuna Herta. *Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*. Sarajevo, 1970.
- Leskien A. *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*. Heidelberg, 1914.
- Лесковац Младен. *Српска књижевност у Војводини пре Велике сеобе*. (В књиге: М. Лесковац. На нашој постојбини. I. Нови Сад, 1951.)
- Maretić Tomislav. *Istorija hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima*. Zagreb, 1889.
- Maretić T. *Jezik dalmatinskih pisaca XVIII. vijeka*. Rad JAZU, 209, 1915; 211, 1916.
- Maretić T. *Jezik slavonskijeh pisaca*. Rad JAZU, 180, 1910.
- Марковић Светозар. *Језик Ивана Анчића (босанског писца XVII века)*. Београд, 1957 (Српски дијалектолошки зборник, XIII).
- Matešić Josip. *Die Erlanger serbokroatische Liederhandschrift*. München, 1959.
- Медаковић Дејан. *Графика српских шћамјаних књига XV–XVIII века*. Београд, 1958.
- Milčetić Ivan. *Hrvatska glagoljska bibliografija*. Starine JAZU, 33. Zagreb, 1911.
- Mladenović Aleksandar. *Jezik Petra Hektorovića*. Novi Sad, 1968.
- Mladenović Aleksandar. *О графји и језику "Šibenske molitve"*. Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu, XII/1. Novi Sad, 1969.
- Младеновић Александар. *О језику лешойиса фра Николе Лашванина*. Научно друштво Босне и Херцеговине. Грађа, књ. X. Сарајево, 1961.
- Младеновић Александар. *О народном језику Јована Рајића*. Нови Сад, 1964.
- Младеновић Александар. *Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове вуковске стиандартизације*. Зборник за филологију и лингвистику, XII, 1969.
- Младеновић Александар. *Особине графје и језика јушойиса јайиријарха Арсенија III Црнојевића из 1682. године*. Зборник за филологију и лингвистику, VIII, 1965.

- Младеновић Александар. *Прилог ироучавању Орфелиновог језика*. Зборник за филологију и лингвистику, III, 1960.
- Младеновић Александар. *Прилог ироучавању развѣтика наше ћирилице*. Књижевност и језик, XIII, 1965.
- Mladenović Aleksandar. *Prilog proučavanju čakavskih rukopisa iz Dalmacije. II. Grafija i ortografija "Života sv. Jeronima"*. Зборник за филологију и лингвистику, VII, 1964.
- Mladenović Aleksandar. *Neka nenaučna tumačenja o narodnom jeziku prednjegoševske književnosti*. Jezik, XVI, sv. 5. Zagreb, 1969. На ту же тему: Jezik, XVII, sv. 5. Zagreb, 1970.
- Mladenović Aleksandar. *Fonetske i morfološke osobine Maruličevog jezika*. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, II. Novi Sad, 1957.
- Moguš Milan, Vončina Josip. *Latinica u Hrvata*. Radovi Zavoda za slavensku filologiju, 11. Zagreb, 1969.
- Nametak Alija. *Rukopisni tursko-hrvatskosrpski rječnici*. Грађа за повѣст хрватске књижевности, 29. Zagreb, 1968.
- Nikčević Vojislav. *Narodni jezik u crnogorskoj književnosti prednjegoševskog doba*. Jezik, XVI, sv. 1–2, 1968 [на эту же тему: Jezik, XVII, sv. 2, 1969; Jezik, XVIII, sv. 2, 1970].
- Pavešić Slavko. *Jezik Stjepana Matijevića*. Rasprave Instituta za jezik, knj. I. Zagreb, 1968.
- Павловић Драгољуб. *Сѣтарија југословенска књижевности*. Београд, 1971.
- Putanec Valentin. *Leksikografija kod Hrvata, Srba i Crnogoraca*. Enciklopedija Jugoslavije, 5, 1962.
- Radojičić Đorđe. *Ćirilica*. Enciklopedija Jugoslavije, 2, 1956.
- Радојичић Ђорђе. *Сѣара срѣска књижевности у средњем Подунављу од XV до XVIII века*. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, II. Нови Сад, 1957.
- Решетар Милан. *Бернардинов лекционар и његови дубровачки преписи*. Београд, 1933.
- Rešetar Milan. *Glavne osobine Gunduličeva jezika*. Rad HAZU, 272. Zagreb, 1941.
- Решетар Милан. *Дубровачки зборник од год. 1520*. Београд, 1933.
- Rešetar Milan. *Jezik pjesama Račinina zbornika*. Rad JAZU, 255. Zagreb, 1936.
- Решетар Милан. *Језик срѣскога молићвеника од године 1512*. Глас СКА, 176. Београд, 1938.
- Решетар Милан. *Најсѣтарија дубровачка ироза*. Београд, 1952.
- Решетар Милан. *Најсѣтарију Дубровачки говор*. Глас СКА, 201. Београд, 1951.
- Rešetar Milan. *Primorski lekcionari XV. vijeka*. Rad JAZU, 134, 136. Zagreb, 1898.

- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880–[1976].
- Ружичић Гойко. *Језик Петра Зоранића*. Јужнословенски филолог, IX, 1930; X, 1931.
- Скерлић Јован. *Српска књижевност у XVIII веку*. Београд, 1909.
- Станојевић Станоје. *Сјудије о српској дијалектологији*. Глас СКА, 90, 92, 96, 100, 106, 110, 132, 156, 157, 161, 169. Београд, 1912–1936.
- Stevanović Mihailo. *Gramatike. Srbija*. Enciklopedija Jugoslavije, 3, 1958.
- Сучевић Милован. *Језик у делима Доситеја Обрадовића*. Извештај Срп. прав. велике гимназије ср. карловачке за 1913–1914. Сремски Карловци, 1914–1921.
- Truhelka Ćiro. *Bosančica. Prinos bosanskoj paleografiji*. Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu, I (4), 1889.
- Unbegaun Boris. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris, 1935.
- Успенский Б. А. *Архаическая система церковнославянского произношения*. Москва, 1968.
- Fancev F. *Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie*. Archiv für slavische Philologie, 31, 32, 33, 1910–1912.
- Fancev Fraňo. *Jezik hrvatskih protestantskih pisaca 16. vijeka*. Rad JAZU, 212, 214. Zagreb, 1916.
- Hamm Josip. *Glagoljica*. Enciklopedija Jugoslavije, 3, 1958.
- Hraste Mate. *Gramatike. Hrvatska*. Enciklopedija Jugoslavije, 3, 1958.
- Čremošnik Gregor. *Srpska diplomatska minuskula*. Slovo, 13. Zagreb, 1963.
- Šepić Ante. *Jezik hrvatskih općinskih statuta istarskih i primorskih*. Rad JAZU, 295. Zagreb, 1953.

К разделу II: От Вука Караджича до наших дней²⁵

А. Работы общей тематики

- Babić Stjepan. *Htijenja i ostvarenja Novosadskog dogovora*. Jezik, XV, sv. 1, 1967.
- Barac Antun. *Hrvatska književnost od preporoda do stvaranja Jugoslavije*. I–II. Zagreb, 1960, 1964.
- Белић Александар. *Вук и Даничић*. Београд, 1947.
- Белић Александар. *Вукова борба за народни и књижевни језик*. Београд, 1948.

²⁵ Основная литература о Вуке Караджиче приводится после главы «О “Сербском словаре” Вука Караджича 1818 г.».

- Белић Александар. *Језичко јединство Срба, Хрватша и Словенаца код Буре Даничића и његових савременика*. Даничићев зборник. Београд — Љубљана, 1925.
- Белић Александар. *Око нашег књижевног језика*. Београд, 1951.
- Bogdanov Vaso. *Historija političkih stranaka u Hrvatskoj*. Zagreb, 1958.
- Brozović Dalibor. *Na putovima našeg jezika i nauke o jeziku*. Kolo, nova serija, 1, sv. 10. Zagreb, 1963.
- Brozović Dalibor. *O sadanjet času na kružnici jezičnog sata*. Kritika, 17. Zagreb, 1971.
- Brozović Dalibor. *Rječnik jezika ili jezik rječnika?* Zagreb, 1969.
- Brozović Dalibor. *Standardni jezik*. Zagreb, 1970.
- Brozović Dalibor. *Stanje i problemi u jugoslavenskoj lingvistici*. Titograd, 1969.
- Vince Zlatko. *Značenje Frana Kurelca kao jezikoslovca*. Rasprave Instituta za jezik, I. Zagreb, 1968.
- Vince Zlatko. *Filološke škole u razvoju hrvatskoga književnoga jezika*. Jezik, XVI, sv. 2–3. Zagreb, 1968–1969.
- Врховац Радивој. *Карактер и рад Буре Даничића*. Нови Сад, 1923.
- Вушовић Данило. *Прилози проучавању Његошева језика*. Јужнословенски филолог, 9. Београд, 1930.
- Guberina Petar, Krstić Kruno. *Razlike između hrvatskog i srpskoga književnog jezika*. Zagreb, 1940.
- Даничић Буро. *Ситињи списи*. Сремски Карловци, 1925.
- Ивић Милка. *Данашњи аспекти проучавања српскохрватског књижевног језика*. Зборник за филологију и лингвистику, IV–V. Нови Сад, 1961–1962.
- Ивић Милка. *Једно поређење Вуковог језика са нашим данашњим књижевним језиком*. Зборник за филологију и лингвистику, 1, 1957.
- Ivić Milka. *Problem norme u književnom jeziku*. Književnost i jezik, XII, sv. 3. Beograd, 1965.
- Ivić Pavle. *Za ravnopravnost, a protiv cepanja jezika*. Jezik, XVI, sv. 4, 1969.
- Илић Војислав. *Песнички језик Бранка Радићевића*. Нови Сад, 1964.
- Isaković Alija. *Varijante na popravnom ispitu*. Život, XIX, sv. 11–12. Sarajevo, 1970.
- Jagić Vatroslav. *Zasluge Vuka Karadžića za naš narodni jezik*. Zagreb, 1864.
- Janković Srđan. *Pogled na bosansko-hercegovački međuvarijantni jezički tip*. Pregled, 1, sv. 5. Sarajevo, 1967.
- Jonke Ljudevit. *Književni jezik u teoriji i praksi*. Zagreb, 1965. II izd.
- Кашић Јован. *Језик Милована Вудаковића*. Нови Сад, 1968.

- Кићовић Мираш. *Јован Хаџић (Милош Свеџић)*. Нови Сад, 1930.
- Koroman Veselko. *Uvlake gredu, a postole stoje*. Život, XIX, sv. 11–12. Sarajevo, 1970.
- Maretić Tomislav. *Ruske i češke riječi u khiževnom hrvatskom jeziku*. Rad JAZU, 108. Zagreb, 1892.
- Marković Svetozar. *Teorija i praksa u standardnom jeziku u Bosni i Hercegovini*. Život, XIX, sv. 11–12, 1970.
- Новак Виктор. *Вук и Хрватџи*. Београд, 1967.
- Павловић Миливој. *Улога и значај војвођанских њисаца у развијку српскога књижевнога језика*. Зборник за књижевност и језик, 1. Нови Сад, 1953 (1954).
- Петровић Драгољуб. *Прилог карактеризацији разлика између екавског и ијекавског књижевног језика*. Зборник за филологију и лингвистику, XIII/1. Нови Сад, 1970.
- Пешикан Митар. *Наш књижевни језик на сто година њослије Вука*. Београд, 1970.
- Скерлић Јован. *Историја новије српске књижевности*. Београд, 1953. 3 изд.
- Стевановић Михаило. *Стварање јединства књижевног језика Срба и Хрватџа и данашње стање њог јединства*. Наш језик, XVIII, св. 1–2. Београд, 1970.
- Hrvatski književni jezik i pitanje varijanata (zbornik)*. Zagreb, 1969.

Б. Словари, грамматики, справочници

- Andrić Nikola. *Branič jezika hrvatskoga*. Zagreb, 1911.
- Белић Александар. *Правоиис српскохрватског књижевног језика*. 1. изд. Београд, 1923; 2. изд. «према прописима Министарства просвете» 1930; Ново, допуњено и исправљено издање. Београд, 1950 (напечатано в 1952).
- Boranić Dragutin. *Pravopis hrvatskog ili srpskog jezika*. 1. izd. Zagreb, 1921. С 5-го издания (1930) до 7-го издания включительно «в соответствии с рекомендациями Министерства просвещения». С 8-го издания (1941) до 10-го (1951) вновь по первоначальным правилам.
- Broz Ivan. *Hrvatski pravopis*. Zagreb, 1892.
- Broz Ivan, Iveković F. *Rječnik hrvatskoga jezika*. I–II. Zagreb, 1901.
- Vuković Jovan. *Pravopis savremenog našeg jezika*. I dio. Sarajevo, 1952.
- Koriensko pisanje*. Priredio Hrvatski državni ured za jezik. Zagreb, 1942.
- Maretić Tomislav. *Hrvatski ili srpski jezični savjetnik*. Zagreb, 1924.

Maretić Tomislav. *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. 1. izd. 1899; 2. izd. 1931; 3. izd. (без стилистики) 1963.

Матица српска и Матица хрватска. *Правовиис срѣскохрваѣскога књижевног језика*. Нови Сад — Загреб, 1960 (и соответствующее издание латиницей: Matica hrvatska i Matica srpska. *Pravopis hrvatsko-srpskoga književnog jezika*. Zagreb — Novi Sad, 1960).

Матица српска и Матица хрватска. *Речник срѣскохрваѣскога књижевног језика*. I–III. Нови Сад — Загреб, 1967, 1967, 1969 (и соответствующее издание первых двух томов латиницей: Matica hrvatska i Matica srpska. *Rječnik hrvatskosrpskoga* . . . I–II. Zagreb — Novi Sad, 1967).

Rožić Vatroslav. *Barbarizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku*. U Zemunu, 1904.

О «СЕРБСКОМ СЛОВАРЕ» ВУКА КАРАДЖИЧА 1818 г.¹

І. МЕСТО КНИГИ В ИСТОРИИ

Без сомнения, из всех трудов Вука Караджича самый значительный — первое издание Словаря. Невозможно найти другое произведение, которое бы имело такое же огромное, фундаментальное значение в истории сербской культуры.

В Словаре 1818 г. сформулированы основы языковой и орфографической революции Караджича. Все, что предшествовало этому, было лишь его исканиями и колебаниями, а все позднейшие изменения — лишь ретушью некоторых частных. Определение основы нашего литературного языка занимает центральное место в деятельности Вука. Дело тут не только в основополагающей фундаментальности языка. Язык — материя, которая формирует литературу, как время — материя, которая формирует жизнь. Скажем конкретнее: языковая революция Вука сократила сербскому народу путь к грамотности (во всех смыслах этого слова). Это главное, что было сделано Вуком для демократизации нашей культуры. И сама народная поэзия, публикация которой в деятельности Вука занимает следующее место после правописно-языкового комплекса, приобрела невероятно много благодаря тому, что народный язык был положен в основу литературного. Если бы литературный язык остался славяносербским, произведения народного творчества имели бы другую судьбу в истории нашей литературы. На них смотрели бы как на дорогое и драгоценное наследие, которое, тем не менее, находится совершенно в стороне от главных путей развития. Только благодаря тому, что их язык лег в основу нашего литературного языка, и они смогли лечь в основу нашей новой литературы.

Язык — основное орудие культуры и всего человеческого сообщества. Орудие самое необходимое, универсальное и

¹ Этот текст представляет собой сокращенную и незначительно исправленную версию Послесловия из фототипического издания «Словаря» (Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 2. Београд: Просвета, 1966).

повседневное. Масштабы заслуг Вука Караджича определяет прежде всего тот факт, что он подарил нашему литературному языку оптимальную основу. Его язык был куда более эффективным орудием общества, чем современный ему литературный язык, который был заменен в этой функции вуковским. Более того, в тот исторический момент все другие типы возможных языковых решений были принципиально менее подходящими по сравнению с тем, что предложил Вук. Язык Вука имел простое и большое достоинство — он был легкий, рядовой серб его знал, главным образом потому, что знал свой родной язык. Славяно-сербский, напротив, нужно было учить, долго и обстоятельно, в школе и после нее. Однако опасность, что владение им останется несовершенным и изъяснение на нем всегда будет неуверенным и лишенным свободы, всегда существовала. Не говоря уже о том, что в этом языке не было нормы, как не было ни одного настоящего носителя, так как этот язык являлся механической и произвольной смесью двух или трех языков: церковнославянского, сербско-хорватского и иногда русского. Вук избавил поколения сербов от огромной траты усилий, которая бы понадобилась, чтобы каждый человек специально учил литературный язык. Кроме того, сербы получили литературный язык, на котором они могли выражаться естественно и непосредственно, не находясь в постоянном психологическом напряжении. И что важнее всего, были уничтожены все лишние преграды, которые стояли между сербскими массами и литературным языком. Этот язык больше не был привилегией немногих, которые имели возможности и средства для многолетнего обучения. Плебей, крестьянин и повстанец², Вук и в качестве культурного деятеля остался представителем самого передового крыла сербского общества.

Конечно, литературный язык по своей природе не может быть идентичен повседневной речи необразованного человека. Гораздо более широкий круг понятий и нюансов, которые литературный язык должен выразить, требует и более широкого запаса слов и оборотов. Но в славяносербском, кроме таких *нужных* отличий от бытового языка человека из народа, было еще много *не-нужных* отличий, таких, которые появлялись по той причине, что сама основа этого языка не была народной. Из-за этих различий,

² Участник восстания 1804 г. против турок. — *Ред.*

фонетического и грамматического характера, для человека из народа славяносербский был сложнее, чем литературный язык должен быть. Заслуга Вука в том, что он в корне устранил этот пласт излишних препятствий.

Революция, подобная революции Караджича, неизбежно влечет за собой нарушение преемственности, требует пожертвовать непрерывностью традиции. В целом это может снизить полезность такого шага и поставить под угрозу его конечный позитивный результат. Однако в случае Вука жертва была малозначительной в сравнении с выигрышем. Литературная продукция до того момента в основном не имела высокой ценности, либо была неактуальна, либо и то и другое вместе. Литературный язык был чем угодно, только не разработанным и совершенным инструментом выражения. Без внутреннего равновесия, в постоянном резком колебании, он не обладал выкристаллизовавшейся и нюансированной системой значений, о нарушении которой можно было бы жалеть. К тому же Вук мудро оставил свободным путь для введения тех церковнославянизмов, нехватка которых действительно ощущалась бы.

В связи с результатами работы Вука может появиться и появлялось в свое время еще одно сомнение. В довуковский период сербский литературный язык был тесно связан с русским языком, иногда настолько, что нелегко провести границы. Разрыв этой связи должен был снизить способность нашего литературного языка обогащаться заимствованиями из русского, а также должен был уменьшить непосредственность контакта между двумя языками. И это в момент, когда русская литература благодаря Пушкину, Лермонтову, Гоголю наконец вышла на мировой уровень. Однако в этом отношении развитие шло путем, которым его вела историческая неизбежность. Огромными были географическая удаленность и различия в исторических обстоятельствах, а тем более сами расхождения между двумя национальными языками. Поучительно, что и украинцы и белорусы, для которых упомянутые расстояния были несоизмеримо меньше, все равно сформировали свои отдельные литературные языки. Кроме того, сам русский язык во времена Вука окончательно отделился от церковнославянского, который до того момента служил сербам мостом к русскому языку. В XIX веке в целом не было условий для того, чтобы сербская культура непосредственно оперлась на

русскую через общий литературный язык, подобно культурной и языковой взаимности средневековых православных славян. Только это (разумеется, со многими оговорками) можно было рассматривать как возможный вариант с серьезными преимуществами. Все остальное, все, что находится в промежутках между этим решением и исторически обусловленным противоположным полюсом — литературным языком Вука, — было бы бесспорно бесполезно. Удовольствоваться смешанным славяносербским языком значило бы исключить себя из русского культурного сообщества и русского культурного пространства, а также упустить огромные преимущества, которые предлагает литературный язык на настоящей народной основе.

В общем и целом, история не оставляла большого выбора. Развитие сербского общества требовало, чтобы литературный язык был как можно более понятен массам, и славяносербский со временем становился все больше *сербским* и все меньше *славянским*. Дело Вука влилось в общее русло, что нисколько не умаляет его значения. Величие великих людей заключается как раз в том, чтобы успешно выполнить задачи, которые обозначила история. Вук при этом языковой вопрос решил более основательно, чем кто-либо другой на его месте, и к тому же радикально изменил орфографию.

Язык, который Вук ввел в литературу, впечатлил публику еще одной особенностью: кроме того, что он был народным, он был иекавским. Если для первого Вуку всегда было легко назвать объективные причины, в случае второго он испытывал трудности с мотивацией. Аргументы, которые он в конце концов постепенно собрал³, свидетельствуют о том, что настоящим мотивом был тот, который он сам упомянул вначале: он писал на иекавщине

³Иекавский диалект является самым распространенным у сербов; почти вся народная поэзия создана на нем: в нем различаются некоторые слова, которые на экавском пишутся одинаково (*йойјевати* [‘напеть’] и *йойијевати* [‘напевать’]); он ближе к церковнославянскому языку; он является диалектом дубровницкой литературы и таким образом объединяет православных сербов «с нашими братьями Римского закона» (Вук Стеф. Караџић. *Писма... о српском правопису, са особитијем додацима о српском језику*. У Бечу, 1845. В кн.: *Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића*, III, с. 155–156).

потому, что сам был иекавец⁴. Ему было легче и удобнее писать на своем родном герцеговинском наречии, и он от всего сердца желал, чтобы оно утвердилось в литературе. И тем самым он неожиданно поставил сербскую культуру перед еще одной новой проблемой. Правда, непосредственно перед ним напечатал текст на иекавице Савва Мркаль, серб из Хорватии, однако нужна была личность вуковского масштаба, чтобы в тогдашних обстоятельствах иекавица вообще попала в поле зрения как база для литературного языка⁵. Совсем не просто, тем более сегодня, по прошествии полутора столетий, судить о том, насколько введение Вуком иекавского говора было исторически оправданно. С точки зрения узко сербских потребностей может показаться, что не было. Главные культурные центры Сербии находились, как и сейчас, на экавской территории, в областях, экономически и политически наиболее активных, на севере Сербии и Воеводины. В этой среде не были готовы принять иекавщину. Это препятствовало борьбе Вука, а когда она была успешно завершена, создало раскол в литературном языке сербов, которые и по сей день пользуются двумя вариантами: экавским и иекавским. Вопрос в том, приняли ли бы западные сербы когда-нибудь экавское наречие, если бы не было Вука, и лучше ли было бы для всех сербов, если бы иекавский говор был принят везде. Наконец, нам может казаться, что избежать двойственности письма в литературном языке, а с ним и некоторых других неудобств можно было посредством введения отдельной буквы для ятя (напр. *ѣ* в кириллице и *ě* в латинице), которые бы читались по-разному в разных регионах. Вук был резко против этого, так как это нарушало его основной орфографический принцип точной корреляции между фонемами и буквами. Возможно, было бы уместнее, если бы Вук и здесь пожертвовал последовательностью, что он, в общем, часто и обоснованно делал. Однако Вук этого не сделал, а домыслы на тему «что бы было, если...» — не самый удачный подход к истории.

⁴ Предисловие к первому изданию «Словаря», стр. XVII.

⁵ Интересно то, что другой сербский автор, который повлиял на формирование Вука, когда он начал заниматься писательской деятельностью, Лука Милованов, был иекавцем. Родом из Осата, из Боснии, он свой «Опыт наставления к сербскому словоподобию» написал по большей части на иекавщине. Пример Мркаля и Милованова, без сомнения, подержал Вука в его решении писать на иекавщине.

Литературный язык, который Вук представил в «Словаре»⁶, соответствовал в основе тогдашнему говору Тршича. Из него декларативно были изгнаны книжные элементы, но практические причины помешали осуществить это в полной мере. В «Предисловии» и «Грамматике», которые вошли в «Словарь», нетрудно насчитать десятки слов, которых нет в самом словаре. С самого начала стало очевидно, что строить литературный язык только из элементов, присутствующих в народном языке, нереально. Существует множество вещей, о которых невозможно писать на основе выразительных средств, рассчитанных на быт пастухов и землепашцев. Вук изначально избегал говорить об этом, но позже, в предисловии к своему переводу Нового Завета, опубликованному в 1847 г., представил длинный список слов, которых нет в народных говорах и которые он тем не менее употребил в переводе данного текста. Некоторые из этих слов были церковнославянскими (частично с сербской огласовкой), тогда как другие создал сам Вук, стараясь как можно больше соответствовать принципам словообразования народного языка. Вук не был строг по отношению к словам, заимствованным из других языков, и даже доказывал необходимость присутствия некоторых турцизмов⁷. Ему был чужд пуризм — болезнь слабых, малодушных и боящихся за свое существование. В то время, когда слова «турок» и «враг» были почти синонимами, когда вечный притеснитель грозил опять отнять кровью завоеванные крохи сербской независимости, отношение Вука к турецким словам было свободно от ненависти и комплекса неполноценности. Так великий реалист Вук открыл путь для обогащения нашего языка из обоих возможных источников: заимствованием из других языков и в какой-то мере созданием неологизмов по образцам, уже существующим в языке. Это было крайне необходимо, поскольку в последующие времена быстрое развитие нашего общества приносило и продолжает приносить с собой тысячи новых понятий, а с ними и тысячи новых слов. Доля слов, которых нет в «Словаре» Вука, в обычном тексте, написанном сегодня для широкой публики,

⁶ Далее в тексте слово «Словарь» употребляется для обозначения первого издания «Словаря» (за исключением мест, где специально отмечено, что нужно понимать иначе).

⁷ Классическими являются его формулировки на стр. XX Предисловия к «Словарю».

часто превышает пятьдесят процентов. Благодаря направлению развития, заданному работой Вука, процесс быстрого расширения лексического фонда прошел без особых потрясений и без искусственного осложнения собственного положения, которое создает пуристическая позиция.

Язык первого издания Словаря, составленный исключительно на основе одного конкретного народного говора (говора Тршича), содержал, кроме других особенностей, и несколько инноваций, которые свойственны не всем нашим диалектам. Сюда относится последовательная утрата *х* в народных словах, так называемая новейшая или иекавская йотация (тип *ћераѣи* [‘гнать’, вместо *ѣјераѣи*], *ћевојка* [‘девушка’, вместо *дјевојка*]), изменение *мн* в *мл* (*млоги* [‘многие’] и др.) или в *вн* (*ѣавница* [‘темница’, вместо *ѣамница*]) и *мъ* в *мъ* (*сумъа* [‘сомнение’]). Эти изменения усложняли грамматическую систему и таким образом уменьшали ее внутреннюю однородность. Так, отсутствие *х* привело к аномалии, заключающейся в том, что именные основы могут заканчиваться на гласную (например, *ора* [‘орех’], *снаа* [‘сноха’], *сирома* [‘бедняк’]), тогда как все остальные изменения создавали, в основном, новые чередования согласных (*ѣи* : *ћ* в *леѣим* : *лећейи* [‘лечу — лететь’], *д* : *ћ* в *дијейте* : *ћейейта* [‘ребенок — ребенка’], *н* : *л* в *ѣуѣник* : *најамлик* [‘путешественник — наемник’], *м* : *в* в *ѣама* : *ѣаван* [‘тьма — темный’] и т. д.). В литературном языке нежелательно накопление явлений подобного типа: они делают его более тяжелым и менее практичным. Кроме того, эти особенности увеличивали дистанцию по отношению к сербскому литературному языку прошлого, а также по отношению к литературному языку остальных славянских народов, в том числе хорватов. Вук в своих более поздних работах отказался от этих языковых особенностей, так как во время своих путешествий на юго-запад уверился, что соответствующие старые формы (с *х*, без новейшей йотации, с *мн* и *мъ*) можно услышать в местных диалектах, главным образом в дубровницком и в говорах городских мусульман в Боснии и Герцеговине. Второе издание «Словаря» Вука полностью отображает этот пройденный путь. Формы, которые в первом издании фигурировали как основные или единственные, в этом издании толкуются через отсылку к формам с *х*, *ѣј*, *дј*, *мн* или *мъ*. Таким образом, Вук отступил от некоторых особенностей тршичского говора и изначально монолитной базы

литературного языка, но эта непоследовательность была очевидно оправдана. Кроме всего прочего, она облегчила хорватам приближение к вуковскому языку. Великий революционер был свободен от экстремизма. Он не следовал фанатично принципам, но зато был последователен в мудрости⁸.

В отношении орфографии Вук в «Словаре» также нашел наиболее приемлемый путь. Если по вопросу языка оптимальное решение заключалось в демократизации, в орфографии необходимо было применить фонологический принцип. В таких языках, как сербскохорватский, орфография наиболее эффективна, когда она воспроизводит то, что в действительности произносят, и при этом только те из явлений, которые служат для различения значения (и не отражает позиционно обусловленные фонетические нюансы, такие как различие альвеолярного *n* в *нада*, задненебного *n* в *банка* и переднего фрикативного *n* в *йензија*). Такая орфография имеет несомненное преимущество, как и литературный язык на основе народного: она простая. Ее не нужно специально учить, при письме достаточно положиться на собственное произношение, а при чтении придерживаться написанного. Это, конечно, облегчает задачу школьного обучения и расширяет круг людей, которые пишут в достаточной степени грамотно.

Борьба Вука за сербскую орфографию была частью общей для европейских (и многих неевропейских) народов коллизии, связанной с неадекватной графикой двух главных существующих европейских алфавитов. И победа орфографии Вука у сербов была в мировых масштабах первым и до сегодняшнего дня единственным полным успехом на этом фронте.

Ни латиница, ни кириллица не были созданы для потребностей современных языков: обе являются адаптацией греческого алфавита, измененного в соответствии с потребностями латинского и старославянского языков. Существенной разницей между ними является то, что латиница в основном сохранила греческий

⁸ В ходе последующего развития литературного языка были оттеснены на второй план или совсем устранены еще некоторые диалектные особенности, присутствующие в языке Вука, например утрата начального согласного в *чела* ['пчела'] или *йица* ['птица'], тип *йрийейи* ['терпеть'] (вм. *йрийейи*), тип *овијех* ['этих'] (вм. *ових*) и тип *нијесам* ['я не есть'] (вм. *нисам*) Эти исправления продолжили процесс, начало которому положил сам Караджич.

инвентарь букв, тогда как кириллица существенно расширила его, добавив около пятнадцати знаков. Это расхождение, корни которого лежат в относительной близости латинской и древнегреческой системы гласных и очень специфическом фонологическом характере старославянского языка, имело далеко идущие последствия. В языках, которые пользуются латиницей, основное неудобство проистекало из недостаточного числа существующих знаков. Поэтому приходилось прибегать к диграфическим и диакритическим решениям, чтобы обозначить фонемы, которых не было в латыни и которые присутствуют в современных языках. И напротив, перед народами, которые пользуются кириллицей, а это главным образом православные славяне, чаще всего стояла задача избавиться от лишних букв. Прежде всего от букв, механически перенесенных из греческого алфавита, таких как *ν*, *ω*, *ψ*, *ζ* (эти буквы, на самом деле, не были нужны и в греческом языке, по крайней мере на момент их заимствования в кириллицу). Кроме того, существовали и новоизобретенные буквы, создание которых было в свое время оправданно, но со временем потеряло свой смысл. Со времен солунских братьев фонологическое развитие славянских языков шло главным образом в направлении сокращения числа разнообразных гласных, так что отдельные буквы стали не нужны, однако на письме они обычно продолжали жить и после фонологической смерти соответствующего гласного (так у нас до Вука употреблялись *ѣ*, *ы*, *ѝ* и *ѷ*). Тем самым увеличивалась избыточность графической системы, сопровождавшаяся ненужным усложнением отношений между устной и письменной речью.

С победой революции Вука сербы стали первым славянским народом, который на корню ликвидировал этот пласт избыточности («сало толстого ера»⁹, как остроумно выразился Савва Мркаль — первый серб, который осознал эту проблему). Остальные славянские народы, которые пишут кириллицей, осуществили это только намного позднее. После тяжелого удара, который турецкое владычество нанесло сербской письменности, основанной на средневековых церковнославянских традициях, центр сербской культуры переместился в австрийские земли и самым непосредственным образом оказался подвержен влиянию иной, более сильной цивилизации. Реакция сербского общества на такое давление была

⁹ Буква *ѝ* по-сербски называется *дебело јер*, букв. «толстый ер». — *Ред.*

неоднозначной: с одной стороны, имело место сопротивление в стремлении сохранить национальную индивидуальность, с другой стороны — приспособление и усвоение достижений [новой среды], что еще раз резануло по и без того тонкой нити преемственности с нашим Средневековьем. В конце концов, в сербской среде потребность реформировать алфавит была очевиднее, чем где-либо еще, так как старый алфавит был особенно неподходящим для фонетической системы нашего языка.

Но заслуга революции Вука не только в том, что она была первой и показала путь другим, а в том, что задача, несмотря на ее трудность, была полностью и успешно решена. Особенности нашего языка делали избыточной еще одну, третью, группу традиционных кириллических букв. Это буквы типа *я* и *ю*, которые чаще всего обозначают один гласный и одновременно смягченность предшествующего согласного. В таких языках, как русский и болгарский, эти гласные имеют весьма полезную функцию, так как обозначают смягченные согласные, которыми богата фонетическая система этих языков. Но в сербскохорватском отсутствует целый ряд таких звуков (поэтому наш язык кажется *твердым*), а с ней и потребность в буквах этого типа. Вук изгнал эти буквы из сербской азбуки, но тем самым обострил проблему обозначения таких согласных, для которых в традиционной кириллице не было букв. Среди них прежде всего согласные *ћ, ђ, љ, њ*, которые в действительности не идентичны русским или болгарским смягченным согласным, но за неимением другого могли обозначаться с помощью буквы для смягчения — такая практика существовала в действительности. Вука не удовлетворило подобное половинчатое решение, и он ввел новые знаки для специфических сербскохорватских согласных, заодно избавившись от букв, обозначающих смягчение. Тем самым был создан совершенно новый тип кириллицы, без серии букв, обозначающих последовательность звуков. Именно этот разрыв с освященным веками обликом кириллицы, с ее фундаментальной специфичностью придает деятельности Караджича и в области алфавита не просто реформаторский, а революционный характер.

Азбука Вука полностью отвечает «духу» (то есть фонологической структуре) сербскохорватского языка, тогда как традиционная кириллица (с такими буквами, как *я* и *ю*) согласуется с особенностями русского и болгарского языков. Среди славянских языков, которые сформировались позже, белорусский и

украинский с определенными модификациями приняли традиционную кириллицу, а македонский алфавит представляет собой адаптацию азбуки Вука. С точки зрения различия фонетических систем этих языков, принятые решения оправданны во всех трех случаях. Славянские народы, которые пишут кириллицей, в основном удачно решили проблемы своих алфавитов: каждый язык имеет алфавит такого типа, который в наибольшей степени подходит его структуре.

К характеристике фонологической природы вуковской орфографии необходимо добавить два замечания. Одно из них имеет очень большое значение, так как касается написания практически каждого слова. Наша орфография совершенно игнорирует область просодических фонетических феноменов¹⁰, хотя в нашем языке они выполняют смысловозначительную функцию (ср., например, *сѣло* ['село'] : *сѣло* ['посиделки'], *зѣленім* ['зеленым'] : *зѣленім* ['зеленею'], *грѣд* ['город'] : *грѣд* ['град (осадки)'], *гѣдина* ['год'] : *гѣдинѣ* [род. мн. от *година*]). В прошлом в нашей орфографии существовало много прецедентов обозначения подобных фонетических фактов, и в эпоху Вука были сторонники этой традиции. Однако Вук отверг ее категорически. Нельзя отрицать, что он сильно погрешил против последовательного применения фонологического принципа, однако верно и то, что такое решение было более чем уместно. Различия гласных, на которых базируется новоштокавская система ударений и долгот, настолько тонки, что, несмотря на усилия школьного образования, почти никто, кроме лингвистов, не осознает их особенностей. Люди часто чувствуют, что существует «какое-то различие» в ударении между словами типа *сѣло* : *сѣло*, но ни сформулировать это различие, ни привести другие слова со схожей акцентуацией не могут. Таким образом, в сознании эти фонологические контрасты имеют совсем другой статус, чем сегментные фонемы (гласные или согласные), которые непрофессионалы не только с легкостью замечают, но и с легкостью описывают¹¹. Этим

¹⁰ Под этим термином понимаются ударения и долготы.

¹¹ Нетрудно понять причины этого явления. Просодические контрасты всегда носят относительный характер: долгий гласный относительно длиннее короткого, ударный гласный по тону относительно выше, чем безударный, нисходящий тон в конце относительно ниже, чем в начале. Относительность этих контрастов легче понять, если принять во внимание, что долгие гласные в быстрой речи часто намного короче, чем

сложности не исчерпываются. Ситуацию осложняют многочисленные акцентные дублеты, присутствующие во всех говорах, а еще больше диалектные различия. В говорах с новоштокавской акцентуацией, принципиально сходной с вуковской, обнаруживается множество расхождений в ударении в отдельных словах и грамматических формах. Кроме того, существуют обширные зоны с акцентуационными системами, существенно отличающимися от новоштокавской. Людям из этих областей практически невозможно научиться распознавать новоштокавские ударения, если они не получили специального лингвистического образования. Для них единственный путь овладения ударениями на письме — механическое заучивание акцентуации в каждом слове и грамматической категории. Все это Вук должен был знать или по меньшей мере чувствовать, когда он отказывался от обозначения просодических элементов в своей графической системе. Действительно, если бы просодические явления систематически регистрировались на письме, сербскохорватская орфография из самой простой в Европе превратилась бы в одну из самых трудных. Цена, которую заплатили за такое гигантское упрощение, мала по сравнению с выигрышем: при существующей орфографической системе отдельные слова и формы выступают как омографы и различаются только в контексте, хотя в речи настоящими омонимами не являются (*grād* ['город'] и *grād* ['град'], род. п. [от слова *рука*] *руке* и мн. ч. *руке* и т. д.).

Второе отступление Вука от последовательного фонологического принципа правописания меньше по масштабам и имеет не такое неоспоримое позитивное значение. В некоторых деталях, главным образом в связи с *и̑*/д и *ј*, Вук придерживается морфологического (или морфофонического) принципа, который требует, чтобы один морфологический элемент всегда писался единообразно, несмотря на разное произношение: *йод-* в *йодлийи* ['подлить'], а потому и в *йодсирийи* ['створжить молоко'], *ракиј-* в *ракија* ['ракия'], и соответственно в *ракијски* ['относящийся к ракии'],

краткие при размеренном произношении, или что низкий акцентный тон сопрано на самом деле выше, чем высокий тон баса. В отличие от этого контрасты между сегментными фонемами имеют, как правило, абсолютный характер. Так, *т* всегда произносится глухо, *д* всегда звонко, *н* всегда через нос и т. д. По этой причине различия между согласными или между гласными легко уловить.

хотя в действительности произносят *йойсириййи*, *ракиски*. Этот орфографический принцип применяется во многих языках, часто с несомненной пользой. Так, в немецком номинатив ед. ч. *Rad* 'колесо' и *Rat* 'советник' произносятся одинаково, но пишутся по-разному, в соответствии со звучанием форм во мн. ч. *Räder* и *Räte*. Таким образом, немецкое письмо устанавливает различие между словами, которые в устной речи не различаются. Но в нашем языке таких примеров нет. Поэтому польза, которую может принести морфонологический принцип, тут отсутствует. Ущерб же налицо: пострадала целостность драгоценного принципа: «На письме придерживайся произношения, и все будет хорошо». Люди теряют веру в критерий правильности и вынуждены заучивать списки случаев, в которых обнаруживаются отступления. Конечно, ущерб невелик, но все-таки это ущерб. Возможно, еще более плачевные последствия принесла попытка избавиться от него. Сознывая недостатки существующего правописания в подобных категориях, Александр Белич в период между двумя войнами предложил их устранить. К сожалению, время для реформы было не самое удачное. У сербов она была осуществлена, но хорватами она была воспринята как навязанная «сербская» особенность. История любит горькие шутки: объективно проблема была не в сербизме, а в рационализации, и тогдашняя хорватская орфография была настолько же «сербской», насколько и орфография Белича, потому что обе восходили к Вуку. Но в эпоху бурных националистических страстей хорваты отвергли ненавистное новшество, каким оно им казалось, и решительно остались при своем. Так результатом реформы стало возникновение еще одного различия. Когда составляли единый сербскохорватский орфографический словарь 1960 г., унификация вернула норму к вуковской традиции.

В заключение этого обзора трудно не согласиться: фундаментальная польза, которую языковая и орфографическая революция Вука принесла нашей культуре, совершенно очевидна, а слабые ее стороны имеют маргинальный характер и чаще всего оспоримы.

Известно, что Вук пришел к своим выводам о языке и орфографии не самостоятельно. Их ему при личном контакте постоянно внушал Ерней Копитар (который также не был их источником). В биографии Вука нет ничего, что бы свидетельствовало о его интересе к этому вопросу до встречи с Копитаром. С другой стороны, многое известно о более ранних и не слишком успешных попытках

Копитара заинтересовать других сербов языковой и орфографической реформой, как и о его благожелательном отношении ко всему, что делалось в этом направлении. О руководящей роли Копитара существуют прямые свидетельства в переписке с Вуком, и сам Вук открыто признавал, что Копитар «убедил» его «мало-помалу писать не только народную поэзию, но и слова и “Грамматику”»¹². Введение народного языка в литературу отстаивал ряд предшественников Вука, среди которых Захарий Орфелин и Доситей Обрадович. Именно в момент начала своей лингвистической деятельности Вук подружился с Саввой Мркалем и Лукой Миловановым, авторами работ, в которых предлагалась реформа сербского правописания и описывалась сербская акцентуация. Орфография и акцентуация, предложенные Вуком, непосредственно связаны со взглядами этих авторов. Из всех крупных работ Вука именно в первом издании Словаря роль Копитара наиболее значительна и разностороння, а идеи Мркаля и Милованова применены практически дословно. Копитара можно считать соавтором Словаря (во втором издании соавтором стал Даниич). Но каким бы парадоксальным это ни казалось, все это нисколько не умаляет историческую заслугу Вука. Она состоит не в каком-либо научном открытии, а в осуществлении культурной революции. А революция заключается не в приоритете формулирования идеи, а в усилиях по ее осуществлению. Поучительно посмотреть, что случилось с предшественниками и вдохновителями Вука. Орфелин и Доситей Обрадович, исполненные благих намерений и сознававшие потребность народа писать на своем языке, сами не умели писать на нем. Мркалю и Милованову не доставало силы характера, необходимой, чтобы посвятить свою жизнь борьбе за свои убеждения. Мркаль от своей позиции публично отрекся, а Милованов спился и отошел от дел. Даже сам исключительно одаренный и ученый Копитар имел со своими реформаторскими идеями больше успеха у сербов, где их претворил в жизнь Вук, чем в родной словенской среде.

Вук обладал личностными качествами, которые дают силу культурному революционеру, его собственная биография определила его преимущество над большей частью тогдашних сербских литературных деятелей. Молодость он провел в Сербии, турецкой и повстанческой, в среде, чуждой церковнославянской традиции.

¹² *Скупљени граматички и полемички списи Вука Стефа. Караџића. III, 66.*

Впоследствии он оказался в Вене, в романтически настроенной Европе, где чистый народный дух считался одной из высших ценностей. Так Вук по стечению обстоятельств перешагнул через Воеводину и ее славяносербский менталитет. Он, который изначально был в известном смысле ниже этого менталитета, внезапно оказался выше него. Таким образом, хорошее знание народного языка в нем соединилось с полной свободой от предрассудков по отношению к нему. Благодаря советам Копитара и своему глубокому уму и упорству Вук оказался готовым к этой великой исторической роли.

II. ИСТОРИЯ КНИГИ

Если мы хотим разобраться как следует в истории Словаря, то должны приступить к ее изучению так, как подобает в любой истории, — с предыстории. В нашем случае это значит прежде всего — с предшественников Вука на лексикографическом поприще, с того, что они сделали и что нет. А этих предшественников было одновременно и много, и мало. Если рассматривать сербскохорватский язык как единый, то можно считать, что Вуку предшествовала долгая и богатая традиция. Начиная с последнего десятилетия XVI века до первого десятилетия века XIX появился целый ряд лексикографических работ, созданных в приморских и кайкавских областях. Помимо прочего, среди них — восемь больших печатных словарей, известных под именами их создателей или редакторов: Вранчича, Микали, Габделича, Делла Беллы, Белостенца, Ямбрешича, Волтиджи и Стулли. Эти словари — обычно произведения трудолюбивых монахов — описывают язык «иллирийский», «далматинский» или «словинский» в его чакавском, штокавском и кайкавском вариантах и сравнивают его с латинским, итальянским, немецким и венгерским языками. Хотя лексикографическая ценность этих словарей была разной, все они в основном удовлетворяли потребности своей среды и эпохи и сегодня служат обильным источником материала по истории нашего языка и способствуют пониманию древних текстов. Однако в более узком кругу, к которому принадлежал Вук, в среде православных сербов, в области лексикографии не было сделано практически ничего.

Правда, в 1790 году в Вене вышел «Немецкий и сербский словарь», объемом в 719 + 326 страниц, но этот анонимный словарь, который приписывается школьному инспектору Теодору Аврамичу, по сути, не является словарем нашего языка. «Сербский» материал в нем в основном представляет собой смесь русского и церковнославянского, сербскохорватские слова включены в него лишь спорадически. Составленный таким образом, словарь впоследствии навлек на себя, по понятным причинам, критику исследователей нашего языка, и никто не уделил ему серьезного внимания. Но еще до выхода в свет данного словаря, посвященного митрополиту Моисею Путнику и, без сомнения, написанного с благословения митрополии, наш язык нашел отражение в другом лексикографическом труде. В Санкт-Петербурге в 1787 и 1789 гг. вышли два тома сравнительного словаря двухсот языков, который издал немецкий путешественник Паллас по инициативе императрицы Екатерины по материалам, собранным по ее приказу, а уже в 1789–1791 гг. появилось новое трехтомное расширенное и исправленное издание под редакцией Теодора Янковича «де Мириево». Этот видный серб, ранее директор всех сербских школ в Австрии, в то время занимал важную должность в системе российского посвещения. И в том и в другом издании наряду с «иллирийским» (который более или менее соответствовал дубровницкому диалекту) присутствует и «сербский» язык. В первом издании в «сербский» материал включено достаточно большое количество русских слов, которые чаще всего приводятся параллельно с сербскими формами. Восприятие же «иллирийского» затрудняет неумелая кириллическая транскрипция латинских оригиналов, выполненная без всякого знания латинической орфографии нашего Приморья и даже без понимания самого материала. Кропотливый Янкович во втором издании исправил большую часть ошибок в обоих «языках». После этого «сербский» и «иллирийский» стали более похожи друг на друга. И если на основании исходной версии словаря трудно было прийти к выводу, что эти два языка — в сущности один, то во второй версии это стало очевидным. Но даже несмотря на это, «Сравнительный словарь» не стал крупным достижением сербской лексикографии. Не только потому, что он вышел вдали от наших земель и не был общедоступным, но и из-за того, что материал в нем был ограничен: всего 285 слов. Таким образом, лексикографический корпус сербского языка XVIII века был

весьма беден. Объяснение этому легко найти в общей языковой дезориентации сербов в ту эпоху. В то время, когда границы между сербским, церковнославянским и русским были очень зыбкими и трудноуловимыми, не могло быть ясного представления о том, как должен выглядеть сербский словарь. Об этом ярко свидетельствуют те немногочисленные попытки, которые мы уже упомянули. А что касается более раннего времени, до XVIII века, то даже нет необходимости искать какое-то специальное объяснение: под ужасным гнетом турецкого ига невозможно было и думать о какой-либо лексикографии.

Таким образом, Вук, с чьим именем связано столько великих начинаний в истории нашей культуры, и на этом поприще был первым. Стимул, благодаря которому Вук посвятил свою жизнь этой работе, хорошо нам известен: и здесь, как и во многих других случаях, он действовал, вдохновленный Копитаром. Питавший глубокий интерес к Сербии, Копитар часто возвращался к идее, что было бы неплохо, если бы какой-нибудь серб реалистично описал свой язык, как с грамматической, так и с лексической стороны. Копитар исходил из научной необходимости, но не только из нее. Он хотел, чтобы стало общеизвестно, что сербы говорят особым языком, отличным от русского и церковнославянского, с которыми сербский язык не имеет особенной близости. Этот факт, широко известный сегодня, не выглядел неоспоримым в те времена, когда европейская славистика, еще только зарождающаяся, могла судить о сербском языке по текстам, которые сербы писали чаще всего не на своем языке. Копитар, понимая реальное положение вещей, верил, что разграничение языков способствовало бы отделению сербов от русских, как в культурном, так и в политическом смысле. Противоречивая личность, он одновременно был славянским и австрийским патриотом. О подобной комбинации мы сейчас можем думать что угодно, но Копитару она казалась вполне логичной, и он сделал ее ведущим принципом в своей общественной деятельности. Австрийский цензор славянских книг провел свою жизнь в убеждении, что можно быть полезным одновременно и Австрии, и славянству. По его мнению, Австрия выполняла историческую миссию объединения и просвещения славян, введения их в Европу. Австрия — огромная и единственная действительно цивилизованная держава с преимущественно славянским населением. Но австрийским интересам угрожали амбиции другого мощного

славянского государства, менее цивилизованного и совершенно чуждого Копитару, — России. Расширению влияния Австрии на славянском юге препятствовало, причем довольно серьезно, русское влияние на сербов. Связанные узами славянства и православия, сербы видели в России защитника и гаранта того, что сербство не пропадет. И так считали не только сербы с турецкой стороны Савы и Дуная. Именно австрийские сербы в XVIII веке приняли церковнославянский язык русской редакции для защиты от окатоличивания и германизации, а отчасти и как утешение в ситуации, когда австрийские верхи и чиновничество постоянно выражали свое презрение к сербской некультурности и примитивности. Копитар понимал, что не все складывается так, как он хотел, и по своему старался исправить положение. Он прилагал все усилия, чтобы австрийские власти вели себя более лояльно по отношению к сербам, а сербы положили в основу своей культуры народный язык, что отдалило бы их от русских. Но венские власти вели собственную политику и имели свои предрассудки, а сербы, которых Копитар встречал до Вука, или не хотели, или не могли взяться за выполнение великих задач в области языка. Именно поэтому Копитар так обрадовался, когда наконец нашел нужного человека, и поспешил рассказать об этом друзьям и общественности в письмах и рецензиях.

У нас нет доказательств, что Копитар посвящал Вука во все свои личные мотивы, — как, опять же, невероятно, чтобы эти мотивы остались надолго скрытыми от Вука. Впрочем, это и не так важно. Вук Копитара, безусловно, любил и уважал, но причины, по которым он последовал Копитару, должны были быть совсем иными, чем те, которыми тот руководствовался, убеждая его. Патриотизм Вука был иной, чем у Копитара, он имел гораздо более прочную основу. Это был не абстрактный славянский или тем более австрийский патриотизм, а просто сербский. Копитар открыл Вуку глаза на ту истину, что «любовь к роду своему» требует от него, Вука, посвятить себя описанию сербского народного языка, и Вук решительно взялся за дело.

Отдавшись таким образом языковой работе, Вук начал с меньшего, с грамматики. Его первая «Грамматика» вышла уже в 1814 году, и Копитар встретил ее рецензией полной похвал, призывая написать другую, еще более обширную грамматику, и вместе с ней — словарь сербского народного языка. Завершение

рецензии было довольно необычным: Копитар обещал «не только поискать, но и найти» Вуку издателя в случае, если он составит словарь. Это обещание стоило Копитару немалых забот, но он его честно исполнил.

О символическом начале работы над словарем мы знаем от самого Вука: «А для слов он принес мне целый сверток бумаги, каждый листочек в котором был разрезан на восемь частей»¹³. Копитар в письме от 3 сентября 1815 г. победоносно сообщает Добровскому: «Мой Вук сейчас работает над сербским словарем»¹⁴. Но все-таки Вук систематически начал работать не в Вене, а только в январе 1816 г. в монастыре Шишатовац. В этом фрушкогорском монастыре Вук провел в 1816 г. несколько месяцев как гость местного архимандрита, ученого литератора Лукиана Мушицкого. Здесь Вук завершил первую фазу работы над словарем: он собрал сербские слова, которые должны войти в словарь, записывая их по памяти и во время ежедневных контактов с местным населением. Но чтобы ничего не упустить, Вук пользовался и некоторыми словарями приморских и кайкавских лексикографов. Эту идею подал ему Копитар, отправивший ему словари. По переписке между ними и по первому «Объявлению» о словаре можно сделать вывод, что это были словари Микали, Делла Беллы, Ямбрешича, Белостенца, Волтиджи и Стулли. Эти словари можно было найти и гораздо ближе к Шишатовацу, в библиотеке Карловацкой митрополии, но Вук не хотел «просить помощи сербскому языку у его злейшего врага» (митрополита Стефана Стратимировича). Поэтому Копитар по просьбе Вука на свой страх и риск отправил драгоценные тома из своей личной библиотеки ненадежным «дилижансом» из Вены через Нови-Сад в Шишатовац. Вук изучал эти словари (а также уже упомянутый «Немецкий и сербский словарь» 1790 г.) от слова к слову, выписывал те, которые были ему знакомы, и пропускал незнакомые.

Эта встреча достижений хорватской¹⁵ лексикографии с начатками сербской, при поддержке и попечении великого словенца,

¹³ Скупљени граматички и полемички списи, III, 1896, с. 66.

¹⁴ Љ. Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924, с. 104.

¹⁵ Термин «хорватский» использован здесь в современном значении. Применительно к эпохе, о которой идет речь, он не точен. В то время, когда создавались перечисленные словари, название «хорватский» было

должна быть нам сегодня особенно дорога. Это был один из первых контактов трех народов на почве культуры.

Переписка Вука, этот главный источник наших сведений о том, как Словарь появлялся на свет, знакомит нас и с лексико-графическими проблемами, с которыми Вук столкнулся во время работы в Шишатоваце. Он просил у Копитара совета, стоит ли приводить наречия, образованные от прилагательных, возвратные глаголы, собирательные существительные, диминутивы и аугментативы. Обсуждали они и порядок словарных статей, причем Копитар настаивал на том, чтобы Вук строго придерживался алфавитного порядка, без группировки слов по корням и без вынесения турцизмов в конец книги. Вук рассказывал Копитару и о своих новых источниках материала: об одном помяннике, написанном двести лет назад, который он нашел «здесь, в одном монастыре» и из которого «выписал более 1000 сербских имен и мужских, и женских», и об одной старушке из окрестностей Крушеваца, от которой он записал более 50 песен с интересными диалектными особенностями¹⁶.

Выписывание и распределение слов по алфавиту прошло быстро; 17 марта Вук сообщил Копитару, что Словарь «уже через 10 дней будет готов» (то есть все слова будут распределены в алфавитном порядке) и что затем он хочет поехать в Сербию, чтобы собрать новые сведения о диалектах. Судя по тому, что Вук

распространено менее широко, чем сейчас. Поэтому авторы словарей не называли свой язык хорватским. Сам Вук называл эти словари «шокскими» (так в его время сербы называли католиков, говорящих на нашем языке).

¹⁶ Любомир Стоянович (*Живот и рад Вука Стефановића Караџића*, с. 92) справедливо заметил, что с этими диалектными формами Вук должен был познакомиться, когда служил в Краине в 1811–1813 гг., и что такие же формы употребила его приятельница из Неготина Сара Карапанджич. Кроме особенностей, которые подчеркивает Стоянович, язык ее писем содержит достаточно богатый репертуар и других черт косовско-ресавского диалекта (она *стари* ['тот старый'], энклитика вин. п. *не* ['нас'], *честь* ['честь', 'частый'], *несамъ* [я не есть], дат. п. *мене* ['мне'], энклитика дат. п. *ю* ['ей'], *одамно* ['давно'], инф. *йожалийъ* ['пожалеть'], инф. *йисайъ* ['писать'], *оййис-йи* ['уйти'], *юнастѣво* ['геройство'], *стѣарость* ['старость'], *явийе ни* ['сообщите нам'] и т. д.). Правда, эти черты перемешаны с воеводинскими, которые в то время считались престижными и изысканными. Но Вук вплоть до встречи с Копитаром не интересовался вопросами языка, а после нее стал презирать всякий язык, который ему казался не чисто народным.

приблизительно в середине апреля оказался в Сербии, эта фаза работы над словарем была завершена до этого времени. Но поездка Вука по Сербии очень быстро закончилась. Вук доехал от границы возле Митровицы до Белграда и вернулся через Земун назад. Кажется, что за тот месяц, который он провел в Сербии, Вук не обнаружил никакого стоящего диалектного материала. Но было ли это главной целью его путешествия, остается вопросом. Вполне вероятно предположение Миодрага Поповича¹⁷, что «Вук был причастен к заговорщицкой деятельности» и поехал в Сербию, чтобы по поручению повстанческой эмиграции выполнить некую тайную политическую миссию. Но ситуация в Сербии была весьма сложная и отнюдь не благоприятствовала участникам Первого восстания. С помощью турок Милош безжалостно расправился с повстанцами в стремлении освободиться от всех возможных противников в борьбе за власть. Как раз в середине мая 1816 г. состоялась жестокая казнь на Калемегдане Петра Молера и Радича Петровича, видных старейшин, которые играли важную роль при Карагеоргии. Нет доказательств, что Вук должен был передать сообщения эмигрантов именно этим людям, но известно, что это событие произвело на него тяжелейшее впечатление. Не осуществив своих диалектологических планов, Вук поспешил снова оказаться на австрийской земле. В начале июня 1816 г. он снова был в Шишатовце.

Следующая фаза работы над словарем состояла в переводе сербских слов на немецкий и латынь. Первоначально планировалось дать перевод на немецкий и итальянский. Такое обещание Копитар и Вук дали Павлу Соларичу, который вел подписку на Словарь в Приморье. Позднее это решение было изменено, что весьма расстроило и рассердило Соларича, утверждавшего, что внимание подписчиков привлечет именно перевод на итальянский.

Знание Вуком немецкого и латыни было недостаточным (латынь он учил в Шишатовце, во время своего пребывания там в 1816 г.). Вук и Копитар надеялись, что с переводом на немецкий Вуку поможет Мушицкий. Но этот писатель, исполненный великих планов, но так мало сделавший в жизни, не имел времени. Вся работа легла на плечи Копитара. «Я Вам говорил, — писал ему Вук в августе 1816 г., — что у Вас работы с Сербским словарем будет больше, чем у меня».

¹⁷ Поповић М. *Вук Стеф. Караџић*. Београд, 1964, с. 100–102.

И действительно, когда Вук в сентябре возвратился в Вену, начался продолжительный период совместной работы. Из писем Караджича Мушицкому мы узнаем, что они с Копитаром сидели в квартире Вука каждый вечер, сначала с шести до восьми, а позднее с шести до девяти, просматривая и обрабатывая материал для словаря. Вук объяснял значение каждого слова, а Копитар давал немецкий и латинский перевод. Это продолжалось до апреля 1817 г., когда работа над переводами была завершена. Таким образом, Копитар к своей роли вдохновителя и учителя добавил еще и неблагодарную роль соавтора, чье имя невозможно будет указать в книге. Его труды, вложенные в Словарь, остаются образцом жертвенной преданности идее и дружбе одновременно.

Письма Вука Мушицкому того времени исполнены триумфа. Никогда Вук не был таким вдохновленным и по-юношески воодушевленным, как в те дни, когда осознал свой шанс сделать что-то действительно великое и изо дня в день видел, как его труд растет и приобретает форму. Но и для интеллектуального роста Вука это был решающий период. Ежедневно находясь в непосредственном контакте с корифеем славистики, систематически изучая материал родного языка во всей его полноте, Вук, несомненно, выучил больше, чем когда-либо. Обращаясь к каждому слову, Копитар открывал ему все, что знал. А знал он действительно много. В многочисленных комментариях к отдельным словам видны следы знаний Копитара о разнообразных языковых явлениях, таких как, например, австрийские диалектизмы или новогреческие выражения. Сотрудничая с Копитаром, Вук систематизировал свои представления о старославянском языке и научился отличать его русскую редакцию от сербской, которую считал древнейшей. Тогда созрел и взгляд Вука на наш язык и правописание, и его языковое чутье кристаллизовалась в осознанное знание.

Но в одном будто бы Вук остался не уверен и после шести месяцев работы с Копитаром. Это был вопрос правописания. Его «Объявление о Словаре» весной 1816 г. было написано, разумеется, старой орфографией, но и «Второе объявление» весной 1818 г. не демонстрирует нам каких-либо изменений в этом направлении. Такой же оставалась и переписка Вука до середины 1818 г., и его статьи, опубликованные в начале этого года. Вук в то время уже точно представлял, какое правописание было бы лучшим для сербов, но и далее медлил, понимая, что новаторское правописание

может оттолкнуть от него сербскую публику. В то время, когда он только искал подписчиков и меценатов, он считал невозможным заявлять о новой орфографии. Но он думал об этом постоянно и размышлял над идеей ввести не только *љ* и *њ*, но и *ј*. В письме Мушицкому от 14 мая 1817 г. он говорит, что мог бы привести «тысячу примеров... свидетельствующих в пользу необходимости *љ*, *њ* и *ј*». Переписка Вука показывает, что по вопросам правописания в то время он консультировался с несколькими людьми — с Мушицким, Гершичем и Соларичем. В связи с этим можно предполагать, что это был постоянный предмет его бесед с Копитаром, мнение которого он ценил более других и с кем в Вене был в ежедневном личном контакте. Советы Гершича и Соларича оказались мало полезными, тогда как у Мушицкого Вук заимствовал форму буквы *ђ*. Однако точка зрения Мушицкого не была вполне определенной и конструктивной, Вук же все более склонялся к радикальному решению. И когда, в конце концов, весной 1818 г. дело дошло до публикации словаря, он отдал в типографию рукопись, написанную новой орфографией, в основе своей сохранившейся и теперь. Нам неизвестно, когда Вук внес изменения в рукопись, что, разумеется, доставило ему не мало хлопот. Вносилась ли эта правка в последний момент, когда Вук внезапно решил поступить по совести? Или, возможно, рукопись была изменена намного раньше, тайно от общественности и от друзей Вука?¹⁸

¹⁸ Вук известил Мушицкого об орфографии Словаря лишь в конце сентября или начале октября 1818 г. в письме, которое, к сожалению, не сохранилось, но о котором мы знаем из возмущенного ответа Мушицкого (*Вукова преписка*, II, с. 230), хотя Вук начал последовательно пользоваться новой орфографией еще в письме Мушицкому от 11/23 июня 1818 г. (а возможно, и в более раннем, но не дошедшем до нас письме). Предположение о сознательном утаивании подтверждает тот факт, что образцы словарных статей во «Втором объявлении» о Словаре (как и все объявления) были даны в старой орфографии, хотя объявление было опубликовано в марте 1818 г., непосредственно перед началом печати Словаря. Некоторые опечатки в тексте Словаря также можно предположительно трактовать как следствие того, что первоначальный текст был составлен в старой орфографии, а потом переделывался. Но в любом случае остается непреложным факт, на который указал Л. Стоянович (*Живот и рад Вука Стеф. Караџића*, с. 140): «Свою реформу алфавита Вук... тщательно скрывал от общественности до тех пор, пока Словарь не был напечатан».

Хотя Словарь был готов еще в апреле 1817 г., но в типографию он был сдан, скорее всего, только в апреле следующего года. Это время Вук использовал для написания Предисловия и Сербской грамматики, которые прилагаются к Словарю, а также для внесения дополнений и поправок. Впрочем, создается впечатление, что некоторые вопросы оставались нерешенными до последнего момента. Еще 13 (25) сентября 1818 г. Вук писал Мушицкому, что грамматика будет напечатана на немецком, но она все же вышла на сербском в ноябре того же года.

В связи со Словарем возникали и совершенно другие проблемы: сам его выход в свет был под вопросом. Вук и Копитар преодолели все препятствия после долгой и мучительной борьбы, которая требовала огромной настойчивости и терпения.

Прежде всего нужно было найти средства на издание книги. Это было объемное произведение, сложное для набора, неизбежно дорогое и с трудом продаваемое. Правда, значение такого произведения давало надежду, что его будут покупать — из патриотизма и любви к литературе, а может быть, и для практической пользы. Сербской публике Словарь мог послужить источником информации не только о собственном языке, но и о немецком и латинском, которые тогда в Австрии господствовали не только в административной, но и в культурной жизни, а что касается немецкого, то и в сфере экономики. Поэтому Вук рассчитывал на подписчиков — людей, которые своей предоплатой, по сути, кредитовали издание книги. Но хотя он организовал широкую сеть сборщиков подписки и развернутую агитацию, Вук не мог найти достаточно подписчиков, чтобы покрыть расходы на печать. Сербский культурный рынок, на котором и сегодня столь полезные издания не могут появиться без поддержки, тогда был еще меньше и беднее, чем в наши дни. А многие выжидали, откладывая решение до выхода книги. Таким образом, Вук был вынужден искать меценатов. Это была нелегкая работа — поиск помощи у людей, у которых есть возможность помочь. Тут было и унижение, и разные перипетии, и неопределенность до последнего момента. Печален и сам по себе список знатных благотворителей, которые в конце концов нашлись. Удивительный парадокс, но выход книги, которая демократизировала сербскую культуру, поддержал богатый из мещанского сословия и два горделивых феодала, ярые противники демократизации. Арумын Теодор Тирка, венский торговец, дал пять тысяч форинтов по

рекомендации своей жены, расположением которой пользовался хромой писатель [т. е. Вук]. Вклад Тирки был самым большим, он сыграл решающую роль, за что и Вук, и сербская культура остались у венского купца в вечном долгу. Впрочем, Тирка и в роли мецената сумел избежать денежных потерь. Он не подарил свои форинты, как это сделали другие благодетели и как можно заключить из слов Вука¹⁹. Тирка одолжил деньги с тем условием, что после выхода книги из печати тираж будет принадлежать ему и его продажей он покроет свои затраты. Что же касается знатного дворянина и крупного землевладельца из Поморишья Саввы Текелии, давшего 500 форинтов, и митрополита Стефана Стратимировича, кульпинского помещика, чей дар составил 300 форинтов, то они пожертвовали из тщеславия, а также потому, что их заинтересовали объявления Вука о словаре, которые предвещали во многом другую книгу. К этому присоединился, по крайней мере у Текелии, искренний патриотизм. Текелия понимал, что первый сербский словарь, несмотря ни на что, — это дело, которое нужно поддерживать. Одного имени, однако, нет в списке, хотя оно должно было бы там быть. Князь Милош Обренович, к которому Вук обратился в уверенности, что тот должен оказать помощь такому предприятию, и который даже обещал помочь, не счит нужным выделить средства из своей казны, хотя она уже тогда начинала пополняться сборами подушной подати со всего белградского пашалыка. В то время как вопросом материальной поддержки должен был заниматься сам Вук, поиск издателя в основном стал заботой Копитара. Проблема была не простой: в Австрийской монархии только типография в Буде имела разрешение на печать сербских книг, а в ней, по инициативе митрополита Стратимировича, было запрещено печатать книги орфографией, отличной от принятой в то время. Это был замкнутый круг. Сознывая серьезность ситуации, Копитар заблаговременно начал искать решение, пользуясь своими многочисленными связями и положением цензора славянских книг. Он уговаривал отдельных венских издателей получить разрешения на печать сербских книг и писал по этому вопросу служебные записки в соответствующие инстанции. Но типографов или не удавалось склонить на свою сторону, или впоследствии они, испугавшись, передумывали, а государственные органы были до

¹⁹ Предисловие к Словарю, с. XV.

невозможности медлительны, даже в случае положительного отношения к делу. После завершения подготовки Словаря к печати потянулись месяцы, полные забот и беспокойств, пока вдруг неожиданно проблема не разрешилась. В Вене существовала типография монаха-мехитариста, армянина-католика, которая издавна имела право печатать книги на всех восточных языках. Копитар вовремя вспомнил монаха и тот факт, что и сербский язык может пройти как восточный. Барьер был преодолен.

Набор текста начался, видимо, в марте 1818 г. и продолжался, не без известных задержек, до поздней осени. Первым был напечатан сам Словарь, в то время как разделы с римской пагинацией в начале книги были отправлены на печать позднее. В конце ноября печать была завершена, а уже в начале декабря Вук отправился в свое знаменитое путешествие в Польшу и Россию, оставив словарь Тирке для распространения.

Тирка не проявил расторопности в распространении экземпляров Словаря. В начале 1820 г. все еще были подписчики, которые жаловались и протестовали, потому что не получили книгу. Но еще более громкими были протесты тех, кому она попала в руки.

Три момента в Словаре могли вызвать негодование у сторонников старого направления в литературе: народный язык, очищенный от церковнославянских элементов, революционная орфография и иекавский диалект. Однако, когда появился словарь, самый громкий шум поднялся не из-за этого²⁰. Наибольшее внимание и практически общее негодование в сербском обществе вызвали две третьестепенные детали: латинская буква йот (*j*) в вуковской кириллице и многочисленная нецензурная лексика. Вина за эти два ошибочных шага лежит, вероятно, на Копитаре, который не отличался тактом и не был силен в тактике. Он посоветовал Вуку ввести букву *j*, отчасти желая отделить сербскую азбуку от православной традиции, а отчасти питая иллюзорную надежду, что все южные славяне в конце концов примут задуманный им некий комбинированный латинско-кириллический алфавит, чему введение йота в южнославянскую кириллицу, несомненно, способствовало бы. Буква для обозначения звука [j] действительно была крайне необходима нашей кириллице, но когда Вук вводил эту букву, в его распоряжении было

²⁰ Эти моменты, конечно, тоже вызывали возмущение; особенно частым объектом критики была орфография.

несколько знаков, которые широко употреблялись в то время, а в результате его реформы остались без применения. И если бы Вук выбрал вместо *j* какую-нибудь из этих букв, например *i*, *ï*, *й* или *ь* (из которых первая, несомненно, была бы наиболее подходящей), то он избежал бы обвинений в «окатоличивании» сербской азбуки, которые его упорно преследовали десятилетиями, давая козыри в руки его противников²¹. Правда, этот аргумент не мог произноситься вслух, он распространялся полупрошепотом, но имел большую силу в сербском обществе, в то время все еще напуганном австрийскими попытками перевода сербов в католичество и лишения их национальных прав. Есть основания полагать, что именно Копитар посоветовал Вуку внести в словарь слова, которые обычно избегают в приличном обществе, и, конечно, в силах Копитара было отговорить Вука от внесения этих слов. Но Копитар этого не сделал. Он, конечно, считал, что для науки необходим полный список всех слов в языке, а может быть, и был не лишен определенного озорства. Но приходские священники, уважаемые торговцы и прочие граждане, имена которых значатся в числе подписчиков, восприняли это совсем иначе. Несомненно, в хоре поношений голос лицемерия был самым сильным, но, конечно, было тут и искреннее недовольство множеством слишком сильных выражений в книге, которую многие заказывали для того, чтобы по ней учить своих детей.

Так непредусмотрительность Вука и Копитара дала возможность противникам реформы заклеить словарь перед неопытной сербской публикой. Вместо того чтобы говорить о важных нововведениях, которые книга вносила в сербскую культуру, и выражать свое отношение к ним, все повсюду рассуждали о мелочах, без которых Словарь вполне мог бы состояться²². Настоящих оценок

²¹ Как ни парадоксально, но буква *j* существовала в рукописной кириллице до Вука как вариант знака *i* (который был полноправным членом кириллического алфавита), причем не только у сербов, но и у русских. Однако это не было известно ни Вуку, ни его противникам: утвердилось мнение, что Вук перенял *j* из латиницы, а не из кириллических рукописей XVIII века. Этот вопрос разъяснила работа Александра Младеновича (*Знак «j» у ѿрсеѿекѿиви ѿредвуковског ѿриличког ѿравойиса*, Годишњак Филозофског факултета, VII. Нови Сад, 1962–1963, с. 45–52).

²² Через много лет противник Вука Йован Хаджич со своей точки зрения так описал в «Решительном возражении (*Уѿук*) III» (1846) реакцию сербов на словарь: «Сербь, в особенности после выхода Словаря (1818 г.),

никто, в общем, и не высказывал, все выражали только эмоции. Стратимирович, который перед появлением Словаря не высказывал своего отрицательного отношения и считал необходимым войти в число его покровителей, после выхода книги понял, что настало время для контрнаступления. Правда, жалоба в полицию по поводу «сквернословия» в Словаре не смогла уничтожить книгу, но высказанные обвинения свели к минимуму тот эффект, который Словарь должен был произвести между сербами. Одобрительные слова слышались редко, но и они были скрыты в личных письмах, в разговорах с глазу на глаз.

В то время как Словарь переживал такую неудачу на родине, во всем мире он пользовался признанием и успехом. О нем с воодушевлением писал Гримм, им пользовался в своих трудах Добровский, им восхищались русские и польские ученые, которым Вук представил свой труд. Для ученой Европы Словарь стал источником сведений о сербском языке, главным и почти единственным. Вместе с изданием народных песен словарь обеспечил Вуку всемирную известность. Старое изречение гласит: «Нет пророка в своем отечестве». Действительно, великие люди часто бывают лучше поняты на чужбине, чем в своей стране, но правда и то, что слава обычно все же находит дорогу, хотя и окольную, к той среде, откуда родом великий человек.

Для сербов первое издание Словаря никогда не стало нормативным справочником, к которому они бы ежедневно обращались за помощью. До победы реформы Вука большинство образованных людей смотрели на него с недоверием, а учащейся молодежи это издание не могло попасть в руки из-за непристойных слов. Позднее, собственно говоря, практически одновременно с окончательным

возмущались, что Вук в своем изложении не соблюдает норм приличия, выражается непристойно, что оскорбляет нравственное чувство и приличествует лишь свинопасам и пастухам, а не писателям, которые являются учителями молодежи и народа. А он (т. е. Копитар. — П. И.) представил все в ином свете и уверяет иностранцев, что сербы и сербские писатели на него негодуют за то, что он пишет на простом сербском, и называют этот простой народный язык языком свинопасов и пастухов; а иностранцы, хотя и весьма ученые, думая, что так и есть, составили о нем и обо всем прочем совсем иное мнение, не соответствующее действительности» (*Скупљени граматички и полемички списи* Вука Стеф. Караџића, III, с. 224–225).

успешным поворотом в вуковской борьбе, появилось и второе издание Словаря, более полное и очищенное от нежелательных выражений. Это издание сразу же стало библией для сербских филологов.

Новации в языке и в орфографии, введенные в первом издании Словаря, стали постоянными атрибутами языка последующих трудов Вука. С каждой новой его статьей, а впоследствии с каждым текстом его последователей они оказывали все большее воздействие на публику. Конечно, первое издание Словаря еще не принесло победу, но в нем была сформулирована программа, которая привела к успеху. Это не был триумф, но, издав Словарь, Вук поднял знамя, под которым после долгой борьбы наконец была одержана победа.

III. ПРЕДИСЛОВИЕ К СЛОВАРЮ

Предисловие к Словарю, по крайней мере частично, было написано в то время, когда книга была в основном напечатана, то есть в последний момент. Предисловие Вука не является цельным текстом, оно представляет собой набор основных положений, полемических рассуждений, сообщений технического характера и дополнительных деталей, о которых автор вспомнил в последний момент. И все же, благодаря своим ключевым фрагментам, Предисловие вошло в ряд тех деклараций, которые предвещают новые исторические эпохи.

В начале Предисловия формулируется проблема сербского литературного языка таким образом, как ее видели Копитар и Вук. Здесь мы находим все основные положения их программы: о самобытности сербского языка, о том, что он заслуживает, подобно другим языкам, права войти в литературу, о недопустимости смешанного славяносербского языка, о том, что Доситей Обрадович первым высказался о необходимости писать на народном сербском языке, но это до сих пор не осуществилось. Самым ощутимым для противников аргументом стали приведенные Вуком средневековые сербские тексты, написанные на церковнославянском языке без русизмов, что доказывало, что «славянский» язык русского извода не был древним, неиспорченным языком самих сербов, как полагали при дворе митрополита в Карловцах. Хотя

некоторые из этих мыслей встречаются и в ранних сочинениях Вука, а тем более у Копитара, это был первый программный манифест Вука о языке, к которому присоединилось и обоснование нового правописания. С научной точки зрения аргументы Вука очень точны даже по сегодняшним меркам: немногочисленные неточности в деталях (например, об *ω* в Польше и Краине — в этом случае наверняка сам Копитар упростил ситуацию, чтобы избежать долгих разъяснений), о гласном *ы*, который неоправданно отождествляется с немецким *й* и венгерским *й*, или о том, что в «славянском» языке слова *Господь*, *радость* и др. произносятся как *госпођ*, *радосћ* и т. д., или что в греческом отсутствуют звуковые группы *ja*, *je*, *ju*.

Весомые аргументы Вук выдвинул против «г. рецензента», который раскритиковал Словарь еще до того, как он появился, основывая свои нападки на написанном с чрезмерным пылом объявлении Копитара о словаре. Эта рецензия, скорее всего, была написана в кругу митрополита Стратимировича, его протосингелом Храниславом. Она была напечатана в *Oesterreichischer Beobachter* за 1818 г. и в газете «Новине сербске» Давидовича за этот же год. Здесь восхвалялся «славянский» язык как исконный и чистый сербский и принижался народный сербский язык того времени как засоренный словами из других языков. В ответе Вук полемизировал только с теми местами в рецензии, которые касались лично его, Копитар же ответил рецензенту в целом.

Предисловие Вука содержит диалектную классификацию сербского языка, основанную на точных, но немногочисленных наблюдениях. Три диалекта, которые выделяет Вук, и сегодня представлены в списке штокавских говоров (герцеговинский = восточногерцеговинский или младший герцеговинский, ресавский = косовско-ресавский, сремский = шумадийско-сремский или шумадийско-воеводинский диалект). Рефлексация *я*тя, лежавшая в основе этой классификации, была выделена еще до Вука как первостепенный диалектный признак и сегодня считается одним из основных критериев классификации штокавских говоров. Правда, в новое время вместе с этим признаком обычно учитывается и акцентуация, которую Вук не упомянул, хотя это самая значительная особенность, отделяющая ресавский говор от сремского. Впоследствии исследователи неоднократно обращались к этому несколько загадочному игнорированию

Вуком ярчайших различий в диалектной акцентуации. Предполагалось, что он об этих различиях сознательно умалчивал, потому что они нарушали его картину единства и «общей правильности» нашего языка, а возможно, он не мог точно определить характер ударений. Краткая глава о диалектах показывает, что Вук систематически не записывал звуковые и грамматические особенности диалектов. Это характерно и для последующего периода его деятельности, исключение составляет только его поездка по юго-западным областям в 1834–1835 гг. В целом диалектологические наблюдения Вука чаще всего ограничиваются записью слов²³. То, что диалектная классификация в основном произведена удачно, — заслуга предшествовавшей традиции и рассудительности Вука. Он умел из массы своих впечатлений, накопленных в ходе общения с людьми, выделить самое важное. Конечно, эта классификация неполная, потому что в ней нет ни слова о диалектах, на которых говорят за пределами Воеводины или Сербии времен Первого восстания²⁴. Замечено, что здесь опущен икавский диалект, который Вук упоминал еще в 1814 г. в первой «Грамматике» («славонский говор»). Александр Белич²⁵ объяснил это тем, что Вук к моменту написания Предисловия познакомился со словарями хорватских лексикографов. Он ожидал увидеть в этих словарях последовательную икавицу, однако обнаружил больше иекавского и экавского материала, чем икавского. В результате у него создалось впечатление, что икавица не настолько распространена, насколько он предполагал вначале. Не исключено, что Вук по тактическим причинам сознательно оставил в стороне «сербов римско-католического вероисповедания». Возможно, он предполагал, что широкое внесение «хорватских»

²³ Незнание действительного положения вещей, наряду с пристрастностью, лежит в основе частых заблуждений Вука в том, что воеводинские диалектизмы — это порча языка, в которой виноваты писатели. Хотя Вук часто бывал в Воеводине, он никогда не пытался поближе узнать особенности воеводинского говора. Правда, в Воеводине он больше всего времени проводил в Среме, а тамошний диалект менее специфичен.

²⁴ Остался неотмеченным, наряду с другими, призренско-тимокский диалект, на котором говорят на юго-востоке Карагеоргиевской Сербии (в областях возле Алексинаца и Гургусоваца, нынешнего Княжеваца).

²⁵ О Вуковим погледима на српске дијалекте и књижевни језик. Глас СКА LXXXII (1910), с. 137–140; Вукова борба, с. 109–111.

особенностей стало бы аргументом в руках тех, кто изображал Вука как орудие «окатоличивания» сербов. Бросается в глаза и то, что среди подписчиков Вука практически не было католиков — носителей нашего языка. Среди подписчиков есть словенские друзья Копитара, чех Добровский, поляки Линде и Бантке, немцы Бишинг и Фатер, но если посмотреть, кто из подписчиков был из Дубровника, Загреба, Задара, Скрадины, Шибеника и Сплита («Шпалатара»), то выяснится, что оттуда были только православные сербы, в основном торговцы. Но самая главная причина того, что Вук не указывал икавские формы наравне с формами трех остальных диалектов, кроется в том, что он недостаточно хорошо знал икавицу и поэтому не мог дать слова в икавской форме без опасности ошибиться.

Важно отметить, что в Предисловии встречается значительное число слов, которых нет в самом Словаре, то есть тех, которые не употреблялись в народе: *дйлома* ['диплом'], *грамайика* ['грамматика'] (и *грамайик*, *грамайически*), *сйисаиель* ['писатель'], *йредговор* ['предисловие'], *својство* ['свойство'], *рјечник* ['словарь'], *орѳографија* ['орфография'], *самогласно слово* ['гласная буква'], *йолугласно слово* ['согласная буква'], *йрилагаиельно име* ['имя прилагательное'], *сравнииельни сйейен* ['сравнительная степень'], *европейски* ['европейский'], *йоейически* ['поэтический'], *рецензија* ['рецензия'] (и *рецензент*), *смисао* ['смысл'], *драговольно* ['добровольно'], *есйейически* ['эстетический'], *библија* ['библия'], *синод*, *йренумерант* ['подписчик'], *објавление* ['объявление'], *нарјечје* ['наречие'], *склоненије* ['склонение'], *глагол*, *наклоненије неойредјелено* ['инфинитив'], *наклоненије изјавиельно* ['изъявительное наклонение'], *азбучни* ['алфавитный'], *йовраиельни* ['возвратный'], *уйравиель* ['командир'], *гимназија* ['гимназия'], *йергамент*, *класически* ['классический'] и т. д. Эти слова, за исключением европейских интернационализмов, в основном заимствованы из церковнославянского языка. Почти все они были в широком употреблении у славяносербских писателей. Своей писательской практикой Вук подтвердил, что невозможно писать на чистом народном языке о предметах, которые стоят вне обыденной народной жизни. В «Сербской грамматике», конечно, их гораздо больше. Чем больше изложение углубляется в детали, касающиеся специальности, тем больше в тексте доля терминов, чуждых народному языку.

IV. «СЕРБСКАЯ ГРАММАТИКА»

Грамматика, опубликованная в приложении к Словарю в первом издании (но не вошедшая во второе издание, потому что ее в 1850 г. заменила значительно более совершенная «Малая грамматика сербского языка» [*Мала срѣска грамаѣика*] Даничича), была не первой грамматикой, вышедшей из-под пера Вука. Еще в 1814 г. была выпущена «Грамматика сербского языка» (*Писменица србскога језика*), первая грамматика нашего языка, автором которой был серб. Этот труд талантливого, но необразованного начинающего автора возник в значительной мере как адаптация «Руководства к славянской грамматике» (*Руководство къ славенскѣй грамматикѣ*) Мразовича, под влиянием идей и непосредственных рекомендаций Луки Милованова и Саввы Мркаля. «Сербская грамматика», которая вошла в Словарь, представляет собой основательную переработку «Писменицы», показывающую, кроме всего прочего, и путь, пройденный автором.

Хотя «Сербская грамматика» несколько короче «Писменицы», ее текст значительно содержательнее и богаче сведениями. Вук сюда включил новые главы: о консонантных чередованиях, об удвоении звуков, о славянских буквах. Также он добавил новые основополагающие наблюдения (о трех разрядах имен прилагательных, о значении вида имен прилагательных, о категориях в спряжении глагола) и внес новые конкретные сведения. Важным шагом вперед было обозначение ударений в парадигмах. Кроме того, парадигмы склонения дополнены формами локатива (вновь совет Копитара, сформулированный еще в рецензии на «Писменицу»!), а парадигмы спряжения — формами отглагольных имен существительных. Но средоточие нового материала находилось в тексте, который следовал после парадигм и содержал сведения о деталях.

В «Сербской грамматике» впервые дана более или менее полная картина всей системы сербскохорватского языка в области склонения. В «Писменице» был дан только остов этой системы, без многих важных деталей. В описании спряжения, в области значительно более сложной, которая ставит задачи труднее, нежели склонение, «Писменица» представляла собой поверхностный набросок, и только в «Сербской грамматике» были выявлены основные черты системы. Среди сербов, может быть, только Вук, смотря в будущее, понял, что

это значило: это было началом кодификации нового литературного языка и науки о нашем языке. Конечно, влияние Копитара и его советы сыграли в этом незаменимую роль, но осуществление идеи все же принадлежит Вуку. В «Сербской грамматике» окончательно сформировалось его языковое чутье, он увидел особенности нашего языка в широком охвате от фундаментальных до мельчайших. Многие из наблюдений Вука повторяются в грамматиках нашего языка по сей день, не из-за инерции грамматистов, а потому, что они не утратили своей значимости.

Уменьшения объема «Сербской грамматики» по сравнению с «Писменицей» Вук достиг, безусловно, благодаря многочисленным сокращениям. В «Писменице» было много ненужного материала, унаследованного большей частью еще из «Грамматики церковно-славянского языка» Мразовича. Все это теперь Вук убрал, оставив то, что действительно было важно для нашего языка. Так, были устранены стереотипные и поверхностные, а иногда и неточные объяснения основных грамматических понятий (определения слова, имени существительного, грамматического рода, числа, падежа и т. д.). Пришлось пожертвовать и замечаниями об образовании глагольных форм, которые сообщали только то, что было очевидно. Глава о спряжении, гипертрофированная в «Писменице» вследствие перечисления форм, которые не соответствовали духу нашего языка, в новой грамматике была освобождена от этого балласта. Так, были изъяты конъюнктив («сослагательно наклонение»), объемные парадигмы пассива («страдателни залог»), пассивные причастия настоящего времени типа *карајени* и т. д. Благодаря этому «Сербская грамматика» стала «гораздо более сербской», чем «Писменица».

Нетрудно заметить и слабости «Сербской грамматики». Крупных недостатков, правда, немного. Неуклюже выполнена классификация глагола: громоздкое «второе спряжение» включает разнородные глаголы²⁶, в то время как некоторые типы спряжений остались в тени; есть погрешности в акцентуации; степени сравнения прилагательных описаны несистематично (не была замечена возможная зависимость суффикса сравнительной степени от ударения); недостаточно точно описаны чередования согласных,

²⁶ Речь здесь идет не о каком-то ошибочном решении Вука, а о традиции. Те же глагольные категории и даже в том же самом порядке мы находим и в словенской грамматике Копитара, и в грамматике нашего языка Аппендини.

от чего страдает изложение морфологии. Кроме этих недостатков, мы находим ошибки в основном только в деталях.

Самое крупное упущение «Сербской грамматики» — отсутствие синтаксиса в качестве отдельной главы и замена его краткими замечаниями об употреблении отдельных форм в разделе о морфологии (так же, впрочем, поступил и Копитар в своей грамматике словенского языка). С этой точки зрения работа Вука сильно отстает от *Grammatica della lingua illirica* Аппендини, изданной в 1808 г. и содержащей объемные разделы о синтаксисе, хотя сама грамматика в целом ниже уровня Вука. Жаль, конечно, что в грамматике Вука отсутствует систематическое изложение акцентных чередований в склонении существительных, прилагательных и спряжении глагола, а также описание произношения звуков нашего языка. Тем не менее, было бы несправедливо упрекать Вука в том, что он не описал это в то время.

Однако не все плохо в «Сербской грамматике», и ее достоинства намного превышают слабые стороны. Ее недостатки в большей мере могут быть объяснены тем, что «Сербская грамматика» (вместе с «Писменицей») представляет собой начало, но ее сильные стороны мы бы сочли достоинствами даже в грамматике, которой уже предшествовала традиция. «Сербская грамматика» обладает двумя большими преимуществами, которые не всегда присутствуют в сочинениях о языке. Это верность материалу и стремление найти то, что важно для данной языковой системы. Здесь мы не найдем ничего, что бы отдаляло нас от фактов, и ничего, что не было бы значимо для функционирования нашего языка как лингвистической системы. Из различий между звуками нашего языка упоминаются все те и только те, с помощью которых могут противопоставляться слова и которые выполняют дистинктивную функцию. До «Сербской грамматики» никто не приводил настолько полный обзор этих элементов, равно как и впоследствии никто не мог ничего добавить к системе Вука. Среди звуковых изменений отмечено различие между живыми звуковыми связями и «этимологическими преобразованиями» в таких словах, как *млого* и *сумља* (стр. XXXII). В морфологии значения форм определены только там, где имеет место какое-то различие (между краткой и полной формой прилагательного, между полной и энклитической формой местоимений и вспомогательных глаголов, между совершенным и несовершенным видом глагола). Глава о глаголе начинается с

фундаментального рассмотрения категорий в спряжении, после чего констатируется, что многие из этих категорий нерелевантны, по крайней мере для нашего языка. Объяснения Вука, как правило, обоснованны, а его подход очень современен, даже по сравнению со многими работами, которые публикуются сегодня. Многие из замечаний Вука о деталях и сейчас впечатляют проницательностью, а иногда и смелостью взгляда.

При встрече современного читателя с «Сербской грамматикой» наибольшие трудности создает грамматическая терминология, чужая и непонятная. То, что это терминология славянского (т. е. церковнославянского) происхождения, обычно только затрудняет восприятие. Как, например, угадать, что за термином *йовелийшелно наклоненије* кроется императив? Парадоксально, но, помимо примеров, которые приводит Вук, наибольшую помощь оказывает латинский перевод названий отдельных глав. Грамматическая терминология славянского происхождения разделяет славянские языки, так как в каждом из них она своя, в то время как такие латинские термины, как *йрезенѣи* или *аккузатив*, их объединяют. Пример нашего читателя, который оказывается в растерянности перед текстом грамматики Вука, показывает, что это характерно для отношений не только между разными славянскими народами, но и между различными эпохами в истории одного народа.

Церковнославянская терминология была громоздкой, непонятной и почти всегда находилась в дисгармонии со звуковыми и формальными особенностями сербского языка (*суиѣсѣйвиѣлѣна имена, сѣрадаѣлѣни залог, дѣјсѣйвиѣлѣно ѣричасѣије*). Все говорило о неизбежности коренного пересмотра подобной терминологии. Кое-что было осуществлено уже в «Сербской грамматике»: там, где это было несложно сделать, некоторые выражения были сербизированы. Так, вместо *множестѣвено число* находим *мложестѣвени број*, вместо *йовраѣтѣлѣно мјесѣиоименије* — *йовраѣно*, вместо *совершиѣлѣних* глаголов — *савришиѣлѣни*, вместо *йрошедшег* времени — *йрошавше*, а вместо *будушег* — *будуѣ* (правда, кое-где Вук сделал шаг назад по сравнению с «Писменицей»: *скланѣанье* опять стало *склоненије*, а *уравненье* снова превратилось в *уравненије*). Однако бо́льшая часть терминологии в «Сербской грамматике» все еще была церковнославянской. Дело дошло до того, что выражение *учаѣаѣлѣни* [‘обозначающий повторяющееся действие’ (о глаголе)] два раза пишется (стр. LXV и LXVI) с буквой *ѣ*, которую

Вук исключил из своего алфавита. Вук словно не смел написать это слово другим, неортодоксальным, способом, и как будто не мог представить его написанным иначе, чем по канону церковнославянской орфографии. Только в следующий период его деятельности произошло радикальное изменение этой ситуации. В «Малой сербской грамматике» Даничича 1850 г. мы встречаем уже совсем другую терминологию, близкую к современной. Но перед тем сам Вук разработал методы сербизации церковнославянских слов, заявив о необходимости такой адаптации в тех случаях, когда в народном языке нет соответствующего слова. Так были сербизированы многие грамматические термины, а вместо старых терминов часто создавались совсем новые: *име ѿрилагайтелно* превратилось в *ѿридјев*, а *мјестѿоименије* в *замјеницу*. Это было в духе идей Вука второго периода его деятельности. Переводя Священное писание, он создал много новых слов, оговорив это в предисловии к переводу, который для последующего поколения стал образцом в языковой политике. Но был еще один путь развития нашей лингвистической терминологии — путь интернационализации. Вместо *ѿворѿишелног ѿадежа* сегодня у нас *инструментал*, *сѿрадаѿелни залог* заменен *йасивом* и так далее. Эти новые термины труднее для нашего человека, чем церковнославянские, но они короче и удобнее и служат еще одним мостом к общему европейскому культурному богатству.

V. АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

«Сербская грамматика» символично начинается и заканчивается алфавитом. Это вполне оправданно и совсем не случайно. С точки зрения описания языка, Вук был прав, что начал его со списка букв. Его буквы — это фонемы, результат верно осуществленного анализа звуковой системы нашего языка. И было совершенно необходимо поместить алфавит именно в начале, поскольку в «Сербской грамматике» он был представлен впервые. Правда, в «Писменице» уже содержалась идея подобного алфавита²⁷. Все

²⁷ *Скуљѣни грамаѿички и ѿлемички сѿиси*, I, с. 12. До Вука подобная концепция, правда менее конкретная, была представлена у Мркаля в его сочинении «Сало толстого ера» (см. *Скуљѣни грамаѿички и ѿлемички сѿиси*, I, с. 214).

лишние церковнославянские буквы там были исключены, для *j* употреблялся особый знак *ĵ*, для *h* уже было принято современное обозначение в соответствии со старой сербской традицией. Для *љ*, *њ* и *ћ* были предложены новые знаки: для первых двух звуков те же знаки, *љ* и *њ*, которые используются в Словаре и в современной сербской кириллице. Для обозначения *ћ* был выбран менее практичный вариант, которым и сам Вук был недоволен и которому после искал замену, советуясь с друзьями, но, в конце концов, по предложению Мушицкого, высказанному в знаменитом письме 30 марта 1817 года²⁸, принял знак *ћ*, позже утвержденный окончательно²⁹. Таким образом, различие между буквами *h* и *ћ*, подобно ранее возникшему различию между глухим *ч* и звонким *џ*, в результате модификации исконно единого знака, выполнявшего обе функции³⁰. Однако в «Писменице» Вук только предложил упомянутый выше алфавит, представлявший собой шаг вперед по сравнению с азбукой Мркаля. Но в самом тексте «Писменицы» Вук не применил нового алфавита и придерживался азбуки Мркаля, а позже в своих сочинениях к этому уже не возвращался. Орфография Вука в этих сочинениях не только не демонстрировала никакого прогресса по отношению к орфографии в «Писменице», но часто даже отставала от нее. Таким образом, именно Словарю принадлежит честь революционного новаторства. То, о чем в «Писменице» было лишь сказано в нескольких строках, в Словаре применено на практике, вместе с упомянутыми отличиями форм букв *j* и *ћ* и введением буквы *џ*.

Внимательный читатель заметит различие между тем списком сербских букв, который Вук дает в начале «Сербской грамматики», и тем, что находится в конце. Этот второй список содержит три буквы, которых нет в первом. Это буквы *џ*, *џ* и *х*.

Знак *џ* выполняет у Вука совсем иную функцию, чем та, которую он имел в многовековой кириллической традиции. Для Вука

²⁸ Вукова *џреписка*, II, с. 161–163.

²⁹ О различении букв *h* и *ћ* у Гаврилы Стефановича Венцловича в первой половине XVIII века см. Александар Младеновић. *Слово ђ џре Вука*. Сборник за филологију и лингвистику, VI, 1963, с. 158–162.

³⁰ В письме Копитару от 28 октября 1820 г. Вук обратил внимание на сходство старой сербской буквы для *h* и *ћ* и буквы для обозначения *ч* (а позже и *џ*): буква *ћ* выглядит как перевернутая и перечеркнутая буква *ч*. Сходство этих букв еще больше обнаруживает форма *џ*, которая использовалась для обозначения *h* и *ћ* в некоторых древних рукописях.

эта буква служит сигналом слоговой функции звука *p* в тех редких случаях, где вокальное *p* находится в соседстве гласных звуков и буква *p* могла бы читаться как обычный согласный звук (*грѣоце* [‘горлышко’], *зарѣзайи* [‘заржать’], а не *гро-це*, *зар-за-йи*).

Буквы *ѣ* и *х*, которые простой народ не произносил³¹, Вук принимает в написании некоторых иностранных слов, где звук *ѣ* или *х* нельзя просто опустить или заменить каким-то другим звуком.

Таким образом, исчезает кажущееся противоречие между начальным и заключительным списком букв в «Сербской грамматике». Первый список демонстрирует звуковую систему сербского языка, а второй — алфавит, в который включены три знака с маргинальным статусом, так как при их помощи обозначаются либо звуки в заимствованных словах, либо вообще обозначается не сам звук, а только его особенность (вокальность *p*, тогда как сам звук обозначается буквой *p*).

Вместе с фонологической азбукой в Словаре принят и фонологический тип орфографии. Так же, как набор букв соответствует звуковой системе, так и их употребление отражает то, что на самом деле произносилось. Оставляя морфологический принцип (*србски* вместо *срѣски*, потому что *србски* производно от *Срб* [‘серб’], а не от *срѣ* [‘серб’]), Вук ссылается на похожую практику наших средневековых писцов (стр. XXX). Но в то время, а иногда даже и позднее, такое написание было случайным, а не сознательным и последовательным. Поэтому Вуку, а особенно Словарю, и в этом принадлежит слава осуществленного им переворота. И поэтому, конечно, подобная орфография встретила бурю критики, как только Вук с ней выступил. В то время как принцип народной основы литературного языка был усвоен относительно быстро, хотя и не сразу последовательно, понадобилось три десятилетия с момента первого издания Словаря, пока

³¹ Наблюдение Вука по этому поводу касается большинства штокавских диалектов, прежде всего его родного говора Тршича (с оговоркой, что сегодня эти звуки активно проникают из литературного языка). Но уже сам Вук добавляет (стр. XXXIV), что в городах *ѣ* слышится и в некоторых сербских словах. Позже у Вука была возможность услышать это и в других краях, а также убедиться, что существуют регионы, где звук *х* жив в народных говорах. Это способствовало тому, что он окончательно включил эти два звука в наш литературный язык (*ѣ* в сочинениях Вука стабилизировалось незаметно и постепенно, в то время как звук *х* он ввел в 1836 г., сознательно и с обоснованием).

не появилась значительная группа авторов, которая начала писать фонологической орфографией, и полвека — пока эта орфография не была окончательно принята. Корни этого явления обнаружить нетрудно. Хотя авторитет традиции и механическая сила привычки в обоих случаях были на стороне старого, люди все же предпочитали свой родной язык искусственному литературному идиому, который мог быть освоен только в течение многих лет труда. Но они готовы были остаться при орфографии, которая сложнее фонологической, но все же сводится к ограниченному числу правил и выучивается при умеренной затрате сил.

Орфография первого издания Словаря, хотя и основанная на фонологическом принципе, в реализации этого принципа все же оставалась в определенных границах.

Первое и наиболее здоровое ограничение касается звуковых изменений, происходящих на стыке слов (*с ним* ['с ним'], *без ѝосла* ['без работы'], *ѝред ѿбом* ['перед тобой'], а не *ш ним*, *бес ѝосла*, *ѝре ѿбом*, стр. LXXI). Пишется тот звуковой облик слова, который оно имеет в изолированном или «нейтральном» положении.

Остальные ограничения сводятся к несоблюдению правил ассимиляции согласных на стыке корня с префиксом или суффиксом. Самая обширная группа слов включает примеры с *дс* и *дш*: *одслужѝи* ['отслужить'], *градски* ['городской'], *госѝодсѝво* ['барство'], *одишѝаѝи* ['уйти']. Вук осознавал данную проблему: с самого начала его мучили сомнения, как следует поступить. Свои аргументы и контраргументы он привел в «Сербской грамматике», стр. XXX–XXXI. Как видно из его слов, причиной его сомнений было произношение звуков *ц* или *с* на месте групп *ѝс* и *дс*. Из рассуждений Вука следует, что в его говоре присутствовали формы *љуцки* ['людской, человеческий'], *брацки* ['братский'], *госѝоцки* ['господский'], а в самом Словаре как единственно возможные, или по крайней мере наиболее употребительные, указываются формы: *госѝосѝво* ['барство'], *оселе* ['отныне'], *оселиѝи* ['выселить'], *осијецаѝи* ['отрезать'], *оскочиѝи* ['отскочить'], *осѝуѝаѝи* ['отступать'], *осукаѝи* ['раскрутить']³² и т. д. Все же Вук не решился последовательно писать именно так, потому что в других примерах (*људсѝво* ['народ'], *надскакиваѝи* ['перепрыгивать'], *одслужѝи* ['отслужить'], *ѝодсириѝи* ['заквасить']) в его говоре

³² Т. е. формы с ассимиляцией *ѝс* > *с* на стыке приставки и корня. — Ред.

происходило изменение *дс* в *ѣс*. А так как и *дс*, и *ѣс* «с трудом произносятся», он принял решение выбрать вариант, наиболее верный этимологии, то есть по морфологическому принципу (*од-* в *одвийѣи* [‘отмотать’], *одломийѣи* [‘отломить’], *одмаѣи* [‘отодвинуть’], а согласно этому и *одсѣѣи* [‘отрезать’]). Это отступление в пользу морфологического принципа, против которого Вук так горячо боролся, осуществлено в Словаре лишь частично, но позже, в ходе нормирования вуковского литературного языка, все больше обобщалось написание *дс*, не соответствующее фонетической реальности. Этим была подготовлена почва для орфографических сражений нашего века. К данному отступлению присоединились и некоторые другие, более мелкие, которые, к счастью, в нашем правописании не закрепились: *жеѣѣа* [‘жажда’], *наруѣбина* [‘заказ’], *свѣдочѣба* [‘свидетельство’] (правда, с отсылкой к *наруѣбина*, *свѣдоѣба*), ряд слов на *изж-*, с отсылкой к более правильной форме *иж-*. (Слова *воѣсѣво* [‘предводительство’] и *бексѣво* [‘бегство’], которые доставили столько проблем дальнейшим поколениям, в языке Вука отсутствовали.)

Вторая группа отступлений в пользу морфологического принципа касается примеров с *ј*. От некоторых решений Вука впоследствии отказались, другие же дожили до наших дней, иногда создавая трудности. Так, наряду с другими, закрепились правила, согласно которым *ј* пишется в притяжательном прилагательном *ѣајин* [‘таинственный’], но отсутствует в существительном *ѣаин* [‘порция’], или по написанию *ј* противопоставляются *вијориѣи* [‘виться’] и *радиониѣа* [‘мастерская’], *библиоѣека* и звательная форма *библијо* [‘библия!'], *радио* и родительный падеж *радија*, *сѣадион* и *сѣадијум* [‘стадия’]. Попытка Белича устранить один из случаев, где написание не было основано на произношении, типа *шумадијски* [‘относящийся к области Шумадия’] вместо *шумадиски*, привела к расколу в орфографии и к ожесточенным столкновениям, закончившимся возвращением к старому.

VI. УДАРЕНИЯ

В Словаре последовательно акцентуированы заглавные слова словарных статей, то же касается и парадигм в «Сербской грамматике» (а иногда и слов вне парадигмы). До Словаря ни одна

сербская книга не содержала столько данных о нашей акцентуации, а после него ни одна не зафиксировала такое количество *новых* фактов в этой области.

Систему знаков ударения, которая использована в этой книге, Вук, как известно и как часто упоминается, заимствовал у Луки Милованова. Эту систему составляют четыре знака, значение которых Вук объясняет на стр. XXXVI–XXXVII. Если мы переведем эти объяснения на язык современной терминологии и по-современному их интерпретируем, то придем к выводу, что знак ` обозначает краткие ударения, ´ долгое восходящее, ^ долгое нисходящее или безударную долготу, а ^ — следующие друг за другом долготы, две или три, начиная с указанного слога и до конца слова. Эти знаки (примерно в той же функции) Вук впервые применил еще в «Писменице». Но в Словаре присутствует и одна новация, которой он радикально отличается от системы Милованова. Это употребление особого знака " для обозначения краткого нисходящего ударения. Правда, Вук в этом не был последователен. Ему казалось, что разницу между двумя краткими ударениями достаточно обозначать там, где с их помощью различаются слова³³, и иногда там, где оба ударения появляются при чередовании в формах одного и того же слова³⁴. Это было исправлено только во

³³ Ъѣсѣи [‘складывать’] и ѡѣсѣи [‘положить’], ја́рица [‘пшеница’] и ја́рица [‘коза’], кльбук [‘головной убор’] и кльбу́к [‘пузырь’], коши́ян [‘каштан’] и коши́ян [‘костяной’], кру́шчиѣ [‘хлебец’] и кру́шчиѣ [‘маленькая груша’], лѣйю [‘отверстие’] и лѣйю [‘лето’], ма́ша [‘лопатка для углей’] и ма́ша [‘промах в игре’], ѡа́ра [‘монета’] и ѡа́ра [‘дыхание’], ѡа́ша [‘паша’] и ѡа́ша [‘настище’], ѡѣѣакъ [‘пятак’] и Пѣѣѣакъ [мужское имя], ѡди́лица [‘полка’] и ѡди́лица [‘половина’], ѡдѣ́скы [‘полево́й’] и ѡдѣ́скы [‘польский’], ѡрѣѣѣи [‘пробивать дорогу’] и ѡрѣѣѣи [‘нагружать, взваливать на спину’], сѣја́ѣи [‘сеять’] и сѣја́ѣи [‘сеять’], сѣни́ца (сѣни́ца) [‘сини́ца’] и сѣни́ца (сѣни́ца) [‘беседка’], со́миѣ [‘маленький сом’] и со́миѣ [‘дымовое отверстие’], стѣја́ѣи [‘стоять’] и стѣја́ѣи [‘становиться’], стѣра́ѣи [‘расстилать’] и стѣра́ѣи [‘выгнать’], тѣра́ѣи [‘травка’] и Тѣра́ѣи [‘название колодца’], тѣро́ѣи [‘трое’] и Тѣро́ѣи [‘св. Троица’] (в парах ба́цаѣи [‘бросать’]: ба́цаѣи [‘показывать’] и о́ра [‘орех’: о́ра [‘подходящее время’]), которые Вук упоминает на стр. XXXVI, ударения в самом Словаре отпечатаны не очень ясно).

³⁴ Так, *вѡда, вѡдѣ, вѡдѡм, вѡди, вѡдама*, но *вѡди, вѡду, вѡдо*, мн. *вѡде*, и *сѡкѡ* [‘сокол’], но *сѡколе*, затем *кѡлѡч* [‘каравай’], но *кѡлѡчу, кѡшаа*, но *кѡше* на стр. XXXVII, *жѣна* и т. д., но *жѣно* [зват. ф.], *жѣне* им. и вин. мн. ч., но *жѣне* зват. ф. мн. ч. на стр. XXXIX, и т. д.

втором издании, стараниями подготовившего его Джуро Даничи́ча. Поэтому только второе издание может служить настоящим источником данных об акцентуации слов с кратким ударением (а это подавляющее большинство слов в нашем языке). Наши языковеды позже часто критиковали Вука за это, оставляя при этом в тени тот факт, что он все же был первым сербом, который выделил все четыре сербских ударения.

Если посмотреть на особенности акцентуации Вука, то можно констатировать, что она прекрасно отражает акцентологическую систему, наиболее распространенную в сербскохорватских говорах. Область распространения этой системы охватывает всю Герцеговину (включая и так называемую черногорскую Герцеговину, то есть современную северо-западную половину республики Черногории), большую часть Боснии, западную Сербию и говоры сербов в Хорватии, а также преобладающую часть говоров остальных штокавцев Хорватии. Близка к этой системе и акцентуация большей части Воеводины (во времена Вука эта близость была еще больше, чем сегодня) и говора Дубровника. Но в то же время этот тип акцентуации имеет и яркие особенности, придающие ей исключительный характер. Наши говоры колеблются между последовательным сохранением старого места ударения и радикально проведенным новоштокавским переносом ударения — говор Вука является одним из наиболее последовательных представителей второго типа. Кроме того, в наших говорах существует целая гамма переходов от сохранения унаследованных заударных долгот до их радикальной ликвидации. Здесь говор Вука также занимает полярное положение, только на этот раз в плане сохранения древности. Точно так же архаичен он и в отношении сохранения изменений ударения в склонении существительных. Широкое распространение «вуковской» акцентуации явилось важной предпосылкой к ее принятию в качестве образца литературного произношения, в то время как остальные ее особенности на практике создавали много проблем. Наши филологи, правда, приходили в восторг от радикальных решений, свойственных «чистому» вуковскому акцентологическому типу, и особенно им была дорога его причудливая сложность. Поэтому они принялись работать над тем, чтобы описать и проанализировать все те явления, которые в первом издании Словаря не были ясно охарактеризованы. С тех пор как Даничи́ч во втором издании Словаря и в своих статьях об акцентуации описал тысячи

деталей, его выводы о многочисленных видах заударных долгот, о запутанной и тонкой игре передвижения ударения в парадигмах, а также о переносе ударения на предлоги стали неотъемлемой частью наших грамматик и орфографических словарей. Но для публики овладеть всем этим было нелегко, особенно для людей, которые не были родом из области распространения вуковской акцентуации. А случилось так, что большинство наших культурных центров сформировались вне этой зоны: Белград, Загреб, Нови-Сад, а также Сплит, Риека, Осиек, Ниш, Крагуевац, Цетине, Титоград. Не чувствуя тонкостей рекомендуемой акцентологической системы, жители этих городов чаще всего не могли научиться употреблять акцентологические знаки, так как они не могли установить связь между своим произношением и ударением, которое требуется в нормативных справочниках. Естественным результатом стало игнорирование тех требований, которые в нашей среде осознают только посвященные, то есть те, кто их устанавливает. Развитие акцентуации литературного языка продолжается, а ударения окаменевают в грамматиках и словарях. Само собой разумеется, что такое развитие избегает радикальных решений, в особенности чрезмерно сложных. Наше современное литературное произношение в среднем значительно отстывает — хотя не везде одинаково — от нормы вуковской акцентуации. Эти два произношения соотносятся как умеренное и радикальное.

VII. СЛОВАРЬ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Состав словника и происхождение лексем

И сейчас, по прошествии стольких лет и несмотря на значительные успехи нашей лексикографии, Словарь Вука Караджича остается незаменимым, причем в первую очередь в своей первой, несовершенной редакции. С течением времени его значение все возрастает, несмотря на появление большого числа хороших словарей. Объяснение этого парадокса само по себе звучит парадоксально: в отличие от всех прочих словарей нашего языка, первое издание вуковского Словаря в своей основе является словарем *о д н о г о* человека. Для неосведомленного читателя это может показаться скорее недостатком, однако это несомненное достоинство.

Обычно словари содержат слова из разных источников, это слова, употреблявшиеся разными людьми, нередко в разные эпохи и в различных областях, то есть слова, которые в действительности не сосуществуют в одной языковой системе или смешиваются в ней механически, как случайные прохожие на тротуаре мегаполиса. Напротив, лексика органически развившегося индивидуального говора составляет однородную систему, включающую столько слов, сколько необходимо, чтобы выразить понятия окружающего мира и психической жизни его носителя. Семантические поля этих слов, как правило, четко разграничены, и там, где возникает синонимия, она не является следствием случайной встречи двух слов из разных источников, но имеет глубокие причины. Все здесь пропущено сквозь призму единого языкового сознания, что становится еще более ценно, когда речь идет о носителе языка, одаренном редким языковым чутьем, человеке из народа, способном среди известных ему языковых элементов выделить подлинно народные, вынесенные из родительского дома. Добавим к этому, что говор Вука относится к нашему центральному диалектному массиву и содержит сравнительно мало заимствований, и мы поймем, какую драгоценность открывает для нас его Словарь — и никакой другой источник кроме него: лексику типичного чистого сербского говора той эпохи, когда современная цивилизация еще не внесла в него бесчисленные заимствования и неологизмы. Эта лексика, по сути, составляет ядро словарного фонда нашего современного языка.

С точки зрения полноты охвата лексического фонда Словарь практически безупречен. Этому в наибольшей степени способствовало использование хорватских словарей, благодаря которым многое не было забыто. Кроме того, Вук брал слова из народных песен, известных ему на тот момент, и систематически дополнял материал производными формами: существительными с увеличительными и уменьшительными суффиксами и отглагольными существительными³⁵. Таким образом материал разросся до внушительного

³⁵ Вуку удавалось избежать опасности образования форм, реально отсутствующих в языке. Интересно сравнить приводимые им существительные с увеличительными суффиксами. От слова *жена* ['женщина'] он приводит *женейшина* и *женѣурина*, от *кућа* ['дом'] — *кућерина*, *кућейшина* и *кућурина*, от *нога* — *ножурда* и *ножурина*, а от *ѣреслица* ['прялка'] — *ѣресличейшина* и *ѣресличина*, то есть каждая комбинация индивидуальна, отражая то, что действительно употреблялось в говоре (примечательно, что от не-

объема в 26 270 слов. Если какое-то слово отсутствует в первом издании словаря, это, по всей вероятности, означает, что его не было и в родном говоре Вука. Однако все-таки кое-что оказалось пропущенным. Отсутствует слово *звоно* ['колокол'], хотя в статье *звонце* ['колокольчик'] сказано, что это диминутив от *звоно*. Слова *бенврке* ['штаны'] и *калавре* ['короткие штаны'] даны с отсылкой на *йеленгаће* ['штаны из грубого сукна'], но такой статьи мы не обнаруживаем. Так же обстоит дело с отсылкой *кљуверина* ['кляча'] к *курада* и *зажуїейи* ['пожелтеть'] и *зажуїийи* ['пожелтить'] к *зажуїейи*. В статьях *фраїор* ['католический монах'], *фраїоров* и *фраїорски* упоминаются слова *йрайор*, *йрайоров* и *йрайорски*, но таких слов в словнике нет. Отсутствуют слова *умље* ['ум'], *свейю* ['праздник святого-покровителя'] и *окойнийи* ['растопить'], упомянутые в статьях *безумље* ['безумие'], *крсно име* ['праздник святого-покровителя'] и *йойлик* ['южный ветер']. Для глагола *дизайи се* ['подниматься'] не приводится значение, которое он выражает в сочетании *дизайи се йрошца* [название народной игры], находящемся в статье *йрошїац* ['кол']. Не попало в Словарь и слово *бавийи се* ['заниматься'], которое Вук активно употреблял³⁶. Пропущено, в том числе и в более поздних изданиях Словаря, значение слова *убийи* ['убить, здесь: победить'], представленное в тексте:

Има л' много војске у Турака
*Је л' њоџодна да бојак убије?*³⁷
 (s.v. њоџодан).

Исследование, посвященное этому вопросу, несомненно, обнаружало бы и другие подобные примеры³⁸. Однако зачастую

которых широко распространенных слов вроде *лиїа*, *међа* ['межа'] или *моїка* ['шест'] увеличительные формы не приводятся, вероятно, потому, что Вук не считал их свойственными говору).

³⁶ Словарь хорватского языка Броза и Ивековича в статье *baviti se* дает целый ряд примеров из текстов Караджича. Правда, первый из них датируется 1828 г., так что нельзя исключать возможность того, что это слово вошло в язык Вука уже после выхода Словаря.

³⁷ Перевод: Большое ли войско у турок?

Может ли оно выиграть сражение? — *Ред.*

³⁸ Можно предположить, что местоимения *ваи*, *његов* ['его'], *њен* ['ее'], *њиов* ['их'] отсутствуют в словнике, поскольку перечислены в «Сербской грамматике», но почему тогда включены в словарь местоимения *мој*, *ївој*, *наи*?

невозможно точно установить, какие из слов, отсутствующих в первом издании Словаря и вошедших во второе, существовали в говоре Вука (естественно, кроме тех случаев, когда автор во втором издании указывал область, где слова были записаны).

В Словарь вошло и несколько лексических групп, не принадлежащих к ядру, о котором мы только что говорили. Это слова из других диалектов, особые фольклорные слова, фиксируемые только в произведениях устного народного творчества, и личные имена, выписанные из помянника монастыря Рача, отмеченного в Предисловии. Первые две группы Вук последовательно отделял от остального материала пометами, а в третьем случае он этого не сделал. Было бы корректнее и полезнее для науки, если бы он и в этом случае придерживался общей концепции Словаря и включал в него только те слова, которые слышал в народе (причем с областной пометой, если они не встречались в его родном говоре). Таким образом, вопреки утверждению Вука, что все христианские имена, засвидетельствованные в Словаре, «до сих пор живут в сербском народе»³⁹, многие из них вызывают у нас сомнение. Известно, например, что *Вечерин* и *Ламенка* фиксировались в старых помянниках, но нигде, кроме вуковского Словаря, они не засвидетельствованы в XIX веке, так что неудивительно, что Л. Стоянович считает эти данные сомнительными⁴⁰. С другой стороны, мы не находим в Словаре имена людей, которых Вук прекрасно знал, например *Сара* или *Маца*, и даже имена родителей Вука — *Сїеван* (*Сїефан*) и *Егда*. Поэтому Словарь нельзя использовать как источник сведений по ономастике времени Вука и его социальной среды. Зато наука всегда будет обязана ему за снабжение пометами областных и фольклорных слов. Если бы Вук не сообщил нам об этом, сегодня не было бы возможности узнать, присутствовала ли та или иная лексема в его родном говоре, и Словарь лишился бы одного из своих самых больших достоинств.

Географические пометы, используемые Вуком и присваиваемые разным вариантам одной лексемы или отдельным лексемам, можно разбить на две группы.

³⁹ Предисловие, с. XVIII. Примечательно, что Вук подчеркивает, что таких имен «намного больше» в областях, удаленных от его родного края.

⁴⁰ *Живот и рад В. Ст. Караџића*, с. 126.

Первая группа помет включает обозначения трех основных диалектов по классификации Вука: «герцеговинского», «сремского» и «ресавского». Эта классификация основана преимущественно на двух особенностях: развитии ятя (*бріјег* : *брѣг* [‘холм’], *йјѣвайи* : *йѣвайи* [‘петь’], *ћевѣр* : *девер* [‘деверь’], *сйјайи* : *сѣјайи* [‘сеять’], *дијѣба* : *деѣба* [‘раздел’] и т. д.) и форме уменьшительно-ласкательных существительных мужского рода (*Аџо* : *Аџа* [имя собственное, уменьшительное от *Александар*], *бабо* : *баба* [‘отец, батя’], *йѣйо* : *йѣја* [‘священник’], *ћѣго* : *ћѣга* [‘белый конь’]). В обоих случаях два экавских говора, сремский и ресавский, как правило, совпадают. Но в некоторых примерах с ятем присутствует различие между последовательно экавским ресавским говором и сремским: в последнем в некоторых случаях на месте ятя появляется *и*. Это систематически проявляется у глаголов типа *лѣйѣйи* / *лѣйиийи* [‘лететь’], *йѣцрнѣйи* / *йѣцрниийи* [‘почернеть’], *сврбѣйи* / *сврбиийи* [‘чесаться’]⁴¹ и т. д. Остальные примеры более или менее изолированы и касаются отдельных слов и их производных: *де* / *ди* и *где* / *гди* [‘где’], а также *гдегде* / *гдигди* [‘кое-где’], *гдегод* / *гдигод* [‘где-нибудь’], *гдешиѣо* / *гдишиѣо* [‘где-то’], *нигде* / *нигди* [‘нигде’] и т. п., *секира* / *сикира* [‘топор’], *гнездо* / *гнѣздо* [‘гнездо’], *нагнездийи* (*се*) / *нагнѣздийи* (*се*) [‘посадить в гнездо / угнездиться’].

Отображение в Словаре особенностей трех диалектов свидетельствует о знании Вуком фактов и о сознательной работе с ними. Как эквивалент герцеговинскому слову *йѣдријѣйло* [‘происхождение’] он дает не *йѣдрѣйло*, а *йѣрекло*. Слова *брайијѣнци* [‘братья’], *издѣрилијѣска* [‘выносливый человек’], *ойѣѣйи* [‘выполоть’], *йријѣворница* [‘засов’], *сијѣри* [‘волшебный обман, мираж’] и *Цвѣјѣишин* [мужское имя собственное] даются только в иекавской огласовке: Вук не хотел конструировать фиктивные экавские формы. Также отсутствуют и иекавские пары для лексем *дева* [‘верблюд’], *дѣчак* [‘мальчик’], *лѣйи човек* [‘красивый человек’] и *йѣсковница* [‘песочница’]. В статье *лѣбац*² [‘хлеб’] Вук приводит специфический воєводинский вариант употребления этой лексемы, давая при этом и экавскую форму (*лебац*). Для слова *дрѣво* [‘крест’] отсутствует парная иекавская форма, очевидно, вследствие церковного происхождения, из сербской (экавской) редакции церковнославянского

⁴¹ В герцеговинском говоре, разумеется, употребляются формы *лѣѣѣйи*, *йѣцрнѣѣйи*, *сврбѣѣйи*.

что Воеводина первой среди сербских областей оказалась под натиском современной европейской цивилизации, а вместе с этой цивилизацией распространялась и новая лексика. Поэтому среди воеводинских слов встречаются такие, как *бунда* [‘шуба’], *инѿтерес* [‘проценты, прибыль’], *корѿа* [‘корзина’], *кугла* [‘шар’], *куина* [‘кухня’], *лийѿија* [‘крестный ход’], *лойѿа* [‘мяч’], *магаѿин* [‘хранилище’], *минуѿи* [‘минута’], *орман* [‘шкаф’], *йијаѿа* [‘рыночная площадь’], *йроба* [‘проба’] (и *йробаѿи* [‘пробовать’]), *сигуран* [‘надежный’] (и *осигураѿи* [‘обеспечить’]), *скаѿија* [‘парта’], *йоранѿ* [‘башня, колокольня’], *форма*, *ѿийела* [‘туфля’], *иѿшала* [‘хлев’], *шуѿа* [‘сарай’]. Кроме того, среди слов, образованных на славянской почве, присутствуют лексемы, связанные с иным типом цивилизации, чем в центральной Сербии (южнее Савы): *дужноѿи* [‘обязанность, должность’], *заслуга*, *захвалиѿи* [‘поблагодарить’], *играѿка* [‘игрушка’], *масѿило* [‘чернила’], *нарав* [‘характер’], *ойиѿи* [‘общий’], *йесковниѿа* [‘песочница (письменный прибор)’], *разонодиѿи* [‘развлечь’]. Естественно, что в ходе дальнейшего развития сербской культуры как единого целого эти выражения утратили областную маркированность. С точки зрения истории литературного языка примечательно, что слова *вођа* [‘вождь’], *Дунав* [‘Дунай’], *због* [‘из-за’], *касно* [‘поздно’] (и *касѿиѿи*, *закасѿиѿи* [‘опаздывать, опоздать’]), *кафа* [‘кофе’], *лейѿиѿ* [‘бабочка’], *мезимаѿ* [‘любимец’] (и *мезимиѿа* [‘любимица’]), *морайѿи* [‘быть должным’], *йасуѿ* [‘фасоль’], *йечење* [‘жареное мясо’], *йорекло* [‘происхождение’], *йравиѿи* [‘делать’] (и *найравиѿи* [‘сделать’]), *ѿийање* [‘чтение’] (и, конечно, *ѿийаѿи* [‘читать’]) Вук считает воеводинскими, а сегодня они являются привычными словами литературного языка. Предложенное выше объяснение, связанное с различием в уровне цивилизации, здесь не подходит. На первый взгляд может показаться, что какая-то из приведенных лексем культурно маркирована, но исследование показывает, что в самом говоре Вука присутствовал для нее синоним или вариант. Распространение воеводинских слов, а точнее, утрату параллельных им (*Дунаво* [‘Дунай’], *доѿкан* [‘поздно’], *кава* [‘кофе’], *лейѿ* [‘бабочка’], *грах* [‘фасоль’], *йеѿиво* [‘жареное мясо’], *ѿађење* [‘чтение’] и *ѿаѿиѿи* [‘читать’]) можно объяснить только значительным влиянием Воеводины на наш литературный язык на начальном этапе его развития на народной основе. Центр сербской культуры тогда еще находился в Воеводине, что неизбежно накладывало свой отпечаток в первую очередь на лексический

состав языка, поскольку после принятия грамматической структуры вуковского языка возможности вариации грамматических особенностей были очень ограничены.

Кроме воеводинских слов, из всех лексем, снабженных в Словаре областными пометами, в литературном языке широко употребляются лишь несколько лексем, отмеченных Вуком как «герцеговинские» (*жлица* [‘ложка’], *изван* [‘вне’], *ковчег* [‘гроб’], *уље* [‘растительное масло’], *ушјецајџи* [‘влиять’]). Интересно, что некоторые из этих слов сегодня более употребимы в хорватском варианте литературного языка, чем в сербском. Впрочем, большинство из них встречается в народных говорах и за пределами Герцеговины: географические пометы Караджича не означают, что лексема употребляется исключительно в указанной области, они только свидетельствуют о том, что он располагал материалом из данной местности. Та же оговорка касается и лексем, помеченных как воеводинские (это необходимо иметь в виду в связи с тем, что говорилось выше).

Фольклорные лексемы, конечно, не были принадлежностью говора Тршича, а относились к наддиалектным изобразительным средствам фольклора. Обозначение этих слов в Словаре двоякое: чаще всего присутствует пометка «ст.» [*стијајаћа реч* — фольклорное слово], реже — формулировка «встречается только в песнях». В ряде случаев пометы отсутствуют, но тем не менее есть основания полагать, что слово употребляется преимущественно в песнях (например, *бојак* [‘бой’] или *зеленика* [‘яблоко’]).

Вук почти всегда обозначал специальными пометами еще одну группу лексем, которые в большинстве своем действительно принадлежали его родному говору, но воспринимались (конечно, не столько крестьянами, сколько образованными людьми) как инородные. Это турцизмы, которые Вук отмечал звездочкой. При других заимствованиях иногда указывается исходная форма. Подобные комментарии, которые, конечно, были предложены Копитаром, указывают на происхождение отдельных слов из греческого языка (как, например, *арайџос* [‘проклятие’], *аргајџин* [‘наемный рабочий’], *друм* [‘дорога’], *јевџиноћа* [‘дешевизна’], *камила* [‘верблюд’], *комад* [‘кусок’], *косийџер* [‘олово’], *мейјанија* [‘земной поклон’], *орјајџин* [‘грубиян’], *јанагија* [‘изображение Богородицы’], *јанађур* [‘ярмарка’], *јайџос* [‘пол’], *јрокойсајџи* [‘преуспеть’], *саландар* [‘пожертвование за поминовение усопших’], *џалас* [‘волна’],

йемель [‘основание’], *йефѣйер* [‘книга’], *йийѣор* [‘ктитор’], *йрандовиље* [‘мальва’], *хелија* [‘келья’], *херемиди* [‘черепица’], *хивой* [‘рака’]) или итальянского (*барайѣи* [‘обращаться с чем-то’], *кайара* [‘задаток’], *йијаца* [‘торговая площадь’], *йршуѣа* [‘вяленое мясо’], *йиѣада* [‘шпага’]), австрийского диалекта немецкого языка (*амрел* [‘зонт’], *бокѣер* [‘сторож’], *врас* [‘судороги’], *вунцуѣ* [‘хулиган’], *нокишир* [‘ночной горшок’], *йанѣиѣлка* [‘лента’], *йлајваз* [‘карандаш’], *сайѣлик* [‘пивная кружка’], *шаволь* [‘сосуд для воды’], *шалукайѣре* [‘жалюзи’], *шунка* [‘ветчина’]). Конечно, мы не имеем права сетовать на то, что подобные пометы, свидетельствующие о компетенции и знаниях Копитара, даются в Словаре непоследовательно. Словарь — не этимологический справочник, кроме того, в то время, когда славистика находилась у истоков своего развития, а балканистика только зарождалась (первые наблюдения в этой области принадлежат именно Копитару), не было и речи о создании этимологического словаря нашего языка.

2. Значения лексем

Вук и Копитар сделали самый правильный выбор из всех возможных, решив, что значения слов в Словаре должны быть объяснены на немецком и латинском языках. Ни один другой язык на тот момент не мог бы обеспечить доступность лексического богатства сербского языка иностранным ученым, и в то же время ни один другой иностранный язык не был так необходим сербскому читателю, как эти два. Таким образом, у каждого слова в Словаре, как правило, есть немецкий и латинский перевод. Но при детальном рассмотрении можно увидеть много непоследовательностей. Кроме неизбежных отсылок, как, например, *байѣалија*, f. vide *бийѣка* [‘битва’] или *бардачина*, f. augm. v. *бардак* [‘керамический сосуд’], встречаются и такие случаи, когда перед немецким и латинским переводом появляется объяснение значения слова на сербском, а есть лексемы, имеющие и вовсе только сербское толкование. Так что не все слова объяснены ни для тех, кто знает лишь немецкий и латынь, ни для владеющих только сербским языком. Правда, последним не нужно объяснение каждой лексемы, достаточно объяснений только тех слов, которые им могут быть незнакомы. Что касается иностранцев, Словарь и не был предназначен для тех, кто не может сориентироваться в сербском тексте, имея под рукой словарь с грамматикой. Несмотря

на это, не было веских причин в некоторых случаях опускать толкование на немецком и латыни.

Около тридцати слов в Словаре остались без толкования. Большинство этих слов приведены с примерами из песен: *алем драги камен* ['драгоценный камень'], *велен* ['иссоп'], *гребешийак* ['меч'], *дели* ['смельчак'], *дин* ['вера'], *дороц* ['куртка'], *ђидија* ['герой, богатырь'], *жуборика* ['осина'], *зайџомиџи* ['уничтожить'], *зијамей* ['имение'], *илинча* [значение не установлено], *иман* ['ислам'], *канай* ['перегородка'], *кошџуница койље* ['костяное копье'], *левенџа* ['воин'], *мемла* ['сырость'], *ниђе* ['венчание'], *џаћел* ['фата'], *џерде* ['деталь музыкального инструмента тамбура'], *скувија* ['вид головного убора'], *факља* ['украшение на головном уборе'], *чајайџи* ['ждать']. Некоторые слова даны без всякого объяснения (*брадање* [от *брадаџи* 'пускать шелковистые нити (о кукурузе)'], *бучевина* ['простокваша'], *греш* ['незрелый виноград'], *џлесмо* ['планка'], *срчаница* ['задний мост у повозки'], *уџакмице* ['взамен'], *џврчак* ['сверчок'], *челебија* ['молодой господин']) или объяснены слишком кратко (*андрак* ['диавол'], *осока* ['сок'], *џоња* ['мучнистая роса'], *џецель* ['сода']). Слова *џерде* и *срчаница* Вук дополнительно объясняет на стр. XVIII⁴³, в то время как слова *дели*, *дин*, *дороц*, *ђидија*, *зайџомиџи*, *зијамей*, *иман*, *канай*, *ниђе*, *џаћел*, *скувија*, а также *брадање*, *бучевина*, *греш*, *џлесмо*, *срчаница*, *уџакмице*, *џврчак*, *челебија* и *андрак* истолкованы лишь во втором издании Словаря⁴⁴. Среди фольклорных слов, как мы уже упоминали, есть и такие, точное значение которых установить непросто (*велен*, *гребешийак*, *жуборика*, *илинча*, *кошџуница*, *факља*)⁴⁵, однако, в отличие от слов, употребляющихся в повседневном общении, слова из песен необязательно должны его иметь.

⁴³ В случае с лексемой *џерде* речь идет о дополнении очень краткой дефиниции в самом Словаре. Интересно, что о дополнении было забыто при подготовке второго издания Словаря, а затем и третьего. Его упустил из виду и Маретич, который в «Словаре Югославянской академии» выражает недоумение по поводу неясного и неполного толкования этого слова у Вука.

⁴⁴ Во втором издании исправлено толкование слова *койрена* ['покрывало'].

⁴⁵ Слово *алем* образовано, по всей видимости, от арабского слова, означающего «предзнаменование», *левенџа* — это турецкий воин или богатырь, *мемла* — влага, *чајайџи* значит «ждать», *осока* — это сок, *џоња* — мучнистая роса, которая появляется на посевах во время тумана, а *џецель* — карбонат натрия (сода).

Без точного значения остались и некоторые географические названия (*Барай*, *Винош*, *Власанице*, *Гламоч*, *Грачианица*, *Јањина гора*, *Качаник*, *Кошари*, *Кунор*, *Леђан*, *Ливно*, *Мезево*, *Ођунлија*, *Озија*, *Озин*, *Самодрежа*). Все эти названия Вук слышал в песнях (и документировал стихотворными текстами), но очевидно, что и сами певцы не могли объяснить, к чему они относятся⁴⁶. Во втором издании Словаря, впрочем, тоже не удастся найти более подробную информацию об этих названиях (новыми сведениями Вук располагал только о местах Котари, Лиевно, Озия и Озин)⁴⁷. В этом виноват не только низкий уровень развития тогдашней нашей географии и недостаток достоверных сведений об областях, находившихся в составе Турции, но и тот факт, что некоторые из названий являлись фольклорными лексемами, обозначающими мифические географические объекты, давно забытые и изменившие свое название.

Значения слов Вук описывал сам, основываясь на своем знании языкового чутья и тонко улавливая смысловые различия и оттенки значения, что особенно проявилось в толкованиях слов с широким семантическим спектром⁴⁸. Перевод на латынь

⁴⁶ В некоторых случаях Вук не был достаточно осведомлен о географии названий: *Бегей* — не место, а река в Банате, *Дувно* и *Кладуш* находятся в западной Боснии, а не в Далмации. *Марица* находится не в Косово, а в Болгарии (а в нижнем течении — в Греции и в турецкой Фракии), *Подгорица* (нынешний Титоград) — не в Герцеговине, а на востоке Черногории, *Прилий* (т. е. Прилеп) — в Македонии, а не в Косово, *Скопье*² находится не в Герцеговине, а в западной Боснии, а *Удбина* — в Лике, а не в Далмации. Правда, необходимо иметь в виду, что границы некоторых из упомянутых областей часто менялись с течением времени или даже не были точно определены.

⁴⁷ Из прочих названий можно точно обозначить нахождение места *Гламоч* (городок в западной Боснии), *Голеш* (гора на окраине Косово, упоминается в отрывке из песни, цитируемой в Словаре в статье *Мезево*, как будто речь идет о более северных областях). *Грачианица* — знаменитый монастырь в Косово, *Качаник* — место к югу от Косово, а *Самодрежа* — церковь в Косово. Кроме того, *Барай* мог бы быть городом *Берай* в Албании, а *Власанице* — *Власеница*, область в восточной Боснии (которая в народе и сейчас зовется Власанице), а у названия *йоље Мезево* известна только этимология: венгерское слово *mező* означает «поле».

⁴⁸ В качестве иллюстрации можно, среди прочих, привести слова *заћи* [‘зайти’], *јо* [‘по’], *јобраћим*, *јребацији* [‘перебросить’] и *свијеј* [‘мир’].

и немецкий в основном делал Копитар. Он превосходно знал эти языки, и если казалось, что значение сербской лексемы точнее передает французский или диалектный австрийский эквивалент, то он использовал его. При необходимости он мог приводить древнегреческие или итальянские лексемы, смысловые параллели из античной мифологии и разнообразные ассоциации. При переводе современного лексического фонда на латынь возникают сложности разного рода. Латынь — язык цивилизации, далекой от нашей не только по времени: он отличается от современных языков и набором выражаемых словами понятий. Поэтому иногда очень сложно найти латинские эквиваленты для наших слов. Кроме того, латынь — мертвый язык, и хотя в дошедших до нас текстах отражено большое количество лексем, едва ли можно с уверенностью сказать, что древний римлянин в том или ином случае выразился бы именно так. Свои сомнения при переводе Копитар обозначал вопросительным знаком в скобках. Вуку он также предложил без стеснения пользоваться этим средством, за которым стоит не только интеллектуальная честность, но и мудрая осторожность.

Способ толкования слов в Словаре имеет только один существенный недостаток: неразличение таких явлений, как значения одного и того же слова («полисемия» в терминологии нынешней лингвистики) и звуковое совпадение совершенно разных по значению слов («омонимия»). Так, например, в статье кум значения 'крестный' и 'свидетель на свадьбе' представлены в Словаре так же, как и значения 'повалить' и 'похвалить' для лексемы *йовали-иши* (где два совершенно не связанных слова случайно совпали благодаря выпадению «х») или как *куйа* в значении 'чаша' и *Куйа* (река в Хорватии).

В иллюстрировании значений Вук так же недостаточно строго последователен, как и в других технических решениях Словаря. Толкования значений подкреплялись примерами только в некоторых статьях, там, где Вуку это казалось необходимым, или тогда, когда они были под рукой. И сами примеры неоднородны: чаще всего это тексты народных песен или типичные словосочетания, часто употребляющиеся в повседневной речи. Естественно, иллюстрация оказывалась излишней, когда объяснение слова на сербском было очень подробным или когда в статье приводился какой-либо этнографический или фольклорный контекст.

По инициативе Копитара Вук ввел в Словарь описание многих обычаев, народных верований, заговоров, гаданий, игр и различных деталей из народной жизни, а также несколько легенд, связанных с определенными местами или историческими личностями, и множество других текстов народной прозы (в основном шуточных). Есть и пословицы (например, в статьях *кућеник* [‘хули-тель’], *лош* [‘плохой’], *човек* [‘человек’]) и загадки (например, *брадићи*, *висуљак*, *шуиша* [фольклорные слова, встречающиеся только в загадках]), реже сообщаются исторические факты и сведения об истории языка, чаще всего об истории данного слова.

VIII. О ЯЗЫКЕ СЛОВАРЯ

В языковом отношении ядро Словаря составляют заглавные слова — кроме фольклорных слов, личных имен и инодиалектной лексики — и язык сербских комментариев, содержащихся в словарных статьях. Язык Предисловия и «Сербской грамматики» принадлежит к этому ядру не в полной мере: он содержит специальную терминологию (отчасти и общую лексику современной цивилизации), инородный элемент, своим происхождением и особенностями резко выделяющийся на общем фоне. Это языковое ядро Словаря одновременно является и отправной точкой в развитии нашего литературного языка. Между этим языком и языком, который ему предшествовал, зияет пропасть, вызванная языковой революцией, к современному же языку от него тянется линия непрерывного органического развития. Поэтому этот язык заслуживает пристального внимания нашей науки. Его знание необходимо для описания дальнейшей эволюции языка Караджича и особенно для того, чтобы оценить расстояние, пройденное языком до наших дней за полтора столетия⁴⁹.

Изучение вопроса о диалектной основе нашего литературного языка основано на сопоставлении языка Словаря с говорами

⁴⁹ В нашей оценке мы будем отталкиваться от современного языка той культурной среды, к которой принадлежал сам Караджич, а именно от сербской речи Сербии и Воеводины. Поскольку Словарь написан на иекавице, сравнивать язык Словаря мы будем с иекавским вариантом современного литературного языка.

Особенности словника⁵²

Лексический фонд, представленный в Словаре, имеет по-
длинно народный, диалектный характер, он сформировался в сель-
ской среде и богат терминологией скотоводства, земледелия и
сродных занятий: *би́ля* [‘белый вол’], *зе́льо* [‘серый вол’], *крило́ня*
[‘вол с пестрыми боками’], *кусо́ня* [‘бесхвостый вол’], *медо́ня* [на-
звание быка], *мрко́ня* [‘бурый вол’], *сиво́ня* [‘серый вол’], *шаро́ня*
[‘бык или корова пестрой масти’], *йойко́няк* [‘вол, которого впря-
гают в плуг первым’], *рудня́к* [‘лошадь, которую впрягают ближе
к повозке при запряжке цугом’], *волаш* [имя вола], *воко* [уменьш.
‘вол’], *буцу́ля* [‘маленький коротконогий вол’], *кусу́ля* [‘корова с
коротким хвостом’], *мацу́ля* [‘серая корова’], *меду́ля* [‘рыжая ко-
рова’], *млада́чна крава* [‘корова, отелившаяся весной’], *мрку́ля*
[‘корова темного цвета’], *озимку́ля* (или *озима́чна крава*) [‘корова,
отелившаяся зимой’], *сиву́ля* [‘серая корова’], *цвје́йшу́ля*, *шару́ля*
[‘пегая корова’], *озимче* [‘детеныш домашнего животного, пере-
живший одну зиму’], *алайи́* [‘рыжий конь’], *би́няк* [‘конь’], *буин*
[‘большая, сильная лошадь’], *губа́ль* [‘плохая, худая лошадь’], *дорайи́*
[‘гнедая лошадь’], *җогайи́* [‘конь белой масти’], *зеленко* [‘серый конь’],
јали́ца [‘вьючная лошадь’], *кљу́верина* [‘кляча’], *крѣайи́* [‘серая

⁵¹ Об этих говорах см. монографии: Б. Николић. *Тршички говор*; Ј. Вуковић. *Говор Пиве и Дробњака*; Акценат у говору Пиве и Дробњака. Разумеется, диалектологические описания не могут по широте охвата материала сравниться со словарями, поэтому относительно некоторых деталей, обнаруживаемых в Словаре, мы не найдем в данных монографиях ни положительных, ни отрицательных сведений.

⁵² Разделы 1–6 из текста «Послесловия» к изданию Словаря [1966 г., издательство «Просвета»] (об особенностях системы гласных, согласных, склонения, спряжения, словообразования и синтаксиса) в настоящей книге опущены.

лошадь», *кулаш* [‘лошадь мышастой масти’], *кусаь* [‘кучая лошадь’], *мрков* [‘лошадь темной масти’], *йарий* [‘лошадь’], *йушаль* [‘лошадь с отметиной над копытом’], *чилаш* [‘серая лошадь’], *шарац* [‘белая с черным лошадь’], *оме* [‘жеребенок, которому пошел второй год’], *двогоче* [‘двухлетний жеребенок или теленок’], *йрогоче* [‘трехлетний жеребенок’], *бедевија* [‘арабская лошадь’], *доруша* [‘гнедая кобыла’], *ђогуша* [‘кобыла белой масти’], *мркуша* [‘кобыла темной масти’], *шишакиња* [‘кобыла с остриженной гривой’], *йрећак* [‘лошадь-трехлетка’], *деветшак* [‘лошадь-девятiletка’], *шестшакиња* [‘кобыла-шестiletка’], *седмакиња* [‘кобыла-семiletка’] (и т. д.), *бушина* [бранн. ‘негодная овца’], *двизак* [‘двухлетний баран’], *двиска* [‘овца-двухлетка’], *шиљегвица* [‘молодая овца’], *шиљеж* [‘молодые овцы’], *шиљеже*⁵³ [‘молодая овца’], *биља* [‘белая коза’], *брња* [‘коза с отметиной на морде’], *љейошеџа* [‘название козы’], *йојасица* [‘полосатая коза’], *црвеника*¹ [‘рыжая коза’], *шука* [‘безрогая коза’], *бјелуг* [‘белый боров’], *бјелуга* [‘белая свинья’], *зельуг* [‘кабан серого окраса’], *зельуга* [‘свинья серого окраса’], *јеџан* [‘порода свиней, которые быстро набирают вес’], *крилоша* [название свиньи], *мангулац* [‘кабан, который быстро набирает вес’], *бјелов* [‘белая собака’], *вижле* [порода охотничьих собак], *зельов* [‘собака серого окраса’], *кусов* [‘собака с обрубленным хвостом’], *самсов* [порода крупных собак], *сивац* [‘серая лошадь’], *цуко* [‘собака’], *шаров* [‘собака с пестрой шерстью’], *бијелка* [‘белая курица’], *куса* [‘курица без хвоста’], *криласџи* [‘имеющий бока другого окраса, чем все тело (о скотине)’], *маџасџи* [‘серый (как кошка)’], об окрасе шерсти домашних животных], *йушоногасџи* [‘с отметинами на ногах (о лошади, собаке)’], *ресасџи* [‘имеющий под горлом кожный нарост (о козе)’], *рудасџи* [‘с густой

⁵³ Терминология овцеводства в говоре Караджича была намного беднее той, что до сих пор существует на родине его предков, в области около Дурмитора. Овцеводческой терминологии этого края посвящена статья Аницы Шаулич (А. Шаулић. *Прилог лексици народних говора*. Наш језик, нова серија, VIII, 1956, с. 269–285). Похожие выводы можно сделать на основании статьи Матавуља «Вокруг молока» (*Око млека*) (*Сабрана дела Симе Матавуља*, књ. VII. Београд, 1954, с. 469–473), в которой представлена лексика, распространенная «в южных областях», но не вошедшая в Словарь Караджича. По-видимому, это различие связано с изменением типа овцеводства после переселения из высокогорных районов в холмистую местность северо-западной Сербии, где отсутствуют условия для отгонного скотоводства.

шерстью (об овце)], *цвѣйтасѣ* [‘с белыми пятнами на лбу (о корове)’], *чийав* [‘с маленьким выменем (о козе или овце)’], *чулав* [‘с маленькими ушами (об овце)’], *шушав* [‘безрогий’], *биковий* [‘некастрированный (о воле)’], *буцован* [‘готовый к спариванию’], *бодац* и *бодач* [‘бодливый бык или вол’], *јаловиње* [‘яловый скот’], *крњорог* [‘с одним рогом’], *лийса* и *лийсо* [‘мор скота’], *мекойуй* [‘слабый, с тонкой кожей, на которой легко образуются раны (о лошади)’], *мекоуст* [‘боящийся узды (о лошади)’], *йрчевий* [‘похотливый’], *сйрван* [‘питающийся падалью (о собаке)’]; *воља*^[3] [‘зоб у курицы’], *исјечак* [‘часть свиной туши’], *оглавина* [‘кожа с головы животного’], *йуздра* [‘говяжья жила’], *јарина* [‘шерсть ягненка’], *реа* [‘редкая шерсть’], *рѹда* [‘густая шерсть’], *багљив* [‘имеющий болезнь суставов (о лошади)’], *мейиљайи се* [‘болеть паразитическим поражением кишечника (о скоте)’], *сакагљив* [‘больной ящуром (о скоте)’]; *бийи се*² [‘нереститься’], *блека* [‘блеяние’], *букарийи се* [‘спариваться’], *гонийи се*² [‘спариваться’], *иждријебийи се* [‘ожеребиться’], *изјагњийи* [‘оягниться’], *јаловийи се* [‘становиться яловой (о кобыле, корове)’], *койилийи се* [‘забеременеть в возрасте одного года (об овце или козе)’], *лейейайи се* [‘хлопать крыльями’], *мркайи се* [‘спариваться’], *набризгайи* [‘иметь много молока’ (о корове)], *нарасійийи* [‘оплодотворить’], *омријесійийи* [‘оплодотворить’ (о птицах)], *йобосйи се* [‘пободаться’ (о быках)], *йолог* [‘яйцо, которое оставляют в гнезде, чтобы курица и в следующий раз снесла яйцо в этом месте’], *йорегивайи* [‘порывивать’ (о собаке)], *йосйравийи се* [‘быть съеденным дикими зверями’], *разраколийи се*, *расквоцайи се* [‘раскудахтаться’], *ресайи* [‘цвести, пускать сережки’], *шкамуј* [‘пронзительный лай’], *ае* [междометие для призыва овец], *аис* [междометие, которым погоняют овец], *бири бири* [междометие для подзывания домашней птицы], *воч* [междометие, которым созывают скот], *гиц* [междометие, которым подзывают свиней], *ис*, *иса* [междометие, которым погоняют овец], *иш* [междометие, которым погоняют домашний скот], *кий кий*, *кий луч* [междометие, которым отгоняют ягнят от овец], *йос йос* [междометие, которым подзывают телят или ягнят], *рике де* [междометие, которым погоняют овец], *сйу* [междометие, которым останавливают волов], *цуки* [междометие, которым прогоняют собак], *аискайи* [‘погонять волов’], *валов* [‘корыто для корма свиней’], *воловодница* [‘волы, идущие за коровой’], *изјавийи* [‘выгнать овец’], *ишнуйи* [‘прогнать кур или другую птицу’], *козара* [‘место, где

забивают коз'], *кошац* ['хлев'], *љокайши* ['отгонять теленка от коровы'], *љокач* ['прут, которым отгоняют теленка от коровы'], *мећа* ['жидкий корм для скота'], *мљекар* ['молочник'], *одјавиши* ['отогнать овец'], *иландишије* ['прохладное место, где скот отдыхает днем'], *иланинка* ['женщина, которая доит овец и изготавливает сыр, когда овцы находятся на выпасе в горах'], *йојавиши* ['повести за собой стадо'], *йойасак* ['непродолжительный выпас скота перед дойкой'], *йойасковаши* ['выгонять скот на выпас перед дойкой'], *йоскайши* ['подзывать теленка или ягненка'], *рањеник* ['свинья, которую откармливают перед забоем'], *расїрећи* ['распрячь'], *роваш* ['клеймо на теле животного'], *сјера* ['вода, в которой мыли шерсть'], *солило* ['место, где скот лижет соль'], *сїрежник* ['один из пары коней или волов в упряжке'], *сїрцайши* ['загнать скот'], *сїанарица* ['женщина, которая летом живет при стаде овец в горах'], *ујармиши* ['впрячь вола в ярмо'], *уїући*² ['кастрировать вола']; *бичаље* ['рукоять бича'], *бронза* ['колокольчик на шее у скота'], *дизген* ['повод'], *ђем* ['удила'], *клејка* ['колокольчик у коровы'], *колан* ['подпруга'], *обрїањ* ['кольцо для привязывания лошадей'], *оглав* ['недоуздок'], *силембе* ['нагрудник'], *ћусїтек* ['приспособление для обуздания норовистой лошади'], *узенђија* ['стремя'], *ункаш* ['передняя часть седла'], *швигар* ['тонкий конец плети'], *измече* ['ягненок, извлекаемый из овцы, которую загрыз волк'], *омрциниши* ['убить (животное)'], *ойрзниши* ['распотрошить'], *сїрв* ['останки животного, которого загрыз волк']; *вареника* ['теплое молоко'], *грушайши се* ['свернуться (о молоке)'], *грушевина* ['кислое молоко, особенно из молозива'], *јомужа* ['свежее молоко'], *млаћеница* [разновидность сыра], *йовлака* ['сливки'], *сирац* ['головка сыра в форме хлеба'], *сиришије* ['сычуг'], *суруйка* ['сыворотка'], *йворило* ['форма для изготовления сыра'], *урда* ['свернувшееся молоко'], *алов* ['невод'], *барка* ['садок для рыбы'], *вршка* ['верша'], *загажња* ['бредень'], *кошар* ['корзина для рыболовства'], *мријесї* ['икра (мелкой рыбы)'], *остїве* ['трезубец'], *закрсїйиши* ['перекрестить, закрестить'], *кованлук* ['пасака'], *кованција* ['пчеловод'], *йрвенац* ['первый мед'], *уљаник* ['улей'], *альма* [вид лука], *арилама* [сорт вишни], *бранице* ['фрукты'], *видовка* [сорт вишни], *волујарка* [сорт винограда], *ђулабија* [сорт румяных сладких яблок], *зелењак* ['зеленая кукуруза'], *зуква* [сорт крупных кислых яблок], *јарик* ['яровой'], *јарина* ['летние фрукты'], *јечмача* [сорт груши], *караманка* [сорт груши], *коњувача* ['сорт яблок'], *мацаруша* ['слива'], *мекуша* ['мягкое яблоко или груша'], *мисирача* [сорт

тыквы], *озимица* [‘озимые культуры’], *йавийина* [‘ломонос’], *йо-жешкиня* [сорт сливы], *раька* [‘ранний фрукт’], *рогач* [сорт фасоли, ‘французский боб’], *самониклица* [сорт сладких яблок], *сйарак* [‘сопревшая кукуруза’], *йургуьа* [сорт ранней сливы], *црница* [‘черная черешня’], *чардаклија* [‘большая виноградная лоза’], *чу-чавац* [‘низкорослая фасоль’], *цанарика* [сорт круглой сливы], *класаи* [‘колоситься’], *ластйар* [‘молодой листочек на виноградной лозе’], *маунаи се* [‘выбрасывать стручки’], *ольвина* [‘кукурузные листья’], *орейак* [‘отбросы’], *осје* [‘ости’], *йоникао* [‘поросль’], *йри-чаник* [‘высокорастущая фасоль’], *резница* [‘подрезанная виноградная лоза’], *шийурина* [‘обобранная и срезанная виноградная лоза’], *гулидба* [‘лущение (кукурузы)’], *евенька* [‘молодая лоза, сорванная с гроздьё на ней’], *закойина* [‘недавно раскорчеванное поле’], *изор* [‘наем скота’], *клило* [‘парник’], *кошевина* [‘свежескошенный луг’], *куйичийи* [‘готовить гнезда для семян фасоли’], *лубеничиийе* [‘бахча’], *млаћ* [‘молодой виноградник’], *мочило* [‘место, где вымачивается конопля или лен’], *мочионица* [‘несколько связанных пучков конопли или льна, приготовленных для вымачивания’], *йабирак* [‘остаток урожая’], *йальейковаи* [‘сбирать остатки урожая, плодов’], *йоздерка* [‘кусочек костры’], *йокойица* [‘первое окапывание винограда весной’], *йостайи* [‘часть работы, которую землекопы или жнецы делают за один раз’], *йрашидба* [‘окапывание виноградника’], *ређење* [‘подготовка льна’], *рейиийе* [‘поле, засаженное репой’], *ройквийи* [‘поле, засаженное редисом’], *рукосад* [‘насаждения, посадки’], *сад* [‘плантация, посадки’], *самораст* [‘самосев’], *смоница* [‘тип почвы (для виноградника)’], *сйарац* [‘старый виноградник’], *сйрни* [‘зерновые культуры’], *сйрниийе* [‘жнивье’], *сйрово* [‘куча падалицы’], *йорина* [‘место, где был загон для скота’], *угарнице* [‘поле поднятого пара’], *члан* [‘раздел, отрезок виноградника’], *класобер* [‘сборщик колосьев’], *комилац* [‘луцильщик кукурузы’], *крајобер* [‘последний в ряду жнец’], *куйилац* [‘сборщик урожая’], *мајурица* [‘хуторянин’], *мобарица* [‘крестьянка, оказывающая помощь (соседям) в сельскохозяйственных работах’], *йостайиник* [‘жнец’], *йойричар* [‘виновник потравы’], *буач* [разновидность насекомого-вредителя], *ваган* [мера зерна], *вагаи* [‘колея’], *волујара* [‘вечерняя звезда’], *коловоз* [‘колея, проторенная дорога’], *йойра* [‘порча зерна’], *рйьак* [тип меры зерна], *бабак* [‘рукоятка косы’], *водијер* [‘емкость, в которой держат инструмент для заточки косы’], *гладилица* [‘точило’], *косијер* [‘нож для виноградной лозы’],

косишће [‘коса’], *кошар* [‘забор, изгородь вокруг сарая или стога’], *маљка* [‘доска, ударами о которую очищается лен и конопля’], *муљало* [‘прут для давки винограда’], *огреб* [‘очески, вычески (льна)’], *огребло* [‘гребень для шерсти, конопли или льна’], *йрошак* [‘редкое решето’], *йушница* [‘копильня’], *рогуље* [‘вилы’], *садаљка* [‘колышек для посадки растений’], *йшачка* [‘опора’], *гредель* [‘грядиль (у плуга)’], *гужва орашница* [деталь плуга], *збој* [‘рукоятка плуга’], *крѣеле* [деталь, соединяющая два ярма], *крчало* [‘рукоять плуга’], *курдель* [крепление у плуга], *лемеш* [‘лемех’], *орићак* [‘лопатка, которой чистят плуг’], *цршало* [‘лемех’], *йашока* [‘водка, самогон’], *ршница* [‘водка первой выгонки’], *йшабарка* [‘охлаждающая емкость’], *цибра* [‘осадок при изготовлении вина, воска’], *бадань* [‘кадка’], *ваљарица* [‘мельница’], *дринка* [‘мельница на Дрине’], *кашичара* [‘водяная мельница’], *околиш* [‘мука, которая остается вокруг камня на водяной мельнице’], *йайрица* [‘жернов’], *йасйаль* [‘мучная пыль’], *йоредовник* [‘следующий по очереди помольщик’], *йотшочара* [‘водяная мельница’], *сен* [‘металлическая часть жернова’], *сувача* [‘мельница с конной тягой’], *чекало* [‘трещотка, колотушка’]; *ждрейчаник (јармак)* [‘вага’], *кењача* [‘колесная мазь’], *лошра* [‘ограждение на телеге’], *оје* [‘дышло’], *йлейшница* [‘узкая доска’], *йойтега* [‘железный стержень у передних колес’], *сйица* [‘спица (колеса)’], *срчаница* [‘дрога’], *чайшов* [‘поперечина, перекладина’]; *агршак* [‘кольцо, которое используют женщины при прядении’], *близни* [‘две нити, введенные в бердо вместо одной (в ткачестве)’], *брдо* («женско») [‘часть ткацкого станка’], *друга* [‘веретено’], *колошуре* [‘часть ткацкого станка’], *кунадра* [‘отходы от прядения’], *мосур* [‘ткацкая цевка’], *мошовило* [‘катушка, барабан’], *навијалька* [‘мотовило’], *нанишйи* [‘натянуть, навязать нити’], *нишйи* [‘деталь ткацкого станка’], *оснушак* [‘основа’], *йовјесмо* [‘пучок льна, пасмо’], *йотшка* [‘уток’], *срдачка* [‘ось в ткацком челноке’], *урезници* [‘края ткани, остатки ткани в ткацком станке’], *цијейци* [‘поперечины на ткацком станке’], *чекркиља* [‘самопрялка’], *чимбари* [‘железный стержень, который держит ткань на ткацком станке’], *чунак* [‘челнок’], *ишйила* [‘часть ткацкого станка’], *ишйайац* [‘поперечины на ткацком станке’] и т. д. Весьма развита была лексика фольклора, народных верований и обычаев. Это в том числе *аждаа* [‘дракон’], *алал* [‘благословение’], *аманей* [‘завещание’], *анайемник* [‘проклятый’], *арам* [‘проклятие’], *аранђеловишак* [‘человек, имеющий своим покровителем архангела Михаила’] (и целый ряд других слов с

суффиксом *-ийшак* и значением ‘человек, имеющий своим покровителем данного святого’), *арайшос* [‘проклят’], *безимена неђеља* [‘третья неделя Великого поста’], *бошчалук* [‘свадебный подарок’], *васильица* [‘хлеб, который пекут в день св. Василия’], *васкрсовайши* [‘праздновать Пасху’], *врачар* [‘знахарь’], *гайшара* [‘знахарка, ворожея’], *гайка* [‘сказка’], *грабанцијаш* [‘человек, находившийся в обучении у нечистой силы’], *долибаша* [‘главный гость на свадьбе’], *заврћкола* [‘предводитель хоровода’], *зачелье* [‘главное место за столом’], *зламеновайши* [‘окроплять святой водой’], *злайшоје* [‘обращение к молодому мужчине в семье мужа со стороны новобрачной’], *змај* [‘дракон’], *јенђибула* [‘женщина, сопровождающая невесту’], *кейшеуш* [‘разновидность хоровода’], *колеђани* [‘колядующие’], *коловођа* [‘предводитель хоровода’], *коливо* [‘коливо, сочиво’], *крзница* [‘крестильная рубашка’], *крсионоша* [‘храмовый праздник в селе’], *кумайши се* [‘состоять в отношениях кумовства’], *месојеђе* [‘мясоед’], *мирбожайши се* [‘поздравлять с Рождеством’], *мора* [‘ведьма’], *мрсийейка* [‘человек, не соблюдающий пост’], *мушйулугција* [‘тот, кто приносит добрую весть’], *ошресине* [‘слюда’ (согласно народному поверью, происходит из чешуи дракона)], *йобратимсйво* [‘побратимство’] (и *йоочим* [‘названный отец’], *йосесйиримиши* [‘взять в названную сестру’] и т. д.), *йобушени йонеђељник* [‘второй понедельник после Пасхи’], *йовамйирийши се* [‘стать вампиром’], *йовојница* [‘подарок ребенку после рождения’], *йодушје* [‘поминовение’], *йојушарје* [‘следующий день после славы — праздника покровителя семьи’], *йокоризмић* [‘время от Пасхи до дня св. Георгия’], *йокрижак* [‘Вознесение’], *йокурјачийши се* [‘превратиться в волка’], *йољевачина* [‘деньги, которые гости дарят невесте, когда она им подает воду для умывания’], *йомешино гувно* [‘заброшенное гумно’ (согласно поверью, место, где собирается нечистая сила)], *йоођани* [‘гости, навещающие невесту после свадьбы’], *йрикумак* [‘помощник кума на крещении и на свадьбе’], *йсоглав* [‘человек с собачьей головой’], *ручни ђевер* [‘родственник жениха, который сопровождает невесту в день свадьбы’], *сабор*² [‘собрание народа в монастыре’], *саландар* [‘пожертвование в монастырь на поминовение усопших между Пасхой и Вознесением’], *свечар* [‘тот, кто сегодня празднует славу’], *Соломуново слово* [‘знак, используемый в знахарстве’], *сйасовишише* [‘место, где празднуется Вознесение как местный праздник’], *средойосна неђеља* [‘четвертая неделя Великого поста’], *уроци* [‘сглаз’], *усйук* [‘магическое слово’], *чйни*

['чары'], *чудоѡворан* ['чудотворный'], *цин* ['великан']. Подобная лексика — ценнейший документ, свидетельствующий о времени и среде. Она рассказывает нам и о материальной культуре, частично ушедшей, а частично уходящей. Интересны названия одежды и обуви (*анѡиерија* [вид одежды], *белнук* [разновидность одежды, с рукавами и без], *биѡиш* ['плащ с длинными рукавами'], *ваћел* ['головной платок'], *виновес* ['красивая феска'], *галош* ['лента'], *зубун* ['куртка'], *долама* ['кафтан'], *ћечерма* ['расшитый и разукрашенный жилет'], *ћувезлија* ['шелк'], *зайонци* ['застежка'], *јајунце* ['дождевой плащ'], *јеменија* ['женский платок'], *јеменије* [разновидность обуви], *кавад* ['женская куртка из шелка или бархата'], *калавре* ['короткие штаны'], *калѡак* [разновидность головного убора, отороченного мехом], *калчине* [разновидность коротких чулок], *кићенка* ['шапка с кисточкой'], *конђа* ['обруч для волос'], *койоран* ['кафтан'], *мукадем* ['пояс из особой, дорогой ткани'], *мулије* ['разрез на одежде'], *наврнчаѡи* ['прикрепить ремни к обуви'], *назувак* [разновидность вязаных носков], *обувача* ['ремень для обуви'], *ождријеље* ['воротник'], *ојлећак* ['передняя часть женской рубашки'], *ојрежина* ['фартук'], *ѡашмаге* ['туфли'], *ѡеришани* ['украшение, которое носили на голове'], *ѡѡйкайак* ['шапочка'], *ѡросѡриж* ['разрез'], *ѡулија* ['пуговица'], *саја* [вид материи], *сандал* [вид турецкой материи], *сѡјајаћница* ['праздничная рубашка'], *ѡарѡѡш* [разновидность женского головного убора], *ѡейелук* [разновидность женского головного убора], *ѡеркија* ['ремень'], *ѡерлуци* ['женские туфли'], *ѡѡзлуци* [разновидность чулок], *ћелейѡш* [разновидность головного убора], *ћурак* ['плащ на меху'], *ѡйлейћак* ['лента для волос'], *ѡсѡерак* ['вставка на штанине'], *ѡчкурлук* ['прорезь для веревки, которой завязываются штаны'], *фѡрмен* ['мужской жилет'], *чейѡц* [разновидность женского головного убора] и т. д.); названия посуды (*бечка* ['пивная бочка'], *бокара* ['кувшин'], *бремѡница* ['бочка'], *врг* ['сосуд из тыквы'], *вѡија* ['сосуд для воды из высушенной тыквы'], *дѡѡја* [разновидность бочки], *дебе* ['деревянная посуда, выдолбленная из куска дерева, с крышкой'], *дрѡѡяча* ['деревянная кружка'], *ћугум* ['медный сосуд для воды'], *засѡѡруга* ['деревянная посуда, с крышкой'], *зеѡѡѡница* ['сосуд, в котором держат растительное масло'], *земљѡница* ['глиняная посуда'], *јѡлѡѡава* ['походная сковорода'], *калајлија* ['оловянная миска'], *касѡрола* ['железная посуда для варки'], *каѡѡраница* ['сосуд для дегтя'], *коршѡв* ['глиняная посуда для воды'], *крѡѡь* ['сосуд из высушенной

тыквы'], *куйусара* ['бочка для квашения капусты'], *кушао* ['кружка'], *леђен* ['таз'], *лубура* ['корзина'], *луковица* ['ступа для чеснока'], *машиџрафа* ['стеклянный стакан'], *милојка* ['керамический кувшин'], *обручан* [разновидность горшка], *џека* ['посуда, которой накрывают хлеб, чтобы он быстрее испекся'], *сан* ['миска, поднос'], *сайлак* ['металлический стакан'], *џенџера* ['медная посуда без ручки'], *чобања* ['деревянная посуда для воды'] и т. д.) и названия блюд (*боџман* [разновидность хлеба], *брашњеница* ['еда, приготовляемая в дорогу'], *бунгур* ['кукурузная или пшеничная крупа'], *зерде* ['сладкое блюдо из риса'], *јечменица* ['ячменный хлеб'], *каља* ['блюдо из вареной капусты с мясом'], *квашеница* ['хлеб, обжаренный в яйце'], *кешке* ['пшеничная или рисовая каша с мясом'], *киселица*² ['окрошка'], *комбосџ* ['блюдо из вареной квашеной капусты'], *локума* [разновидность оладьев], *луковача* ['кукурузный хлеб с луком'], *мавиш* [разновидность выпечки], *ойарница* [разновидность кукурузного хлеба], *џайула* ['вареный горох'], *џрга* [разновидность пшенной каши], *џреврайџа* ['блюдо из муки и яиц, жареных на масле'], *џрженица* ['жареный хлеб'], *ражовница* ['ржаной хлеб'], *салей* ['сладкий напиток с медом'], *сайџрица* ['тесто, натертое на терке'], *симийџ* [разновидность хлеба], *суџилија* ['рис, сваренный в подслащенном молоке'], *џиџвара* ['вареное блюдо из муки, масла и сыра'], *чимбур* ['блюдо из яиц и сливок'] и т. д.)⁵⁴. Об общественных отношениях и ситуациях нас информируют слова: *ага* ['ага'], *азнадар* ['кассир'], *ајдук* ['разбойник'], *айсана* ['тюрьма'], *арамбаџа* ['предводитель'], *аргаџин* ['наемный рабочий'], *аџија* ['паломник'], *базерђамбаџа* ['сборщик таможенных пошлин'], *баџа*

⁵⁴ Примечательно, что в Словаре отсутствует большинство блюд, обычных для современной сербской кухни, например, *каџама* ['капама, тушеная баранина с зеленым луком'], *мусака* ['мусака, род запеканки из картофеля или баклажанов с мясом'], *џайазјанија* ['папазьяния, блюдо из мяса и овощей'], *џљескавица* ['рубленое мясо, жаренное на жаровне'], *ражњџи* ['ражњичи, шашлык'], *ђеваџџиџи* ['чевапџичи, рубленое мясо в форме маленькой сосиски, жаренное на жаровне'], *ђулбасџија* ['жаренный на жаровне кусок мяса'] (однако *гибаница* ['гибаница, слоеный пирог с сыром'], *ђувече* ['мясо, приготовленное в горшке'], *џилав* ['плов'], *сарма* ['голубцы'], *ђуфџиџа* ['тефтели'] присутствуют). Может быть, некоторые из названных блюд в то время были распространены только в городе? О *капама* [тушеной баранине с зеленым луком] Вук расспрашивал в своем последнем письме, адресованном В. Василевичу, от 16 января 1864 г. (на этот факт мое внимание обратил Голуб Добрашинович).

['старейшина'], *беглук* ['государственная собственность'], *беговац* ['господин'], *бекавица* ['чтение по складам'], *бубоѝа* ['день наказания учеников в школе'], *бурунѝија* ['приказ'], *валаке* ['приспособление для связывания человеку ног во время наказания'], *везир-сѝиво* ['область, которой управлял визирь'], *вилаеѝи* ['земля'], *винарина* ['налог на вино'], *газдалук* ['богатство'], *газиблаѝо* ['мелкий чиновник'], *давуѝија* ['обвинитель'], *ђувендија* ['рабыня'], *ђуѝуричар* ['наемный рабочий'], *ефендија* ['господин'], *задруга* ['семейная община'], *зимовник* ['зимнее жилище (в том числе у гайдуков — разбойников)'], *зулумђар* ['угнетатель'], *играѝија* ['танцор'], *јаѝаѝак* ['сообщник'], *јемин* ['турецкий чиновник'], *јеминовац* ['подчиненный эмина, турецкого чиновника'], *кадија* ['судья'], *кадинац* ['представитель судьбы'], *калауѝиѝина* ['плата, которую получает торговый посредник'], *кесеѝија* ['разбойник'], *кмеѝи* ['сельский староста'], *кнежина* ['область, административная единица'], *кнез* ['правитель области'], *койиле* ['внебрачный ребенок'], *крзларага* ['верховный евнух'], *мезил* ['вестовой'], *муселим* ['заместитель визиря'], *муфѝија* ['муфтий'], *надничар* ['поденщик'], *наија* ['область, административная единица'], *наѝоличар* ['испольщик'], *оборкнез* ['глава административной единицы'], *оклаѝиѝиѝи* ['приобрести что-то путем спекуляции'], *окрѝи* ['половина налога, выплачиваемого за ребенка'], *ѝађенија* ['работы, выполнявшиеся для монастыря'], *ѝазарија* ['товар, изготавливаемый для ярмарки'], *ѝанађуриѝиѝе* ['ярмарка'], *ѝандурница* ['караульная'], *ѝараклисара* ['церковный сторож'], *ѝаракувар* ['помощник повара'], *ѝаруѝија* ['заказная молитва'], *ѝаѝа* ['паша'], *ѝаѝалук* ['пашалык'], *ѝаѝинац* ['тот, кто служит у пашѝи'], *ѝрђавор* ['монастырское имение'], *ѝрђаворац* ['тот, кто живет и работает в монастырском имении'], *ѝрђаворчад* ['дети тех, кто живет и работает в монастырском имении'], *рефена* ['складчина'], *руфетѝи* ['ремесленный цех'], *санѝак* [административная единица], *сараори* ['рабочие'], *сердар* ['начальник области в Черногории'], *сѝаѝија* ['помещик'], *субаѝа* ['заместитель старейшины'], *ѝаѝарин*² ['вестник'], *ѝелал* ['глашатай'], *ѝерзибаѝа* ['глава цеха портных'], *ѝефѝѝедар* ['кассир, бухгалтер'], *ђеш* ['досмотр убитого'], *ђурчибаѝа* ['глава цеха скорняков'], *ђерман* ['декрет султана'], *ѝерибаѝа* ['цыганский старейшина'], *ѝеѝеѝија* ['предводитель отряда'], *ѝивуѝѝана* ['еврейский квартал'], *ѝиѝлук* ['поместье, в котором крестьяне были в двойном подчинении: спаѝии и читлук-саѝибиѝи'], *ѝиѝлуксаѝибија* ['помещик, эксплуатировавший крестьян

одновременно со спахией на основе ленного права), *читилучийи* [‘обращать деревню в читлук (поместье особого рода)'], *чобанија* [‘плата пастуху’], *целайи* [‘палач’]. В названиях ремесел и других профессий, возможно, больше чем где бы то ни было, сталкиваются разные культуры. Наряду с сербскими словами, такими как *видар* [‘знахарь’], *воденичар* [‘мельник’], *врѣйенар* [‘мастер, изготавливающий веретена’], *гвожђар* [‘торговец скобяными товарами’], *зидар* [‘каменщик’], *качар* [‘бондарь’], *књижар* [‘книготорговец’], *кобасичар* [‘колбасник’], *ковач* [‘кузнец’], *козар* [‘пастух, который пасет коз’], *коњушар* [‘конюх’], *койлар* [‘котельщик’], *койлокрѣ* [‘тот, кто ремонтирует котлы’], *кројач* [‘портной’], *лађар* [‘матрос’], *лончар* [‘гончар’], *љекар* [‘врач’], *медар* [‘пчеловод, бортник’], *месар* [‘мясник’], *млинар* [‘мельник’], *овчар* [‘овцевод’], *ојанчар* [‘лапотник’], *јекар* [‘пекарь’], *јивар* [‘пивовар’], *јудар* [‘винодел’], *рајшар* [‘земледелец’], *свињар* [‘свинопас’], *седлар* [‘изготовитель седел’], *солар* [‘торговец солью’], *шрговац* [‘торговец’], *чувар* [‘сторож’], здесь много турецких: *абација* [‘кузнец’], *алвација* [‘изготовитель халвы’], *анџија* [‘держатель постоянного двора’], *арачлија* [‘сборщик податей’], *бакал* [‘бакалейщик’], *башчованџија* [‘садовник’], *бербер* [‘цирюльник’], *бузација* [‘продавец бозы’], *вурунџија* [‘пекарь, печник’], *дунђерин* [‘плотник’], *дућанџија* [‘лавочник’], *јасакчија* [‘телохранитель’], *казаз* [‘изготовитель шнуров, веревок, пуговиц’], *каиџија* [‘лодочник’], *калаџија* [‘лудильщик’], *кириџија* [‘извозчик’], *кованџија* [‘пчеловод’], *мекѣерин* [‘музыкант’], *мутѣавџија* [‘изготовитель покрывал из грубой шерсти’], *неимар* [‘зодчий’], *јайуџија* [‘сапожник’], *сајунџија* [‘мыловар’], *сарач* [‘изготовитель седел’], *саџија* [‘часовщик’], *симиџија* [‘булочник’], *скелеџија* [‘перевозчик’], *шабак*² [‘скорняк’], *ћумурџија* [‘угольщик’], *чизмеџија* [‘сапожник’]. Характерно наличие дублетов типа *злашар* / *кујунџија* [‘ювелир’], *књигоноша* / *саија* [‘почтальон’], *кожуар* / *ћурџија* [‘скорняк’], *кројач* / *шѣрџија* [‘портной’], *кувар* / *ашиџија* [‘повар’], *јасѣшар* / *чобанин* [‘пастух’], *јушкар* / *шѣфекџија* [‘оружейник’], *седлар* / *самарџија* [‘изготовитель седел’], *бојација* / *молер* [‘красильщик’], *крчмар* / *бирѣаш* / *меанџија* [‘трактирщик’], *рибар* / *алас* [‘рыбак’], *корманош* / *думенџија* [‘кормчий’], *учиѣиљ* / *мађисѣтор* [‘учитель’].

Не случайно в Словаре богато представлена военная и оружейная терминология: *аберник* [‘пушка’], *авдиѣтор* [‘военный судья’], *алај* [‘полк’], *арбија* [‘шомпол’], *балчак* [‘рукоятка меча’], *баљемез* [‘старинная пушка большого калибра’], *баруѣи* [‘порох’],

баџалија [‘битва’], *бердо* [‘кто идет?’ (окрик стражи)], *бимбаши* [‘майор’], *бирманац* [‘солдат, которого насильно взяли в армию’], *брандла* [‘пушечный фитиль’], *бреши* [‘брешь’], *бркља* [‘заграждение перед окопом’], *буздован* [‘булава’], *буљубаши* [‘командир подразделения в турецкой армии’], *бусија* [‘засада’], *ваља* [‘затвор в ружье’], *веденик* [‘пистолет венецианского производства’], *вишек* [‘патрон’], *врајкорац* [‘доброволец’], *врлезоваџи* [‘призывать солдат’], *даницка* [‘ружейный ствол’], *добош* [‘барабан’], *ђуле* [‘пуля, ядро’], *засједа* [‘засада’], *зельош* [‘пушка зеленого цвета’], *јуришаџи* [‘брать штурмом’], *кавал* [‘разновидность ружья’], *кайлар* [‘капрал’], *караула* [‘сторожевая башня’], *кашкеџ* [‘фуражка’], *комендаџи* [‘командир’], *комендираџи* [‘командовать’], *койље* [‘копье’], *кундак* [‘приклад’], *лазарин* [‘ствол ружья’], *лаћман* [‘лейтенант’], *лубарда* [‘снаряд’], *мејтериз* [‘окоп’], *мејтерижњаца* [‘длинное ружье’], *оборлаћман* [‘обер-лейтенант’], *обрџиџер* [‘полковник’], *овиџир* [‘офицер’], *ойкой* [‘окоп’], *јалош* [‘длинный широкий меч’], *јапаразлама* [‘кольцо на ружье’], *јапарада* («rompa militaris») [‘парад’], *јаџиролица* [‘патрульное судно’], *јјешадија* [‘пехота’], *јойџираџиџи* [‘подсыпать пороха’], *рџиџник* [‘тот, кто сражается в первых рядах’], *сабља* [‘сабля’], *самовољац* [‘доброволец’], *сачма* [‘пуля, используемая в патроне охотничьего ружья’], *солдаџи* [‘солдат’], *џабља* [‘лафет’], *џобџибаши* [‘старший артиллерист’], *ујарадиџи* [‘подготовить к параду’], *ушанџиџи се* [‘окопаться’], *чаркаџија* [‘солдат, сражающийся на передней линии’], *чејџокаиџ* [‘разновидность военного судна’], *чиџиџилица* [‘приспособление для чистки пушек’], *џебана* [‘боеприпасы’], *џенераџ* [‘генерал’], *џида* [‘тонкое копье’], *џанаџ* [‘траншея, окоп’], *џарамџов* [‘окоп’], *џарџель* [‘ткань, которая подкладывалась на плечо, чтобы удобнее было носить ружье’], *џиљбок* [‘часовой’], *џиџчалук* [‘место, куда вставляется шомпол’], *џиџа* [‘вид ружья’], *џиџар* [‘стрелок’], *џоџа* [‘разновидность ружья’] и т. д. Кочина война⁵⁵ и Первое восстание научили сербов, и раньше знакомых с оружием, многим новым понятиям военного ремесла. Большая часть нововведенных понятий пришла с австрийской Военной границы. В Кочиной войне сербы воевали за Австрию и под ее началом, а в войсках Первого восстания среди офицеров было много перебежчиков с Военной границы, которые неоднократно

⁵⁵ Кочина война — антитурецкое движение на территории центральной Сербии в конце XVIII в. Во главе движения стоял Коча Анджелкович. — Ред.

играли важную роль инструкторов. Разумеется, через австрийское посредство до сербов доходили и другие термины современной цивилизации: *амрел* ['зонт'], *айайтека* ['аптека'], *банка* ['банкнота'], *комендија* ['комедия'], *креда* ['мел'], *йошџа* ['почта'], *ракей* [л?а ['снаряд'], *такса* ['такса, тариф'], *шйиџаљ* ['больница'].

Перемены в образе жизни лишили актуальности многие слова, упомянутые в этой главе. Сегодня эти слова можно встретить разве что в текстах о прошлом, а регионализмы, которых также много среди приведенных нами лексем, могут быть использованы только в описаниях народной жизни в определенной области. Развитие общества, а иногда и развитие языка как такового, превратило в архаизмы и историзмы и многие другие слова, представленные в Словаре. Сегодня для среднего сербского читателя в большинстве случаев чужими являются слова *абајлија* ['конская попона из грубого сукна'], *абеньак* ['суконная шапка'], *адум* ['евнух'], *азурала* ['готовьтесь; ну-ка; а ну'], *аир* ['счастье'], *алале* ['браслет'], *алалем* ['вероятно'], *алдумашче* ['чаевые'], *амаз* ['мусульманская молитва'], *аман* ['кажется'], *амбарайи*, *амбарнуџи* ['делать /делать ход при игре в кольцо'], *амбуља* ['мешок'], *Англија* ['Англия'], *арар* ['мешок'], *аргаџија* ['поденные рабочие'], *арка* ['спинка (на одежде)'], *аџибул* ['овечья кожа, которую подкладывают на седло'], *аџилија* ['всадник'], *аџаи* ['чудак'], *аџинедомак* ['паломник, не добравшийся до цели, неудачник'], *аџуван* ['возлюбленный'], *аџаријасџи* ['озорной, проказливый'], *бадало* ['болевая точка'], *база* ['бузина'], *базерџан* ['торговец, купец'], *баја* ['страшилище'], *баланиџић* ['der Klöppel, язык колокола'], *бацкаџи* ['колоть'], *бекуџа* ['бритва; нож для бритья'], *бескорка* ['складной нож, бритва без чехла; сорт тыквы'], *бесџара* ['тряпка для мытья посуды'], *богаз-лук* ['белая кожа под горлом у лисы'], *болозан* ['вид лодки'], *бољма* ['лучше'], *бравайи* ['идти, как больная вертячкой овца'], *брбучиџи* ['врезаться во что-то'], *брљало* ['тот, кто непонятно говорит'], *бунина* ['мусор'], *вандрџа* ['кусочек содранной кожи'], *вергија* ['налог, дань'], *вейџма* ['судебное решение'], *вижлин* ['серебряная турецкая монета'], *виновесак* ['красивая феска'], *вишњовик* ['вишневое вино'], *војџиџина* ['армия'], *волаџи се* ['играть в игру, цель которой — кидая палку, сбить другие палки], *врџиџић* ['тыква'], *грешџика* ['дикий виноград'], *деликанлија* ['сильный и вспыльчивый молодой мужчина'], *дойрежаџи* ['дождаться, выследить, поймать'], *дундар* ['толпа'], *дурбак* [межд. 'посмотри'], *џаџа*, *џаџаш* ['иногда'], *џерчек*

[‘действительно, на самом деле’], *ексиклук* [‘несчастье’], *елбейтена* [‘если’], *емшерија* [‘земляк’], *ендезе* [мера длины], *ешак* [‘возбуждение, восторг, восхищение’], *збравайти* [‘заблудиться’], *закрајинији се* [‘начаться (о войне)’], *издирала, измицауз* [межд. ‘беги!’], *инди* [‘таким образом’], *ира* [‘дубленая овечья кожа’], *ишарей* [‘намерк’], *јазија* [‘письмо’], *јако* [‘сейчас’], *јегленце* [‘разговор’], *јокџур* [‘нет’], *казанија* [‘количество ракии, которую дают тому, кто одолжит котел для перегонки ракии’], *калѝ* [‘ложный; дурной, негодный’], *каљун* [‘вид корабля’], *канаве* [‘специальный сундук или корзина для хранения бутылок’], *крменција* [‘золотая турецкая монета’], *кровуљина* [‘сено, которое идет на покрытие крыш’], *кумсал* [‘мелкий песок’], *кушак* [‘пояс’], *кушама* [‘празднество у ремесленников по случаю производства подмастерья в мастера’], *лиџаџур* [слово в словаре Вука не обнаружено], *љокнуџи* [‘отогнать теленка от коровы (от межд. *љок!*)’], *мазгалија* [‘глупость’], *мањма* [‘меньше’], *мива* [‘фрукты’], *минле* [‘толпа’], *мискал* [‘денежная единица’], *муамедлија* [‘Коран’], *муанай* [‘тот, кто чего-то не выносит; чувствительный к чему-либо’], *муасера* [‘осада’], *нијеџи* [‘намерение, решение’], *оашлучиџи* [‘снабдить деньгами’], *одаће* [сущ. от глагола со значением ‘отдавать’], *одвракаџи* [‘отрезать’], *ођа* [‘дорога’], *ожђелдија* [‘приветствие’], *ојнак* [‘орех’], *ојала* [‘негодная вещь’], *ойдодјичиџи* [‘отнять детеныша от вымени у коровы, овцы, другого животного’], *ойсџрзайџи се* [‘колебаться, медлить’], *орлаш* [‘талер с изображением орла’], *йаразлама* [‘кольцо на стволе ружья’], *йильцика* [‘деревяшка, закругленная с обеих сторон; детская игра с такой деревяшкой’], *йолугрошница* [‘старинная мелкая монета в полгроша’], *йойик* [‘название игры’], *йойайсаяџи* [‘скрыть, утаить’], *йунишаке* [‘карточная игра’], *йунџиваин* [‘разновидность вина’], *йуаре* [‘штаны широкого покроя’], *разма* [‘кроме’], *ракам* [‘счет’], *рушџа* [‘венецианский золотой дукат’], *салѝ* [‘только’], *сврзибрада* [‘тот, кто обрил бороду’], *сврзислово* [‘тот, кто бросил учебу в школе’], *сџучиџи* [‘застегнуть; сложить крылья’], *сџола* [‘маленький стул’], *џомруци* [‘колодки, в которые заковывают заключенного’], *џријеба* [‘нужда, потребность’], *џриџанцук* [‘складная коса’], *џуџишло* [в выражении *џу* и *џуџишло* ‘как ни в чем не бывало’], *ђелеџир* [‘добыча’], *ђенар* [‘край, округа’], *уџбашилија* [‘пояс’], *уисаџи* [‘подобать, приличествовать’], *уишџилиџи* [‘угадать, у кого кольцо (в игре)’], *учџуглија* [‘паша или визирь’], *царевица* [‘монета’], *чала* [межд. ‘бей! стучи!’], *чеиз* [‘приданое’], *чуг* [‘игра, в которой перебрасываются

мячом, ударяя по нему палкой’], *цагара* [‘класс в монастырской школе’], *цењак* [‘бой’], *шамалаца* [‘ткань дамаст’], *шемиѣта* [‘шнур, тесьма, украшающая одежду спереди’] и т. д.⁵⁶ Естественно, что среди таких слов очень много турцизмов. Иностранные слова зачастую составляют поверхностный слой в лексической системе. Они связаны с конкретным временем и конкретными обстоятельствами и исчезают, как и появились, вместе с обозначаемыми понятиями. Многие из этих слов никогда не были особенно частотны в нашем языке. Вук правильно заметил, что «некоторые и раз в год не услышишь» (Предисловие, стр. XX).

Еще более эфемерны слова, созданные *ad hoc* и живущие только в какой-нибудь загадке (*баура* [‘комолая овца’], *бјега* [‘тот, кто бегаёт’], *бјела* [‘свеча’], *брадићи* [‘подбородок’], *бус* [‘ком земли’], *вило* [‘то, что вьется’], *висуљак* [‘то, что висит’], *гледочићи* [‘глаза’], *загалица* [‘мельница’], *мићиволдос* [из загадки о черепахе], *носочићи* [‘нос’], *ојеченчело* [‘часть очага’], *седлица* [из загадки об улитке], *сједа* [‘тот, кто сидит’], *сједин* [здесь: название города], *шолдос* [из загадки о черепахе], *шролијеска* [от *лијеска* ‘орешник’], *шрчуљак* [‘то, что бегаёт’], *устјочићи* [‘рот’], *цигулин* и *цицибан* [из загадки о мельнице], *челочићи* [‘лоб’], *чуча* [‘тот, кто сидит’], *шаргизда* [из загадки о птице], *шейља* [из загадки о мельнице] и т. д.), в анекдоте (*благословина* [из рассказа о телеге, в котором это слово рифмуется с *осовина* ‘ось’], *вргађур* [‘плохая ярмарка’], *гобела* [‘деталь колеса’], *грасуљ* [игра слов из *грах* и *јасуљ* ‘фасоль’], *деригуша* [‘еда или напиток, которые обжигают горло’], *ђакуићи* [без значения, от слова *ђак* ‘ученик, послушник’], *зорац* [игра слов, от *зора* ‘заря’], *јагњиво* [‘место, где плодятся овцы’], *кикош* [‘курица’], *клинчороба* [‘похлебка из гвоздя’], *лагала* [шутл. ‘орудия лжи’], *молибог* [шутл. ‘паломник’], *моћиква* [игра слов из *моћика* ‘мотыга’ и *ићиква* ‘тыква’], *наворњак* [‘просфора’], *найнигуша* [о лягушке: ‘та, которая раздувает горло’], *найрч на йрч* [‘быстро’], *йиривайра* [‘поджигатель’], *йиц* [от *йица* ‘косточка’], *йозајарийи* [искаженное *йазарийи* ‘покупать’], *йокурац* [игра слов, от *йокровац*

⁵⁶ Многие из этих слов не прижились в нашем литературном языке, хотя Вук их и включил в свой Словарь. Это хорошо показывают опубликованные тома «Словаря сербскохорватского литературного и народного языка» Сербской академии (САНУ). Если проверить по этому словарю слова *амбарайи*, *амбуља*, *аишбур*, *болозан* или *виновесак*, оказывается, что они подтверждаются только словарем Караджича.

‘покрывало’], *Прокай* [шутл. имя собственное], *седмокрак* [‘семиногий’], *ѣириѣииска* [искаженное *ѣириѣилик* ‘нитки’], *ѣакиница* [‘жена отца’], *челац* [‘пчела’], *честѣоскок* [‘частые прыжки’], *чѣйврийин* [‘четверг’]), в шуточном рассказе или игре (*живодерац* [‘с которого живым содрали кожу’], *ѣуѣроклек* [‘асафетида’ (растение)], *куѣеник* [‘хулиитель’], *ѣаѣарица* [*вѣчнаја ѣаѣарица*: шутл. вместо *вѣчнаја ѣамјаѣ* ‘вечная память’], *ѣиговна* [вымышленное название птицы], *ѣорѣбарац* [шутл. ‘отец’], *ѣорѣбуѣа* [шутл. ‘мать’], *ѣунгуз* [вымышленное название блюда]).

Иногда мы встречаем у Вука слова в необычной или редкой для современного языка форме: *алкуран*, *доброѣуд*, *замолийи се*, *кинуѣи се*, *ѣуцаѣи се*, *Шѣаѣур* (ср. современные формы *куран* или *коран* [‘коран’], *доброѣудан* [‘добродушный’], *замолийи* [‘попросить’], *скинуѣи се* [‘раздеться’], *ѣуцаѣи ѣѣдан на другога* [‘стрелять друг в друга’], *Шѣаѣолац* или *Шѣанац* [‘испанец’]). Случается, что более привычную для современного языка форму Вук дает с отсылкой к другому варианту или даже другому слову. Так, *мудросѣи* дается с отсылкой к *мудрина* [‘мудрость’], *ноѣнѣа* к *ноѣиво* [‘народный костюм’], *Русѣја* к *Московска* [‘Россия’], *саонице* к *саони* [‘сани’], *ѣѣобожѣи* к *ѣѣокориѣи* [‘мнимый’], *ѣурка* к *ѣура* [‘индейка’], а *ѣура* к *будија* [‘индейка’] и т. д.

Достаточно частотны семантические различия между языком Вука и современным языком. Для некоторых слов в Словаре приводятся значения, более или менее отличные от современных (современные же, напротив, в Словаре отсутствуют). Слово *гласаѣи* здесь означает вид рукоделия [совр. — ‘голосовать’], *град* — крепость, а не большой населенный пункт, *забрана* — заказник [совр. — ‘запрещение’], *коб* — это встреча, а не судьба, *Косѣур* — лишь географическое название [совр. — ‘скелет’], а *Крагуј* — мужское имя [совр. — ‘хищная птица’], *круѣи* — толстый [совр. — ‘крутой’], *милиѣја* — территория австрийской Военной границы [совр. — ‘милиция’], *нагон* — выгон свиней на берег Савы для продажи в Австрии [совр. — ‘инстинкт’], *намѣра* — встреча или случай [совр. — ‘намерение’], *облог* — спор [совр. *облога* — ‘компресс’], *оговараѣи* — защищать от нападков [совр. — ‘осуждать’], *ѣланина* — горный лес [совр. — ‘гора’], *ѣлаѣина* — полено, а не благородный металл⁵⁷, *ѣовод* — повод для управления лошастью

⁵⁷ В данном случае речь, разумеется, идет о словах разного происхождения.

[совр. — ‘повод, причина’], *йожар* — лесной пожар [совр. — ‘пожар’], *йойковица* — диминутив от *йойкова*, *йрийисак* — тяжелый предмет, который устанавливается на крышу, чтобы ветер не снес соломой [совр. — ‘давление’], *сийнина* — мелочи [совр. — ‘мелкие деньги’], а *сийница* — лесная черешня [совр. — ‘мелкая вещь’], *случај* — событие [совр. также — ‘ситуация’], а *Сйруја* — женское имя [совр. — ‘электричество’].

Похожие семантические расхождения, более или менее серьезные, присутствуют в словах: *бабура* [‘вид печи (без кафеля)’], *барка* [‘садок для рыбы’], *байинайи* [‘говорить глупости’], *бушина* [‘бедро’], *вјенчаница* [‘деньги за венчание’], *воћ* [‘проводник слепого’], *вољейи* [‘предпочитать’], *гануи* [‘вывихнуть’], *годишњак* [‘годовалая лошадь’], *госйођица* [‘госпожа, женщина’], *гријешка* [‘ткацкий термин: пропуск зубца на берде’], *грозан* [‘1. гроздь винограда; 2. устойчивый эпитет к слову *сузе* «слезы»; 3. сильный (о дожде)’], *грокѣйи* [‘1. каркать; 2. напевать’], *двојка* [‘двухкамерная бочка’], *дворишће* [‘место, где когда-то был двор, руины’], *довољан* [‘довольный, удовлетворенный’], *доказайи* [‘1. сделать понятным; 2. тайно сказать’], *домовина* [‘дом и двор, имение’], *ђегоћ* [‘1. где всегда; 2. когда-нибудь’], *закон* [‘1. религия, вера; 2. Евхаристия; 3. обычай, закон’], *закорачийи* [‘сделать неправильный шаг’], *застава* [‘1. место в конце стола; 2. засада; 3. флаг’], *застуйайи* [‘быть в пути’], *заузейи се* [‘1. присоединиться к кому-либо; 2. взять что-либо’], *звечка* [‘железная плита, пластина, которая использовалась в монастырях вместо колокола, особенно в Турции’], *изјавийи* [‘вывести (стадо)’], *изложийи* [‘выложить (товары)’], *измјена* [‘перемена, смена’], *износ* [‘слом’], *коб* [‘встреча’], *крсѣаш* [‘крестоносец’], *лебдийи* [‘нежно ухаживать, заботиться’], *лола* [‘оскорбительное обозначение высоких тощих людей’], *љубавник* [‘обращение к незнакомцу’], *мањкайи* [‘издохнуть’], *мекушац* [‘рак, сбрасывающий панцирь весной’], *наградийи* [‘приготовлять’], *назор* [‘будь осторожен, внимателен’], *налей* [‘задира’], *найусийи* [‘отпустить’], *нарочийи* [‘отчетливо, определенно’], *насеље* [‘жилище’], *насий* [‘дамба, плотина’], *наслон* [‘крытая галерея’], *нашуйи* [‘набрасывать’], *немоћ* [‘болезнь’], *нейрилика* [‘неравенство’], *обиљежје* [‘знак, отметка’], *објелоданийи* [‘обнаружить среди бела дня’], *облик* [‘лицо’], *обуставийи* [‘остановить’], *одјавийи* [‘отогнать’], *одликовайи* [‘выжидать, приличествовать’], *одлучийи* [‘1. отвадить, отучить; 2. принять решение’], *омесийи* [‘предотвратить’],

ослободиѣи [‘произвести подмастерья в мастера’], *особина* [‘особое свойство’], *йажња* [‘уважение, любовь’], *йовлака* [‘сливки’], *йодручје* [‘область, находящаяся под чьей-то властью’], *йоразийи* [‘губить, разрушать’], *йословица* [‘разновидность тайного языка крестьян’], *йоучавайи* [‘немного поучать’], *йриговарайи* [‘попрекать’], *йријейис* [‘воинская повинность’], *йријесѣуй* [‘високосный год’], *йройасѣи* [‘бездна’], *йростѣорија* [‘комната’], *йроучийи* [‘прочитать’], *раскорак* [‘широкий шаг’], *раскомадаѣи се* [‘разгневаться’], *развијайи* [‘разносить ветром’], *разлог* [‘размышление, рассуждение’], *робија* [‘принудительный труд’], *ров* [‘канава, предназначенная для того, чтобы свиньи не разрывали корни’], *саксија* [‘чаша из железа’], *свайѣиѣи* [‘хватать, постигать’], *себичан* [‘неделикатный человек’], *слобода* [‘мужество’], *слободан* [‘смелый, отважный’], *сѣор* [‘долго длящийся’], *сѣанар* [‘молочник’], *сѣвор* [‘неумелая работа’], *сѣгеа* [‘ощепление’], *сѣисак* [‘сжатый кулак’], *сулѣанија* [‘султанша’], *ѣачка* [‘опора, подставка’], *ѣврѣа* [‘1. прочность; 2. скупость, жадность’], *ѣврѣење* [‘закал, крепление’], *улица* [‘двор, передняя’], *уѣознаѣи се* [‘превратно понять’], *чик* [‘выходи!’], *члан* [‘раздел, отрезок виноградника’], *ѣейрѣѣа* [‘неловкий человек’], *ѣерѣа* [‘треножник’] и т. д.

У ряда слов в Словаре отмечены лишь некоторые из современных значений. У слова *брод* мы не обнаруживаем значения «корабль», у *вѣейрийи* — «проветривать», у *вијек* — «столетие»⁵⁸, у *докусурийи* — «полностью уничтожить», *домей* не значит «достижение», *засѣайи* — только «застать», а не «остановиться», *зачѣи* не обозначает зачатие ребенка, *исѣјевайи* не значит «написать песню, стихотворение», *јасан* может быть только голос, но не мысль, *надирайи* не имеет значения «распространяться», *ойадаѣи* не обозначает упадок, человек может быть *йлемений* [‘благородный’] только по происхождению, а не по характеру, *йренемагане* не выражает значения обмана, *йросјек* — это не среднее значение, *средина* — не обстановка, *сѣан* среди своих трех значений не имеет современного «жилище», *углед* не может значить «репутация», *уѣјецайи* — это не «оказывать влияние», *ћумез* — только курятник, а не грязное помещение, а *шан* — квасцы, а не болезнь скота. С другой стороны,

⁵⁸ У Вука нет и слова *сѣоѣење* ‘столетие’, поэтому он был вынужден употребить оборот *из йоловине 14-ѣе сѣоѣине година* [второй половины XIV века, букв. «четырнадцатой сотни лет»] (стр. III).

некоторые приводимые Вуком значения отсутствуют в современном литературном языке: например, *здро̀во*² («очень»), *книга*¹ («письмо»), *обрайи*² («выбрать»), *йиринач*² («латунь»), *йийи*² («курить»), *йочейак*² («образец в рукоделии»), *йушка*¹ («тот, кто может убить из ружья»), *сийо*¹ («стул»), *сийока*² («хороший товар»), *учийи*² («читать»).

Из сказанного следует, что в говоре Тршича не было обозначений для понятий, выражаемых в современном языке словами *нагон* [‘инстинкт’], *намера* [‘намерение’], *йовод* [‘повод’], *йрийисак* [‘давление’], *йросек* [‘прорезь’], *век* [‘век’], *вођ* [‘вождь’], *доказайи* [‘доказать’], *домовина* [‘родина’], *закон* [‘закон’], *изјавийи* [‘заявить’], *износ* [‘сумма’], *немоћ* [‘немощь’], *обелоданийи* [‘обнаружить’], *облик* [‘форма’], *обустйавийи* [‘прекратить’], *особина* [‘свойство’], *йажња* [‘внимание’], *йресйуй* [‘нарушение’], *йройасй* [‘гибель’], *развијайи* [‘развивать’], *раскорак* [‘разнойой’], *слобода* [‘свобода’], *сийега* [‘ограничение’], *ййачка* [‘точка’], *йврђење* [‘утверждение’], *члан* [‘член’], *домейи* [‘достижение’] или *углед* [‘образец, авторитет’]. Во времена Вука эти слова имели более конкретные значения, чем теперь. Очевидно, что отсутствовали слова и для таких понятий, как *минуи* [‘минута’], *йроба* [‘попытка’], *сигуран* [‘уверенный’], *осигурайи* [‘обеспечить’], *дужносй* [‘долг’], *заслуга* [‘заслуга’], *захвалийи* [‘поблагодарить’], *ойийи* [‘общий’], *разонодийи* [‘развлечь’] (о причинах этого явления см. главу VII). Список подобных лакун можно значительно расширить. Так, мы не обнаруживаем в Словаре лексем *бесйомоћан* [‘беспомощный’], *бийан* [‘существенный’], *важан* [‘важный’], *важносй* [‘важность’], *ванредан* [‘необыкновенный’], *веза* [‘связь’], *вјеровайан* [‘вероятный’], *гумац* [‘актер’], *глуи* [‘глупый’], *говорник* [‘оратор’], *дјелайносй* [‘деятельность’], *дјеловайи* [‘действовать’], *дойринијеи* [‘оказать содействие’], *зависан* [‘зависимый’], *зависийи* [‘зависеть’], *закључак* [‘вывод’], *закључийи* [‘сделать вывод’], *зальубийи се* [‘влюбиться’], *замислийи* [‘предположить’], *занимљив* [‘интересный’], *заразийи* [‘заразить’], *застйарјеи* [‘устареть’], *заузеи* [‘завладеть’], *значай* [‘значение’], *изумјеи* [‘изобрести’], *искрен* [‘искренний’], *искусан* [‘опытный’], *искусийи* [‘испытать’], *искусйиво* [‘опыт’], *јединсийво* [‘единство’], *књиговођа*⁵⁹ [‘бухгалтер’],

⁵⁹ Турецкое слово *йефйшедар* не было широко известно, и Вук, чтобы его поняли с е р б с к и е читатели, был вынужден на стр. XXIII употребить немецкое слово *Buchhalter*.

књижевност [‘литература’], нагао [‘внезапный’], награда [‘награда’], найор [‘усилие’], народност [‘национальность’], настјајати [‘настаивать’], недостајати [‘недоставать’], недостајати [‘недостаток’], независан [‘независимый’], независност [‘независимость’], незадовољан [‘недовольный’], неистина [‘неправда’], немогућ [‘невозможный’], неред [‘беспорядок’], обавеза [‘обязательство’], објаснити [‘объяснить’], обрадити [‘обработать’], обрачун [‘расчет, расправа’], обрачунасти [‘посчитать’], овјерити [‘официально засвидетельствовать’], ограничити [‘ограничить’], одбор [‘комитет, правление’], одличан [‘отличный’], одлучан [‘решительный’], однос [‘отношение’], осветити [‘осветить’], основни [‘основной’], отаџбина [‘отечество’], отпор [‘сопротивление’], писац [‘писатель’], поет [‘поэт’], победа [‘победа’], бунт [‘бунт’], историја [‘история’], предузети (и предузети) [‘предпринять’], предузеће (и предузеће) [‘предприятие’], жељан [‘желательный’], позориште [‘театр’], јавља [‘явление’], јојам [‘понятие’], јојми [‘понять’], јокушати [‘попытаться’] (слово јобати помечено как воеводинское), јолет [‘полет, взлет’], јораз [‘поражение’], јослован [‘деловой’], јосијен [‘постепенный’], јосијан [‘постоянный’], јојчињени [‘подчиненный’], јеврај [‘переворот’], јеговори [‘переговоры’], једлог [‘предложение’], једложити [‘предложить’], једомислити се [‘передумать’], једстава (мисаона) [‘представление (мысленное)’], једстава [‘представление (театральное)’], јрежалити [‘пережить’], јремори се [‘сильно устать’], јрејјоставити [‘предположить, предпочесть’], јрејјоставка [‘предположение’], јрејјостављени [‘начальник, старший’], јријесјек [‘диаметр’], јријовједач [‘рассказчик’], јрирода [‘природа’], јројис [‘правило’], јројус [‘пропуск’], јросвјета [‘просвещение’], размјера (и сразмјера) [‘размер’], јрајник [‘воин’], јрашчлани [‘расчлени’], јријешити [‘решить’], јавјест [‘совесть’], јагласност [‘согласие’], јажити [‘сжать’], јамостјалан [‘самостоятельный’], јмисао [‘смысл’], јријечити [‘воспрепятствовать’], јреди [‘упорядочить’], јсталан [‘постоянный’], јстанова [‘проживать’], јујета [‘тщеславие’], јумњив [‘сомнительный’], јународник [‘соотечественник’], јташтина [‘тщеславие’], јвод [‘введение’], јвоз [‘ввоз’], јред [‘учреждение’] (и јујанова, и јадлештво), јслов [‘условие’], јујорити [‘замедлить’], јујанак [‘восстание’], јујисак [‘впечатление’], а также многие сотни других слов, составляющих основу современной терминологии психической, культурной,

общественной и деловой жизни⁶⁰. Других лексем, которые бы выражали эти значения, не было: в родном говоре Вука попросту отсутствовали средства для обозначения этих понятий. В результате победы этого языка в качестве литературного важнейшей задачей стало пополнение словарного фонда, чтобы он был способен удовлетворять растущие потребности современного общества. Помимо двух уже упомянутых способов — заимствования из иностранных языков и создания неологизмов, — расширение словарного фонда шло за счет присваивания новых, абстрактных значений уже существующим словам⁶¹, заимствования и адаптации церковнославянских лексических средств, а также заимствования из других диалектов (как уже подчеркивалось, важнейшую роль в этом сыграл воеводинский диалект). Иногда расширялась сфера употребления отдельных поэтических слов, проникавших в прозаические тексты. Однако более детальное исследование, которое с опорой на факты показало бы ход этого процесса и роль каждого из перечисленных факторов, только предстоит предпринять.

С другой стороны, не следует полагать, что отраженный в Словаре язык был совершенно лишен абстрактных слов и названий для явлений из культурной, правовой и деловой сферы. Перелистывая Словарь, мы встречаем такие слова, как *безумље* ['безумие'], *биједиџи* ['клеветать'], *владаџи* ['властвовать'], *власник* ['владелец'], *властѣ* ['власть'], *вршиџи се* ['совершаться'], *доликоваџи* ['подобать'], *домислиџи се* ['додуматься'], *дойасџи се* ['понравиться'] (и *свиђаџи се*), *дойусџиџи* ['допустить'], *жалосѣ* ['горе'], *жељан* ['желанный'], *заборав* ['забвение'], *забораван* ['забывчивый'], *завесџи* ['направить судно против течения'], *зависѣ* ['зависть'], *завичај* ['место рождения'], *заједница* ['объединение'], *замислиџи се* ['задуматься'], *зайусџиџи се* ['опуститься'], *збор* ['собрание'], *зловольан* ['угрюмый'], *злочинац* ['преступник'], *злочинсѣво* ['преступление'], *знање* ['знание'], *значење* ['значение'], *значиџи* ['значить'], *избор* ['выбор'],

⁶⁰ Из приведенного списка специально исключены многочисленные иностранные слова, относящиеся к этой же группе (*админисџираџија*, *акџиван*, *анализа*, *енергичан*, *канцеларија*, *криџиџика*, *резервисан*, *рейро-дуковаџи*, *реферисаџи*, *сџил*, *џексѣ* и т. д.).

⁶¹ Так обстояло дело с упомянутыми выше лексемами *нагон*, *намера* и *йовод*.

извијестийи [‘известить’] (правда, отсутствует слово *извјештај*), извјесно [‘несомненно’], извоз [‘вывоз’], извршии [‘исполнить’], издаја [‘измена’], издајник [‘изменник’], издашан [‘щедрый’], измислийи [‘придумать’], искушайи [‘испытать’], исйрава [‘документ’], истиина [‘правда’], јавни [‘общественный’], јамачно [‘верно’], књижевник [‘писатель’], колебаи се [‘колыхаться’], користи [‘польза’], кривац [‘виновник’], лукавство [‘хитрость’], љубав [‘любовь’], милости [‘милость’], мисао [‘мысль’], младеж [‘молодежь’, ‘родинка’], млогознао [‘тот, кто все знает’], моћ [‘мощь’], мржња [‘ненависть’], мудар [‘мудрый’], назадак [‘упадок’], најредоваи [‘развиваться’], народни [‘народный’], насйаи [‘наступить’], насйуй [‘приступ’], наудии [‘навредить’], начин [‘способ’, ‘образ действия’], невяера [‘измена’], невяеран [‘обманчивый’], немарљив [‘нерадивый’], немилости [‘немилость’], неойице [‘нехотя’], нейовољан [‘неблагоприятный’], нейравда [‘несправедливость’], нейромјений [‘неизменяемый’], обавијестийи [‘уведомить’], ожалии [‘оплакать’], окривийи [‘обвинить’], ојажаи [‘наблюдать’], ойсайи [‘описать’], ойоравийи се [‘поправиться’], ойрез [‘осторожность’], ойшужийи [‘обвинить’], осјећаи [‘чувствовать’], особийи [‘особенный’], остйашак [‘остаток’], осудийи [‘осудить’], йакости [‘злоба’, ‘пакость’], йамей [‘ум’], йознаник [‘знакомый’], йојавийи се [‘появиться’], йокоран [‘покорный’], йокорийи [‘подчинить’], йомисао [‘помысел’], йосланик [‘депутат’, ‘посланник’], йосйуйийи [‘шагнуть’, ‘начать действовать’], йоййисайи [‘подписать’], йоучийи [‘научить’], йошйење [‘честность’], йошйовање [‘уважение’], йравда [‘справедливость’], йравило [‘правило’], йрекрей [‘поворот’], йрейорука [‘рекомендация’], йризнаи [‘признать’], йријевара [‘обман’], йрисйаи [‘согласиться’], йрорећи [‘предсказать’], йророк [‘пророк’], йрославийи се [‘стать знаменитым’], йросйоша [‘простота’, ‘невежественность’], йрошйивник [‘противник’], радости [‘радость’], разликоваи [‘различать’], размислийи [‘подумать’], разум [‘рассудок’], расйис [‘распоряжение’], ред [‘порядок’], ругоба [‘мерзость’], рукойис [‘рукопись’, ‘почерк’], сажалии се [‘посочувствовать’], сазнайи [‘узнать’], свезналица [‘всезнайка’], свијест [‘осознание’], свједочанство [‘свидетельство’], сјећаи се [‘помнить’], славан [‘знаменитый’], сложен [‘сложный’], слуйња [‘предчувствие’, ‘догадка’], смейеник [‘конфузливый человек’], смейња [‘препятствие’], смишљаи [‘придумывать’], снага [‘сила’], снебивање [‘застенчивость’], сраман [‘постыдный’], сйворење [‘творение’], тайна [‘тайна’], тайни [‘тайный’], твар [‘создание’],

шобожњи [‘мнимый’], *шуга* [‘печаль’], *увјеравајџи* [‘уверять’], *уговор* [‘договор’], *узрок* [‘причина’], *ујединијџи* [‘объединить’], *укор* [‘упрек’], *ум* [‘разум’], *уйравийџель* [‘управляющий’], *уйрављајџи* [‘управлять’], *уредба* [‘распоряжение’], *уредијџи* [‘привести в порядок’], *устйручавајџи се* [‘стесняться’], *чезнујџи* [‘страстно желать’], *шџамајџи* [‘печатать’].

Неизвестно, действительно ли все эти слова употреблялись в Тршиче, когда Вук был ребенком, а тем более неизвестно, были ли они известны каждому жителю села. Вполне возможно, что какие-то слова попали в язык Вука, пока он учился в монастыре Троноше, нес службу в администрации повстанческой Сербии или же жил среди австрийских сербов. Но биография Вука является символическим отражением судьбы сербского народа, его культуры и его языка. Деятельность монастырей в области культуры, какой бы скромной она не была, поддерживала распространение слов, обозначающих нравственные и психологические понятия. Возобновленная государственность побудила к созданию юридической и административной терминологии, а более развитые формы жизни воеводинских сербов были каналом, через который европейское влияние доходило до всего сербского народа.

Несмотря на огромную дистанцию, которую преодолел наш язык от Словаря до сегодняшних дней, основная масса слов из этой книги сохранила свою первоначальную свежесть и силу. Внимательно читая Словарь, мы постоянно сталкиваемся со словами, удивительно точно соответствующими современному употреблению. Это слова *живнујџи* [‘оживиться’], *заборавијџи* [‘забыть’], *забрекнујџи* [‘разбухнуть’], *забројџи се* [‘просчитаться’], *закрвавијџи очима* [‘взглянуть злыми глазами’], *зайрчајџи се* [‘разбежаться’], *заусџијџи* [‘начать говорить’], *зивкајџи* [‘подзывать’], *зидине* [‘крепостные стены’], *лисице* [‘наручники’], *младолик* [‘моложавый’], *надлајајџи* [‘превзойти лаем’], *најецајџи* [‘наловить рыбы’], *насијејџи* [‘прийти в голову’], *ојесџи се* [‘протереться’], *осијајџи се* [‘осыпаться’], *йискарајџи* [‘марать бумагу’], *йодмазајџи* [‘подмазать’], *йрикрастџи се* [‘подкрасться’], *йроливен* [‘болтливый’], *расйисајџи се* [‘много писать’], *рођакајџи се* [‘родниться’], *силеџија* [‘насильник’], *слизајџи се* [‘вытереться’], *смућкајџи* [‘взболтать’], *укебајџи* [‘поймать’], *уйљувак* [‘мушиный след’], *цркавица* [‘очень маленькое имущество’], *шальивчина* [‘весельчак’], *шеврдајџи* [‘халтурить, не держать обещания’] и многие другие. Поражает факт, что такие

языковые нюансы могли так долго сохраняться неизменными, причем в словах, которые по большей части не слишком частотны в речи и особенно в печатных текстах — единственном средстве фиксации языковых элементов. Мало какое чтение более драгоценно, чем Словарь Караджича, для писателя, стремящегося развить более утонченное чувство языка или обогатить свое повествование выражениями, которые никогда не будут выглядеть бесцветными.

Завершая разговор о лексике языка Караджича, нельзя не затронуть один важный вопрос: сколько выразительных возможностей внес Вук в наш литературный язык? Сколько народных слов и оборотов, которые до Вука были далеки от письменного языка, он первым перенес на типографскую бумагу? И что из этого осталось в языке до сих пор? Таких слов, безусловно, много, но на данный момент отсутствует окончательный ответ — конкретные списки. Наука все еще ждет подробных исследований в этой области, однако им должно предшествовать изучение языка сербской довуковской литературы.

Церковнославянские элементы

Вук зафиксировал в Словаре и те слова, которые из церковного языка проникли в народную речь, в основном для обозначения понятий, связанных с церковной жизнью и нравственностью. Эти слова прижились в народном языке, и сегодня их с трудом можно отличить от исконно народных. Нужно ли в эту группу включать слова *крстѣ* ['крест'], *младосѣ* ['молодость'], *молитѣва* и *ѣосѣ*? Церковнославянское происхождение того или иного слова можно определить на основании значения или словообразовательной структуры: *Госѣод* ['Господь'], *дуовни* ['духовный'], *минеј* ['миня'], *искушеник* ['послушник'], *богоносни* ['богоносный'] и т. д. Однако наиболее ясны те случаи, когда лексема имеет церковнославянские фонетические особенности.

Следует различать два слоя слов, образовавшихся вследствие того, что в первой половине восемнадцатого века сербская церковь отказалась от церковнославянского языка сербской редакции («сербкославянского») и приняла русскую редакцию («русскославянский»). Поскольку различия между двумя редакциями касаются прежде всего особенностей фонетики, часто именно на их основании можно определить, к какому языковому слою относится

лексема. Однако в некоторых случаях фонетический облик слова помочь не может.

Очевидно, что к сербской редакции восходят слова с группой *ишћ* (*мошћии* ['мощи'], *ойишћии* ['общий']⁶², *ойишћина* ['община'], *свјешћавати* и *свјешћайати* ['освящать'], *свјешћеник* ['священник'], *свјешћило* ['свеча, светильник']; сюда же относится и шутиливое *ђакушћии* [иммитация церковнославянского слова]), слова с начальным *ва-* (*ва* ['в'], *Ваведеније* ['Введение'], *Ваисћина* [мужское имя]⁶³, *васиони свијетј* ['вселенная'], *Васкрс* и *Васкресеније* ['Пасха']⁶⁴, *васкрснући* ['воскреснуть'], *васкрсовати* ['воскресать']) и с суффиксом *-ансћиво* (*божансћиво* ['божество'], *рожансћиво* ['Рождество'], *човечансћиво* ['человечество']). Из сербской редакции заимствовано также словосочетание *самосаздани Боже* ['selbst erschaffener Gott'], слово *чаћаније* ['чтение'], и, вероятно, *древо* ['крест'] и *чреда* ['распорядок'].

Есть слова, которые на основании фонетической формы нельзя с уверенностью отнести к той или другой группе. Это слова с группой *жд* (*госћожда* ['госпожа'], *одежда* ['священническое облачение'], *йонуждићи се* ['попасть в беду']), слова, оканчивающиеся на *-ије* (*бденије* и *деније* ['всенощное бдение'], *Богојављеније* ['Богоявление'], *моленије* ['молитва'], *Обрейеније* ['Обретение'], *йоученије* ['поучение'], *Преображеније* наряду с *Преображење* ['Преображение'], *йриказаније* ['приказание'], *сйасеније* ['спасение'], *Срейеније* ['Сретение'], *Усјекованије* ['Усекновение'], *Цвјетјоносије* ['Вербное воскресенье'])⁶⁵ или *-ија* (*йисанија* ['сбор пожертвований на монастырь'], *судија* ['судья']).

Очевидно, что к русской редакции восходят слова *двери* ['царские врата'] и *чесћи* ['честь'], в которых на месте бывшего

⁶² Это слово снабжено пометой «в Среме».

⁶³ Это существительное образовано от выражения *ва истћину* («воистину»), упоминаемого в статьях *Божић* ['Рождество'], *ва* ['в'], *Васкрсеније* ['Пасха'] и *јесенас* ['этой осенью']).

⁶⁴ По всей видимости, данная форма была Вуку ближе всего. Он ее употребляет в статье *намасћир* ['монастырь'], а форму *Ускрс* ['Пасха'] дает с отсылкой к *Васкресеније* (однако прилагательное фиксируется только в форме *ускршњи*).

⁶⁵ Окончание *-ије* присутствует и в упомянутых выше словах *Ваведеније*, *Васкрсеније* и *чићаније*, а также в шутиливом *исйолаканије* ['питие'] (которое, разумеется, не принадлежит к церковному языку).

сверхкраткого находится *е*, *живоначални* [‘живоначальный’] — с *а* на месте носового *е* и суффикс *-јуици* в *блажени измицајуици* [‘блаженны скрывающиеся’]. Слова *љубезан* [‘любимый’], *љубезник* [‘любимая’], *љубезница* [‘любимая’], *љубовник* [‘возлюбленный’], *љубовница*⁶⁶, *љубовца* [‘возлюбленная’], *йраведан* [‘справедливый’] и *йраведник* [‘праведник’] также можно было бы расценить как восходящие к русской редакции, поскольку на месте сверхкраткого в них присутствует *о* и *е*. Однако эти слова зафиксированы в сербских текстах намного раньше распространения русской редакции у сербов. Их возникновение можно объяснить древним влиянием македонского произношения церковных текстов (которое в данном случае совпадало с русским) и отчасти влиянием суффикса *-ов*.

Изложенный материал показывает, что число слов, имеющих церковнославянскую огласовку, в говоре Вука было незначительно, но все-таки их было больше, чем в современном языке. Большая часть этих слов вышла из употребления или же приобрела народный фонетический облик. Однако некоторые церковнославянские слова, присутствующие в нашем современном языке, по всей видимости, не были известны говору Вука: *завешѣйайи* [‘завещать’], *нужан* [‘нужный’], *нужда* [‘необходимость’], *снуждийи се* [‘опечалиться’], *овайлоийи* [‘воплотить’], *ревностѣ* [‘рвение’], *сушѣйи* [‘настоящий’], *сушѣйна* [‘суть’], *насушени* [‘насущенный’] (а также *вожд* [‘вождь’] и *кнѣз* [‘князь’], обозначающие титулы определенной эпохи — по случайности, именно вуковской).

IX. ЯЗЫК ЦИТИРУЕМЫХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Основное различие между языком народных песен, которые Вук приводил в качестве иллюстрации употребления отдельных слов, и собственным языком Вука составляет большая степень варьируемости элементов поэтического языка, обусловленная различным территориальным происхождением песен и требованиями метрики.

Диалектное разнообразие обнаруживается прежде всего в рефлексах *ятя*. Во многих цитируемых стихах *ятя* встречается

⁶⁶ Слова *љубовник* и *љубовница* отсутствовали в языке Вука, он их фиксирует как диалектную особенность.

обычно в иекавской форме (такие примеры обнаруживаются в 229 статьях), меньше случаев экавского рефлекса (встречается в 50 статьях: *бабине* [‘послеродовой период’], *велен* [‘иссоп’], *власйель* [‘властелин, правитель’], *војно* [‘мужчина, муж’], *дворкиња* [‘прислуга или придворная дама’], *дева* [‘дева’], *дойловиийи* [‘доплыть, приплыть’], *дороц* [тип верхней одежды], *Ивань дан* [‘праздник Рождества Иоанна Крестителя’], *игриийе* [‘игровая площадка, танцплощадка’], *исйовијайи се* [‘обмотаться, извиваться’], *јаблански* [‘тополиный’], *јелика* [‘ель’], *јенђибула* [‘дружка (невесты), сваха’], *Карловкиња* [‘карловчанка’], *ковиље* [‘ковыл’], *коренак* [‘корень’], *краљице* [народный обычай, совершаемый на Троицу], *Кумрија* [женское имя], *ле* [припев в песнях], *мал* [‘имущество’], *мале* [обращение к матери], *мањ* [‘кроме’], *Мийџровкиња* [‘жительница Митровицы’], *мудройа* [‘мудрость’], *наджњевайи се* [‘соревноваться в жатве’], *нарушиийи* [‘нарушить’], *невовайи* [‘быть невестой, молодой женой’], *обронак* [‘обрыв’], *оговарайи* [‘защищать, оправдывать’], *освануийи* [‘рассвести’], *осуийи се* [‘развернуться, расплестись’], *йайар* [‘перец’], *йаћел* [‘подвенечная фата’], *йеленак* [‘попынь’], *йребольейи* [‘выздороветь’], *йреодница* [‘звезда’], *йрикрасйи се* [‘подкрасться’], *йројездийи* [‘проехать верхом’], *рабар* [‘храбрый’], *ранило* [‘раннее вставание’], *рујно вино* [‘красное вино’], *силовийи* [‘сильный’], *смиљев* [‘относящийся к бессмертнику’], *сйлейавайи* [‘связывать, сплетать’], *сйрека* [‘полоса на женском фартуке’], *йрњиница* [‘терновник’], *йужийи* [‘1. оплакивать; 2. жаловаться’], *црнокос* [‘черноволосый’], *шесйойер* [‘булава с шестью зубьями’], кроме того, встречается и форма *гди* в статье *издрмайи* ‘вытряхнуть’).

Строгий размер народных песен выработал систему двойных форм, из которых одна длиннее на один слог. Способы осуществления этой двойственности весьма разнообразны.

1) Вместо *ије* на месте долгого ятя часто появляется *је*: (*левој* [‘левой’], *р’јечи* [‘слова’], *д’јейе* [‘ребенок’], *уб’јельен* [‘убеленный’], *зв’језда* [‘звезда’], *л’јейа* [‘красивая’], *исйов’једи* [‘исповедал’], *гн’језда* [‘гнезда’], *нам’јеньено* [‘предназначено’], *йоб’једио* [‘победил’], *б’јела* [‘белая’], *св’јейила* [‘светлая’] и т. д.)⁶⁷.

⁶⁷ В «Послесловии» к изданию словаря [1966 г.] (в издательстве «Просвета») после каждого из этих примеров указано место, где они находятся в Словаре.

2) Вместо *нијесу* [‘они не есть’] в иекавских песнях трижды встречается *нису*.

3) В окончаниях *-им/-ијем* и *-и/-ије* вариативность, характерная для говора, открывала широкие возможности для выбора того или иного варианта согласно требованиям размера.

4) Многие безударные слова имели усеченные формы без последнего гласного. Например, *али* [‘но’] (*Ал’ он скида* [‘но он снимает’]), *би* [‘бы’] (*вољео б’ се* [‘хотел бы, любил бы’]), *не б’ се звала село* [‘она бы не называлась деревней’], *Дала б’ зањга* [‘дала бы за него’]), *више* [‘выше’] (*виш’ куће* [‘выше дома’]), или (*Ил’ је мајка јединога сина, Ил’ сестрица брајџа рођенога* [‘или мать единственного сына, или сестрица брата родного’]), *је* [‘он есть’] (*Онђе ј’ љала, Оно ј’ главом* [‘там упала, упала головой’]), *јеси* [‘ты есть’] (*јес’ видео* [‘видел ли ты’]), *ли* (*Иду л’* [‘идут ли’]), *Зелене л’ се* [‘зеленеют ли’]), *Ко л’ је* [‘кто’]), *међу* [‘между’] (*међ’ камзама* [‘между рукоятками мечей’]), *него* [‘а не’] (*нег шћо га љасе* [‘а не траву ест’]), *нека* (*Нек’ су њему* [‘пусть ему’]), *Нек’ се чини* [‘пусть кажется’]), *се* [-ся] (*Да с’ не љије* [‘чтобы не пить’]), *си* [‘ты есть’] (*Де с’ оћео* [‘где ты взял’]), *Чија с’ љуба* [‘чья ты жена’]), *џе* [‘тебя’] (*Да џ’ у оца више љросиџ’ неђу* [‘больше тебя у отца просить не буду’]). Многие из этих форм и сегодня часто встречаются в диалектах, обычно в быстрой речи. Весьма возможно, что это явление было характерно и для вуковского времени, хотя на письме он употреблял только полные формы. Но с определенностью судить об этом материал не позволяет.

5) Формы, оканчивающиеся на *-ао*, имели стяженный вариант на *-о* (*џосл’о* [‘послал’]), *џомог’о* [‘помог’]), *У з’о час* [‘в недобрый час’]), *изџиш’о* [‘вышел’]), *глед’о* [‘смотрел’]), *џош’о* [‘пошел’]), *Није л’ Бог д’о* [‘не дал ли Бог’]), *и ш’о* [‘шел’]), *ко* [‘как’]⁶⁸). В подавляющем большинстве штокавских диалектов сегодня преобладают стяженные формы⁶⁹. Вполне вероятно, что этот процесс был факультативно осуществлен уже в говоре Вука.

⁶⁸ При необходимости в функции частицы *као* могли употребляться и более длинные формы, не только двусложные (ср. *кано* в статье *сродан* [‘родственный’]), но и трехсложные (*Па џи љреди како и брђанка* [‘ты пряди, как и жительница гор’] в статье *брђанка*).

⁶⁹ Это касается также говора Тршича и Дробняка (Б. Николић. *Тршички говор*, с. 270; Ј. Вуковић. *Говор Пиве и Дробњака*, с. 21).

6) Другие группы гласных также подвергались стяжению: родительный падеж *йраа* ['праха'] и *йра*, *дван'есѣи* ['двенадцать']⁷⁰, и даже *од исѣйа* (*од исѣйока* ['с востока']).

7) В случае необходимости использовались варианты слов с конечным беглым гласным и без него (*већ* ['уже'] и *веће*, *док* ['пока'] и *доке*, *јер* ['так как'] и *јера*, *јесѣи* ['ты есть'] и *јесѣе*, *још[ѣ]* ['еще'] и *јошѣе*, *кад* ['когда'] и *када* и т. п.).

8) Использовались вставные элементы *-де(р)* и *но* (*домадер се нађи* ['окажись дома'], *Ђено леже* ['где лежит'], *каквано су* ['какие они']) и частицы *ја* и *ѣа*. К числительным прибавлялась вставка *до* (*до два сѣрашѣера* ['два воеводы']).

9) Хорошо известное явление: вместо именительного падежа существительных употребляется звательная форма (*Маче војску Ерцеже Сѣјейане* ['двинул войско герцог Степан'], *Изиш'о је краљев зайочниче* ['вышел королевский узник'], *Да не йрође од Карловица бане* ['чтобы не прошел от Карловаца бан'] и т. д.).

10) К последнему случаю близко употребление формы родительного падежа единственного числа вместо винительного: *Узе Ниша* ['взял Ниш'], *Док ми гледа Крњо на Земуна* ['пока смотрит Крњо на Земун'], *Је л' йодобна да боја убије* ['может ли выиграть бой'], *Трже Бајо мача зеленога* ['схватился Байо за серебряный меч'].

11) Вместо обычных форм множественного числа с расширением *-ов-* используются усеченные: *аѣе* ['арабские кони'], *гласе* ['голоса'], *двори* ['дворцы'], *друми* ['дороги'], *лави* ['львы'], *мачи* ['мечи'], *рѣи* ['холмы'], *сваѣи* ['сваты'].

12) В таких примерах, как *Ђе он води дванесѣи и ѣад' војске* ['куда он ведет двенадцать тысяч войска'], *Млого Турак' цареви ичага* ['много турок, царских чиновников'] или *Сѣйоји мека јањац' за овцама* ['слышен плач ягнят по овцам'] употребляются старые формы родительного падежа множественного числа без окончания *-а*.

13) В дательном, творительном и местном падеже множественного числа в случае необходимости используются формы без конечного *'а* (например, *ногам* в статье *кобиѣи* ['предчувствовать

⁷⁰ Стяжение *ае* в *е* в формах подобных числительных широко распространено в штокавских говорах, оно представлено и в тршицком, и в дробнячком говоре (Б. Николић. *Тршићки говор*, с. 273; Ј. Вуковић. *Говор Пиве и Дробњака*, с. 21).

и предвещать зло'] или *на синцирим* ['на цепях'] в статье *ишийреике* ['вид женского украшения']).

14) Конечный гласный усекается и в других падежных формах: *Пуне влиние у илећ' окренули* ['заряженные ружья на плечи повесили'], *Драг' се драгој на водици вали* ['парень девушке у источника хвалится'], *За ран' куме, за ран' сѣтари сватје* ['рано, кум, рано, старый сват'], *Оборио мечећ' и мунаре* ['разрушил мечети и минареты'], *Свако слово у крв' окаљено* ['каждая буква кровью замарана'], *госйодску ти вечер' вечерамо* ['подали нам господский ужин'], *Тойлик вјетар у сѣре' ударио* ['теплый ветер обдувал крыши'].

15) В песнях отдельные существительные могли менять тип склонения или род по сравнению с обычным языком: *весло*, род. *веслеја*, кандил ['лампада'], *ишиио* ['щит'].

16) Широкие возможности открывало варьирование окончаний прилагательных *-ога/-ог*, *-ега/-ег*, *-ому/-ом*, *-ему/-ем*, а также наличие форм кратких прилагательных на *-а* и *-у* в родительном и дательном (местном) падежах единственного числа⁷¹.

17) Также использовались дублеты в парадигмах местоимений: *за њ / за њга* ['за него'] (*Дала б' за њга иљаду дукаја* ['дала бы за него тысячу дукатов']), *њој / њоји* ['ей'] (*Њоји ми долазе ирекуји трговци* ['приходят к ней купцы-перекупщики']), *мојега / мога* ['моего'] (*Већ кобила која хогу мога* ['уже кобыла, которая коня моего...']).

18) Наряду с обычным инфинитивом на *-ти*, *-ћи* встречаются формы без конечно *-и*: *зайасћ'* ['попасть'], *држай'* ['держатъ'], *изић'* ['выйти'], *ударай'* ['ударять'], *йойасћ'* ['нападать'], *имай'* ['иметь'], *йросий'* ['просить'], *йусийић'* ['пустить'], *йойуцивай'* ['трескаться, лопаться'] и *умолий'* ['упросить']. Это явление и в наше время широко распространено в говорах⁷², поэтому можно предположить, что в народные песни оно попало из устной речи, хотя Вук систематически использовал формы без усечения.

⁷¹ В качестве иллюстрации приведу пример, в котором краткие и полные формы употреблены в однотипных контекстах: *Трже Бајо мача зеленога* ['достает Байо меч серебряный'] в статье *Шамлијанка* ['дамасская сабля'] и *Ал' он скида златина шесйојерца* ['но он снимает золотую булаву'] в статье *шесйојерац* ['булава'].

⁷² Усеченный инфинитив, наряду с формами на *-и*, употребляется и в говоре Дробняка (J. Вуковић. *Говор Пиве и Дробњака*, с. 72).

19) В повелительном наклонении в песнях также часто опускается гласный *и*: *йомоз' му* ['помоги ему'], *йусй' Турчина* ['пусти турка'], *врай' се* ['вернись'], *ид' одайле* ['иди оттуда'], *жен' се* ['женись'], *не газ'йе* ['не топчите'], *йиш'йе* ['пишите'], *одреш'йе ми* ['развяжите мне'], *о'йе браћо* ['идите, братья']. Это явление характерно и для современных говоров, оно присутствует и в говоре Дробняка, и в говоре Тршича, так что можно считать, что и оно имеет диалектное происхождение.

20) Словообразовательные средства также открывали возможности для продления слова на один слог. Чаще всего использовались уменьшительно-ласкательные суффиксы: примеры на *-ак* типа *бојак* ['бой'], *данак* ['дань'], *јеленак* ['олень'], *йушак* ['дорожка'] или *санак* ['сон'] и на *-ца* типа *жећца* ['жажда'], *зойца* ['овес'], *крвца* ['кровь'] или *ноћца* ['ночь'] были характерны в основном только для фольклорного поэтического языка. Продлению слова служили и такие формы, как *голијевно* ['огромное', вместо *големо*], *рујевно* ['красное', вместо *рујно*], *секуна* ['сестра', вместо *сека*], *силени* ['сильный', вместо *силан*], *Србљанин* ['серб', вместо *Срб*]. Форма *брайшијеници* ['братья'] продляла слово даже на два слога.

Такой развитый инвентарь средств позволял народному певцу, часто дополнявшему текст песни и прибегавшему к импровизации, когда ему изменяла память, в сотнях стихотворных строк каждое слово вставить в прокрустово ложе строгой метрики. Перед нами богатая, сложно устроенная система, выполняющая функции, отличные от разговорного языка, а потому и значительно от него отличающаяся. Эта система располагала целым рядом средств, отвечавших ее нуждам, но с точки зрения прозаического языка представлявших собой деформацию или произвольность. Кроме того, от того языка, которым Вук пользовался на письме, он отличался и целым рядом черт, присутствовавших, пусть и факультативно, в говоре Вука, но не употреблявшихся им в письменной речи вследствие того, что они казались ему неправильными или же разговорными. Очевидно, что песни не могут служить материалом для изучения языка Вука (или, шире, письменного языка XIX века). Тем более очевидно, насколько ошибаются наши грамматисты, в трудах которых песни предстают как образец *с о в р е м е н н о г о* литературного языка.

Изложенный материал предполагает два вывода, которые, правда, нужно принять с осторожностью, по причине нехватки

аргументов «за» и «против». Закреплению очень жесткого размера, каким является наш десятисложник, могли способствовать существование большого числа дублетных грамматических форм и возможность расширения многих типов слов с помощью суффиксов, что создавало условия для легкого приспособления слова к потребностям стиха. С другой стороны, не исключено, что народная поэзия, широко исполнявшаяся и глубоко ценимая, поддерживала существование некоторых вариативных форм, а возможно, и способствовала образованию новых.

Формы дательного падежа множественного числа типа *бегом* [от *бег* ‘бег, турецкий господин’] и *Турком* [от *Турчин* ‘турок’], творительного типа *Турци* [‘турками’] или *са ѿрайорчићи* [‘с колокольчиками’], *са ѿволчићи* [уменьш. от *ѿво* ‘дьявол’] и местного типа *на врати* [‘в дверях’], *у скуйови* [‘в полах одежды’] и *на небеси* сокращают слово на один слог, но, помимо этого, у них есть и другая, более важная особенность: это остаток старого штокавского склонения, архаическое явление, представленное в некоторых наших диалектах. В сербских говорах эти формы встречаются в Воеводине, а также в областях Мачва и Поцерье. Они широко употреблялись в довуковской сербской литературе, Вук первым перестал их использовать.

Естественно, что фольклорная поэзия в качестве эксклюзивных средств своего выразительного фонда располагает словами, не встречающимися в устной речи. Вук эти слова называл «устойчивыми» (*сѿјајли*) и снабжал их пометой *сѿ*. (реже помечал их по-другому). К ним относятся: *агадара* [‘сабля’], *аздија* [‘вид длинного верхнего платья’], *алај-барјак* [‘военное знамя’], *алем драги камен* [‘драгоценный камень’], *амаз* [‘турецкая молитва’], *арашила* [‘разновидность лука’], *арбанаски* [‘албанский’], *бабајко* [‘отец’], *баждарина* [‘пошлина’], *баждарица* [‘взимающая пошлину’], *перен*. о виле, стерегущей переправу], *баѿаѿи* [‘стучать’], *безаконье* [‘беззаконие’], *бешкоѿ* [‘сухарь’], *бисерче* [‘бусина’], *болезања* [‘болезнь’], *боравиѿи санак* [‘спать’], *борије* [музыкальный инструмент], *борна сукња* [‘юбка в складку’], *браѿијенци*, *браѿинци* [‘братья’], *бриѿка сабља* [‘острая сабля’], *Бугар* [‘болгарин’], *бугар-кабаница* [‘болгарское пальто’], *буѿиока* [‘пучеглазая’], *буѿоглав* [‘лохматый’], *веле* [‘много’], *велен* [‘большой’], *вермаш* [‘фельдмаршал’], *вјера*² [‘верность’, ‘вера’], *вјереница* [‘невеста’], *војно* [‘мужчина, муж’], *војнов* [‘мужнин’], *голијевно благо* [‘огромное богатство’], *гребешѿак* [‘меч’],

дажда [‘дождь’], даћа [‘то, что дано’], дворани [‘придворные’], дева [‘девушка’], диван-кабаница [‘плащ’], дилберче [‘красавец’], дилберчик [‘красавец’], днeви [‘дни’], догања [‘торговая лавка’], дојка [‘грудь’], драга [‘любимая’], драган [‘любимый’], драгана [‘любимая’], драги [‘любимый’], драгић² [‘любимый’], драго [‘любимое, ценное’], драгокуй [‘дорогостоящий’], дужд [‘дождь’], душко [‘душа’], ћеисија [‘одежда, костюм’], ђинђер [‘жемчуг’], ђинђеров [‘жемчужный’], ђорда [‘сабля’], ђузел [‘красивый’], жуборика [‘щебет’], забијоградити се [‘стать белградцем’], залађе [‘тень’], зайознайти се [‘узнать друг друга’], зайомити [‘скрыть’], зайочник [‘виновный’], згубити [‘убить’], зиле [‘цимбала’], златио² [‘девушка’], златокрили [‘с золотыми крыльями’], злоглеђа [‘со злым взглядом’], зорити [‘рассветать’], ибришим-йканица [‘шелковая ткань’], игришти [‘место для танцев’], извадити² [‘придумывать’], извир [‘источник’], илинча [по всей видимости, название материала, но точное значение не установлено самим Вуком], инако [‘по-другому’], ино [‘по-другому’], иноча, иночица [‘вторая жена’], истиа [‘с востока’], јадиковина [‘плакучая ива’], јала [крик при нападении на врага], јарко сунце [‘яркое солнце’], језован [‘иезуит’], јездити [‘ехать верхом’], кандил [‘кадило’], канон [‘канон’], кићени свайови [‘гости на свадьбе’], кладенац [‘источник с питьевой водой’], којадиго [‘сколько’], кокоић² [‘кудахтанье’], комар [‘комар’], кондир [‘кружка’], коњиц [‘конь’], койрена [‘платок’], кошиуница койље [‘костяное копье’], кошиуњ [‘орех с твердой скорлупой’], крма [‘сено’], ладо [припевка в песнях], лaзити [‘идти’], левенџа [‘воин’], лежећив [‘лежачий’], лељо [припевка в песнях], ложница [‘спальня’], лозовина [‘вино’], љетио² [‘год’], љуба [‘супруга’], љубовца [‘супруга’], ма² [‘сразу’], мемла [‘влага’], миле [припев в песнях], миље [‘любовь’], мома [‘девушка’], морија [‘чу ма’], мудроџа [‘мудрость’], мук [‘молчание’], називаџи Бога [‘говорить «Бог в помощь»’], накиџити се вина [‘напиться’], наод [‘находка’], наодник [‘тот, кто находит’], несреџић [‘несчастный’], несудење [‘не судьба’], неџи [‘нести’], низија [‘ряд, цепочка’], нијеџ [‘план, намерение’], ник [‘положение тела лежа’], ниће [‘венчание’], обљубити [‘обесчестить’], огар [‘охотничья собака’], огласник [‘вестник’], огријало сунце и огријано сунце [‘жаркое солнце’], одјездити [‘ускакать (верхом)’], окопоч [‘василек колючеголовый’], округа [‘платок’], осидраџи [‘сбросить якорь’], џамеџоваџи [‘помнить’], џауниџеро [‘перо павлина’], џерјаник [‘воин особого отряда’], џлавка [‘сорт винограда’], џљуцавица [‘мелкая рыба’], џобрђе [‘горный

район’], *йовадийи*² [‘достать, вытащить’], *йодјела* [‘подавание’], *йодобан* [‘способный’], *йојездийи* [‘приехать, войти’], *йоклоиница* [‘крышка’], *йокрајина* [‘граница, область’], *йонићи*² [‘поникнуть’], *йонор* [‘место, где река уходит под землю’], *йойейи*² [‘застегивать’], *йоредо* [‘рядом, наряду с’], *йородийи* [‘родить’], *йословач* [‘рабочий’], *йребјег* [‘беглец’], *йрејездийи* [‘проехать’], *йрелубийи* [‘разлюбить’], *йривенац* [‘помощник на свадьбе’], *йрийаси*³ [‘прийти на ум’], *йројездийи* [‘проехать’], *йрољев* [‘пролитие’], *йрошена ђевојка* [‘невеста’], *рабар* [‘муж, храбрец’], *разблудница* [‘овца’], *разборийи*² [‘расклеванный, широкий’], *разговорак* [‘речь, разговор’], *реда* [‘очередь’], *ронийи*² [‘разматывать’], *росуља* [‘тонкая и длинная трава’], *рујевно вино* [‘белое вино’], *руса* [‘ласточка’], *саборийи* [‘узкий’], *самдокас* [вымышленное растение], *самокрес* [‘пистолет’], *самрїян* [‘смертный’], *сандалгаће*, *сандалије* [‘женские штаны’], *санџак-алај-бег* [значение не установлено], *свадбарина* [‘налог на вступление в брак’], *свиленгаћа* [‘человек в брюках’], *својко* [‘родственник’], *секуна* [‘сестра’], *секуцала* [по всей видимости, обозначение сестры], *силени*, *силовиї* [‘сильный’], *скувија* [‘шапка’], *сїаваћив* [‘спящий’], *сїлейтавийи* [‘плести’], *Србињ* [‘серб’], *Србињски* [‘сербский’], *Србљак*, *Србљанин* [‘серб’], *сїадо* [‘стадо’], *сїанован* [‘основной’], *сїарина*² [‘старина, старший друг’], *сїаросїавне књиге* [‘старые книги’], *сїо*² [‘стол, стул’], *сїрайтор* [‘разновидность травы’], *сїрайторов* [‘относящийся к траве сїрайтор’], *сїремен* [‘стрема’], *судија*² [‘судья’], *сужањ* [‘заключенный’], *тїанкойреља* [‘искусная прядильщица’], *тїаобор* [‘табор, лагерь’], *тїежайак* [‘рабочий день’], *тїере* [‘союз’], *тїерлидива* [‘накидка’], *тїойлик* [‘теплый ветер’], *тїелуїа-ча* [‘лысый’], *убав* [‘красивый’], *убојийи* [‘смертельный’], *увојак* [‘завиток’], *узавница* [‘приглашенный гость’], *узаједно* [‘вместе’], *узрасїи* [‘рост, возраст’], *улак* [‘посыльный’], *уйросник* [‘проситель’], *ускок* [‘беглец’], *уйва* [‘утка’], *учувайи* [‘сохранить’], *факља* [‘ветки граба, используемые для факела’], *џака* [‘шаг или прыжок в танце’], *џрвеника* [‘красное вино’], *џајайи* [‘ждать’], *џарни* [‘черный’], *џедо* [‘чадо, ребенок’], *шаровийи* [‘разноцветный, пестрый’], *шестїойер* [‘с шестью перьями’], *шестїойерни* [‘с шестью перьями’], *шїийиїо* [‘щит’], *шушїаица* [‘разновидность шапки’]⁷³.

⁷³ К данному списку следует добавить, что среди поэтических слов в Словаре есть много личных имен, таких как *Вуча* или *Лауд*, и географических названий (*Леђан* или *Млейак*). Кроме того, имеются фольклорные слова,

Весьма полезно рассмотреть в свете этого материала распространённую в последнее время и на первый взгляд заманчивую теорию о том, что наш литературный язык основан на самом деле на обогащённом и облагороженном языке народной поэзии, а не на разговорном диалекте Тршича⁷⁴. Если бы эта теория была верна, среди специфически поэтических слов в фольклоре вуковского времени должно было бы найтись много таких, которые сегодня занимают важное место в литературном языке. Но это не так. Из перечисленных слов наберется едва ли тридцать активно употребляющихся в современном языке (т. е. не имеющих статус архаизма, диалектизма или оттенок стилистической странности): *безаконе* ['беззаконие'], *брийка* ['острая'], *дворанин* ['придворный'], *дојка* ['грудь'], *драга* ['любимая'] и т. д., *јарки* ['яркий'], *јездити* ['ехать верхом'], *кладенац* ['источник с питьевой водой'], *крма* ['сено'], *мемла* ['влага'], *мук* ['молчание'], *обљубити* ['обесчестить'], *йобрђе* ['горный район'], *йодобан* ['способный'], *йокрајина* ['граница, область'], *йонор* ['место, где река уходит под землю'], *рујни* ['желтый'], *силовић* ['сильный'], *спаваћив* ['спящий'], *сјадо* ['стадо'], *сјарина* ['старина, старший друг'], *сјо* ['стол'], *сужањ* ['заключенный'], *убојни* ['смертельный'], *увојак* ['завиток'], *узрасћ* ['возраст, рост'], *ускок* ['беглец'], *чедо* ['чадо, ребенок'] и, возможно, еще два-три слова⁷⁵. Это совсем небольшая цифра (всего около пятнадцати процентов от общего числа приведенных слов⁷⁶). Очень важно, что, кроме слова *сјо* (и еще одного-двух), эти слова не принадлежат к ядерному и наиболее употребительному слою лексики, а некоторые из них

известные Вуку из народной прозы (*гобела*, *јагњиво* или *челац*). Ср. также *моленје* (встречается в тексте молитвы) и *сјасеније* (встречается только в благопожеланиях (тостах)).

⁷⁴ Эту точку зрения наиболее четко сформулировал Д. Брозович в статье «Вук и новоштокавское фольклорное койне» (Brozović D. *Vuk i novoštokavska folklorna Koine*. Slavia, XXXIV, 1965, s. 1–27; повторная публикация в книге: Brozović D. *Standardni jezik*. Zagreb, 1970, s. 85–118).

⁷⁵ В эту группу нельзя включать фольклорные слова, которые существенно отличаются по значению от литературных (*вјереница*, *низија*, *йодјела*, *йрољев*, *разборити*).

⁷⁶ Некоторые из этих слов, впрочем, и не были исключительной принадлежностью языка поэзии: лексемы *крма*, *йонор* и *ускок* Вук поместил как фольклорные (только в первом издании Словаря!), потому что в его говоре они не были в повседневном употреблении.

ярко стилистически окрашены. Эта лексика, несомненно, внесла определенный вклад в словарный состав литературного языка, но ее роль отнюдь не была решающей⁷⁷.

Впрочем, эта роль и не могла быть большой: ее масштаб определяется самим характером фольклорной лексики. Среди приведенных нами слов достаточно мало таких, которые бы формой или содержанием делали язык и систему понятий более утонченными и совершенными. «Поэтический» статус большей части этих слов можно объяснить дистанцией, которая сложилась между современным обществом и той средой, в которой они были записаны. Иногда это историческая, географическая дистанция (*дужд*, *ускок*, *стѣаросѣавне књиге*, *јежован*) или социальная (*дворанин*, *зайчочник*, *канон*, *вермаш*), а иногда чисто языковая, опять же временная (ср. архаизмы: *ино*, *јездѣиѣи*, *кладенац*, *коњиц*, *љетѣио* в значении 'год', *љуба*, *руса*, *уѣва*) или географическим положением (слова из других диалектов: *дажда*, *дневи*, *кокоѣи*, *мома*, *убав*). Кроме того, как мы уже видели, среди поэтизмов есть слова, возникшие под влиянием стихотворного размера и отличающиеся от своих общезыковых вариантов числом слогов (форма *чарни* возникла потому, что было необходимо избежать слогового *р*, очень неудобного при пении⁷⁸). В нашем списке есть и типичные поэтические лексемы, созданные для большей выразительности (*жуборика*, *зорѣиѣи*, *ником ѣониѣи*, *росуља*). В некоторых случаях источником выразительности стал выбор турцизма вместо сербской лексики (*ђеисѣиѣа*, *ђузел*), а также сложных слов, образованных механическим сложением по турецкой модели (*ѣаунѣиро*, *сандалгађе*). Отдельные лексемы создавались специально для песни, в которой мы их встречаем, в стиле крестьянского юмора: *буљѣока*, *окологей*, *самдокас*, *дађа*,

⁷⁷ Роль фольклорной лексики была гораздо более существенна в формировании нашего поэтического языка. Конечно, в приведенном списке не так много слов, которые бы сегодня воспринимались как специфическое средство поэтического языка, но в прошлом их число было намного больше. Наша авторская поэзия XIX века заимствовала весь набор выразительных средств у поэзии народной, но с течением времени стала постепенно освобождаться от этого багажа: старые выразительные средства перестали удовлетворять поэтов и вследствие фольклорного колорита, и вследствие клишированности.

⁷⁸ Не случайно, что ни один поэтизм из нашего списка не содержит ударное слоговое *р*.

забијоградиџи се. Наконец, среди поэтизмов есть слова, значение которых давно забыто, но которые продолжали жить в песнях по инерции, возможно, и потому, что загадочные выражения в стихотворном тексте не настолько бессмысленны, как в прозе (*велен, илинча, факља*).

Что касается фонетических и морфологических особенностей, язык народных песен также не мог способствовать большей правильности литературного языка: явления, перечисленные выше в пунктах 1–20, свидетельствуют о том, что в языке песен по соображениям метрики было намного больше непоследовательностей, чем в языке сочинений Вука.

Х. ВЫВОДЫ

Язык первого издания Словаря отражает родной говор Вука лучше, чем какое-либо другое его сочинение. Более ранние тексты несли на себе отпечаток церковнославянского влияния, а в более поздних Вук изменял свой язык по мере того, как менялись его представления о функциях и характере литературного языка.

1. Место вуковского говора среди сербских диалектов

Помимо того, что нам сообщает сам Вук, наука не располагает прямыми свидетельствами о говоре села Тршич во времена Вука. Это лишает нас возможности точно установить, в какой степени язык Вука в Словаре отступает от тогдашнего говора Тршича. Однако сам Вук упоминает формы *мореш* [‘можеш’, вместо *можеш*], *данаске* [‘сегодня’, вместо *данас*], дат. п. *мене* [‘мне’, вместо *мени*] и *ѣизи* [‘тебе’, вместо *ѣеби*], хотя в своих сочинениях он их не употреблял. Также он часто восстанавливал группу *ији* или *иј* в тех случаях, где произошло стяжение в *и* (он писал *чији* [‘чей’] или *чиј*, а произносил *чи* с долгим *и*), и либеральнее, чем говор Тршича, относился к согласному *ѣ*. Кроме того, вполне вероятно, что в говоре Вука были формы со стяжениями в таких группах, как *-ао* (*ѣомого* [‘помог’] вместо *ѣомогао*) и отчасти *-аесѣи* (*ѣванесѣи* [‘двенадцать’] вместо *ѣванасѣи*), а также с факультативным выпадением гласного в повелительном наклонении и в отдельных безударных частях, наряду с обычными формами. Эти факты отражают производившийся Вуком сознательный отбор языковых особенностей,

достойных того, чтобы войти в литературный язык. На основании современных знаний о том, что такое грамматическая правильность, и о том, какую потребность в такой правильности испытывает литературный язык, следует признать, что Вук во всех этих случаях поступил верно.

Составить представление об особенностях говора Тршича вуковского времени затруднительно еще и потому, что в нем неупорядоченно смешались исконные элементы с элементами говора герцеговинских переселенцев⁷⁹. Дополнительно усложняет картину тот факт, что говор Тршича за прошедшее время значительно изменился, в первую очередь под влиянием соседних экавских говоров шумадийско-воеводинского типа⁸⁰. Тут нам помогает описание дробняцкого говора Й. Вуковича, хотя и в данном случае нужно учитывать, что со второй половины XVIII века до наших дней говор претерпел определенные изменения. Но более всего информации нам предоставляет сам Словарь: особенности,

⁷⁹ О столкновении двух диалектных типов писал сам Вук: «Так, в Тршиче, откуда я родом, люди, родившиеся в Герцеговине, говорили: *граг* [‘фасоль’], *кожуг* [‘кожух’], *мијег* [‘мех’], *овијег* [‘этих’], а другие не только произносили *гра*, *кожу*, *мије*, *овије*, *оније* [‘тех’] и т. д., но и еще и смеялись над первыми» (*Скупљени граматички и полемички списи*, III, с. 9). Дети и внуки этих стариков, естественно, не отказывались бы от своего говора, если бы не давление среды. Правда, непонятно, что это была за среда. Более старый слой иекавских переселенцев или экавское население окрестных районов? Во всяком случае, в самом Тршиче не было старожилов: согласно рассказам Вука, записанным Срезневским, тогдашнее население Тршича полностью состояло из переселенцев, прибывших из разных областей Герцеговины около 1740 г., за исключением одного экавца, женатого на герцеговинской вдове (и, наверное, поселившегося в ее доме?) (Добрашиновић, Маринковић. *Сусрети с Вуком*, 15). Или же переселившиеся герцеговинцы различались между собой по диалекту и победил тот тип герцеговинского говора, который в новом окружении звучал менее экзотично? Так, одна семья в Тршиче была из Рудина, где не встречаются примеры типа *граг*, а примеры типа *онијег*, которые там можно услышать в наши дни (А. Пецо, *Говор источне Херцеговине*, СДЗб, XIV, с. 74), могли там появиться во второй половине XVIII века с волной переселенцев из восточных районов (Там же, с. 10). Однако неизвестно, достаточно ли было для языкового влияния присутствие одной семьи. Вопрос во многом остается неясным.

⁸⁰ Многочисленные свидетельства об этом представляет нам уже упоминавшаяся монография Б. Николича «Тршичский говор».

которые сегодня присущи говору Дробняка и которые Вук характеризовал как герцеговинские (но не тршичские), надежно существовали уже в то время.

Таким образом, мы можем составить небольшой список различий между говором Вука и говором Дробняка того времени: в говоре Вука не было примеров с *г* на месте *х*, смягченных согласных *ć* и *ž* в примерах типа *секира* ['топор'], *суѣра* ['завтра'] и *изео* ['съел']⁸¹ и перехода консонантных групп *пѣи* и *ѣиш* во *вѣи* и *виш*⁸². Прочие различия, о которых мы узнаем от Вука, — или чисто лексические, или лексикализованные фонетические и морфологические частности, вроде *љельен* и *Љельена* в противоположность вуковскому *јелен* ['олень'] и *Јелена* [Елена], *везд* — вместо *вѣи* ['старый, ветхий'], *ками* вместо *камен* ['камень'], *вељу* вместо *велим* ['говорю']. О других явлениях мы не располагаем прямыми свидетельствами Вука, но есть основания для гипотез с высокой степенью вероятности. Это касается прежде всего новейшей йотации губных согласных. Примеры типа *ѣриљѣѣи* ['терпеть', вместо *ѣријѣѣи*] и редкое *мљезинац* ['любимец', вместо *мјезинац*] в языке Вука, возможно, представляли собой в прошлом системное явление. В говоре Дробняка эта особенность была распространена более широко, но при контакте говора с новой средой в ряде примеров утратилась. Единичный пример *ћерѣѣи се* ['скалиться'] (данный с отсылкой к *церѣѣи се*) мог попасть в говор Вука только из такого диалектного типа, в котором переход *ѣје* в *ће* в подобных случаях был регулярным явлением. Наконец, сюда можно отнести и дробняцкие формы *ови*, *они* ['этот, тот'] (вместо вуковских *овај*, *онај*). Во всех перечисленных случаях различия между говорами связаны с влияниями, которым подвергался говор Тршича. Однако одну возможность нужно сразу исключить: эти особенности не

⁸¹ В «Сербской грамматике» Вук упоминает подобное произношение, характерное для жителей Герцеговины (с. XXIX), современные примеры из Пивы и Дробняка приводит Й. Вукович (стр. 45).

⁸² Вук формы *вѣица* ['птица'] и *вишеница* ['пшеница'] дает в Словаре как герцеговинские. Й. Вукович приводит их только в форме *ѣица* и *шеница*, вероятно, потому, что со времен Вука начальное *в* отпало. Но в той же монографии Вуковича приводятся примеры *овѣиужѣи* ['обвинить'], *овѣиочѣи* ['окаймить'], *ловѣи* ['мяч'], *љевѣи* ['более красивый'], *овѣиѣина* ['община'] и т. д., что свидетельствует об актуальности замены *ѣ* на *в* в позиции перед *ѣи* и *ш*.

следует связывать с говором матери Вука, родом из Никшича. В отношении всех указанных элементов никшичский говор демонстрирует ту же картину, что и дробняцкий.

Если говорить о дистанции между п и с ь м е н н ы м языком Вука и современным ему дробняцким (или никшичским) говором, к приведенному выше списку следует добавить и уже упомянутые расхождения между языком, которым Вук писал, и его родным говором. Во всех этих случаях современный дробняцкий, а также и никшичский говор соответствуют тому, что мы знаем о говоре Вука или реконструируем в нем.

Не исключено, что между этим говором и тогдашним говором Дробняка были и другие несовпадения, но Вук их не заметил и не отметил. Сравнение современного говора Дробняка с языком Вука открывает множество деталей. Так, в Словаре отсутствуют формы, которые регистрирует Вукович: *ноћес* ['сегодня ночью'], *узочес* ['в дурной час'], *објеньићи* (= *објагњићи*) ['окопиться'], *далеко* ['далеко'], *диљи* = *даљи* ['дальнейший'], *грешан* ['грешный'] и т. п. без *j*, *стијо* = *хѣо* ['он хотел'], *ијо* = *јео* ['он ел'], экавизм *вређаићи* ['обижать'], *кисело* ['кислое'], *серома* ['бедный'], последовательное *ије* в таких формах, как *добријем* ['добрым'], *ономо* ['туда'], *еѣе* = *еѣо* ['вот'], *накав* ['какой-то'] вместо *некакав*, *соватићи* ['ругаться'] вместо *йсоватићи*, *сланка* ['соломинка'], *мончад* ['ребята, парни'], *радос* ['радость'], *йриш* ['прыщ'], *украс* = *украстићи* ['украсть'], *йој* ['пойти'] вместо *йоћ[и]*, *умро* ['умер'] с неслоговым *p*, *седамлес* ['семинадцать'], *шљан* ['член'] вместо *члан*, *есам* ['я есть'] вместо *јесам*, *кођи* ['козьи'] и *уђаићи* ['оседлать коня'] вместо *козји* и *узја[x]аићи*, *шњегови* ['снега'], вин. п. *брав* ['боров'], зват. форма *йеѣѣак* ['муж тети'], твор. п. *краљом* ['королем'], *жеѣеѣоц* ['жнец'], *йеѣи стиѣиин* ['пять сотен'], род. мн. *рогу* = *рогова* ['рогов'], энклитика *ви* вместо *вам*, *йтрема* ['тремья'] вместо *йтрима*, *двјестићи* ['двести'], *виђу, вољу* = *видим, волим* ['вижу, люблю'], *кажеватићи* ['рассказывать'] и т. п., *бидем* и *биднем* ['буду'], *виђосмо* ['мы видели'], *йтријеѣи* = *йтрији* ['тереть'], *стиарији* ['стареть'], *чињеѣи* ['делать'], *наљеѣи* : *наљезем*⁸³ ['натолкнуться : натолкнусь'], *сијеѣи с ножом* ['режь ножом'],

⁸³ В языке Вука не только не представлено это чередование, но и формы *наљесѣи*, *уљесѣи* ['натолкнуться, войти'] он обозначает как герцеговинские. Это означает, что этот лексический тип, часто употребляющийся в южных областях, был ему чужд.

долготы в окончаниях и суффиксах -āма (*йўшкāма* ['ружьями']), -āсї (*зёленкāс* ['зеленоватый']), -āшї, -ўшї, -їшї (*свїйшāшї* ['светать'], *гїнўшї* ['погибать'], *грāбїшї* ['хватать']) и такие ударения, как *сїрїчеви* ['дядья'], *двїјё куће* ['два дома'], *зāйшїшajў* ['спросят'], *кличїмо* ['стоим на коленях'], *шїресёно* ['то, что трясли']. Этот список показывает, насколько наши народные говоры, даже очень близкие к литературному языку, все-таки от него значительно отличаются. Однако бессмысленно в данном случае гадать о том, какие из перечисленных особенностей присутствовали в говоре Дробняка во времена Вука.

Современный говор Тршича в отношении этих особенностей полностью совпадает с вуковским и отличается от дробняцкого. Из этого следует, что в ситуации конкуренции двух диалектных форм на территории Тршича в XVIII веке победили особенности, характерные для языка Вука. Говор Вука принадлежит к восточногерцеговинскому типу, но представляет собой его смягченный вариант, не имеющий ряда особенностей, увеличивающих дистанцию по отношению к другим диалектам. Это счастливое обстоятельство: если бы не оно, принятие вуковского языка в качестве литературного было бы затруднено.

Но говор Тршича и после Вука продолжил развиваться в направлении, которое отдаляло его от герцеговинской основы. Книга Николича показывает, насколько сильным было влияние шумадийско-воеводинского диалекта. В наши дни жители Тршича употребляют иекавские формы наряду с экавскими, усвоив и некоторые шумадийско-воеводинские икавизмы. Заударные долгие гласные по большей части сокращаются, но, с другой стороны, в говоре присутствуют многие долготы, не свойственные языку Вука: *јёдāн* ['один'], *нóжōм, мёнё* ['меня'], *вїдиō* ['видел']. Кроме того, существуют и такие черты, отличные от вуковского языка, которые могли прийти из других диалектов. Тип развития консонантных групп, представленный в вуковских формах *шавница* ['темница'], *млого* ['много'], *сумља* ['сомнение'], вытеснен противоположным, который дал формы *дамно* ['давно'] и *земља* ['земля']. Мужские имена типа *Симо* склоняются как *Симо* — род. п. *Симе* (а не *Сима*), дат. *Сими* (а не *Симу*) и т. п. Также здесь встречаются формы типа *са шѣбом* ['с тобой', вместо *шобом*], *молу* ['они просят'] наряду с *моле, довучу* ['дотащат', вместо *довуку*], *йогледашмо* ['мы посмотрели', вместо

йогледасмо], *вршиѝи* [‘молотить’] вместо *врћи* или *врећи*, *јашиѝи* [‘ехать верхом’, вместо *јахайѝи*] и т. д.

Таким образом, сегодня не существует местного говора, с которым был бы напрямую связан язык Вука: от дробняцкого он значительно отличался еще во времена Вука, тршицкий же с тех времен сильно изменился.

2. Вуковский язык в перспективе развития нашего литературного языка

От первого издания Словаря к нашему современному литературному языку ведет непрерывный путь развития. Поскольку победа Вука была революционным переломом, между языком предшественников Вука и языком нашего времени такой преемственности нет. Из этого, естественно, не следует, что говор Вука был практически идентичен нашему современному литературному языку. Функционирование языка в быстро развивающемся обществе требовало и обеспечивало его ускоренное и непрерывное обогащение. Различия касаются не только нового слоя лексики — они подразумеваются и исторически неизбежны. Расхождения обнаруживаются в ядре языковой системы: нельзя сказать, что вуковский говор особенно близок к фонетической и грамматической базе нашего литературного языка. Увидеть это можно только приблизившись к языку Словаря и не воспринимая его как документ нашего современного языка, как это часто делали авторы наших грамматик (в основном почти до последнего времени), сокращая таким образом перспективу до полного ее отсутствия.

Анализ представленного в Словаре материала позволяет легко обнаружить ряд фонетических и грамматических моделей, отсутствующих в современном литературном языке. Это такие модели, как *ћераѝи* [‘гнать’, лит. *тїјераѝи*], *ђевојка*⁸⁴ [‘девушка’, лит. *дјевојка*], *међед* [‘медведь’, лит. *медвјед*], *ћериѝи се* [‘оскалывать зубы’, лит. *цериѝи се*], *тїрїљеѝи* [‘терпеть’, лит. *тїрїјеѝи*], *мљезинац* [‘любимец’, лит. *мјезинац*] (так называемая новейшая йотация), *грјешник* [‘грешник’, лит. *грешник*], *зайовиђеѝи*

⁸⁴ В данном списке, как и в предыдущих, касавшихся говоров Тршича и Дробняка, каждый тип представлен одним примером. Одно слово представляет целую группу слов, имеющих одну и ту же особенность.

[‘приказывать’, лит. *зайовједити*] и *сиђеи* [‘сидеть’, лит. *сједити*], регулярное *нијесам* [‘я не есть’, серб. лит. *нисам*], *жујијем* [‘желтым’, лит. *жуијим*], *гођ* [‘-либо’, лит. -*год*], экавизмы *нега* [‘уход, забота’, лит. *њега*], *шело* и *човек* [‘человек’, лит. *шијело*, *човјек*] (в иекавском произношении!), *йанцијер* [‘доспехи’, лит. *йаницир*], *јачмен* = *јечам* [‘ячмень’, после знака равенства автор здесь и далее дает лит. форму], *йолмач* [‘переводчик’, лит. *йумач*], *мударац* [‘мудрец’, лит. *мудрац*], *омһисе* = *омаһи се* [‘поскользнуться, выскользнуть’], *йјан* = *йијан* [‘пьяный’], *бјен* [‘битый’, лит. *бијен*], *маһа* = *маһеха* [‘мачеха’], выпадение *х*, *чиј* [‘чей’] (т. е. в речи *чи*, вместо *чији*), *ракијнски* [‘относящийся к ракии’, лит. *ракијски*], *ђе* [‘где’, лит. *гдје*], *йиийор* [‘ктитор’, лит. *кйиййор*], *йица* [‘птица’, лит. *ййица*], *чела* [‘пчела’, лит. *йчела*], *шеница* [‘пшеница’, лит. *йшеница*], *оскочити* [‘отпрыгнуть’, лит. *одскочити*], *шъеме* [‘конек крыши’, лит. *сьеме*], *йавница* [‘темница’, лит. *йамница*], *млого* [‘много’, лит. *много*], *сумља* [‘сомнение’, лит. *сумња*], *нойһи* [‘ночной’, лит. *ноһни*], *войһак* [‘сад’, лит. *воһняк*], *Костйанийин* [имя собственное, лит. *Констйанийин*], *сришъен* [‘шершень’, лит. *сйришъен*], *човестйво* [‘человечество, человечность’, лит. *човјешйво*], *чкакъайи* [‘щекотать’, лит. *шкакъайи*], *увјецбайи* [‘выучить’, лит. *увјежбайи*], *йрицврльи* [‘обжечь’, лит. *йрицврльи* и *йричврльи*], *йриварница* [‘жаровня’, лит. *йрчварница*], *камција* [‘бич’, лит. *канција*], *унка* = *хумка* [‘холм’], *ковча* [‘застежка’, лит. *койча*], *намасйир* [‘монастырь’, лит. *манасйир*], *зламење* [‘знамение’, лит. *знамење*], *жуванце* [‘желток’, лит. *жуманце*], *йадај* = *йада* [‘тогда’], *сјуйтра* [‘завтра’, лит. *суйтра*], *Србљин* [‘серб’, лит. *Србин*], *шалинйра* [‘селитра’, лит. *шалийтра*], *јеверица* [‘белка’, лит. *вјеверица*], *кирација* = *кирајција* [‘жилец’], *сација* [‘часовщик’, лит. *сајција*], *Миросав* [имя собственное, лит. *Мирослав*] последовательно без *л*, *комендай* = *команданй* [‘командир’], *йлейке* = *сйлейке* [‘сплетни’], *чийула* = *чийуља* [‘объявление о смерти’], *наком* = *након* [‘спустя’], *лейурђија* [‘литургия’, лит. *лийургија*], *чекиһ* [‘молоток’], *ценерал* [‘генерал’, лит. *генерал*], *кошйурница* [‘склеп’, лит. *костйурница*], зват. ф. *Милица* [имя собственное, лит. *Милице*], мн. ч. *йрийискови* [‘жерди на соломенной крыше’, лит. *йрийисци*], род. мн. *динари* [‘динаров’, лит. *динара*] и *лађи* [‘кораблей’, лит. *лађа*], *нарјечијама* [‘наречиями’, лит. *нарјечјима*], широкое употребление -*ма* вместо -*има* (*људма* [‘людьми’, лит. *људима*], *сйварма* [‘вещами’, лит. *сйварима*]), *ждрао* = *ждрал* [‘журавль’], им. п. *Димийрија* [имя

собственное, лит. *Димийтрије*], *рамо* [‘плечо’, лит. *раме*], *завјес* [‘занавес’, лит. *завјеса*], *мити* = *митио* [‘взятка’], *Дунаво* [Дунай, лит. *Дунав*], *лейезе* = *лейеза* [‘веер’], *вијећа* [‘собрание’, лит. *вијеће*], *назеба* [‘простуда’, лит. *назёб*], *раскида* [‘разрыв’, лит. *раскид*], *раи* [‘война’] ж. р. [лит. м. р.], *јасли* [‘ясли’, лит. *јасле*], *наћви* [‘квашня’, лит. *наћве*], далее *виљушке* [‘вилка’, лит. *виљушка*], *омче* [‘петля’, лит. *омча*], *йрегршии* [‘пригоршня’, лит. *йрегрши*] (pluralia tantum), *йоноћи* вместо *йоноћ* [‘полночь’], *њага* = *њега* [‘его’], отсутствие энклитики *ју*, долгие гласные в энклитиках *јој* и *и[x]*, частое употребление род. п. местоимения *ишиа* [‘что’], неизменяемые прилагательные типа *зейиуни* [‘оливково-зеленый’], *двима* = *двема* [‘двумя’], *двоенаестйоро* [собр. ‘двенадцать’, лит. *дванаестйоро*], формы *усйишем* [‘когда буду писать’, лит. *будем йисао*] и *знадбудем* [‘если узнаю’, лит. *будем знао*] в значении предбудущего времени, отсутствие формы первого лица множественного числа повелительного наклонения, *ћадија* и *ћа* = *ићах* [‘я хотел’, имперфект], [о]йио = *хйео* [‘хотел’, причастие на -л], *клићи* = *кликнуи* [‘воскликнуть’], *мачен* = *макнуи* [‘сдвинутый’], *ћућеи* = *ћуиайи* [‘молчать’], формы *цваси* [‘цвести’]: *цвайим* [‘я цвету’, лит. *цвайшем*], *чайиийи* [‘читать’] вместо *чиийи*, *засвирјейи* [‘заиграть’, лит. *засвирайи*], *йајайи* [‘скрывать’, лит. *йајийи*], *сломијем* [‘сломаю’, лит. *слоим*], *йойењем* [‘поднимусь’, лит. *йойнем*], *донешен* [‘принесенный’, лит. *донесен*], *объевен* [‘облитый’, лит. *обливлен*], *Бијоградац* [‘житель Белграда’, лит. *Београђанин*], *Новосайкиња* [‘жительница Нови-Сада’, лит. *Новосађанка*], *говечаца* [уменьш. от ‘скотина’], *йроклейшав* = *йроклейсйиво* [‘проклятие’], *мочица* = *моикица* [‘небольшой шест’], *власйел* = *власйелин* [‘господин, помещик’], *йомагања* = *зайомагање* [‘призыв на помощь’], *йайиролиийи* [‘патрулировать’, лит. *йайиролирайи*], *дойуишайи* [‘допускать’, лит. *дойуишайи*], *сјеђење* [‘сидение’], *кршђење* [‘крещение’, лит. *кршиђење*], *будење* [‘пробуждение’, лит. *буђење*], употребление род. п. при глаголе *ийиайи* [‘спросить’, в лит. — с вин. п.] и после предлога *йрема* [‘в направлении’, в лит. — с дат. п.], предлог *од* вместо *о*, преимущественно аблативное значение предлогов типа *иза*, сложные предложения по модели *Који ..., онај ...* [‘кто ..., тот ...’], союз *зашйио* [‘потому что’, лит. *зайио ийио*] и т. д.

Некоторые из этих типов удалил из языка сам Вук в ходе своей дальнейшей работы, другие исчезли в процессе позднейшего развития. В большинстве случаев можно назвать причины,

приведшие к их устранению (это, разумеется, не относится к мелочам, касающимся отдельных слов: среди них вероятность случайного стечения обстоятельств намного больше). Устраненные явления или усложняли грамматическую систему, уменьшая тем самым ее внутреннюю правильность, или были характерны для небольшой части нашей языковой территории, или представляли собой недавние инновации, отдалявшие наш литературный язык от книжного наследия прошлого. Отказ от ряда черт был обусловлен сразу двумя или тремя перечисленными факторами. Поэтому наш нынешний литературный язык грамматически гораздо более правилен, чем говор Вука, обнаруживает больше общего с другими диалектами и более архаичен. Последнее может показаться парадоксальным: полтора столетия спустя мы пишем языком, фонетически и грамматически более архаичным, чем язык Словаря. Однако это совершенно естественное явление: литературные языки на всех уровнях, кроме лексического, архаичнее диалектов. Литературные языки избегают инноваций как раз по той причине, что они нарушают грамматическую правильность и прерывают связь с культурным наследием предыдущих эпох.

Расставшись с перечисленными особенностями, наш литературный язык еще более удалился от дробняцкой диалектной базы⁸⁵, а в значительной степени и от современного тршицкого говора. Таким образом, на сербскохорватской территории литературный язык приобрел наддиалектный характер, как это обычно и бывает в культурно развитых странах. Возникнув на основе областного говора, литературные языки отрываются от них и начинают развиваться по собственным законам. Бесчисленные последствия этого развития связаны с двумя важнейшими обстоятельствами: литературные языки, в отличие от народных говоров, обслуживают потребности не маленькой и замкнутой социальной группы, такой как, например, население деревни или области, а нации в целом⁸⁶. Кроме того, литературные языки должны соответствовать требованиям более богатой и сложной культуры.

⁸⁵ Мы упоминали, что Й. Вукович отмечает присутствие в дробняцком говоре большей части этих особенностей. Не исключено, что существуют и другие второстепенные черты, которые Вукович мог не учесть.

⁸⁶ Некоторые литературные языки, в том числе сербскохорватский, обслуживают более одной нации.

Дистанцию, отделяющую наш современный литературный язык от его былой дробняцкой основы, лучше всего можно увидеть, сравнив его фонетическую систему с дробняцкой и со сремской⁸⁷, которую Вук в свое время чаще всего приводил как пример испорченности языка. Поразительно, но между сремским говором и экавским вариантом нашего современного языка меньше фонетических различий, чем между дробняцким говором и иекавским вариантом литературного языка. (В области морфологии ситуация, правда, противоположная из-за сремских архаизмов в местном падеже множественного числа и инноваций в третьем лице множественного числа настоящего времени. В целом, однако, различие между фонетической и морфологической дистанциями не так велико.) Но еще поразительнее, что если провести сравнение на историческом материале, оно даст те же результаты. Йован Раич, родившийся в г. Сремски-Карловци в 1726 г., когда писал по-сербскохорватски, а не по-церковнославянски или по-русски, был фонетически ближе к современному литературному языку, чем язык первого издания Словаря Вука (сравнение в области морфологии также дало бы противоположную картину). Даже сам набор звуков был у Раича тождествен современному литературному: он употреблял *x*, а *ф* в его языке было устойчивее, чем в языке Словаря. Лишь позднее Вук принял фонологическую систему, характерную для языка сербской литературы восемнадцатого века.

Литературный язык, вошедший в употребление после победы Вука, сильно изменился, и сегодня он уже ни дробняцкий, ни тршицкий, ни специфически вуковский. База этого языка намного шире и носит общештокавский характер, а сам он отмечен печатью нашего времени. Несмотря на все свои блестящие качества, язык, представленный в первом издании Словаря, еще не был литературным. Это был лишь сырой диалектный материал, легший в основу нового литературного языка. Однако язык, которым писал Вук, и сегодня производит впечатление живого и близкого, тогда как язык его предшественников и современников в нашем восприятии покрыт пылью веков. Дело не только в проницательности Вука и его даре яркого и емкого слова. По объективным особенностям своего языка Вук намного ближе к современной языковой

⁸⁷ Этот диалектный тип подробно описан в работе Б. Николича «Сремский говор».

действительности, чем все более или менее известные писатели его эпохи. Было много авторов, основывавшихся на добротной новоштокавской базе, немало было и тех (на сербскохорватском западе), кто избегал церковнославянских элементов столь же успешно, как и Вук. Однако писатели с хорошей диалектной базой смешивали свой язык с церковным, а те, кому была чужда славяносербская традиция, или вообще не были штокавцами, или пользовались нетипичными периферийными штокавскими диалектами, не подходившими для того, чтобы стать базой литературного языка всего сербскохорватского региона. Только язык Вука соединял в себе обе черты. Поэтому только он и стал верным решением.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Appendini Francesco Maria. *Grammatica della lingua illirica*. Ragusa, MDCCCVIII.
- Belić A. *Karadžić, Vuk*. Enciklopedija Jugoslavije, 5, 1962.
- Белић, А. О Вуковим погледима на српске дијалекте и књижевни језик. Глас СКА, 82, Београд, 1910.
- Brabec I., Hraste M., Živković S. *Gramatika hrvatskosrpskoga jezika*. Zagreb, 1965. 6. izd.
- Butler Thomas. *The Origins of the War for a Serbian Language and Orthography*. Harvard Slavic Studies, V. Cambridge, Massachusetts, 1970.
- Вуковић Јован. Акценатнi говора Пиве и Дробњака. Српски дијалектолошки зборник, 10, 1940.
- Вуковић Јован. Говор Пиве и Дробњака. Јужнословенски филолог, 17, 1938–1939.
- Вушовић Данило. Диалектнi источне Херцеговине. Српски дијалектолошки зборник, 3, 1927.
- Даничић Ђуро. Мала српска грамаишка. У Бечу, 1850.
- Добрашиновић Голуб, Маринковић Боривој. Сусрећи с Вуком. Нови Сад, 1964.
- Ивић Павле. Два асијекта Вуковог дела. Анали Филолошког факултета у Београду, V, 1965.
- Караџић Вук. О језику и књижевности. I (приредио Берислав Николић). Београд, 1968.
- Караџић Вук Стеф. Скуиљени грамаиички и полемички сјиси (уредник П. П. Ђорђевић). I–III. Београд, 1894–1896.
- Караџић Вук Стефановић. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма. У Бечу, 1818 (фототипическије издања: Београд, 1966 и 1969, приредио Павле Ивић). 2. изд. (Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима) у Бечу, 1852; 3. изд. у Београду, 1898; 4. изд. у Београду, 1935; 5. изд. Београд, 1969).
- Вукова прејиска (уредник Љуб. Стојановић). I–VII, Београд, 1907–1913.
- Kopitar V. *Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark*. Laibach, 1808.
- Кашић Јован. Војвођанска лексика у Вуковом Рјечнику. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, X, 1967.
- Кашић Јован. Градске речи у Вуковом Рјечнику. Годишњак Фил. фак. у Новом Саду, XI/1, 1968.
- Kopitar Barth. *Kleinere Schriften*. I. Wien, 1857.

- Кулаковский Платонъ. *Вукъ Караджичъ*. Москва, 1882.
- Maretić Tomislav. *Metrika narodnih naših pjesama*. Rad JAZU, 168, 170, 1907.
- Младеновић Александар. *Сава Мркаљ и његови претходници у реформи предвуковске ћирилице*. Годишњак Фил. фак. у Новом Саду, X, 1967.
- Николић Берислав. Однос данашњег турског говора према Вуковом језику. Јужнословенски филолог 26, св. 1–2, 1963–1964.
- Новаковић Стојан. *Неговање језика српског*. Глас СКА, X. Београд, 1888.
- О Вуку Караџићу. Студије и есеји. Београд, 1968.
- Поповић Миодраг. *Вук Сѣеф. Караџић*. Београд, 1964.
- Селимовић Меша. *За и против Вука*. Нови Сад, 1967.
- Стевановић Михаило. *Језик у Вукову делу и савремени српскохрватски књижевни језик*. Јужнословенски филолог, XXVI/1–2, 1963–1964.
- Стевановић Михаило. *Карактер дијалектизама у језику Вука Караџића*. *Анали Филолошког факултета у Београду?* V, 1965.
- Стевановић Михаило. *Савремени српскохрватски језик*. I–II. Београд, 1964, 1969.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ

Поскольку библиографические списки, содержащиеся в тексте монографии, включают литературу только до 1971 г., читателю предлагается краткая избранная библиография, в которую вошли важнейшие издания по теме книги, вышедшие после ее публикации. Библиографию составила акад. Ясмина Грковић-Мейджор.

Dalibor Brozović, Pavle Ivić. *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Izvadak iz II izdanja Enciklopedije Jugoslavije. Jugoslavenski leksikografski zavod „Miroslav Krleža”, Zagreb, 1988.

Ирена Грицкат. *Сѣудије из истѣорије срѣскохрвайског језика*. Београд: Народна библиотека СР Србије, 1975.

Јасмина Грковић-Мејџор. *Сѣиси из истѣоријске лингвистѣике*. Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007.

Милка Ивић. *О језику Вуковом и вуковском*. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1990.

Павле Ивић. *Срѣски дијалекѣи и њихова класификација* (прир. Слободан Реметић). Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009.

Павле Ивић. *Преглед истѣорије срѣског језика* (прир. Александар Младеновић), Целокупна дела Павла Ивића VIII (ред. Милорад Радовановић). Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998.

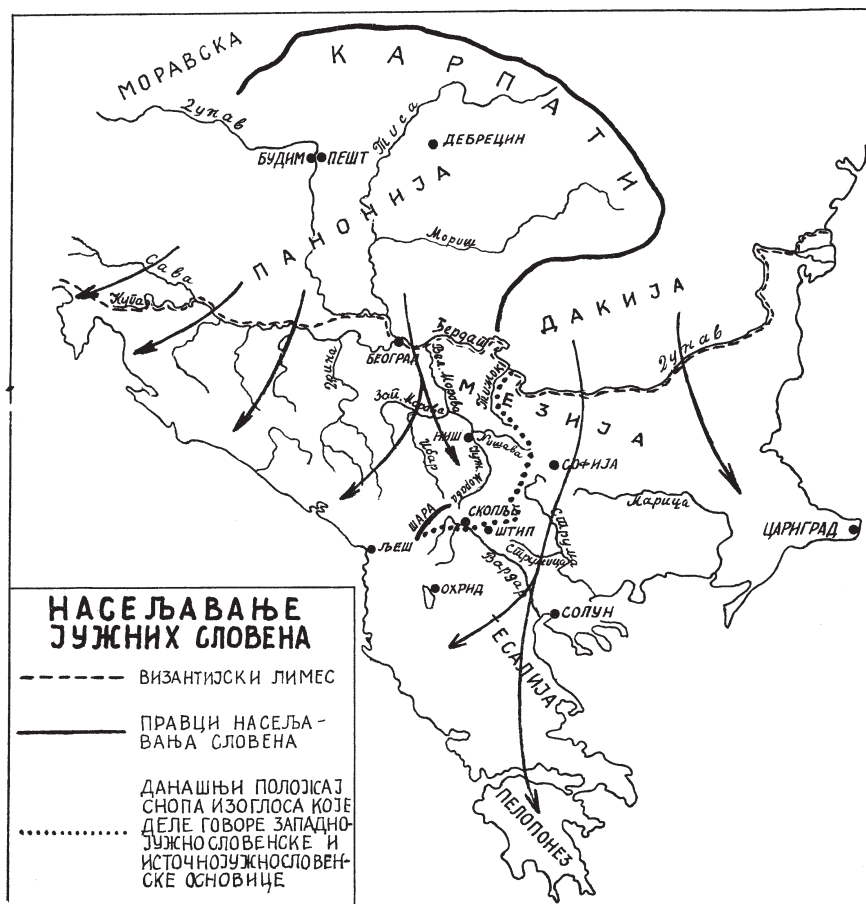
Pavle Ivić. *L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate*. *Revue des études slaves*, LVI/3 (1984), 313–344.

Александар Младеновић. *Истѣорија срѣског језика. Одабрани радови*. Београд: Чигоја, 2008.

Српски језик на крају века (ред. Милорад Радовановић). Београд: Институт за српски језик САНУ – Службени гласник, 1996.

Слободан Павловић. *Узроци и механизми синтаксичких промена у српском језику*. Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2013.

Целокупна дела Павла Ивића (редактор издања Милорад Радовановић). Сремски Карловци — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1990–.

Карта № 1. Расселение южных славян

Византийский лимес

Направления расселения славян

Пучок изоглосс, в настоящее время разделяющий говоры
с западно- и восточноюжнославянской основой

Карта № 2. Схема миграций XV–XVIII вв.

Области, откуда происходило переселение:

I. Южнохрватская (чакавская)

II. Штокавская (и штокавско-чакавская) икавская

III. Восточногерцеговинская

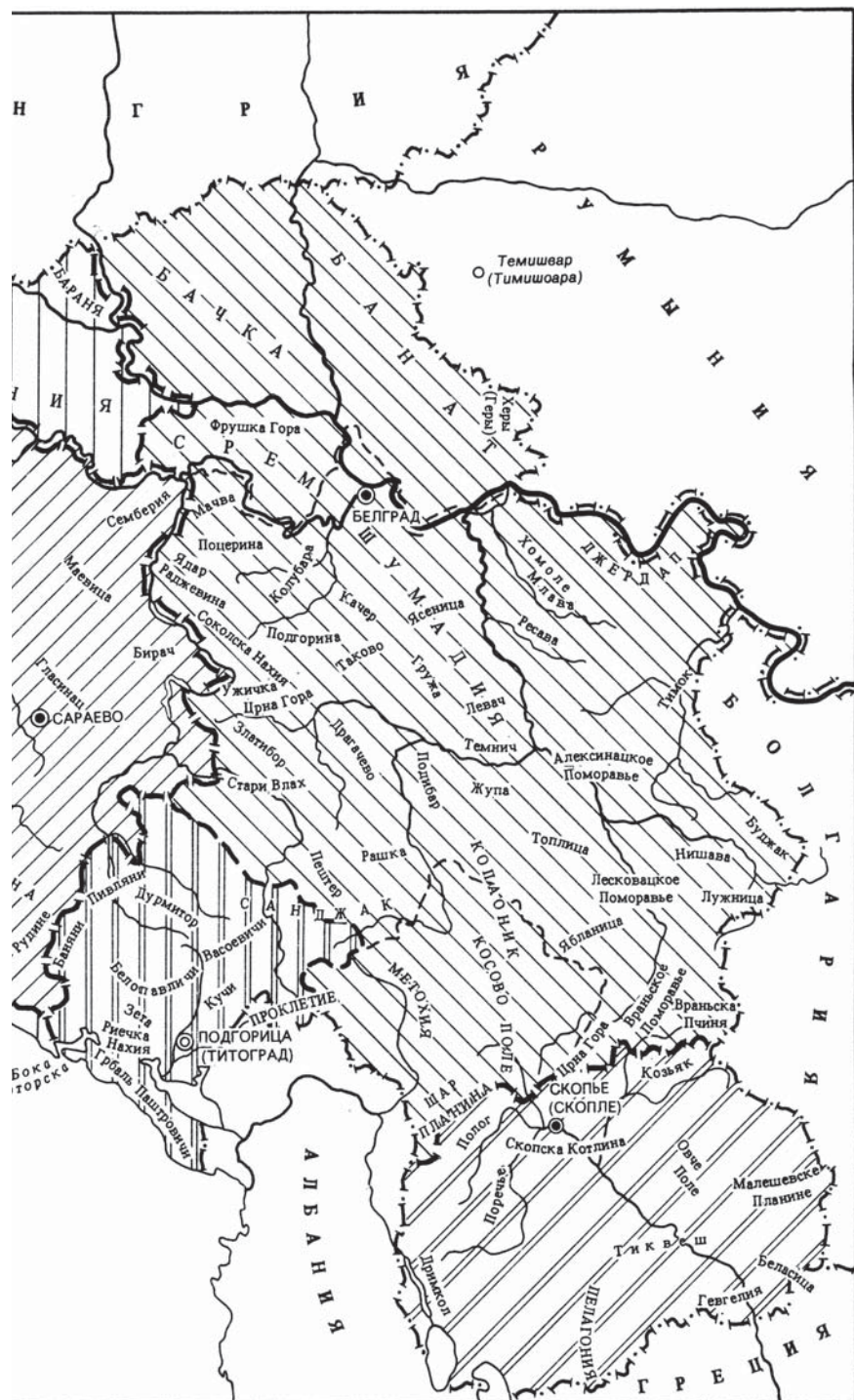
IV. Зетская

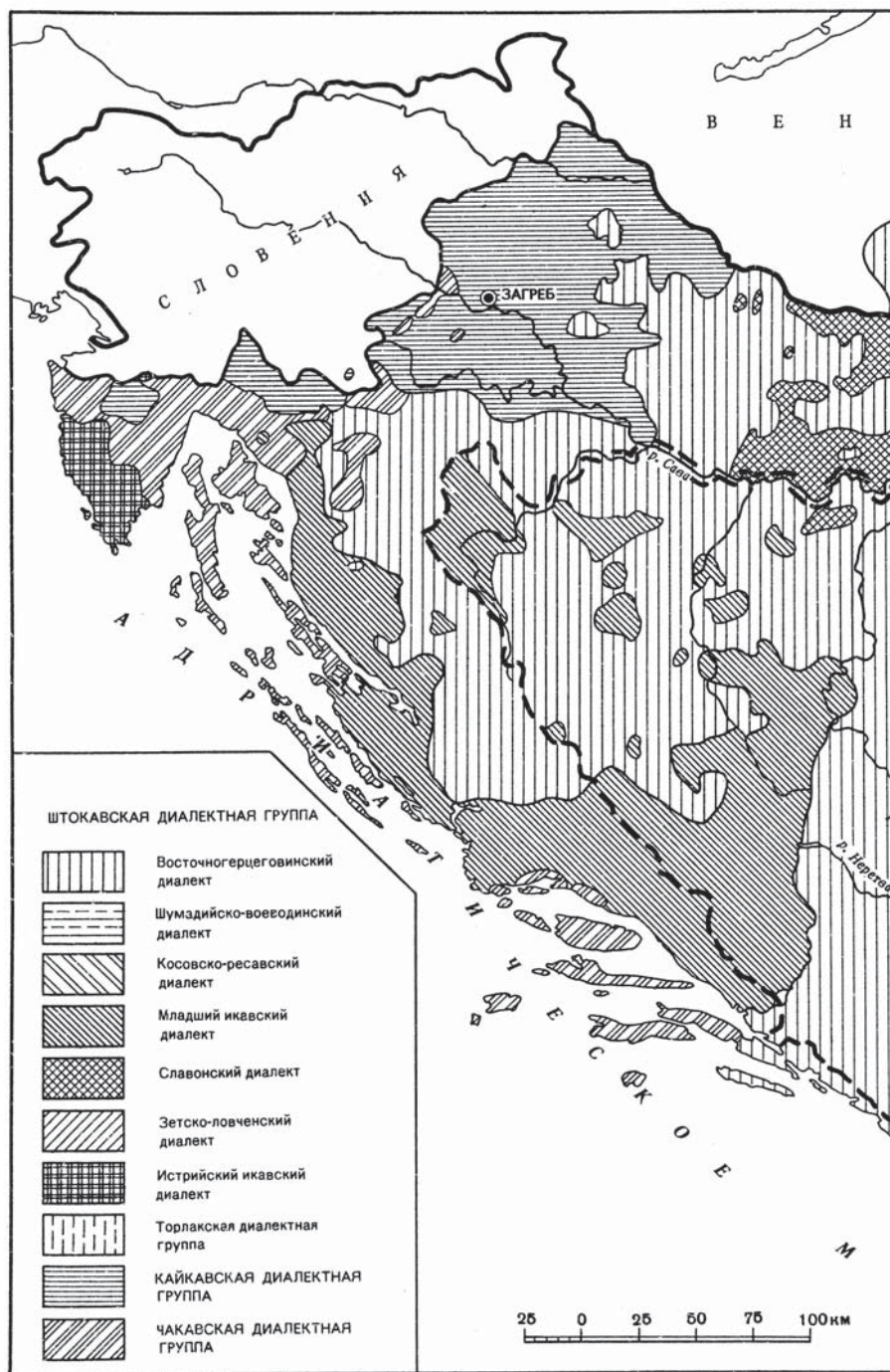
V. Косовско-метохийская

VI. Вардарско-южноморавская

VII. Шопская

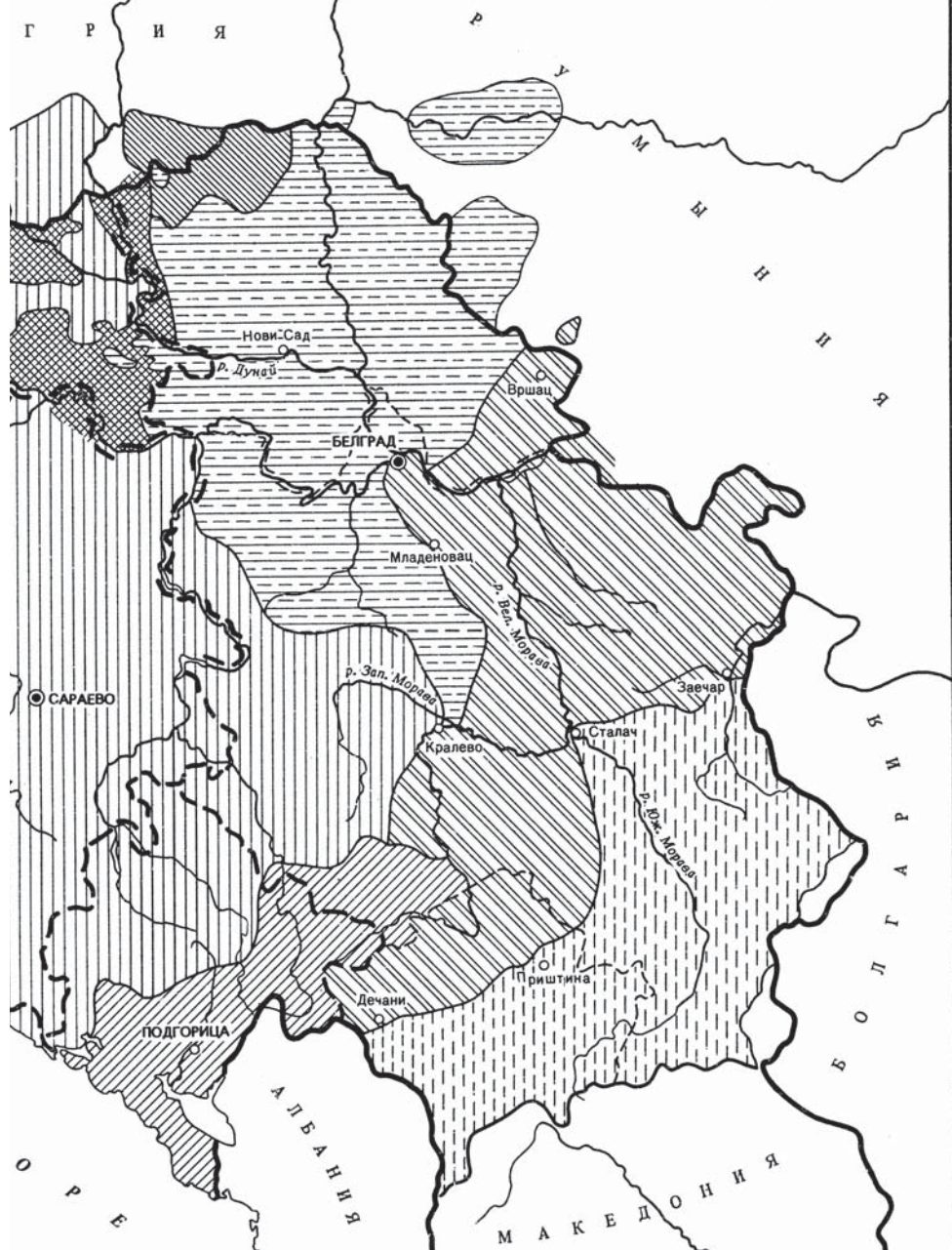

Составлена на основе карт: Дијалект
Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. I

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ
СЕРБСКОХОРВАТСКОГО АРЕАЛА

олошка карта // Неш П. Српски народ и његов језик. Београд, 1971; *Dialektologische Karte des serbokroatischen Sprachraums // hre Struktur und Entwicklung. Erster Band. Mouton. s'—Gravenhage, 1958. [Вкнеўка].*

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аппендини Франческо Мария 284, 285
- Бабукич Векослав 199, 200
- Балота Александр 115
- Баракович Юрий 150
- Белич Александр 7, 46, 217, 218, 220, 223, 263, 281, 291
- Белмужевиц Милош 172
- Белостенец Иван 160, 265, 269
- Бечкович Матия 115, 116
- Боранич Драгутин 217, 218, 220, 223
- Бошкович Руджер 159
- Бранкович Вук 155
- Бранкович Джордже, граф 163, 175
- Брлич Игњат Алојзије 199
- Броз Иван 204, 296
- Брозовић Далибор 164, 165, 200, 223, 341
- Будинич Шиме 139
- Вайс Йозеф 131
- Ван-Вейк Николас 43
- Вебер Ткалчевић Адолф 201
- Венцлович Гаврило Стефанович 171, 174–176, 179, 180, 288
- Виталич Андрея 163
- Витезовић Риттер Павао 139, 155, 160, 161
- Владисавлевић Савва 163
- Владислав, король 143
- Влаич Матия 159
- Волтиджи (Волтич) Ђосип 265, 269
- Враз Станко 193
- Врамец Антун 157
- Вранчић Фауст 150, 265
- Вук, деспот 155
- Вуковић Божићар 129
- Вуковић Вићенцо 129, 220
- Вуковић Ђован 344–346, 351
- Вук Стефановић Караџић 284
- Габделич Јурај 265
- Габсбург 65, 66, 72, 157, 169, 207
- Гай Людевит 139, 191, 192, 201, 208
- Гекторовић Петар 149, 150
- Гершич Стефан 273
- Гитлер Адолф 219
- Грабовац Филипп 162, 163
- Грд, жупан 125
- Гршковић Иван 125
- Гундулић Иван 155, 163
- Гундулић Трајан 152
- Давидовић Димитриј 280
- Давичо Оскар 107
- Далматин Антун 156
- Даниил, митрополит 170
- Даничић Джуро 200, 202–204, 215, 264, 283, 287, 293
- Делла Белла Арделио 152, 265, 269
- Деркос Иван 191
- Джаманич Раймунд 139
- Дивковић Матия 166, 167
- Добрашиновић Голуб 315
- Добровский 269, 278, 282
- Домьянић Драгутин 115
- Драгишич Јурај 159
- Драшковић Јанко, граф 191, 199
- Држич Марин 157, 160
- Душан Стефан, царь 144, 170
- Евфимий, патриарх 128
- Жефаровић Христофор 178
- Зоранич Петар 149, 150
- Зрински Никола 151
- Зрински Петар 155, 161
- Ивековић Франьо 204, 296

- Йиречек Константин 140
Йованович Владан 176
Йонке Людевит 208
Иосиф II, император 182
- Казачинский Эммануил 177
Караджич Вук Стефанович 115, 121,
128, 155, 163, 171, 172, 186, 189,
190, 192, 195–198, 200, 202–205,
214, 215, 217, 219, 233, 237, 242,
251–265, 267–308, 315, 320–322,
324, 325, 327, 329–332, 334, 336–
339, 341, 343–348, 350–353
Караман Матвей 130
Карано-Гврткович Павле 163
Качич-Миошич Андрия 162–165
Кашич Бартол 159, 160
Кеглевич Петар 151, 173
Кирилл и Мефодий свв., братья 124,
259
Кирилл, св. 31, 122, 123, 177
Кобилович Милош 155
Конзул Стъепан 156
Константин Багрянородный 35, 57
Константин Философ 128
Копитар Ерней 263–265, 267–280,
282–285, 288, 301, 302, 305, 306
Костич Лаза 107
Кочич Петар 214, 237
Кралевиц Марко 155, 162, 165
Крижанич Юрай 161
Крчелич Балтазар Адам 159
Кузманич Анте 201
Кукулевич-Сакцинский Иван 125
Кулин, бан 125, 132, 140, 141
Курелац Фран 201, 202
Куэн-Хедервари, граф 205
- Лазаревич Стефан 128, 173
Лазарь, князь 155
Левакович Рафаэль 130
Луцич Ганибал 149
Луцич Иван 159
Любич Шиме 115
- Маретич Томислав 138, 166, 203,
204, 303
- Мария Терезия 182
Марулич Марко 137, 149, 150
Матавуль Симо 237, 308
Матиевич Стъепан 168
Мефодий, епископ 31, 122, 123, 177
Микаля Яков 150, 160, 265, 269
Миклошич Франц 140, 203
Милакович Димитрий 171
Милица, княгиня 155
Милованов Лука 255, 264, 283, 292
Милош, князь 271, 275
Милутинович Сима 107
Милянов Марко 115
Мирослав, князь 125, 126
Митров Любиша Стъепан 115
Михаил, император 122, 176
Младенович Александр 172, 184, 277
Мркаль Савва 255, 259, 264, 283,
287, 288
Мушицкий Лукиан 269, 271–274, 288
Мушкатинович Йован 180
- Назор Владимир 115
Настасиевич Момчило 107
Негош Петар Петрович 169–171,
233, 237
Неманич Савва 127
Неманя Стефан 61, 126, 143
Николаевич Джордже 163
Николаи Маринус 152
Николич Берисав 344, 347, 352
Никчевич Воислав 169–172
Никшич Кирилл 173
Нинослав Матия 58
Новакович Стефан 185
- Обрадович Доситей 163, 180, 181,
183, 264, 279
Обреновичи 205, 214, 275
Орбини Мавро 155, 159
Орфелин Захарий 179–181, 264
- Павич Милорад 176
Парчич Драгутин 131
Пергошич Иван 157
Петар I, митрополит 169, 170
Петр Великий, царь 177, 179

- Петрович Василий, митрополит 169, 170, 179
Петрович Моисей, митрополит 177
Пилип, воевода 173
Пиндар 146
Попович Миодраг 271
Предоевич Василий, епископ 173
Путник Моисей, митрополит 266
Пуич Медо 140

Радое, дяк 141
Раич Йован 163, 171, 179, 180, 184, 352
Растислав, князь 176
Рачанин Григорий 174
Рачанин Еротей 174, 181
Рачки Франьо 202
Рашкович Моисей 173
Релькович Матия Антун 162, 164, 165, 168
Решетар Милан 153, 154

Савва, св. 72, 127, 128, 147
Скерлич Йован 215, 216
Смедеревац Джурадз 155
Соларич Павле 271, 273
Сремац Стеван 115
Станкович Борислав 115
Старчевич Анте 201, 202, 205
Стефан, герцог 72
Стефан Первовенчанный 61, 140
Стоянович Любомир 140, 270, 273, 297
Стратимирович Стефан, митрополит 269, 275, 278, 280
Стулли Иоаким 152, 265, 269

Суворов Максим 177

Твртко I, король 167
Текелия Савва 275
Тепчевич Иван 165
Тирка Теодор 274–276

Унбегаун Борис 175
Урош Стефан, царь 135
Успенский Б.А. 178

Франичевич Марин 115
Франкопан Франьо Крсто 155, 161
Франц Иосиф, император 205

Хаджич Йован 277
Хеваи Ускуфи Мухаммед 168

Цвиич Йован 71
Цриевич Алоизие 159
Црноевич Иван 170

Черноевич Арсений 87, 173, 174

Штроссмайер Иосип Юрай 202
Шулук Богослав 195, 196, 200, 208

Эсхил 146

Юлинац Павле 179

Ягич Ватрослав 202, 203
Ямбрешич Андрия 265, 269
Янкович Мириевски Теодор 183, 266
Янкович Эммануил 171, 180

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- абстрактная лексика 182, 184, 189, 327
 авары 26, 27, 64, 65
 австрийская власть 41, 65, 69, 84, 95,
 96, 138, 161, 162, 170, 173, 177, 180,
 182, 183, 204, 214, 268, 277, 318
 австрийская территория 53, 65, 66,
 84
 австрийские диалекты немецкого
 языка 32, 272, 302, 305, 319
 австрийские сербы 171, 184, 259,
 268, 329
 австро-венгерская оккупация 204,
 205, 216, 221, 231
 Австро-Венгрия 215
 автохтонное население 27, 40–44,
 49, 54, 58, 59, 63–66, 69–72, 74–76,
 78–80, 82–85, 89, 93, 94, 96, 172,
 199, 232
 азбука (алфавит) 122–124, 136, 138–
 140, 152, 157–159, 161, 183, 208,
 216, 221, 222, 234, 236, 237, 239,
 240, 258–261, 270, 273, 276, 277,
 287–289; см. также *графическая*
 система, кириллица, латиница
 акцентуация (ударение) 51, 58,
 72, 81, 86, 87, 108, 111, 118, 212,
 261, 262, 264, 280, 281, 283, 284,
 292–294, 347
 албанский язык 28, 43–46, 60, 194
 албанцы 27, 36, 41, 43–46, 84, 87, 194
 алфавит см. *азбука*
 английский язык 28, 116, 138, 212, 229
 англосаксонский 112
 анкета «Летописи Матицы серб-
 ской» 221
 арабский язык 92, 168, 179, 303
 арабское письмо 168
 арго 113, 114

 балканизмы 46, 47, 60
 балканские войны 67, 86, 215
 барокко 160, 176
 баски 235

 Башчанская плита 125
 белорусский язык 34, 47, 260
 белорусы 39, 253
 богемизмы 207–209
 богомилы 91
 богослужебный язык 92, 123, 131,
 134, 150, 175, 178
 болгарская редакция церковносла-
 вянского языка 124
 болгарский 36, 57, 61, 70, 73, 88, 128,
 129, 193, 237, 338
 болгарский язык 29, 30, 34, 36, 37,
 39, 46, 60, 62, 63, 187, 260
 болгары 34, 43, 60, 129, 192, 338
 босанчица 167, 168
 боснийские францисканцы 166
 боснийский 55, 58, 72, 90, 132, 142,
 143, 145, 151, 153, 160, 167, 168, 188,
 198, 220, 231
 боснийское восстание 205
 босняки 79, 91, 93, 159, 167, 188, 205
 бугаршtica 162
 булгары 26
 буневский икавский диалект 75, 78,
 166, 188
 буневцы 78, 84, 188, 194

 вардарско-южноморавский мигра-
 ционный поток 38, 73, 74
 вариант литературного языка 111,
 206, 211, 212, 229
 вариант сербскохорватского литера-
 турного языка 197, 199, 206, 207,
 209–213, 217, 220, 223, 224, 226,
 228, 231, 232, 255, 301, 306, 352
 Великая Иллирия 192
 Великая турецкая война 162
 Великое переселение народов 25,
 26, 30
 Великое переселение сербов 82, 87,
 172, 173
 венгерский язык 27, 28, 32, 37, 76,
 85, 190, 191, 194, 265, 299, 304

- венгры 27, 33, 37, 51, 70, 80, 82–85, 138, 207
Венецианская республика 127, 154
венецианский диалект итальянско-го языка 54, 95
венецианское владычество 53, 54, 65, 66, 77, 95, 96, 138, 150, 154, 162, 169, 199
Венское литературное соглашение 197, 200
верхнелужицкий язык 34
византийцы 25, 26
Византия 25, 26, 35, 36, 50, 54, 57, 64, 65, 121–123, 143, 176, 210
Винодольский статут 148
влахи 42, 45, 76, 89, 93, 94
влашский язык 46
воеводинские писатели 171, 172, 197, 255, 265
воеводинский диалект 59, 72, 74, 81–86, 173, 180, 181, 270, 280, 281, 293, 298–300, 306, 327, 344, 347
восточная группа южнославянской ветви 36–38, 43–45, 47, 56, 59, 62
восточнобоснийский диалект 58, 79, 81, 166, 168, 199
восточногерцеговинский диалект 72, 78–81, 83, 86, 95, 151, 230, 233, 280, 307, 347
восточные славяне 27–29, 31, 39, 45, 201
вранянский диалект 115
Вторая мировая война 68, 85, 95, 219
вуковский литературный язык в Хорватии 201, 203, 204, 214, 223, 258, 263

Габсбургская монархия 65, 66, 72, 157, 169, 207
гаица 208
галлипольские сербы 86
германизация 190, 207, 268
германизм 207
германские языки 26
германцы 25–27
герцеговинцы 73, 233, 307, 344
глаголица 122, 123, 125, 128, 131, 132, 136, 137, 148, 151, 156, 158, 159, 161
глаголический 125, 126, 130, 131, 136, 137, 149, 150, 156, 158, 161
глаголяши 126, 127, 161
говор Дробняка 233, 307, 334–337, 344–348, 351, 352
говор Тршича 115, 204, 233, 256, 257, 289, 301, 307, 325, 329, 334, 335, 337, 343–345, 347, 348, 351
государство Неманичей 40, 45, 55, 57, 61, 63, 151, 152, 188
грамматика 47, 114, 162, 184, 204, 237, 240, 249, 256, 268, 274, 281, 283–291, 294, 296, 302, 306, 345, 348
грамота 42, 45, 58, 132, 135, 140, 141, 143–145, 148, 153, 170
графическая система 259, 262; см. также *азбука*
греческая культура 116, 121, 123, 124, 187
греческий 26, 41, 50, 116, 121, 123, 124, 126, 128, 129, 131, 144, 146, 184, 187, 207, 210, 258, 259, 280, 299, 301, 305
греческий язык 27
гуманизм 234
гунны 27

далматинские писатели 150, 158, 162–164, 166, 188
далматинский 150, 163, 167, 192, 265
далматинский язык 41
Декларация о хорватском языке 225, 226, 227
деловые документы 132, 135, 159, 173
демократизация языка и культуры 117, 180, 189, 251, 258, 274
демократическое общество 235
Деспотовина 40, 145
десятисложник 162, 163, 166, 338
диакритические знаки 138, 139, 208, 237, 259
диалект (говор) 29–34, 36, 42, 45–49, 51–63, 65, 70–89, 92–97, 100, 103, 105–120, 122, 124, 127, 130, 131, 139, 141–143, 146, 148, 149, 151–157, 159–163, 165, 166, 168, 171–173, 175, 176, 180, 181, 185, 187, 188, 191, 192,

- 194–200, 204, 206, 209, 212–214, 216, 229, 230, 232, 233, 254–257, 262, 266, 270, 276, 280–282, 289, 290, 293, 295–302, 306–308, 325, 327, 332, 334–338, 341–348, 351–353
- диалектизм 29, 33, 153, 272, 341
- диалектный 39, 49, 50, 53–55, 59, 61, 77, 81, 85–89, 92, 95–97, 106–108, 111–113, 118, 120, 143, 154, 158, 181, 191, 196, 206, 209, 212, 232, 258, 262, 270, 271, 280, 281, 295, 305–307, 332, 337, 344, 345, 347, 351–353
- диглоссия 187, 189
- диграф 259
- динарский 57, 67, 68, 69, 71, 73, 94
- динарцы 57, 68, 69, 71, 73
- дубровницкая литература 152–156, 158, 160, 161, 163, 188, 199, 254
- Дубровницкая республика 141, 145, 151, 155, 156
- дубровницкий диалект 94, 95, 112, 142, 143, 151–156, 163, 198, 230, 257, 266, 293
- дубровчане 94, 135, 141, 151, 155, 156, 159, 188
- духовенство см. *священство*
- европейские языки 117, 118, 138
- европейский 25, 112, 118, 121, 138, 179, 183, 184, 187, 189, 194, 207, 210, 235, 258, 267, 282, 287, 300, 329
- европейцы 121, 138, 187, 194, 195, 207, 235, 258, 287, 300
- житие 139, 179
- Загребская школа 201
- Задарский литературный кружок 201
- заимствования 28, 36, 37, 43, 44, 79, 92, 95, 119, 171, 178, 184, 185, 206–210, 238, 253, 256, 282, 289, 295, 299, 301, 327, 331
- Закон о рудном деле 144
- западная ветвь южных славян 36–38, 43–45, 47, 49, 59, 60, 62
- западнобоснийский 167
- западные славяне 27–29, 31, 33, 39, 201
- зетский диалект 58, 72, 73, 81, 82, 115, 161
- иекавский 142, 153, 166, 167, 170, 173, 175, 198, 199, 257, 281, 298, 333, 334, 347
- иекавский вариант литературного языка 197–199, 203, 213, 215, 216, 223, 230, 232, 234, 236, 237, 239, 254, 255, 306, 352
- иекавский диалект 55, 58, 72, 79–82, 85, 86, 89, 115, 151, 153, 154, 161, 163, 166, 175, 196, 197, 199, 200, 230, 254, 255, 276
- иекавский тип произношения 142, 178, 197, 199, 201, 202, 211, 213, 236, 254, 255, 306, 333, 349
- иекавско-экавский диалект 82
- иекавцы 72, 78, 80, 81, 84, 198, 255, 344
- икавизмы 82, 86, 153, 347
- икавский 142, 150, 153, 162–164, 166, 175, 199, 201, 202, 281, 282, 299
- икавский диалект 55, 58, 59, 75, 77–79, 131, 142, 148, 153, 162, 166, 230, 281
- икавско-иекавский 157, 162
- икавско-экавский 55, 75–77, 79, 148, 161, 166
- икавцы 72, 77–79, 162, 199
- иллирийский 41, 43, 150, 190–194, 198, 265, 266
- иллирийское движение 164, 189, 190, 192–197, 199–201
- иллирийцы 41
- интернационализмы 184, 207, 282
- инфинитив 46, 211, 282, 336
- исламизация 91, 92
- испанцы 84, 322
- Истрийская межевая книга 148
- истрийские говоры 96, 166
- истророманский язык 53
- итальянизация 96, 163
- итальянский 54, 78, 96, 138, 139, 150, 163, 211

- итальянский язык 54, 94–96, 137, 138, 140, 141, 152, 156, 159, 163, 166, 210, 265, 271, 299, 302, 305
итальянцы 52, 95
- кайкавская поэзия 115, 192
кайкавский 33, 48, 49, 51, 56, 72, 75, 89, 137, 157, 158, 160–162, 192, 203, 265, 269
кайкавский диалект 48, 49, 51–53, 56, 58, 80, 84, 89, 97, 112, 115, 152, 157, 191, 192, 209, 212–214, 230
кайкавский литературный язык 158, 161, 188, 191–193, 198
кайкавцы 51–53, 90, 114, 161, 192, 193, 195, 218
кайкавщина 78, 112, 191
канадцы 229
карашевы 88, 194
Карловацкая митрополия 171, 193, 269
карпатская зона 33
каталонцы 235
католики 71, 72, 77–81, 84, 86, 88, 90–92, 123, 126, 134, 137, 150, 157, 161, 162, 164, 166, 168, 187–189, 193, 195, 196, 198, 199, 221, 270, 276, 282
католики — носители сербско-хорватского языка 71, 72, 77–81, 86, 88–92, 157, 161, 162, 164, 166, 168, 187–189, 193–195, 199, 270, 281, 282; см. также *католическое население области Бока-Которска*
католицизм 80, 94, 161, 201, 277
католическая терминология 95, 206, 230
католическая церковь 127, 130, 136, 151, 152, 159, 160, 167, 168, 177, 182, 188, 194, 196, 205
католическое население области Бока-Которска 89, 161
кашубский язык 47
кириллица 123, 125, 128, 131, 132, 136, 137, 145, 151, 152, 156–159, 161, 166–168, 183, 200, 203, 215, 216, 221–223, 232, 236, 237, 240, 255, 258–261, 276, 277, 288; см. также *азбука*
кириллический 125, 130, 131, 136, 137, 140, 142, 145, 148, 151, 152, 157, 163, 167–169, 175, 196, 202, 221, 223, 260, 266, 276, 277, 288
кирилло-мефодиевский язык 176, 177
колонизация 27, 54, 65, 84
колонизация Воеводины 68, 84
конвергенция 205
Кормчая 144
косовско-метохийский миграционный поток 73, 74, 86–88
косовско-ресавский диалект 86, 87, 142, 143, 172, 270, 280
Кочина война 318
крашоване 88
культурная общность 191, 215, 235, 238, 254, 287
культурное единство сербов 235
Кучи (племя) 115
- ластовский диалект 56
латиница 123, 131, 132, 137–139, 142, 143, 149, 150–152, 156, 158, 161, 166–168, 199, 200, 202, 215, 221–223, 232, 236, 237, 240, 255, 258, 259, 266, 277; см. также *азбука*
латинские источники 50
латинский 121, 123, 134, 208, 222, 237, 266, 272, 276, 286, 302
латинский язык 41–44, 53, 85, 95, 121, 122, 126, 131, 134, 136–138, 141, 150, 152, 156, 157, 159, 160, 166, 173, 179, 182, 184, 186, 188, 190, 191, 207, 210, 258, 259, 265, 271, 274, 286, 299, 302–305
лексикография 160, 265–267, 269, 281, 294
лексические различия 206, 209–213
летописи 134, 147, 172
литературный язык 29, 31, 36, 46, 48, 52, 60, 81, 89, 93, 107–117, 119, 120, 123, 124, 139, 145, 158, 160–165, 174, 176–182, 184, 186–193, 196–206, 208, 210–214, 216–221, 224, 226–230, 232–234, 236, 239, 251–258, 279, 284, 289–291, 294,

- 300, 301, 306, 321, 325, 327, 330, 337, 342–344, 347, 348, 351–353
литературный язык в Боснии 213, 214, 220, 223, 227, 231, 234
литературный язык в Хорватии 161, 164, 191–193, 196, 198, 200, 201, 204, 205, 208, 212, 213, 218, 219, 221, 226, 227, 229, 230, 234, 258, 301; см. *хорватский литературный язык*
литературный язык в Черногории 232, 233; см. *черногорский язык*
лужицкие сербы 34, 35
- мадьяризация 78, 190
македонские говоры 47, 60–63, 73, 86, 122, 124
македонский 27, 29, 50, 59, 63, 73, 129, 220, 226, 261, 299, 332
македонский язык 29, 30, 34, 39, 46, 60, 62, 63, 122
македонцы 60, 129, 229, 237
Мариинское евангелие 125
Матица сербская 193, 221, 223–225, 239
Матица хорватская 218, 221, 223–225
миграция (переселение) 25, 26, 28, 30, 31, 33–38, 42, 47–50, 53–55, 64, 65, 67–91, 93–95, 119, 136, 137, 153, 173, 308, 359; см. *призренско-южноморавский миграционный поток*, *шопский миграционный поток*, *вардарско-южноморавский миграционный поток*, *косовско-метохийский миграционный поток*
Мирославо евангелие 126, 131
Мохачская битва 65, 72, 157, 172
мусульмане 67, 78, 79, 81, 92, 168, 187, 221
мусульмане (народность) 67, 71, 72, 90–93, 96, 168, 187, 198, 221, 234, 237, 257
- наддиалектный 181, 351
надписи 44, 125, 144, 170, 173, 237
народное творчество 105; см. *фольклор*
народные песни 106, 149, 150, 152, 154, 155, 157, 160, 162, 163, 175, 181, 200, 203, 237, 251, 254, 264, 278, 295, 299, 305, 332, 333, 336–338, 342, 343
народный язык 60, 106–112, 114, 116, 117, 124, 127, 130, 131, 134–136, 144–146, 148, 150–152, 156, 157, 163, 165, 169–174, 176, 179–183, 186–189, 196, 197, 203, 206, 209, 230, 232, 251, 254, 256, 257, 264, 265, 268, 270, 276, 278–280, 282, 287, 289, 301, 321, 330, 347, 351
Национальная библиотека Сербии 132
Независимое государство Хорватия 222
немецкий язык 28, 32, 76, 85, 112, 138, 140, 157, 166, 173, 184, 186, 190, 191, 194, 204, 210, 230, 263, 265, 266, 269, 271, 272, 274, 280, 299, 302, 303, 305, 325
немцы 53, 84, 85, 138, 177, 190, 194, 282
неологизм 208, 230, 256, 295, 327
неславянские языки 28, 32, 45, 47, 60
нижнелужицкий язык 34, 47
Новисадское соглашение 221, 223, 225, 238, 239
новогреческий язык 46, 272
новоштокавская акцентуация 72, 261, 262, 293
нормирование литературного языка 228, 291
- «окаатоличивание» 80, 268, 277, 282
орфография 39, 127, 128, 127–130, 138, 142, 192, 198, 200, 201, 203, 205, 213, 217–221, 223, 224, 237, 239, 251, 254, 255, 258, 261–264, 266, 272, 273, 275, 276, 279, 280, 282, 287–291; см. также *хорватская орфография*
- Партия права 205
Паштровичи (племя) 115, 169
Первая мировая война 83, 84, 86, 90, 166, 216, 222

- Первое сербское восстание 189, 252, 271, 281, 318
переселение славян на Балканы 25, 26, 33, 35, 38, 40, 47, 49, 121, 122
персидский язык 92
Печская патриархия 63, 129, 169, 188
письменность 41, 50, 107, 121–123, 128, 133, 134, 136, 139, 145, 147, 151, 157, 169, 173, 176, 259
полабский язык 47
польский 27, 34, 278
польский язык 29, 47, 48
поляки 39, 138, 194, 282
поэзия 107, 114, 115, 133, 149, 153, 154, 157, 160–162, 175, 181, 189, 193, 199, 200, 233, 251, 254, 264, 332, 338, 341, 342
поэтизмы 342, 343
правописание см. *орфография*
православие 125, 177, 182, 205, 268
православная терминология 206, 230
православная церковь 126, 127, 137, 147, 152, 170, 177, 178
православные 73, 80, 81, 84, 90–92, 123, 125, 129, 134, 145, 148, 150, 157, 167, 169, 177, 187, 188, 200, 209, 221, 254, 259, 265, 282
православный 125, 134, 135, 142, 145, 157, 163, 177, 230, 276
праславянские диалектизмы 29, 33
праславянские диалекты 28, 30–32, 34, 47
прекмурские говоры 51
призренско-тимокский диалект 46, 47, 59, 60, 62, 73, 87, 115, 281
призренско-южноморавский диалект 61, 62, 143, 146
призренско-южноморавский миграционный поток 87
протестантизм 156, 159
пуризм 207, 256, 257
равноправие 220, 221, 223, 227, 228, 231, 239
разрыв языкового единства 225, 229, 231
рашские говоры 58, 61, 73, 86
рашские памятники 42, 131, 142, 170
Ренессанс 134, 137, 147, 149, 152, 160
ресавская орфография 128, 129
Риекская школа 201
римляне 42, 44, 305
Римская империя 25, 41, 42, 121
романский 27, 42, 44, 54, 89, 94–96, 152, 153
романтизм 192, 195, 202, 265
романцы 27, 89, 94–96, 153, 156
румынская топонимика 36, 46
румынский 28, 37, 41, 42, 44–46, 60, 84, 88, 94, 125, 145
румынский субстрат 46
румынский язык 28, 32, 36, 42, 44, 46, 47, 60, 88, 94, 125, 187
румыны 41–46, 84, 125, 145
русизмы 130, 209, 253, 279
русины 84
русификация 130
русская редакция церковнославянского языка 124, 171, 172, 175–179, 183–185, 268, 272, 279, 330–332
русские 52, 171, 177, 178, 182, 194, 222, 237, 267, 268, 277
русский 27, 52, 83, 130, 135, 169, 171, 177, 178, 180, 182, 183, 185, 209, 237, 253, 254, 266, 268, 278, 332
русский язык 29, 34, 47, 116, 124, 161, 177–179, 182–186, 209, 252, 253, 260, 266, 267, 352
«руссославянский язык» 177, 330; см. *русская редакция церковнославянского языка*
рыцарские романы 133, 145, 149
Сборник Клоца 125
сверхкраткие гласные 36, 56, 59, 62, 123, 124, 130, 141, 142, 332
свод законов Стефана Душана 144, 170
сврлжско-запланьские говоры 61, 87
священство (духовенство) 69, 146, 151, 157, 160, 171, 177, 188
северные славяне 27, 29

- северные славянские языки 29, 32, 33, 35, 37, 39, 48
- сельскохозяйственная терминология 28, 106, 119, 307
- сербизация 94, 127, 130, 286, 287
- сербизмы 169, 176, 178, 179, 230, 238, 263
- сербская редакция церковнославянского языка 124–130, 148, 157, 170–173, 175–177, 179, 184, 272, 279, 298, 330, 331
- сербский язык 23, 29, 30, 34, 36, 46, 47, 55, 63, 79, 80, 83, 85, 115, 125, 148, 151, 154, 156, 157, 168, 170, 171, 174, 180, 182, 184, 185, 198, 201, 202, 207, 208, 212, 213, 218, 219, 222, 224, 226, 229, 230, 232–234, 240, 241, 253, 254, 257, 259, 264, 266, 267–269, 271, 274, 276, 278–280, 283, 286, 289, 295, 301, 302, 305, 306, 338, 343, 349
- «сербскославянский» 125; см. *сербская редакция церковнославянского языка*
- сербскохорватский 29, 30, 34–36, 37, 41, 46, 52, 60, 61, 63, 70, 84, 85, 93–96, 112, 117, 124, 131, 132, 134, 135, 137–140, 145, 148, 152, 154–157, 164–166, 170, 185, 186, 188, 189, 193, 209, 211, 215, 217, 222, 228, 229, 231–233, 237, 238, 240, 241, 252, 258, 260, 262, 263, 265, 266, 283, 293, 321, 351–353
- сербскохорватский литературный язык 36, 46, 115, 124, 204, 211, 217, 218, 221, 228, 229, 233, 263, 279, 351
- сербы 34, 35, 43, 52, 58, 60, 62, 63, 65–67, 70, 72–75, 78–80, 82–87, 89–91, 94, 115, 123, 125–129, 137, 147, 155, 156, 163, 167, 170–173, 175–179, 181–186, 188–190, 193–205, 207–209, 211, 213–215, 217, 218, 221–224, 226–240, 251–255, 258–260, 263–268, 270, 272, 277–279, 281–283, 289, 293, 318, 319, 329, 332, 337, 340, 349
- синтаксис 108, 111, 120, 124, 285, 307
- скоропись 130, 167, 175
- славонские говоры 49, 58, 59, 78, 80
- славонские писатели 164–166, 188
- славонский 71, 162, 164–166, 188, 191, 192, 195, 281
- славонский икавский региональный литературный язык 162, 164
- славонцы 162, 168, 195
- славяне 25–45, 47–50, 53, 54, 56, 59, 64, 67, 70, 74, 85, 89, 94, 96, 121–123, 125, 129, 138, 153, 155, 156, 161, 177, 179, 191, 192, 201, 205, 207, 254, 259, 261, 267, 268, 276, 286
- славяносербский 179, 203, 205, 265, 282, 353
- славяносербский язык 172, 182–185, 187, 251–254, 279
- славянские языки 27, 28, 32, 34–37, 47, 54, 60, 95, 122–125, 132, 136, 150, 153, 154, 156, 198, 202, 257, 259, 260, 286, 299
- славянский 28, 44, 122–125, 128, 129, 136, 157, 200, 201, 207, 208, 254, 267, 268, 275, 283, 286, 300
- славянское богослужение 123, 131, 134, 175
- словаки 39, 84, 207, 208
- словарь 119, 150, 152, 157, 158, 168, 203, 204, 223–225, 237, 239, 240, 251, 256–258, 263–283, 288–299, 301–308, 315, 317, 319–322, 324, 325, 327, 329, 330, 333, 340, 341, 343–346, 348, 351, 352
- словарь литературного языка 221, 224, 256
- Словарь хорватского или сербского языка 203, 224, 303
- словацкий язык 29, 31–33, 47, 76, 85, 230
- словенский 33, 51, 52, 53, 56, 70, 75, 90, 282
- словенский язык 29, 30, 33, 37, 47–53, 56, 193, 220, 226, 284, 285
- словенско-кайковские особенности 48
- словенцы 34, 51–53, 72, 140, 193, 201, 202, 207, 208, 229, 264, 269

- словинский 150, 155, 163, 196, 265
смягчение согласных 34, 62, 178, 260, 345
сохранение ятя 86, 88, 199
среднесловацкие диалекты 31, 33
стандартный язык 165
старославянский язык 31, 35, 50, 123–125, 130, 177, 258, 259, 272
- Темничская надпись 125
терминологический словарь 225, 239, 240
терминология 28, 44, 111, 145, 184, 206–208, 213, 221, 230, 240, 286, 287, 292, 305–308, 317, 326, 329
тимокско-лужицкий диалект 61, 70, 87, 88
топонимы 26, 27, 34, 36, 37, 44–46, 85, 86, 89, 94, 100, 304
Троношский родослов 178
турецкий 63, 64, 67, 94, 126, 145, 147, 152, 154, 165, 168–170, 195, 264, 268, 303, 304, 314, 316, 318–320, 338
турецкий язык 92, 168, 256
турецкое владычество 41, 63, 64, 67, 91, 93, 118, 129, 132, 144, 147, 152, 187, 259, 267
турецкое завоевание 50, 55, 63, 64, 78, 82, 85, 91, 93, 94, 129, 132, 138, 148, 172
турки 61, 64–66, 68, 72, 75, 77, 83, 88, 91, 94, 126, 128, 132, 134, 138, 144–146, 148, 165, 169, 172, 173, 204, 252, 256, 271, 296, 335, 337, 338
турцизмы 92, 206, 256, 270, 299, 301, 317, 321, 325, 342
тюрки 34
- угро-финны 27
ударение см. *акцентуация*
удвоение личных местоимений 46
украинский язык 32–34, 47, 253, 261
украинцы 39, 253
униатство 80, 130, 168, 177, 183, 193, 198
унификация языка и орфографии 107, 161, 200, 205, 216, 217, 223, 225, 263
- Устав сестер монастыря доминиканок 137
усташи 91, 214, 219, 222
- феодалная терминология 28
фольклор 105, 106, 115, 118, 133, 149, 162, 166, 189, 196, 204, 251, 297, 301, 305, 306, 312, 338, 341
фольклорная лексика 297, 301, 303, 304, 306, 312, 337, 338, 340–342
фонетика 31, 32, 36, 47, 57, 61, 62, 75, 96, 123, 132, 138, 181, 184, 204, 205, 209–212, 253, 258, 260, 261, 291, 330–332, 343, 345, 348, 351, 352
фонологический принцип в орфографии 204, 258, 260–262, 289, 290
фонология 259–261, 352
фракийский язык 41, 44
франки 27, 50, 53, 54, 122
французский язык 29, 59, 116, 138, 184, 299, 305
французы 84, 138, 194
Фрейзингенские отрывки 50
- Хорватская бановина 218
хорватская нация 95, 156, 164, 190, 194, 195, 202, 218, 229
хорватская орфография 138, 148, 149, 203, 204, 213, 217–219, 224, 263
хорватская редакция церковнославянского языка 131
хорватские вуковцы 164, 203
хорватский 8, 47, 51–55, 57, 58, 65, 66, 71, 72, 76–80, 84, 89, 90, 94, 95, 123, 125, 127, 130, 131, 137–139, 148–151, 154–157, 163, 164, 168, 173, 188, 190–192, 194–196, 198, 202–205, 207–209, 212, 213, 215, 218, 219, 221, 223–227, 229, 230, 234, 239, 240, 241, 263, 269, 270, 281, 295, 296, 301
хорватский или сербский язык 202, 204
хорватский литературный язык 196, 201, 205, 208, 212, 218, 219, 221, 226, 227, 229, 230, 234; см. *литературный язык в Хорватии*

- хорватский языковой стандарт 164
хорватское самоопределение 89,
91, 150, 155, 157, 163, 164, 188, 192,
194, 195, 198, 229
Хорватско-сербская коалиция 215
хорваткосербский язык 221, 231, 232
хорваты 34, 35, 52, 76, 79, 80, 84, 90,
91, 114, 125, 126, 130, 137, 138, 155,
156, 161, 164, 167, 194–199, 201–
205, 207, 208, 212, 213, 215–218,
221–224, 227–231, 234, 237, 257,
258, 263
христианская церковь 122, 123, 196
христианство 121, 122, 123
- церковнославянизмы 171, 179, 253,
299
церковнославянский 125–132, 134,
136, 144–148, 157, 161, 163, 169–187,
189, 190, 203, 209, 252–254, 256,
259, 264, 266–268, 276, 279, 282,
284, 286–288, 298, 327, 330–332,
343, 353; см. также: *русская ре-
дакция церковнославянского
языка, сербская редакция церков-
нославянского языка, хорватская
редакция церковнославянского
языка*
церковный 95, 122, 125, 126, 129–
131, 134, 136, 142, 144, 145, 147, 149,
150, 156, 170–173, 177, 178, 181–183,
188, 189, 196, 227, 230, 298, 316,
330–332, 353
церковь 121–123, 126–130, 132, 134,
136, 137, 144, 147, 152, 159, 160,
167, 168, 170, 172, 173, 177–180,
182, 183, 186–188, 194, 201, 205,
304, 330
цетиньская типография 129
цивилизация 26, 41, 91, 96, 97, 119,
121, 140, 145, 165, 166, 184, 206,
211, 259, 295, 300, 305, 306, 319
- чакавизмы 153, 201
чакавский 33, 48, 49, 51, 56–58, 72,
75–78, 89, 95, 115, 125, 139, 149,
150, 153, 156, 158, 161, 203
чакавский диалект 33, 48, 49, 51,
53–58, 71, 75–77, 79, 89, 96, 97, 115,
127, 148, 152–154, 157, 160, 209,
212, 214, 230, 359
чакавский литературный язык 161,
163, 166, 199, 265
чакавцы 53, 55, 75, 76, 90, 112, 114,
151, 153, 161, 195, 218
черногорские говоры 232
черногорский 115, 169, 171, 233, 293
черногорский язык 220, 232, 233;
см. *литературный язык в Черно-
гории*
черногорцы 82, 116, 170, 233, 234
чехи 84, 207, 208, 282
чешский язык 29, 31–33, 47, 48, 138,
199, 207–209, 230
- шведский язык 138
Шибеникская молитва 137
шокский 195, 270
шокцы 188
шопский миграционный поток 73, 74
штокавские инновации 56–59, 62, 142
штокавский диалект 48, 49, 51,
54–62, 72, 73, 75, –78, 86, 89, 97,
99, 115, 140–142, 151–154, 160, 161,
163, 165, 195, 196, 200, 209, 212,
230, 261, 262, 280, 289, 293, 334,
335, 338, 352, 353, 359
штокавский литературный
язык 162, 191, 198, 201–203, 265
штокавцы 53, 55, 77, 79, 90, 92, 112,
162, 195, 199, 218, 293, 353
шумадийско-воеводинский диа-
лект 82–84, 173, 180, 280, 344, 347
- экавизм 346
экавский диалект 55, 58, 59, 73, 75–
77, 79, 81, 82, 86, 87, 89, 142, 148, 161,
162, 166, 170, 172, 173, 175, 196, 197,
213, 230, 255, 281, 298, 299, 344
экавский тип произношения 55, 59,
81, 130, 131, 142, 161, 178, 197–199,
201, 202, 211–213, 216, 223, 228,
232, 234, 236–239, 254, 255, 281,
298, 299, 333, 347, 352

- Эрлангенская рукопись 175
- Югославянская академия наук и искусств 158, 202, 203, 224, 303
- югославянский 202
- югославянство 90, 91, 215
- южнославянские диалектные особенности 29–34
- южнославянские языки 29, 31–37, 39, 43, 45, 47–49, 57, 60, 62, 124
- южные славяне 25, 27–29, 31–40, 43–45, 47–50, 56, 59, 122, 156, 192, 201, 276
- язык как орудие культуры 112, 116, 117, 121, 124–126, 148, 150, 186, 187, 207, 216, 237, 238, 251, 253, 263, 264, 268, 287, 351
- языковая общность 91, 241
- языковая политика 198, 221, 225, 287

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия 25, 27, 29, 32, 33, 35, 72, 76,
 83, 127, 161, 166, 182–184, 193, 207,
 215, 259, 266–268, 271, 274, 275,
 318, 322
 Адриатика 68, 95, 137, 150, 151, 160,
 164
 Адриатическое море 41, 71, 169
 Албания 27, 41, 43, 73, 304
 Америка 68, 237
 Англия 112, 116
 Арад 82
 Афон 133

 Байя 78, 82
 Бакар 55
 Балканы 25, 26, 34, 35, 38, 40, 41, 43,
 44, 47, 49, 121, 122, 129
 Балтийское море 27
 Банаиз 46
 Банат 47, 83, 84, 86, 88, 172, 194, 304
 Банатска Клисурса 87
 Банатская Черногория 86
 Банишора 46
 Бановина 80
 Бар 95
 Баранья 71, 72, 78–80, 188
 Батайница 116
 Бахмут, р. 83
 Бачка 68, 71, 72, 75, 78, 83, 166, 188,
 194
 Белая Краина 50, 80
 Белгород 27
 Белград 27, 28, 42, 73, 82, 83, 116,
 132, 152, 163, 170, 173, 215, 218,
 220, 222, 271, 275, 294, 350
 Берат 27, 304
 Бербатово 46
 Берлин 116
 Биело-Поле 81, 82, 125
 Биоград-на-Мору 27
 Биоково, гора 77
 Бистрица 27
 Бихач 136

 Бов 46
 Бока-Которска 89, 161
 Болгария 36, 37, 40, 42, 44, 46, 50,
 59–61, 73, 88, 122, 128, 129, 190,
 304
 Босна, р. 58, 78
 Боснийская Краина 72, 78, 90
 Босния 49, 54, 55, 57, 58, 67, 70, 71,
 78–81, 86, 90, 91, 93, 127, 131, 136,
 140, 144, 153, 167, 168, 191, 197, 199,
 204, 205, 213, 214, 220–223, 227,
 230, 231, 233, 234, 236, 240, 241,
 255, 257, 293, 299, 304
 Боянцы 80
 Братислава 76
 Брач 55, 125, 136
 Брегалница, р. 38
 Британия 26
 Брно 76
 Бродарево 81
 Бугойно 79
 Буг, р. 83
 Буда 27, 82, 83, 87, 163, 170, 173, 275
 Будапешт 81
 Буджановцы 85
 Буйштина 77
 Букуровац 46
 Бучум 46
 Бьеловар 89
 Бялогард 27

 Вакарел 46
 Валево 81
 Валевские горы 81, 233
 Валуниш 46
 Вардар, р. 38
 Вардарская Македония 63
 Варна 192
 Велебит 71, 76–78, 94
 Великая Морава 38, 73, 86, 87, 89
 Великобритания 229
 Вена 138, 175, 177, 185, 202, 203, 205,
 215, 265, 266, 269, 272, 273, 276

- Венгрия 25, 27, 29, 32, 33, 35, 38, 51,
54, 59, 65, 72, 78, 80, 82, 83, 144,
166, 168, 170, 172, 173, 181, 183,
188, 191, 215
Венеция 53, 54, 69, 77, 129, 138, 162, 167
Веспрем 27
Видин 88
Винодол 71
Виситор, горы 94
Воднян 53
Воеводина 59, 68, 69, 72, 74, 81, 84, 85,
136, 137, 171–173, 197, 202, 222, 234,
255, 265, 281, 293, 299, 300, 306
Военная граница (Военная Краина)
65, 70, 83, 175, 191, 270, 280, 318, 322
Вране 45, 115
Вргинмост 86
Вршац 82, 89

Гавнос 46
Галлиполи 86
Гаргано 150
Гвозд 51
Германия 34, 35, 116, 156, 192
Герцеговина 57, 58, 68, 69, 71, 72, 77,
78, 86, 90, 91, 93, 144, 168, 169, 197,
204, 205, 213, 214, 220–223, 227, 230,
231, 233, 234, 236, 240, 241, 257, 293,
299, 301, 304, 307, 344, 345
Голубинцы 86
Гомирье 80
Горски Котар 51, 75, 77, 80
Градишче 166
Грац 27
Грачаница 144, 304
Греция 26, 34, 35, 38, 42, 116, 187, 304

Дабар, р. 27
Дакия 27, 35, 36, 42
Далматинская Хорватия 51, 126
Далмация 49, 54, 56, 57, 71, 72, 77,
79, 86, 90, 95, 131, 136, 148–150,
154, 160, 162, 166, 167, 191, 197, 199,
201, 231, 304
Дебар 27
Дебрецен 27
Дебрц, с. 27

Дечаны 144
Джепа 46
Джердап 35, 36, 38, 40, 73, 88
Динарские горы 57, 67, 71, 94
Динарское нагорье 68
Днепр, р. 83
Добановцы 85
Добра 27
Добруджа 42
Домбовар 27
Донец, р. 83
Драва, р. 49, 51, 78, 90
Драга 77
Драгобужде 45
Дробняк 233, 307
Дубровник 55, 56, 86, 94, 112, 132,
135, 137, 140–143, 145, 151, 152–156,
158–160, 163, 168, 169, 189, 194,
196, 198, 199, 282, 293
Дубровницкое приморье 80, 188, 199
Дунай 35, 36, 38, 40–42, 45, 71, 78, 80,
83, 85, 87–89, 136, 172, 173, 268, 299,
300, 350
Дунайская равнина 73, 88
Дурмитор, горы 94, 307, 308
Дьер 82

Европа 25, 26, 49, 68, 121, 123, 133,
140, 145, 176, 182, 187, 188, 190, 192,
210, 219, 235, 237, 262, 265, 267, 278

Жарково 116
Жича 144
Жумберак 80
Жумберацкие горы 50

Загреб 75, 80, 112, 116, 190–193,
198, 199, 202, 203, 205, 208, 212,
217–220, 224, 225, 282, 294
Задар 54, 65, 77, 89, 90, 136, 137, 149,
162, 201, 282
Заечар 61, 73, 87
Закарпатье 35
Западная Морава 73, 87
Захумле 57
Зета 57, 58, 72, 129, 170
Зрмань, р. 79

- Ибар, р. 81, 82, 87, 233
Испания 26, 159
Истрия 33, 42, 48, 51, 53–55, 71, 72,
76–78, 82, 94, 95, 126, 131, 136, 148,
149, 159, 191
Италия 26, 53, 54, 78, 144, 150, 159, 192

Калемегдан 173, 271
Калоча 78
Карловац 89
Карпаты 25, 27, 30, 36, 42
Кастав 53
Кварнер 53, 55, 123
Кварнерские острова 48, 95
Кварнерский залив 53, 123, 136
Кеча, с. 84
Ковин 83
Колубара, р. 69
Комарно 82
Константинополь 93, 190
Копаоник, горы 73, 86
Корбевац 46
Кордун 80
Корча 27
Корчула 55, 163
Косово 38, 61, 73, 87, 90, 162, 194,
222, 299, 304
Косовска-Митровица 81, 87
Косовско-метохийская котловина 59
Костайница 173
Котор 169
Крагуевац 294
Кралево 81, 87, 89
Красна, р. 27
Кратово 61
Крбава 136
Крива-Паланка 61
Крк 42, 54, 56, 72, 76, 94, 95, 125, 136
Крка, р. 50
Крушевац 105, 270
Купа, р. 51, 55, 71, 75, 76, 80, 90, 136,
161, 305
Кюстендил 41

Лакония 116
Ластово 54, 55
Либурния 53

Ливно 79, 304
Лика 34, 55, 68, 75–79, 84, 86, 304
Лим, р. 73, 81, 82
Линц 27
Липница 27
Липова 27
Ловра, с. 83
Лозна 27
Лозница 81
Лондон 116
Лугань р. 83
Любераджа 45
Любляна 112
Лютומר 50

Макарское приморье 54, 72, 77, 78,
86
Македония 34, 36–38, 45, 59–61, 63,
73, 86, 129, 299, 304
Марджелат 46
Маржини 46
Мариндол 80
Мачва 59, 81, 85, 338
Медина, с. 80
Мезия 42
Места, р. 63
Метохийская котловина 61
Метохия 44, 87, 90, 222
Милешева 72
Мирна, р. 51
Мироч, гора 82
Молизе 78
Моравия 42, 76, 122, 177
Мориш, р. 82, 83, 86
Москва 116
Мохач 72, 80, 157, 172

Неретва, р. 54, 58, 72, 78
Никинцы 84
Никшич 57, 346
Ниш 44, 46, 101, 294, 335
Нишава, р. 38
Новая Сербия 83
Нови-Пазар 82
Нови-Сад 116, 269, 294, 350
Ново-Брдо 146
Новый Винодол 148

- Овче-Поле 36
Озаль 136
Окучани, с. 80
Опатия 53
Осиек 80, 294
Осогово, горы 36, 38, 47, 73
Охрид 44
- Пазин 53
Паннония 27, 35, 36, 122
Паннонская Хорватия 51
Папук, гора 80
Париж 116
Пасарел 46
Пелешац 54, 55, 77, 153
Пелопоннес 26
Перой 82
Петрово Село 82
Пехчево 86
Печ 27, 79, 168, 172
Пешт 27, 82, 173, 202, 215
Пештерское плоскогорье 82
Пиринская Македония 63
Пирот 45
Побужье, с. 45
Повля 125
Подравска-Слатина 80
Подриње 68
Подунавье 72, 149
Полесье 34
Полица 136, 151, 169
Польша 25, 34, 42, 276, 280
Поморишье 83, 275
Понишавье 40
Посавина 59, 78
Прага 112
Призрен 73, 87, 143
Прилеп 63, 299, 304
Приморье 52, 106, 131, 136, 139, 144,
148, 164, 167, 266, 271
Припять, р. 34
Провинциал 190, 191
Провинциальная Хорватия 70
Проклетие, горы 71
Прокупле 87
Птуј 50, 52
Пчиня, р. 38
- Раша 53
Рашка 42, 57–59, 61, 73, 86, 131, 142
Рекаш 86
Решица 88
Риека 48, 55, 77, 95, 136, 201, 294
Рим 131, 168, 177
Ровинь 53
Романия, горы 94
Россия 83, 116, 161, 177–179, 182, 183,
187, 266, 268, 276, 322
Рудник, гора 27, 81
Румыния 25, 27, 29, 32, 35–37, 39, 42,
44, 47, 84, 87, 187, 211
Румынский Банат 86, 88, 194
- Сава, р. 51, 78, 80, 85, 136, 268, 300,
322
Санджак 89, 93, 197
Санкт-Петербург 266
Сараево 71, 116, 168, 220
Свиница, с. 88
Сврлиг 46
Сегед 82
Секешфехервар 82, 83
Сеница 81, 82
Сентендре 83, 170, 173
Сень 65, 136
Сербия 36, 40–42, 44–46, 54, 57,
60, 67, 69–74, 81–86, 89, 90, 125,
127–129, 131, 134, 140, 143–146,
153, 167–173, 175, 190, 197, 202,
204, 206, 213–216, 222, 229,
232–238, 240, 241, 255, 264, 267,
270, 271, 281, 293, 299, 300, 306,
308, 329
Скадар, горы 192
Скопская Черногория, горы 73
Скопье 36, 38, 41, 45, 304
Славония 51, 58, 59, 68, 71, 72, 79,
80, 84, 90, 162, 166, 168, 173, 188,
191, 299
Славяносербия 83
Словакия 33, 42, 76, 84, 172
Словения 33, 50, 76, 112, 191
Соединенные Штаты Америки 112,
113, 229
Солунь 38, 122, 124

- Сольнок 27
Сомбатхей 76
Сомбор 78
София 41, 45, 46
Соча, р. 53
Спарта 116
Сплит 54, 55, 77, 136, 137, 143, 149,
151, 162, 163, 212, 282, 294
Срем 69, 71, 84, 85, 173, 281, 331
Сремски-Карловци 177, 352
Српске-Моравице 80
Српски-Ковин 83
Сталач 87
Стара-Планина, горы 71, 88
Старая Черногория 169
Стари-Влах 173
Стольный Белград 82, 83
Струма, р. 38
Струмица, р. 38
Студеница 81, 86, 144
Суботица 78, 82
Сува-Планина, горы 71
Сурдулица 46
- Тамнава, р. 69
Тетово 36, 38, 61
Тибужде 45
Тимишоара 82, 86
Тимок, р. 35, 38, 40, 47, 61, 73, 87–89,
101
Тиса, р. 83
Толна 80
Топлица, р. 82
Травуния 57, 58, 79
Требине 57, 72, 125
Триест 94
Триестский залив 53
Трогир 54, 159
Тронош 329
Тршич 115, 192, 204, 233, 256, 257,
289, 301, 307, 325, 329, 334, 337,
343–345, 347, 348
Тук 80
Тумба 46
Турция 65–67, 86, 304, 323
Тюбинген 156
Тясмин, р. 83
- Украина 25, 83, 130
Уна, р. 55, 71, 76
Урах 156
Урсул 46
Учка, горы 53
- Фессалия 42
Франция 26, 159
- Харьков 27
Хвар 55, 149
Хиландар 133, 144
Хомолье 38
Хорватия 33, 50, 51, 53, 54, 66, 70–
72, 79, 80, 90, 94, 125, 126, 131, 136,
138, 155–157, 161, 177, 190–192,
197, 199–202, 204–206, 212–215,
217, 218, 222, 226–231, 234, 236,
238, 240, 255, 293, 299, 305
Хорватское приморье 77, 122, 136
Хртковцы 84
Хум 57, 58, 72, 79
- Цетина, р. 53, 54, 71, 77, 136, 143
Цетине 129, 169, 294
Цибар, р. 88
Црес 55, 56
Црна, р. 89
- Чачак 105
Чепель 83
Черногория 57, 67, 68, 71–73, 86, 90,
169–171, 197, 198, 200, 204, 213,
220, 222, 232, 233, 240, 241, 293,
304, 307, 316
Черногорская Герцеговина 72, 307
Черногорское приморье 169
Чехия 112, 123
Чехословакия 35, 72, 122
Чичария, горы 77
Чобанац, с. 87
Чонград 27
- Шара, гора 47; см. *Шар-Планина*
Шаренград 173
Шар-Планина, горы 36, 71;
см. *Шара*

Шибеник 54, 77, 79, 90, 148, 150, 282

Шишатовач 269, 270, 271

Штип 44, 46

Штирия 52

Шумадия 59, 68, 73, 74, 81, 85–87,
291

Эгейская Македония 34

Эстергом 27

Югославия 43, 83, 90, 116, 194, 214,
216, 226

Южная Морава 38, 46, 59, 61, 73, 87

Научное издание

ПАВЛЕ ИВИЧ

СЕРБСКИЙ НАРОД И ЕГО ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

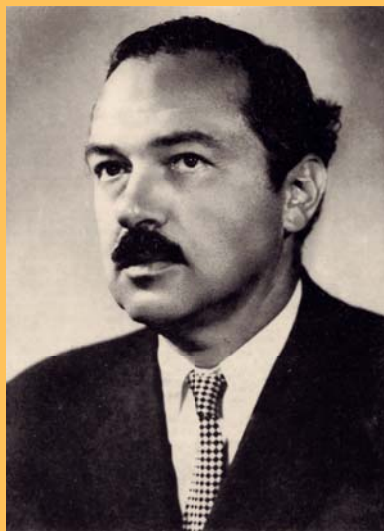
Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
24 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

ПАВЛЕ ИВИЧ снискал в СССР (России) авторитет подлинного ученого-новатора в конце 50-ых гг. 20-го века, когда он в 1958 г. выступил на московском Международном съезде славистов с докладом «Значение лингвистической географии для сравнительного и исторического изучения южнославянских языков и их отношения к другим славянским языкам». В 1988 г. Ивич был избран иностранным членом АН СССР (РАН). Неоднократно он приезжал в Россию, опубликовал здесь несколько статей, тексты докладов, прочитал в МГУ цикл лекций по истории языка. В книге «Сербский народ и его язык» нашел отражение многолетний опыт университетского лекционного курса.

В. П. Гудков

Буков захтев, г
је настала — в
и мањи део Ср
сами Срби. Зат
рати са гледиш
троспективна р

Бескрајно д
био једини тад
књижевног нар
закона, која с р
мо данас над с
доста разлога д
једног века ми
претерано ако б
врсте одлучива
који је имао јас
је био упућен
свега сопствени
и стил Загреба
— напуштање
зика — био ди
свешћу о потре
у приступу нас
зика: Срби, уљу
књижевни језик
изоштреним у а
стално ће поде
проистичу из о
самим Србима.

Једине кру
језику код Срба
самог Вука. Год
домаћим речим